
ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
СПбГУ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Редакционный совет:

д-р ист. наук А. Ю. Дворниченко (председатель), д-р ист. наук Э. Д. Фролов, д-р ист. наук Г. Е. Лебедева, д-р ист. наук В. Н. Барышников, д-р ист. наук Ю. В. Кривошеев, д-р ист. наук М. В. Ходяков, д-р ист. наук Ю. В. Тот, канд. ист. наук И. И. Верняев

*Издается по решению
Ученого совета исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета с 2010 года*

ТОМ
8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А. В. Бодров

**ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ПОСЛЕ СЕДАНА:**
**германский фактор французской
политики, общественного сознания
и культуры в 1870-е годы**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

Рецензенты: *А. В. Громов* (научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи),
канд. ист. наук *Т. Н. Гончарова* (Санкт-Петерб. гос. университет)

*Печатается по постановлению
Ученого совета исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Бодров А. В.
Б 75 Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. — СПб., 2011. — 376 с. (Труды исторического факультета СПбГУ. Том 8).

ISBN 978-5-288-053-03-0

Книга освещает первое десятилетие взаимоотношений двух недавних противников по франко-германской войне 1870-71 гг. во всей их полноте: от официального дипломатического уровня до самых разнообразных форм проявления общественного мнения двух стран. В ней дается характеристика послевоенного внешнеполитического курса двух стран, выявляются их приоритеты.

ББК 63.3 (0)53

На обложке изображена карикатура германского сатирического журнала Klad-deradatsch (Jahrgang XXVII. No 27.14 Juni.1874)

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета, выделяемых СПбГУ (в рамках выполнения проекта Тематического плана НИР СПбГУ, Мероприятие 2: «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях», шифр: 5.0.255.2008, за счет средств Мероприятия 9. Поддержка издания монографий: «Монография: Бодров А. В. Первые годы после Седана: становление Германской империи как фактор французской политики, общественного сознания и культуры (1870-е гг.)», шифр: 5.41.1204.2011).

ISBN 978-5-288-053-03-0

© А. В. Бодров, 2011
© Исторический факультет
Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
-----------------------	---

Часть первая

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ В 1871–1879 годах: ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

Глава 1. Франко-германские отношения в годы президентства А. Тьера	13
1.1. Реализация положений Франкфуртского договора	13
Итоги войны	13
«Политика выполнения» положений Франкфуртского договора	16
Конфликты, порожденные германской оккупацией	22
1.2. Принципы дипломатии Тьера	28
Нормализация дипломатических отношений.	28
Пути укрепления позиций Франции	31
1.3. Борьба партий вокруг государственного устройства Франции	37
Глава 2. Отношения между двумя странами от избрания М. Мак-Магона до «военной тревоги» 1875 года	46
2.1. Дипломатия правительства «морального порядка»	46
Проблема признания Германией избрания Мак-Магона.	46
Личность нового президента	49
Преемственность курса	54
Фактор влияния экономического кризиса 1873 года	56
Провал планов реставрации монархии	59
2.2. Франко-германский дипломатический кризис вокруг «епископских посланий»	62
Глава 3. «Военная тревога» 1875 года	78
3.1. Развитие кризиса на первом этапе: инициатива в руках Бисмарка	78
Исходные предпосылки	78

«Миссия Радовица»	83
Кампания в прессе	87
Реакция европейских кабинетов	93
3.2. Реанимация кризиса Деказом	99
Угроза превентивного удара Германии	99
Французские тревоги и Россия	103
Тайна публикации «The Times» и пробуждение Туманного Альбиона	106
3.3. Дипломатическое вмешательство России и Англии	117
Переговоры в Берлине	117
Оценка кризиса участниками	123
3.4. Итоги и значение кризиса	130
Глава 4. На пути к разрядке: Франция и Германия во второй половине 1870-х годов.	136
4.1. Новые старые угрозы	136
«Кризис 16 мая» и завоевание власти республиканцами	136
«Военная тревога» 1877 года	144
4.2. Политика примирительных жестов	148

Часть вторая

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Глава 5. В погоне за германским превосходством: реорганизация французских вооруженных сил.	157
5.1. Борьба вокруг французской военной реформы	158
Выбор пути	158
Тьер против Мак-Магона	162
Вслед за Германией.	171
5.2. Укрепление границы и начало гонки вооружений	175
«Система Сера де Ривьера»	175
Перевооружение французской армии	185
5.3. Французское военно-стратегическое планирование в условиях угрозы германского вторжения	188

Оборона территории	188
Поиск рецептов победы	194
Официальные планы войны с Германией.	200
5.4. От планов к реальности: итоги реорганизации к концу 1870-х годов.	209
Глава 6. Проблема «германского присутствия» во Франции после 1871 года	216
6.1. Шпиономания, германофобия и реалии французской разведки и контрразведки	216
Немцы во Франции и миф о «прусском шпионе»	216
Реалии французской разведки и контрразведки	220
6.2. Беспокойная граница	227
Силы и средства негласного противостояния	227
Германское присутствие и поиск внутреннего врага: случай Раон-сюр-Плен	233
Глава 7. Проблема французского реваншизма в первое послевоенное десятилетие	243
7.1. Реванш в плоскости политики	244
Проблема признания новой франко-германской границы на примере России	244
Реванш и французское руководство	249
7.2. Особенности проявления французского реваншизма в 1870-е годы	257
Реванш французского искусства и героизация поражения	257
Литература реванша	267
Многогранный реванш	276
7.3. Германский отклик на проблему реванша.	282
7.4. Альтернатива реваншу: идея франко-германского примирения	289
Глава 8. По ту сторону Вогезов: борьба стереотипов в отношении соседа во французском и германском национальном сознании	300
8.1. Особенности восприятия Германской империи во Франции	300

Две Германии	300
Незавершенная империя	304
В тени Германии: реакция французских интеллектуалов на поражение 1870 года	310
8.2. Противопоставление двух народов	313
Другими глазами	313
В поисках «страны миллиардов»	322
Заключение	328
Список источников и литературы	336
Synopsis	360
Указатель имен	368

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге предпринимается попытка хотя бы частично воссоздать многосложную картину взаимоотношений Франции и Германии в первые годы после окончания франко-прусской войны 1870–1871 гг. В это время роль ближайшего соседа в жизни каждой из двух указанных стран, начиная с внешней и внутренней политики и заканчивая общественным сознанием и культурой, была исключительно велика. Американский историк Алан Митчелл не сильно преувеличивал, когда писал в одной из своих блестящих книг, что «национальная история Франции закончилась в конце XIX в. вместе с франко-прусской войной. Отныне исторический опыт французского народа был столь тесно и неразрывно связан с опытом своего ближайшего соседа, что двусторонний ракурс становится неизбежным».¹

Однако итоги франко-прусской войны, запечатленные в положениях Франкфуртского мирного договора, коснулись не только победителя и побежденного, сковав оба народа незримой цепью. По общему признанию, они открыли также новую главу в истории международных отношений последней трети XIX в.: локальная война в сердце Европы неожиданно резко изменила расклад сил на дипломатической арене. Военное поражение привело к падению режима Второй империи и к краху всех претензий Франции на доминирующее положение в Европе. На смену ей в этой ипостаси поднималась спянная войной с «вековым врагом» Германская империя. Отзыв французского корпуса из Рима на защиту Парижа позволил Итальянскому королевству присоединить город к себе и завершить, наконец, объединение страны. Австро-Венгрия — предыдущая жертва прусского оружия — после разгрома

¹ *Mitchell A. A Stranger in Paris: Germany's role in republican France, 1870–1940.* N. Y.; Oxford, 2006. P. XII.

Франции потеряла надежды на реванш и, стремительно развернувшись на 180 градусов, начала сближение с Германией.

Именно в этом значении Франкфуртского мирного договора как кардинального изменения европейского равновесия сохраняет свою актуальность рассмотрение и анализ внешнеполитической деятельности великих держав в 1870-е гг. Именно в эти годы вырабатывались приоритеты и основные направления их политики, оценка которых постоянно уточняется с учетом все новых фактор и документальных свидетельств.

Неизменно актуальной, к сожалению, остается также проблема выхода государств из военных конфликтов и нормализации отношений вчерашних противников. Рассмотрение франко-германских отношений в первые годы после Франкфуртского мира приобретает в этой связи тем большую наглядность, поскольку охватывает этап более широкого отрезка с логическим завершением в 1914 г. С учетом этого финала взаимоотношения Франции и Германии после 1871 г. являют собой яркий пример — во многом пример негативный — того, какого развития событий следует избегать.

Франко-германские отношения после 1871 г. — это и отношения двух новых в политическом смысле государств — Третьей республики во Франции и Германской Второй империи. Немалую роль в их формировании сыграл внешний фактор: фактор их каждодневного влияния друг на друга в рамках дипломатической практики и более глобального, но менее осязаемого влияния на уровне массового сознания.

Эти годы были сопряжены для Франции с осмыслением причин поражения в войне, итоги которой во многом поставили под вопрос не только текущие позиции страны на международной арене, но и дальнейшее существование ее как великой державы. Материальные потери далеко не в полной мере дают представление об этом, равно как и не объясняют всю глубину разлома, который стал восприниматься в «поколенческом» измерении. Пережитый в 1870 г. исторический опыт стал восприниматься значительной частью французского общества как опыт национальной катастрофы. Одним из его следствий стало широкое реформаторское движение, имевшее целью не просто восстановить потери, но и заложить основы подлинной модернизации страны во всех сферах, оздоровления «политического тела» и переустройства на-

ции, воспитание ценностей гражданственности и патриотизма в целой системе преобразований от школы до армии.

Итак, в центре нашего внимания в большей степени Франция, «французский взгляд» на становление соседней Германской империи. Свежесть реакции нации на события обусловила взять отрезком первое послевоенное десятилетие: от подписания 10 мая 1871 г. Франкфуртского мирного договора до отставки 30 января 1879 г. маршала Мак-Магона с поста президента страны. Этот хронологический отрезок в жизни Третьей республики, названный «республикой без республиканцев», ознаменовался постепенной сменой идеологии и переходом власти от прежних элит к новым. Подробный анализ перипетий этих трансформаций — дело отдельного исследования. Здесь же они задают общую канву повествования для первой части книги, призванной ввести читателя в круг ключевых проблем, наполненных содержанием франко-германские отношения в 1870-е годы.

В первых четырех главах дается характеристика послевоенного внешнеполитического курса двух стран, выявляются его приоритеты. Рассмотрен германский фактор политики и дипломатии первых двух президентов Третьей республики, Адольфа Тьера и маршала Мак-Магона, равно как и ключевые принципы дипломатии бессменного руководителя германской внешней политики — канцлера Отто фон Бисмарка. Наиболее подробно внимание читателя будет остановлено на кульминационной точке развития франко-германских отношений первого мирного десятилетия, так называемой «военной тревоге» 1875 года.

Вторая часть работы посвящена всестороннему анализу ряда ключевых проблем, составивших фундамент развития Третьей республики в той его части, что задавалась логикой соперничества с Германией. К таковым как для рассматриваемых лет, так и для последующих десятилетий, безусловно, можно отнести реорганизацию французских вооруженных сил (Глава 5), проблему «германского присутствия» во Франции (Глава 6), феномен французского реваншизма (Глава 7) и, наконец, стереотипы восприятия французами и немцами друг друга в новых условиях, «французский взгляд» на новую Германскую империю (Глава 8). Подобный анализ осуществляется в рамках отечественной историографии франко-германских отношений последней трети XIX в. впервые.

Автор стремился также избежать традиционного для отечественной историографии сосредоточения исключительно на конфликтных ситуациях во франко-германских отношениях в рассматриваемую эпоху. Очевидно, что историю взаимоотношений двух стран нельзя сводить исключительно к «истории кризисов». Автору хотелось избежать излишних повторений того, что уже было подробно разработано в прежние годы — в частности, темы русско-французского сближения. Работы советских историков отличаются большой основательностью, однако рассматривают дипломатию Франции и Германии исключительно через призму их отношений с Россией. Общей тенденцией этих исследований стало подчеркивание агрессивности внешней политики Германии и уязвимости позиций Франции. Однако трудно признать по-настоящему объективным подход, по которому все шаги французских руководителей на пути к союзу с Россией с самого начала признавались «правильными», а, скажем, меры Парижа, направленные на сглаживание франко-германских противоречий — «трусливой политикой угодничества», «раболопством», «заигрыванием» с Берлином. Не умаляя значения фактора России, необходимо вернуть самостоятельную ценность собственно франко-германским отношениям.

Работа осуществлена на основе анализа материалов Архива внешней политики Российской империи в Москве, Российского государственного архива военно-морского флота в Санкт-Петербурге и архива Департамента сухопутной армии Исторической службы министерства обороны Франции (*Service historique de la defense / Departement de l'Armee de Terre — SHD/DAT*, бывший *S.H.A.T.*) в Париже. Привлечен также широкий круг опубликованных документов, многочисленных источников личного происхождения (дневники, мемуары, переписка), прессы, публицистики, художественных произведений и произведений искусства рассматриваемого времени.

Ряд материалов изучен автором в рамках научной командировки в Париж по гранту Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве.

Часть первая

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ В 1871–1879 годах: ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

Глава 1

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА А. ТЬЕРА

1.1. РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ФРАНКФУРТСКОГО ДОГОВОРА

Итоги войны

Характер франко-германских отношений после войны 1870–1871 гг. в значительной степени определялся условиями мирного соглашения и самим процессом переговоров по этому вопросу между новообразованной Германской империей и версальским правительством. Продиктовывая условия прелиминарий, германский канцлер Бисмарк имел целью надолго ослабить Францию. Поэтому перед этим он консультировался с приближенными финансистами Герсоном Блейхредером и графом Хенкелем Доннерсмарком, чтобы определить такую цифру финансовых претензий, которая сделала бы невозможным быстрое восстановление побежденных. Именно они должны были оценить платежеспособность французской экономики.

Состояние Франции на момент окончания войны было весьма плачевным. Страна потеряла 139 тыс. человек убитыми и 143 тыс. ранеными, 370 тыс. человек побывало в немецком плену. С учетом жителей областей, отошедших к Германии (1,6 млн человек), и скрытых потерь, связанных с падением рождаемости, за шесть месяцев войны население Франции сократилось на 2 млн человек.¹ В ходе войны немецкие войска занимали 43 департамента, ряд крупных французских городов пережили бомбардировки и осаду с сопутствующими им эпидемиями

¹ Monnet S. La politique extérieure de la France depuis 1870. Paris, 2000. P. 10.

тифа и дизентерии. Париж, вдобавок к тяготам войны, был опустошен в ходе уличных боев между войсками версальского правительства и Парижской Коммуны.

С оккупированных территорий немцы вывезли все, что смогли: промышленное оборудование, средства транспорта и т. д. Военные власти периодически налагали на французские города и деревни денежные штрафы и налоги. То, что нельзя было вывезти, подвергалось бессмысленному разрушению. К примеру, около Артенэ и в ряде других районов были вырублены почти все леса.² Франция теряла также Эльзас и часть Лотарингии — области, богатые железной рудой, с развитой текстильной и металлургической промышленностью. Впрочем, как убедительно показал Ричард Хартсхорн, при проведении новой границы определяющее значение имели стратегические интересы германских военных и языковая принадлежность населения. В глазах Вильгельма I сохранение территории германских военных кладбищ было важнее всех оценок геологов и промышленников. Самые богатые залежи железной руды остались, таким образом, за Францией.³ В целом, по самым новейшим оценкам война обошлась Франции в 16 млрд 275 млн франков, что равнялось шести бюджетам 1870 г. или одной десятой всего национального богатства страны.⁴

Состояние экономики страны после окончания войны было не лучшим. Финансы были парализованы. В условиях, когда заводы стояли, и масса рабочих оказалась на улице без средств к существованию, а банки повсеместно были закрыты, почти все крупные города выпустили собственные бумажные разменные деньги под гарантии муниципалитетов или промышленников. В кулуарах Национального Собрания говорили, что когда в феврале 1871 г. Огюстен Пуйе-Кертье стал министром финансов, вся государственная казна уместилась в его шляпе.⁵

Еще в сентябре 1870 г. французская сторона в лице Жюля Фавра сама предложила сумму контрибуции в 5 млрд франков. При этом Фавр исходил из того, что эти огромные деньги избавят Францию от территориальных потерь. Данная сумма намного превосходила то,

² Антюхина-Московченко В. И. История Франции 1870–1918 гг. М., 1963. С. 141.

³ См.: Hartshorne R. The Franco-German Boundary of 1871 // World Politics. Vol. 2. 1950. № 2. P. 209–250.

⁴ Monnet S. La politique extérieure de la France depuis 1870. Paris, 2000. P. 10.

⁵ Цит. по: Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine (1871–1900). Vol. I. Paris, 1904. P. 83.

на что рассчитывал сам Бисмарк, но он хотел получить и контрибуцию, и территории — как два неперенных инструмента ослабления Франции. Предложение же Фавра задавало порядок рассматриваемых сумм. По мере обсуждения вопроса аппетиты победителей только росли. Вокруг германской ставки в Версале витали все более и более астрономические цифры, и планка возможных претензий поднялась до 7–8 млрд.⁶ Но сами же германские эксперты понимали, что финансовое положение Франции с сентября 1870 г. изменилось отнюдь не в лучшую сторону.

Так, в частности, Герсон Блейхредер считал, что и 5 млрд — слишком много, и лично склонялся к четырем. Он был поддержан в своем мнении письмом главы другого германского банкирского дома, Авраама Оппенгейма, который считал сумму в 4 млрд пределом возможного, поскольку и эта сумма, как он полагал, потребует от Франции как минимум десять лет для восстановления.⁷ Призывы германских банкиров к умеренности, очевидно, диктовались чисто меркантильными соображениями: финансовый крах Франции мог вызвать цепную реакцию и ударить и по их экономическим интересам. Впрочем, второй консультант германского канцлера, граф Доннерсмарк, считал возможным перешагнуть пяти-миллиардный барьер.

В итоге Бисмарк выдвинул претензии на 6 млрд франков. Французы справедливо сочли такую сумму «невозможной». Глава французской делегации Тьер предлагал уменьшить контрибуцию вдвое. Блейхредер и фон Доннерсмарк были готовы предоставить требуемые средства в виде займа под гарантии отчислений от доходов французских железных дорог. Такой вариант означал, по сути, установление финансового контроля над Францией, и был отвергнут. Однако Тьер не сдавался. По дипломатическим каналам он обратился за помощью к России, и, как полагает В. И. Антюхина-Московченко, именно «нажим» Александра II помог снизить германские требования до 5 млрд.⁸

Выплата денег должна была осуществляться по строгому графику. Согласно статье 7-й окончательного текста мирного договора, подписанного французскими представителями во Франкфурте-на-Майне 10 мая 1871 г., крайним сроком выплаты контрибуции устанавливалось 2 марта

⁶ *Stern Fr. Gold and Iron. Bismarck, Bleichröder and the building of the German empire.* N. Y., 1979. P. 151.

⁷ Цит. по: *Stern Fr. Gold and Iron...* P. 151–152.

⁸ См.: Антюхина-Московченко В. И. История Франции... С. 421.

1874 г. Первые 500 млн франков должны были быть перечислены уже через тридцать дней после восстановления власти правительства Тьера в Париже. До конца года Франция должна была выплатить 1 млрд., а к 1 мая 1872 г. — еще 500 млн. В оставшееся время — чуть менее двух лет — уплачивались последние 3 млрд. Операции должны были осуществляться в драгоценных металлах, золоте или серебре, или в кредитных билетах банков Великобритании, Пруссии, Нидерландов и Бельгии.⁹

Французская сторона оговорила возможность уточнения зафиксированных сроков выплат путем специальных конвенций. Параллельно с выплатами должен был осуществляться поэтапный вывод германских войск. Договор, как и все последующие конвенции, предусматривал возможность реоккупации германскими войсками французских областей в случае невыполнения его положений.

В условиях, когда французская армия фактически перестала представлять собой сколько-нибудь значащую силу, германские оккупационные войска являлись эффективным рычагом давления на версальское правительство. Только избавление от фактора постоянного присутствия победителя могло вернуть Франции подлинно самостоятельную политику. Помимо политического и морального стимулов к скорейшему освобождению от непрошенных гостей добавлялся и очень существенный экономический: содержание германских гарнизонов обходилось Франции почти в 3,5 млн франков в месяц.¹⁰

«Политика выполнения» положений Франкфуртского договора

Поэтому первой задачей, которой должно было быть подчинено все, для французского правительства во главе с Адольфом Тьером стало скорейшее освобождение территории. Это напрямую увязывалось с проблемой выполнения финансовых статей мирного договора. Именно вопросы выполнения взятых на себя взаимных обязательств и оказались в центре взаимоотношений двух правительств. При этом, как признавал французский министр иностранных дел Жюль Фавр в инструкциях отправлявшемуся в Берлин в качестве поверенного в делах маркизу

⁹ Documents diplomatiques français (далее — DDF). Ser. 1. Vol. I. Paris, 1929. № 2. P. 8.

¹⁰ См.: *Mitchell A.* The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979. P. 46–47.

де Габриаку, «сложности, которые каждый день рождают требования Пруссии, многочисленны и деликатны...». Министр в назидательном тоне советовал «быть умеренным, твердым, точным, пунктуальным, уважительным к деталям, ни в коем случае не раздражать их (немцев. — А. Б.) и уметь им доказывать свое, не оскорбляя их».¹¹

Опасения Фавра, которыми проникнуты эти строки, отражали то тревожное напряжение, в состоянии которого пребывало французское общество. Представление о постоянной опасности, исходящей из Берлина, укоренившееся отныне в массовом сознании, разделяла и французская политическая элита. И надо признать, оснований для беспокойства германская сторона предоставляла с избытком.

13 августа 1871 г. вышеупомянутый маркиз де Габриак нанес официальный визит канцлеру Бисмарку с тем, чтобы вручить свои верительные грамоты (поверенные в делах аккредитуются при министре иностранных дел страны пребывания). Разморенный тридцатиградусной жарой, Габриак рассчитывал, что дело ограничится пустыми формальностями, но он явно не принял во внимание вулканический темперамент своего визави. Разговор затянулся на целых два часа, что, как это видно из мемуаров Габриака, само по себе произвело на него и весь дипломатический корпус, вообще неизбалованный личными беседами с германским канцлером, огромное впечатление.¹²

В ходе беседы французский представитель позволил себе выразить уверенность в улучшении отношений между двумя странами. Но неожиданно этот дипломатический штамп не устроил Бисмарка. С присущей ему прямоотой он заявил опешившему собеседнику, что не уверен в том, что Франция действительно хочет этого улучшения отношений. Он заявил, что «состояние общественного мнения, позиция прессы, мало определенные высказывания правительства», — все указывает на то, что Франция скоро намерена осуществить реванш. «Я вам признаюсь откровенно, — любезно пояснил он, — я не думаю, что вы уже сегодня хотели бы нарушить существующее *перемие* (курсив автора. — А. Б.); вы нам заплатите 2 миллиарда, но когда наступит 1874 год, и нужно будет уплатить три оставшихся, вы начнете против

¹¹ Инструкции г. Габриаку, французскому поверенному в делах в Берлине, от 30 июня 1871 г. // DDF. Vol. I. № 14. P. 31.

¹² *Gabriac, marquis de Souvenirs diplomatiques de Russie et d'Allemagne, 1870–1872.* Paris, 1896. P. 137.

нас войну». И тут же канцлер сам, словно издеваясь, оценил такую попытку реванша со стороны Франции в течение ближайших десяти лет как самоубийство.¹³

Дальнейший ход рассуждений Бисмарка в ходе беседы с французским дипломатом показал, что его характеристика взаимоотношений между Францией и Германией как состояние перемирия (хотя не далее как три месяца назад он сам скрепил своей подписью *мирный договор*) не была случайной оговоркой. Касаясь германских территориальных приобретений во Франции, он охотно признавал их «ошибкой», если бы только была возможность существования длительного мира между двумя странами. Последнее же явно представлялось ему невозможным. Габриак, оправившись от замешательства, принялся парировать удары: «Вы заключили мир, а говорите со мной языком войны. Мы же, заключив мир, вопреки вашим обвинениям, в действительности осуществляем политику мира во всей нашей деятельности». Он резонно заметил: «То, что вы можете желать от нас, это быть таковыми, какие мы и есть: спокойными, смиренными и точными в выполнении наших обязательств».¹⁴

Особенно важным французский дипломат счел доказать, что позиции Тьера устойчивы, и правительство достаточно свободно в своих действиях от любых влияний. Разговор вернулся в русло нормального обмена мнениями по текущим проблемам. Габриак довольно хладнокровно суммировал свои впечатления от беседы: «По мнению канцлера, Франция, несмотря на свои внутренние раздоры, возрождается слишком быстро. Он надеялся покончить с ней по крайней мере лет на двадцать, а теперь он опасается, что она восстановится раньше...». Главное, по мнению Габриака, это не давать немцам повода к войне, так как «вся Германия истощена борьбой и жаждет отдыха».¹⁵

Французский дипломатический представитель оказался бы лучше готов к демаршу германского канцлера, если бы обратил внимание на июльский номер влиятельного «*Preussische Jahrbücher*». Уже в нем в «политической корреспонденции» из Берлина от 6 июля 1871 г. за подписью Вильгельма Веренпфеннига прозвучали многие мысли германского канцлера. Автор задавался примечательным вопросом: что

¹³ Габриак — Ремюза, 14 августа 1871 г. // DDF. Vol. I. № 42. P. 62.

¹⁴ Ibid. P. 63.

¹⁵ Ibid. P. 65.

будет с Тьером и его министром финансов через год, в условиях, когда монархическое большинство готовит ему венценосного преемника? «Во Франции сохраняется мир, только пока этого вопроса избегают. Когда его захотят разрешить, сразу же последуют гражданская война, государственный переворот и военное пронунсиаменто (*sic*). Мы будем рады, если затишье перед бурей продлится до того, как мы получим наши первые два миллиарда».¹⁶ Монархия же в любой ее форме отождествлялась с утверждением во Франции «военно-клерикальных сил», глубоко враждебных германскому и итальянскому единству.¹⁷

Поводом же для вспышки недовольства германского канцлера стала конвенция, составленная французским министром финансов Пуйе-Кертье с командующим германскими оккупационными войсками во Франции генералом Эдвином фон Мантейфелем по поводу выплаты очередного полумиллиарда и, соответственно, освобождения очередных четырех департаментов.¹⁸ Проект этой конвенции был представлен на ратификацию Вильгельма I в обход рейхсканцлера, что вызвало резкую реакцию последнего. Бисмарк направил чересчур самостоятельному генералу телеграмму, в которой недвусмысленно рекомендовал тому не соваться не в свои дела,¹⁹ а Габриаку заявил, что подобные действия французского правительства не способствуют нормализации межгосударственных отношений.²⁰

Бисмарк, с присущей ему подозрительностью и ревностью, стремился сконцентрировать внешнюю политику и политику в отношении Франции в частности, целиком и полностью в своих руках, отведя остальным германским деятелям роль простых ее исполнителей. Все, что шло вразрез с его линией, им решительно пресекалось.

¹⁶ *W[ehrenpfennig]* Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1871. Bd 28. Heft 1. S. 98–99.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ В этой связи нельзя согласиться с мнением А. З. Манфреда о том, что заключенная с Мантейфелем конвенция была для Бисмарка «частным и мало интересовавшим его вопросом», поводом для всего остального выступления (*Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 38). Отчет Габриака ясно указывает на то, что Бисмарк вернулся к вопросу о конвенции *после* всех предсказаний относительно будущности французского реванша и уделил ему также немало места. См.: Габриак — Ремюза, 14 августа 1871 г. // DDF. Vol. I. № 42. P. 63.

¹⁹ Цит. по: Сен-Валье — Ремюза, 13 августа 1871 г. // Ibid. Vol. I. № 41. P. 60.

²⁰ Габриак — Ремюза, 14 августа 1871 г. // Ibid. Vol. I. № 42. P. 63.

Конфликт между Бисмарком и Мантейфелем, открыто проявившийся летом 1871 г., назревал давно. Через ставку главнокомандующего оккупационным корпусом, расположенную вначале в Компьене, а затем перенесенную в Нанси, проходило немало вопросов, которые не укладывались в привычные рамки военного администрирования.

С Мантейфелем, одним из героев франко-германской войны, который пользовался доверием и расположением Вильгельма I, Тьер с самого начала попытался установить контакт, обмениваясь с ним короткими любезными посланиями. Их знакомство состоялось за десять лет до того благодаря их общему другу Леопольду фон Ранке (известнейшему германскому историку), и вот теперь оно могло приобрести политическое значение. Выраженное Тьером в одном из посланий убеждение, что германский император не мог найти в своей армии «более выдающегося офицера, чем избранный им представлять его особу во Франции» Мантейфель,²¹ было очень приятно генералу, который давно восхищался Тьером как историком, и было встречено им словами искренней благодарности.²²

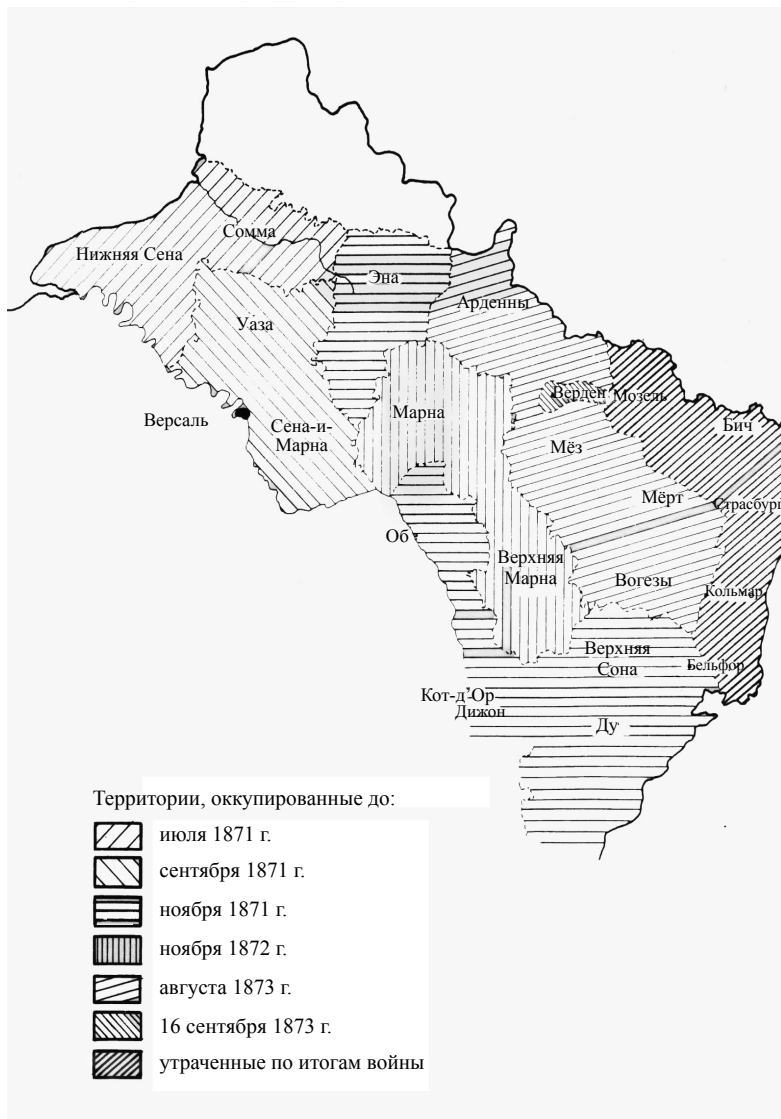
Если судить по отчетам французского полномочного представителя при ставке Мантейфеля графа Шарля де Сен-Валье, генерал был действительно заинтересован в установлении наилучших взаимоотношений с французским руководством. От этого зависел успех его собственной миссии, поэтому проволочки в выполнении договоренностей, которые возникали по вине Берлина, рассматривались им как намеренные удары по его престижу. В ответ на это он широко пользовался возможностью, минуя Бисмарка, обращаться непосредственно к кайзеру, и добивался своего, что, без сомнения должно было приводить канцлера в бешенство.

Вышеупомянутая телеграмма Бисмарка привела Мантейфеля в такое волнение, что он, может быть, сам того не желая, излил Сен-Валье все свои обиды на канцлера. По его мнению, Бисмарк боится, что «выведенный из себя ярмом, под которым его держит его министр» император, видя, как серьезные проблемы благополучно решаются и без него, захочет заменить его Мантейфелем. Поэтому он и стал целью нападок инспирированной канцлером прессы, которая выставляла его «другом французов» и всячески порочила.²³

²¹ Тьер — Мантейфелю, 1 июля 1871 г. // Ibid. Vol. I. № 15. P. 32.

²² Мантейфель — Тьеру, 1 июля 1871 г. // Ibid. № 16. P. 32–33.

²³ Сен-Валье — Ремюза, 13 августа 1871 г. // Ibid. Vol. I. № 41. P. 60.

Поэтапная эвакуация германских войск с территории Франции по ходу выплаты контрибуции

Неделю спустя Мантейфель признался, как сообщал Сен-Валье, что в Пруссии думают, французы будут не в состоянии выплатить следующие 1,5 млрд, и ему предписано приостановить приготовления к эвакуации тех районов, где это было ранее запланировано.²⁴ Все это сильно встревожило Париж. Новый министр иностранных дел Франции граф Шарль де Ремюза поспешил откреститься от истории со злополучной конвенцией, свалив ответственность на Мантейфеля. «Лига освобождения Эльзас-Лотарингии», указанная Бисмарком Габриаку как проявление того самого «состояния общественного мнения» во Франции, была официально запрещена. Французы постарались устранить любой повод для раздражения всесильного германского канцлера. Пуйе-Кертье даже написал письмо Бисмарку, которое при желании можно было расценить как «объяснительную» провинившегося школьника, правда, на нее строгий учитель не считал нужным отреагировать.²⁵

Конфликты, порожденные германской оккупацией

Самое пристальное внимание Берлина вызвали августовские дебаты в Национальном Собрании по вопросу о продлении срока полномочий Адольфа Тьера. Как известно, 31 августа 1871 г. был принят закон Риве-Вите, по которому Тьер получил титул «президента республики», а окончание его полномочий увязывалось с роспуском Национального Собрания. Очевидно, что такое решение парламентариев укрепляло положение и самого Тьера, с фигурой которого Бисмарк явно увязывал гарантию выполнения Францией своих обязательств.

Накануне принятия закона, решавшего судьбу Тьера, между германским поверенным в делах Альфредом фон Вальдерзее и Бисмарком обсуждался вопрос реакции Германии на возможные изменения во французском руководстве. Бисмарк при этом выражал готовность действовать решительно и максимально жестко: «если мы усмотрим опасность для выполнения мирного договора, то мы осуществим военные приготовления, за которыми может последовать новое объявление

²⁴ Сен-Валье — Ремюза, 19 августа 1871 г. // Ibid. Vol. I. № 46. P. 68.

²⁵ Пуйе-Кертье — Бисмарку, 15 августа 1871 г. // Ibid. Vol. I. № 44. P. 67.

войны и новая война».²⁶ Публичного выражения эти мысли, безусловно, способные поднять градус напряжения во франко-германских отношениях тогда не получили. Впрочем, как объяснял сам Бисмарк, все вышесказанное имело целью выразить его поддержку существующего французского правительства и проявить отношение Германии к возможному правительственному кризису. Показательно, что публицистический фон германской прессы хоть и был наполнен обвинениями французов в реваншизме, «не превзошел» в оценках угрозы миру, содержащуюся в августовской беседе Бисмарка и Габриака.

Первый президент Третьей республики Адольф Тьер

Если бы Бисмарк в самом деле искал осенью 1871 г. предлога для новых враждебных действий против Франции, то он должен был воспользоваться теми эксцессами, которые были порождены пребыванием германских солдат на французской

земле. Они начали происходить с первых же месяцев мира, и некоторые из них приобрели широкую огласку. Особенно серьезным испытанием для франко-германских отношений стали факты нападений на германских солдат и офицеров на оккупированных территориях. Лучшего обоснования для расширения оккупации или требований компенсаций подыскать было сложно.

Первым таким инцидентом стало убийство 10 августа 1871 г. в Шелле (городок на Марне в департаменте Сена-и-Марна) прусского унтер-офицера Крафта садовником Бертенем. Французское правительство отвергло требование Мантейфеля передать виновного в его руки, что, однако, не помешало германскому командованию, уверенному в существовании «заговора», подвергнуть репрессиям семью Бертена и коммуну Шелле. Такая же участь постигла город Эперн, где 13 ноября убили германского солдата. Чуть ранее, 7 ноября, в небольшом соседнем

²⁶ Бисмарк — Вальдерзее, 27 и 28 августа 1871 г. // *Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd I. Berlin, 1922. № 37–38. S. 71–75.*

городке Э (департамент Марна) произошло убийство, причем один из убийц, некто Фелемер, был схвачен силами французской жандармерии. Во время этого происшествия было похищено несколько лошадей, что позволило германской стороне требовать выдачи Фелемера как простого уголовного, а не убийцы «из-за мести или ложного патриотизма».²⁷

Последовавшие одно за другим преступления, виновники которых далеко не всегда находились, вызывали возмущение среди сослуживцев погибших и всей группировки германских войск. Появлялась опасность ответной волны насилия. В такой ситуации большое значение приобретали вердикты французских судов, где велись эти громкие дела.

Дело Бертена рассматривалось судом присяжных города Мелэн, префектуры департамента Сена-и-Марна, в ноябре 1871 г. Во время судебного разбирательства обвиняемый признался, что совершил преступление осознанно и исключительно из чувства «национальной ненависти», и не раскаивался в содеянном. И, тем не менее, несмотря на протесты прокурора, Бертен был оправдан. Весь ход процесса подробно освещался французской и германской прессой. Вердикт суда вызвал объяснимую бурю негодования в Германии. Для того чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, французы немедленно выдали немцам другого обвиняемого, Фелемера, который без долгих разбирательств был расстрелян 29 ноября.²⁸ Но буквально на следующий день после выдачи Фелемера суд присяжных столичного департамента Сены вынес еще один оправдательный приговор по схожему обвинению.

Эти оправдательные решения создали крайне опасный прецедент, который грозил повлечь серьезные последствия. Министр иностранных дел Ремюза констатировал в начале декабря: «Мы переживаем тяжелую минуту. Два оправдательных вердикта, вынесенных судом присяжных, причинили нам огромный вред».²⁹ Германская пресса требовала жестокой реакции на эти демонстрации неприязни к немцам и с большим воодушевлением перепечатала сообщение официальной «*Provincial Correspondenz*» от 6 декабря о введении на оккупированной территории в качестве ответной меры осадного положения. Но в Берлине ошиблись:

²⁷ Сен-Валье — Ремюза, 19 августа и 19 ноября 1871 г. // DDF. Vol. I. № 47, 77. P. 68, 100.

²⁸ См.: DDF. Vol. I. № 80, 81, 87; Die Grosse Politik. Bd I. № 59. S. 103.

²⁹ Ремюза — Сен-Валье, 6 декабря 1871 г. // DDF. Vol. I. № 91. P. 109.

осадное положение на французской территории действовало уже с марта 1871 г., и Мантейфель вновь заподозрил в этом акцию, направленную как против Франции, так и против него лично.³⁰

На следующий день, 7 декабря, Бисмарк отправил находившемуся в Париже «с чрезвычайной миссией» графу фон Арниму депешу, посвященную оправдательным приговорам французских судов. В ней Бисмарк снимал с французской администрации прямую ответственность за «пренебрежение правосудием», являющееся доказательством «большого морального расстройств» французского населения. Правительство Германии, однако, оставляло за собой право учитывать это «общее настроение» в своих отношениях с Францией, которое могло задержать не только восстановление «добрых отношений» между соседями, но и «похоронить» предусмотренные проекты эвакуации французской территории.³¹ 22 декабря Арним передал копию депеши Бисмарка французскому министру иностранных дел,³² а через два дня она стала предметом широкого обсуждения германских газет.

Французское правительство с самого начала поспешило отмежеваться от вынесенных приговоров. Выступая в Национальном Собрании, Тьер назвал их «отвратительной ошибкой», а внешнеполитическое ведомство подчеркивало независимое положение суда во Франции, которое, как утверждали чиновники Министерства иностранных дел (далее — МИД), исключает возможность вмешательства правительства. В ответ на угрозы германской стороны приостановить переговоры по освобождению территории было твердо заявлено, что продление существующего положения привело бы лишь к обратному результату, а именно — к росту числа подобных инцидентов.³³

К выполнению угрозы продлить сроки оккупации, однако, германское правительство так и не прибегло. Эта мера не была бы, по всей видимости, популярна ни в германском обществе, ни у самих германских солдат во Франции. Германский писатель и журналист Густав Фрейтаг отмечал, что с заключением мира для германских солдат и офицеров

³⁰ Сен-Валье — Ремюза, 7 декабря 1871 г. // Ibid. № 94. P. 111.

³¹ Бисмарк — Арниму, 7 декабря 1871 г. // Die Grosse Politik. Bd I. № 60. S. 103–105.

³² Ремюза — Габриаку, 22 декабря 1871 г. // DDF. Vol. I. № 99. P. 116.

³³ DDF. Vol. I. № 96, 99. — См. также примеч. к № 99. P. 121.

во Франции настало «время прозаичной, тягостной службы», и в их письмах на Родину нет недостатка в жалобах. Он признавал, что «яростная, ожесточенная война» сделала солдат «необузданными» (*unbändig*), ослабив дисциплину даже лучших войск.³⁴

Бисмарк был заинтересован прежде всего в получении с Франции денег и, похоже, не желал ставить этот процесс под угрозу. К тому же, за месяц до скандальных решений французских присяжных, 12 октября, между соседями была благополучно заключена таможенная конвенция, а также конвенции по финансовым и территориальным вопросам. Укрепляющееся экономическое положение Франции позволяло теперь установить жесткий график выплат по 80 млн каждые две недели, так, чтобы четвертый полумиллиард контрибуции и 150 млн в качестве процентов с оставшихся 3 млрд были выплачены к 1 мая 1872 г. Предусматривалась эвакуация еще 6 французских департаментов, а оккупационный корпус сокращался до 50 тыс. солдат.³⁵

Еще одним фактором, оказывавшем давление на Бисмарка, была негативная реакция европейских кабинетов на его политику. Ноту Бисмарка французскому правительству там расценили как неадекватную реакцию на происшествия, за которые оно не могло нести прямой ответственности. Объяснение резкости канцлера видели в активных действиях Парижа по скорейшему восстановлению военного потенциала. Между тем, как доносил французский поверенный в делах в Мюнхене Биллинг, демарши Берлина дали богатую почву для слухов среди баварских военных о неминуемом возобновлении войны в течение ближайших двух лет.³⁶

Тем не менее, уже в начале января нового 1872 г. Бисмарк считал возможным притушить конфликт. Он выразил французскому представителю свое сожаление, заметив, что во Франции неверно восприняли смысл его послания Арниму, которое ни в чем не обвиняло французское правительство. Нота от 7 декабря, по словам канцлера, была адресована

³⁴ *Freytag G.* Die Lage in Frankreich und unser Gewinn (Im Neuen Reich. 1871. N 15) / Gesammelte Aufsätze. 2. Aufl. Leipzig, 1888. S. 507–509.

³⁵ Телеграмма Пуйе-Кертье Тьеру, 9 октября и 13 октября 1871 г., № 64, 69; Конвенция от 12 октября 1871 г., № 70; Дополнительная конвенция к мирному договору..., 12 октября 1871 г., № 71 // DDF. Vol. I. P. 88–91; Die Grosse Politik. Bd I. № 55–56. S. 91–96.

³⁶ Биллинг — Ремюза, 27 декабря 1871 г. // DDF. Vol. I. № 101. P. 119.

«исключительно Германии», а не Франции, и с целью успокоить общественное мнение.³⁷

Как кажется, в этих объяснениях Бисмарка содержалась немалая доля искренности. Германское правительство не проявило готовности пойти дальше резких слов. В начале января с комментариями ноты от 7 декабря в том же успокоительном духе выступил и печатный орган Трейчке. Журнал именовал ее «удивительнейшим шедевром дипломатического искусства» и затруднялся найти второй такой документ, в котором твердость тона сочеталась бы с такой мягкостью своего выражения. Германия, как заявлялось, отнюдь не стремится к роли «дрессировщика» (*der Zuchtmeister*) остальных стран, а лишь защищает свои «права» и своих солдат. Новые покушения предлагалось впредь расследовать в соответствии с германским правосудием.³⁸

В целом, дипломатическая линия Бисмарка оставалась неизменной. Он продолжал постоянно указывать на французскую угрозу, но демонстрировал спокойствие и готовность встретить ее во всеоружии. Так, 13 декабря 1871 г. Бисмарк предупредил своего монарха, что не исключает «гипотетической возможности» того, что Германия уже через год может оказаться вынуждена вновь защищать себя и свои требования по мирному договору.³⁹

Месяц спустя кронпринц после беседы с канцлером сообщал Фридриху Баденскому, что тот «смотрит на ближайшее будущее без опаски», и предпочитает, в случае, если Тьер не сможет удержаться у власти, скорее вернуть Наполеона на трон в качестве наказания Франции (*als Strafkaiser*), нежели увидеть на его месте герцога Омальского, сына Луи-Филиппа.⁴⁰ То, что Франция пока не может мечтать о враждебных Германии союзах, рассуждал Бисмарк, не должно внушать никакого спокойствия за более отдаленное будущее. Полная боевая готовность страны, по мнению канцлера, оставалась «единственной гарантией» для Германии как в мире, так и в войне.⁴¹

³⁷ Телеграмма Гонтго-Бирона к Ремюза, 6 января 1872 г. // Ibid. № 104. P. 121–122.

³⁸ Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1872. Bd 29. Heft 1. S. 119–120.

³⁹ Бисмарк — Вильгельму I, 13 декабря 1871 г. — Цит. по: Mitchell A. Victors and vanquished: The German influence on army and church in France after 1870. Chapell Hill, 1984. P. 25.

⁴⁰ Кронпринц Фридрих Вильгельм — Великому герцогу Фридриху, 11 января 1872 г. // Großherzog Friedrich I. von Baden und die Reichspolitik, 1871–1907. Bd I. 1871–1879 / Hrsg. von Walther Peter Fuchs. Stuttgart, 1968. № 40. S. 45.

⁴¹ Бисмарк — Вильгельму I, 31 января 1872 г. // Die grosse Politik. Bd I. № 66. S. 110.

1.2. Принципы дипломатии Тьера

Нормализация дипломатических отношений

После завершения конфликта, возникшего из-за решений французских судов, германский канцлер согласился восстановить, наконец, полноценные дипломатические отношения между двумя странами, что должно было стать еще одним шагом к нормализации обстановки. Кандидатура нового посла в Париже, однако, избиралась Бисмарком явно не из расчета улучшать межгосударственные отношения. 9 января нового 1872 года свои верительные грамоты французскому правительству вручил граф Гарри фон Арним, многоопытный дипломат, знакомый Бисмарка с детских лет. Он не имел никаких особых симпатий к стране своего пребывания и не верил в миролюбивые намерения ее правительства. Более того, он полагал, что само сосуществование Германской империи с Францией в ее нынешнем виде было так же мало возможно, как «сосуществование Рима с Карфагеном или старой Пруссии с Польшей».⁴² В соответствии с этим, как отмечает А. З. Манфред, он демонстративно холодно держал себя в Париже, избегая появления в обществе и установления контактов.⁴³

Логика Бисмарка в выборе на данный ответственный пост именно Арнима, который, еще будучи чрезвычайным посланником во Франции, уже снискал недовольство канцлера, так до конца удовлетворительно не объяснена.⁴⁴ Оба были давно знакомы и не испытывали, кажется, изначально больших симпатий и доверия друг к другу. Арним в Париже также ощутимо задевал экономические интересы личного банкира Бисмарка Герсона Блейхредера, продвигая своих друзей к прибыльным операциям вокруг французских выплат. Очень скоро германское посольство в Париже превратилось в арену финансовых и политических интриг, а сам Арним стал объектом постоянной слежки со стороны второго секретаря посольства барона Фридриха Гольштейна, пресс-атташе

⁴² Арним — Бисмарку, 3 октября 1872 г. // Ibid. Bd I. № 90. S. 153.

⁴³ Манфред А. З. Образование русско-французского союза... С. 42.

⁴⁴ Фриц Хартунг, в частности, полагал, что Бисмарк просто желал удалить Арнима из столицы. Остается, однако, непонятным, почему для этого был избран Париж. См.: Hartung Fr. Bismarck und Graf Harry Arnim // Historische Zeitschrift. 1951. Vol. 171. S. 53.

посольства Рудольфа Линдау и собственных агентов Блейхредера.⁴⁵ Все это не могло не оказать существенного влияния на германскую политику в отношении Франции.

В противоположность Бисмарку, Тьер уже 28 января 1872 г. писал своему новому послу в Берлине виконту Эли де Гонто-Бирону: «Вами очень довольны, и меня хвалят за выбор, который я сделал. Я этим очень горжусь... Мягкость, достоинство и здравый смысл — все это принесло успех в отношениях с князем Бисмарком». При этом Тьер называл себя «старым философом», который равным образом рад успеху Гонто, «белого, или синего» (то есть, по аналогии с Французской революцией, монархиста или республиканца).⁴⁶

Французский посол в Берлине (1871–1877)
виконт Эли де Гонто-Бирон

Действительно, представитель одной из самых знатных французских фамилий, Гонто-Бирон естественным образом являлся легитимистом по своим политическим взглядам. Но его назначение на ответственный пост посла в Берлине тоже можно назвать весьма неожиданным решением Тьера отнюдь не поэтому. Политическая деятельность пятидесятичетырехлетнего владельца замка Навайль в Нижних Пиренеях до избрания в феврале 1871 г. в Национальное Собрание ограничивалась «Генеральным советом» своего департамента. Помимо явно недостаточного политического опыта, Гонто-Бирон не обладал вовсе опытом дипло-

⁴⁵ См. об этом: *Stern Fr.* Gold and Iron... P. 235–236; *Newton T. W. L.* Lord Lyons II. A record of British diplomacy. Vol. II. London, 1913. P. 45–46; *Rich N.* Holstein and the Arnim Affair // *The Journal of Modern history*. Vol. 28. 1956. № 1. P. 35–54.

⁴⁶ Цит. по: *Hanotaux G.* Histoire de la France contemporaine (1871–1900). Vol. I. Paris, 1904. P. 356–357. — В DDF это письмо не попало.

матическим. Уроженец французского юга, он не имел никаких связей с Германией и не знал немецкого языка.⁴⁷ Можно согласиться с предположением Криштофа Штайнбаха, что путем назначения представителей лучших французских дворянских родов президент республики пытался повысить влияние французских миссий при иностранных дворах. Равным образом это могло служить и путем удаления из Парижа влиятельных лидеров монархического большинства Национального Собрания.

В пользу последнего предположения говорят воспоминания представителя еще одной блестящей дворянской фамилии Альбера де Брольи, назначенного в феврале 1871 г. Тьером послом в Лондон. Когда Брольи перед отъездом в Англию запросил инструкции, Тьер пригласил его в поезд, в котором он отправлялся на переговоры с Бисмарком. Однако после нескольких банальных фраз руководитель французской политики, как отмечал в своих мемуарах Брольи, погрузился в глубокий сон, оставив тем самым посла в неведении относительно целей своего посольства. В душе герцога поселились сомнения относительно истинных мотивов и значимости своего назначения в Лондон.⁴⁸

Если Тьер и имел в виду подобный внутривнутриполитический расчет при подборе кадров представителей Франции за границей, в полной мере он себя не оправдал. Герцог Брольи не смирился со своей «почетной высылкой» и, даже находясь в статусе дипломата, совершал беспрестанные вояжи из Лондона в Версаль и обратно, чтобы участвовать в работе Национального Собрания.⁴⁹ Именно Брольи (о чем пойдет речь ниже) поведет за собой противников президента и внесет немалый вклад в его падение. Таким образом, Тьер, как и Бисмарк в отношении Арнима, также получил негативный опыт назначения дипломата, обладавшего серьезными политическими амбициями.

В отличие от своего германского коллеги, Гонто-Бирон своим врожденным аристократизмом и приятными манерами гран-сеньора быстро стал желанным гостем во всех лучших гостиных Берлина. Он был хорошо принят кайзером и приобрел особое благорасположение императрицы Августы, главной страстью которой, несмотря на воз-

⁴⁷ См.: *Steinbach Ch.* Die französische Diplomatie und das Deutsche Reich 1873 bis 1881. Bonn, 1976. S. 266–267.

⁴⁸ *Broglie A. de Mémoires // Revue des Deux Mondes.* T. 29. 1929. 1er Février. P. 565–567; 1er Mars. P. 147–48.

⁴⁹ *Adam J.* Mes souvenirs. Vol. V. Mes angoisses et nos luttes (1871–1873). Paris, 1907. P. 190.

раст, были еженощные балы и приемы, на которых французский посол, должно быть, чувствовал себя как рыба в воде. Более того, Гонто-Бирон был удостоен чести регулярно присутствовать на чаепитиях в покоях императрицы, на которые приглашалось не более дюжины избранных. Здесь обсуждались новости дня вкупе со всеми свежими сплетнями, до которых императрица была большая охотница.⁵⁰ Она была яркой противницей Бисмарка и использовала любую возможность ему противодействовать, что делало ее незаменимым источником сведений для Гонто-Бирона. Последнее обстоятельство, правда, довольно быстро лишило посла чести личного общения с германским канцлером.

Обмен послами не повлек за собой реального улучшения в отношениях между Францией и Германией. Бисмарк по-прежнему предпочитал поддерживать высокий градус напряжения, с немецкой педантичностью взимая французские миллионы, с одной стороны, и так же планомерно раздувая угрозы из малозначительных происшествий, с другой. Новое нападение в Эперне на немецкого солдата (ранение ножом) в конце января дало пищу для новых антифранцузских статей в германской прессе.⁵¹

Пути укрепления позиций Франции

Утвердившись на посту главы исполнительной власти, Тьером были предприняты энергичные шаги по восстановлению гражданского согласия в стране и укреплению позиций Франции в мире. Ничто так не способствовало достижению разом этих двух целей, как возрождение французской армии. Тьером было немало сделано для того, чтобы восстановить ее престиж, пошатнувшийся после поражения в войне. Не случайно, что на пост военного министра в июне 1871 г. им был выдвинут Эрнест Сиссэ — один из немногих французских генералов, кто умело воевал в минувшую войну, и единственный, кто мог похвастаться захваченным в бою германским знаменем.⁵² Первым важным решением нового министра стало проведение 29 июня 1871 г. грандиозного че-

⁵⁰ Pakula H. An uncommon woman. The empress Frederick, daughter of Queen Victoria, wife of the Crown Prince of Prussia, mother of Kaiser Wilhelm. N. Y., 1995. P. 257.

⁵¹ См. об этом: Манфред А. 3. Образование русско-французского союза... С. 44.

⁵² Gugliotta G. Un grand commis de la République : le général de Cissey (1810–1882), réorganisateur de l'armée française // Militaires en République, 1870–1962: les officiers le pouvoir et la vie publique en France: Actes du colloque. Paris, 1999. P. 217–18.

Военный министр Франции (1871–1873, 1874–1876) генерал Эрнест Сиссэ

тырехчасового парада на Лоншанском ипподроме под командованием маршала Мак-Магона, который должен был стать ответом на триумфальное возвращение германских войск в Берлин. В нем приняло участие не менее 90 тыс. человек. Это означало, что в смотре было задействовано в 4,5 раза больше войск, нежели в параде победителей, и три пятых всех наместовавших тогда во Франции сил.⁵³

Моральное воздействие на современников этого лишнего внешнего блеска действия было трудно переоценить. Тьер, приветствуя войска с императорской трибуны, не мог сдержатъ слез, генерал дю Барай назвал этот смотр «торжественной церемонией примирения между народом и армией», а республиканка Жюльетта Адан видела в проходящих перед ней подлинно «национальную армию», в которой смутно угадывался «отдаленный реванш».⁵⁴ Именно отношение французов к своей возрождающейся армии как к «армии реванша», вне зависимости от того, какой смысл в это словосочетание при этом вкладывался (см. Главу 7), обусловило поистине неугасаемый интерес в Германии к французской военной реформе.

Начало обсуждения весной 1872 г. во французском Национальном Собрании первого из серии новых военных законов дало хорошую возможность для давления Берлина, который поддерживал более умеренные и архаичные проекты военной реформы Тьера. Подавляющее большинство французских генералов и депутатов, однако, выступало за введение в стране всеобщей воинской повинности. Это было воспринято в Берлине как очередное подтверждение реваншистских устремлений всей Франции, которая, еще не расплатившись по своим финансовым обязательствам и имея очевидные проблемы с восполне-

⁵³ Mitchell A. Victors and vanquished... P. 20.

⁵⁴ Adam J. Mes angoisses et nos luttes, 1871–1873... P. 171–173; Barail, general, du Mes Souvenirs (1896). T. III. 1864–1879. 17ème éd. Paris, 1913. P. 290.

нием бюджетного дефицита, уже думает о дорогостоящей массовой армии.⁵⁵

Этим настроениям неожиданно подыграла английская «The Daily Telegraph», спровоцировавшая 18 апреля панику на французской бирже сенсационным предположением своего венского корреспондента о том, что германский посол Арним возвратится на днях из Берлина в Париж с тем, чтобы предъявить ультиматум с требованием к Франции отказаться от предполагаемых проектов. Все европейские издания поспешили перепечатать это сообщение, причем французские газеты, по всей видимости, небезосновательно видели за этими публикациями «руку Берлина».⁵⁶ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» выступила с официальными опровержениями возможности такого развития событий, но подлила масла в огонь замечанием, что ввиду сложившейся ситуации, Германия будет вынуждена сохранять во Франции сильный оккупационный контингент.⁵⁷

Тьер поспешил убедить соседей по ту сторону Рейна в искренности намерений Франции поддерживать мир. Через своего посла в Берлине он доказывал, что если бы Франция думала о немедленном реванше, то она не предлагала бы выплатить как можно скорее оставшиеся 3 млрд, а, имея законные два года в запасе, пустила бы деньги на подготовку нападения. Тьер уверял, что в его возрасте поздно искать славы в авантюрах, и добавлял: «Я победил демагогию (Парижскую Коммуну. — А. Б.) при помощи пушек; я смогу победить интеллектуальную и моральную анархию только длительным успокоением. <...> Сомневаются, что мы сможем <...> выплатить непомерную сумму в пять миллиардов; в этом сомневаются, ну что ж, *мы можем, мы хотим* (выделено Тьером. — А. Б.) ее выплатить, мы вот-вот ее выплатим, а с нами ищут ссоры, потому что мы хотим восстановить нашу страну в моральном, материальном, политическом смысле!»⁵⁸.

Чтобы лишить Берлин последних аргументов в пользу якобы чрезмерных вооружений Франции, французское руководство пошло на неординарный шаг: 21 апреля Сен-Валье передал Мантейфелю подроб-

⁵⁵ См.: Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1872. Bd 30. Heft 1. S. 111.

⁵⁶ См.: Dreux A. Dernières années de l'ambassade en Allemagne de M. de Gontaut-Biron (1874–1877). Paris, 1907. P. 192–193.

⁵⁷ Цит. по: Mitchell A. Victors and vanquished... P. 28.

⁵⁸ Тьер — Гонто-Бирону, 18 апреля 1872 г. // DDF. Vol. I. № 122. P. 142.

ное описание современного состояния французских вооруженных сил. В документе были подробно расписаны все количественные изменения состава армии по родам войск, как произошедшие во время войны, так и те, которые еще только предполагалось осуществить в результате реорганизации. Авторы подчеркивали, что в данный момент в самой Франции находится лишь около 300 тыс. человек боеспособных войск. В дополнение к этому прилагалось длинное послание, в котором говорилось о миролюбивых настроениях Президента и звучал призыв к «продолжению переговоров».⁵⁹

Эти переговоры касались заключения дополнительной конвенции, которая предусматривала бы дальнейший порядок выплаты контрибуции. Несомненно, данное обстоятельство делало Тьера еще более чувствительным к давлению в вопросе военной реорганизации. Буквально накануне решающего обсуждения закона в Национальном Собрании Тьер узнал через Сен-Валье о новых указаниях Мантейфелю из Берлина принять «меры предосторожности» в виду усиления «французской опасности».⁶⁰

В итоге дебатов во французском парламенте, как известно, Тьер был вынужден согласиться на введение в стране всеобщей воинской обязанности. Но он самым решительным образом выступил против положения о трехлетней действительной службе, как это было в Германии. Его речь 9 июня по этому поводу вызвала восторженные отклики Мантейфеля, который лишний раз выразил свое восхищение гением президента. Самый опытный военный, по мнению генерала, не мог бы представить свои взгляды убедительней. При этом командующий германским оккупационным корпусом обрушился с критикой на оппонентов Тьера, которых он в беседе с Сен-Валье именовал «несведущими теоретиками», «рабскими подражателями Пруссии», «ведущими в пропасть» за собой всю страну.⁶¹ Мантейфель, как и другой военный представитель Германии, генерал фон Тресков, тут же выразили уверенность, что теперь переговоры по поводу финансовой конвенции пойдут значительно быстрее.

Но на самом деле германское руководство вовсе не намеревалось отказываться от переговоров. «Мы не можем рассчитывать, — писал Бисмарк Арниму, — что настроения в Вене и Петербурге все время,

⁵⁹ Сен-Валье — Мантейфелю, 21 апреля 1872 г. // Ibid. № 124. P. 144–149.

⁶⁰ Цит. по: *Mitchell A. Victors and vanquished...* P. 28.

⁶¹ Сен-Валье — Тьеру, 12 июня 1872 г. // *Occupation et libération du territoire, 1871–1875. Correspondances*. T. I. Paris, 1903. P. 409–410.

то есть в течение трех лет, останутся неизменными, и должны добиваться решения (полной уплаты контрибуции. — *А. Б.) раньше* (курсив в оригинале. — *А. Б.))».⁶² Эта конвенция, заключенная, в конце концов, 29 июня 1872 г., откорректировала порядок выплат последних трех миллиардов контрибуции. Крайней датой, до которой французы обязались перечислить деньги, устанавливалось 1 марта 1875 года.⁶³ Германские официозы при этом спешили разъяснить своим читателям, что французы намерены выплатить контрибуцию досрочно, а продление предельного срока на год призвано лишить французов возможных отговорок о невозможности исполнения своих обязательств и даже оправдания этим повторной войны «от отчаяния». При этом подчеркивалось, что эту конвенцию господин Тьер может справедливо рассматривать «как большое доверие его личному правлению».⁶⁴*

Наряду с восстановлением вооруженных сил страны, не меньшее внимание Тьера привлекал вопрос укрепления ее дипломатических позиций. Советскими историками самым обстоятельным образом были исследованы шаги французского руководства по завоеванию доверия и поддержки России. Тьер не скрывал, что в будущем союз с Россией казался ему «наиболее вероятным» и, прилагая большие усилия к улучшению отношений с британским кабинетом, он считал недопустимым при этом заронить даже малейшую тень подозрений у официального Петербурга.⁶⁵ Особенно удобную возможность достичь согласия разом с Россией и Великобританией Тьер видел в активизации роли Франции на Пиренейском полуострове.

В 1868 г. после очередной революции в Испании была провозглашена республика, однако страну продолжали сотрясать постоянные политические кризисы. В марте 1873 г. Тьер заподозрил испанских республиканцев в желании захватить Португалию, и стал всерьез рассматривать в качестве ответа возможность французского вмешательства. На прямой вопрос российского посла в Париже Николая Орлова, следует ли понимать под вмешательством «вооруженную интервенцию», Тьер «по секрету» признался ему, что это именно так. Французская

⁶² Бисмарк — Арниму, 17 мая 1872 г. // *Die grosse Politik*. Bd I. № 73. S. 120.

⁶³ Конвенция от 29 июня 1872 г., № 142. // *DDF*. Vol. I. P. 168–170; *Die Grosse Politik*. Bd I. № 88. S. 144–146.

⁶⁴ См., например: *Politische Correspondenz* // *Preussische Jahrbücher*. 1872. Bd 30. Heft 1. S. 109–110.

⁶⁵ Тьер — Лефлю, 8 сентября 1872 г. // *Halévy D. Le Currier de M. Thiers*. Paris, 1921. P. 481.

республика не собирается вмешиваться во внутренние дела Испании, но не потерпит ничего, что было бы направлено против «независимости португальского королевства».⁶⁶

Будучи историком, Тьер, по-видимому, верил в правильность обращения к историческому прошлому Франции полувековой давности. Если в вопросе реорганизации армии для него оставался мерилom и образцом опыт наполеоновской эпохи, то в сфере практической дипломатии таковым, похоже, мог стать опыт Бурбонов периода Реставрации. Подумывая об интервенции в Испанию, Тьер, по сути, планировал разыграть ту же карту, что была использована Францией для выхода из международной изоляции в 1823 г. Отвлек президента от этой затеи только новый виток его противостояния с монархистами в Национальном Собрании, увенчавшийся его отставкой.

Таким образом, дипломатия Тьера никогда не выпускала из виду как возможности скорейшего приобретения Францией активной роли в решении тех или иных общеевропейских проблем, так и выстраивания стратегического партнерства, которое могло принести свои плоды лишь в отдаленной перспективе. Однако два года его пребывания у власти оказались связаны с решением текущих проблем, связанных с непростыми взаимоотношениями с новорожденной Германской империей.

Конвенция от 29 июня 1872 г. естественным образом еще на год продлевала в перспективе пребывание германских войск на французской земле. Такое развитие устраивало те группировки в Национальном Собрании, которые в ответ на юридически обоснованные требования Тьера уступить место Учредительному Собранию оправдывали продолжение своей деятельности необходимостью сначала очистить территорию.⁶⁷ Сам Тьер с горечью говорил о письмах из Парижа в Берлин от тех французских политиков, которые представляли германскую оккупацию как гарантию порядка в стране.⁶⁸

Но тьеровское правительство отнюдь не разделяло эти тайные чаяния некоторых депутатов. В Версале были полны решимости расплатиться с немцами досрочно. С этой целью в июле 1872 г. была осуществлена подписка на пятипроцентный «заем освобождения» на чрезвычайно

⁶⁶ Орлов — Горчакову, 18 февраля/2 марта 1873 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 1101. Л. 56.

⁶⁷ Политическая и общественная хроника // Дело. 1873. № 5. С. 128.

⁶⁸ Thiers A. Notes et souvenirs de M. Thiers (1870–1873). Paris, 1903. P. 287.

льготных условиях. И все же его успех превзошел даже самые смелые расчеты правительства. Вместо 3 млрд, о которых оно просило, было собрана в четырнадцать раз большая сумма в 42 млрд франков. Число подписчиков превышало 930 тыс. человек.⁶⁹

Сама процедура внесения средств приобрела характер патриотической манифестации. Российский ученый и публицист В. И. Модестов, бывший тогда в Париже, был поражен зрелищем масс простого народа, толпившегося перед Дворцом промышленности в ожидании возможности внести свои сбережения.⁷⁰ Немаловажно, что на 26 млрд при этом подписались иностранные банкиры, продемонстрировав тем самым свою уверенность в «светлом будущем» французской экономики и французского государства в целом. Финансовая Европа проголосовала, если можно так выразиться, франком в пользу политики Тьера и его министров.

Другим источником увеличения доходов французского правительства стала такая непопулярная мера, как усиление налогового бремени. Так, например, расходная часть бюджета на 1872 г. составляла 2415 млн франков, а доходная — 2429 млн, но и это шаткое равновесие достигалось лишь благодаря введению новых налогов на 247 млн франков.⁷¹ Тем не менее, масштабные заимствования средств позволили теперь Министерству финансов Франции перечислять Германии средства с постоянным опережением графика, что приближало день освобождения.

1.3. БОРЬБА ПАРТИЙ ВОКРУГ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ФРАНЦИИ

И все же, не вопросы возрождения послевоенной экономики стояли на первом плане в первые годы Третьей республики. Внутри страны шла острая внутривластная борьба. В руководстве номинальной республики подавляющее большинство составляли монархисты, которые рассматривали существующее положение дел как временную уступку. От немедленной реставрации монархии Францию спасало то обстоятельство, что в рядах ее сторонников не было единства. Престол был один, а претендентов — трое.

⁶⁹ *Chastenet J. L' Enfance de la Troisième. 1870–1879. Paris, 1952. P. 131.*

⁷⁰ *Модестов В. И. Из заграничных воспоминаний // О Франции: Сб. статей. СПб., 1889. С. 18.*

⁷¹ *Антохина-Московченко В. И. История Франции... С. 143.*

Свергнутый 4 сентября император Наполеон III, живший теперь в Англии частным порядком, по-прежнему являлся знаменем бонапартистов. Это был рано состарившийся больной человек, которому лично, думается, уже не были столь милы, как прежде, политические авантюры, но его властолюбивая супруга и желание обеспечить будущее сына вынуждали оставаться в политической игре до конца.

Своеобразное «возвращение с острова Эльба» планировалось его сторонниками на 5 марта 1873 г. Для того чтобы проверить, способен ли он перенести тяготы предстоящего пути, в ноябре 1872 г. Наполеон в качестве эксперимента совершил поездку по железной дороге и попробовал себя в седле.⁷² Результат был неутешительным: застарелая болезнь почек вновь дала о себе знать, и претенденту оказалась необходима немедленная операция. В начале января 1873 г. врачи сделали безуспешную попытку хирургическим путем раздробить камень в мочевом пузыре. Но распад почек зашел так далеко, что у императора началась уремия, от которой он и скончался утром 9 января.

Непосредственная угроза Республике с этой стороны, таким образом, исчезла. С гибелью же единственного сына императора, офицера британских колониальных войск, в 1879 г. в стычке с зулусами, бонапартизм окончательно потерял свое материальное воплощение в чьем-либо лице и превратился в отвлеченную, хотя и очень живучую во Франции идею. Намного больше опасений у республиканцев вызывали интриги двух других монархических партий внутри Национального Собрания. Легитимисты — сторонники старшей линии Бурбонов — настаивали на кандидатуре графа Шамбора, внука короля Карла X, свергнутого революцией 1830 г. Что касается орлеанистов, то они требовали короны для графа Парижского, внука Луи-Филиппа. В количественном и качественном отношении они превосходили первых, но в парламенте распадались на три фракции, которые различались в том, насколько следует идти на компромисс с легитимистами.⁷³

В осуществлении своих проектов они очень рассчитывали на помощь «президента республики» Адольфа Тьера, который был первым министром в годы Июльской монархии и который сохранил свои сим-

⁷² Орлов — Горчакову, 20 января/ 1 февраля 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101. Л. 12–13.

⁷³ Политическая и общественная хроника // Дело. 1873. № 5. С. 128.

птии к Орлеанскому дому. Между тем, Тьер чем дальше, тем больше обретал уверенность и независимость в осуществлении своей собственной политики. В таких условиях депутаты-монархисты, в свою очередь, стали открыто противодействовать Тьеру в Палате, а за кулисами готовить его падение.

Одним из наиболее деятельных противников действующего президента в Национальном Собрании стал уже упоминавшийся выше Альбер де Брольи. Его выход в отставку в апреле 1872 г. был продиктован именно расхождением во взглядах с Тьером по вопросам внутренней политики. Когда-то сам герцог объявлял себя Тьеру «скептиком»: «я не верю ни в республику, ни в легитимизм; и когда кто-нибудь предлагает мне эти магические формулы, чтобы исцелить наши недуги, он всегда производит на меня впечатление шарлатана или простака». Зато он верил, как сам уверял тогда же, в союз Тьера и Национального Собрания, «которые многое могут вместе, и ничего не могут друг без друга».⁷⁴ Как, наверное, и большинство других монархистов, он чувствовал теперь себя обманутым Тьером, который осуществлял режим личной власти и власти своих личных друзей, ввел в правительство «левых»: Пикара, Фавра, Жюля Симона и вообще слишком терпимо, по мнению правых, относился к их непримиримым соперникам — республиканцам.

Именно выигравшие 8 февраля 1871 г. выборы в Национальное Собрание монархисты, считал Брольи, должны были получить в свои руки всю полноту власти вместе с правом спокойно готовить реставрацию монархии во Франции. Даже если перспектива вновь обратиться в подданных будет отвергнута нацией, — что Брольи вполне допускал, — именно монархическое большинство гарантированно обеспечило бы то, что республика будет достаточно консервативной.⁷⁵

В Палате Брольи не мог сравниться с Тьером в искусстве воздействия на умы слушателей из-за проблем с голосом: его недоброжелатели язвили, что «он говорит так, как остальные полоскают горло».⁷⁶

⁷⁴ Брольи — Тьеру, 16 мая 1871 г. // *Halévy D. Le Currier de M. Thiers*. Paris, 1921. P. 430.

⁷⁵ *Brogie A. de Mémoires* // *Revue des deux mondes*. T. 29. 1929. 15 Mars. P. 374–377.

⁷⁶ Цит. по: *Brogan D. W. France under the Republic. The development of modern France (1870–1939)*. London, 1949. P. 94. — Об Альбере Брольи см. также: Политическая и общественная хроника — герцог Брольи // *Дело*. 1873. № 11. С. 68–95.

Но неприятный, простуженно звучащий голос не мешал ему легко и доступно излагать свои идеи, а положение семьи де Брольи заставляло прислушиваться к его словам. И главное, Альбер де Брольи проявил несомненный талант парламентского вожака и организатора, который смог направить в определенное русло глухое недовольство правых и придать ему деятельное начало.

Возобновление осенью 1872 г. заседаний Национального Собрания после летних каникул обещало возобновление борьбы. На следующий день после открытия сессии, 13 ноября, Тьер зачитал Палате свое длинное полуторачасовое послание, наполненное свидетельствами очередных успехов страны на пути к своему восстановлению. При этом он, несмотря на протестующие возгласы с правых скамей, неожиданно заявил: «Республика существует, она является законным правительством страны: желать другого означает желать новой революции... Провозгласим ее, не теряя времени, под названием консервативной Республики. <...> Республика будет консервативной, или ее не будет вовсе». ⁷⁷ Заявления французского президента о необходимости поддержания в стране порядка и консервативной республики вызвали сочувственный прием германской прессы. Примечательно, что официальная «*Provinzial-Correspondenz*» перепечатала необычно подробные извлечения из выступления Тьера и вынесла его главный тезис: «французская республика и порядок» в заголовок. ⁷⁸

Описывая это памятное заседание в своих мемуарах, Брольи призывал Бога в свидетели, что до 13 ноября он еще всем сердцем надеялся на компромисс с Тьером. Но каждое слово из выступления президента для него было, как он сам писал в воспоминаниях, подобно капле кипящего масла, падавшего на открытую рану, заставляя герцога и его единомышленников буквально «подпрыгивать на своих скамьях». ⁷⁹ Более скрывать свою враждебность было невозможно. В ответ на сенсационное выступление Тьера монархисты перешли в контратаку, обвиняя главу исполнительной власти в потакании радикалам. Выведенный из себя их претензиями, Тьер 18 ноября потребовал немедленного голосо-

⁷⁷ Séance du mercredi 13 novembre 1872 // *Annales de L'Assemblée Nationale*. T. 14. Paris, 1873. P. 17–19.

⁷⁸ Die französische Republik und die Ordnung. Aus der Botschaft des Präsidenten Thiers // *Provinzial-Correspondenz*. 1872. № 47. Jahrgang 10, November 20. S. 4.

⁷⁹ *Brogie A., duc de Mémoires du duc de Broglie*. Vol. II. 1870–1875. Paris, 1941. P. 125–126.

вания доверия. Он получил его с перевесом в 150 голосов, но при 300 демонстративно воздержавшихся.⁸⁰

Противостояние президента и Палаты продолжилось и дальше, что отнюдь не укрепляло позиций страны на международной арене. «Франция — это больной человек, который ежедневно подвергается смертельному кризису, но продолжает жить», — писал российский посол во Франции граф Орлов.⁸¹ Такое положение опасно для любого государства, положение же Франции было опасно вдвойне, ибо давало козыри в руки такого сильного соперника, каким был Бисмарк.

Германский канцлер предпочитал до поры до времени не втягиваться во внутривнутриполитические интриги во Франции. Его позиция емко выражалась в формуле «республика и внутренние неурядицы — лучшая гарантия мира».⁸² Таким образом, существующее положение дел его устраивало: внимание французов было поглощено проблемами внутри страны, а немцы исправно получали причитающиеся им миллиарды вместе с горячими заверениями в стремлении к миру. В ответ на запрос генерала Мантейфеля по поводу того, какой политики следует придерживаться в отношении правительства Тьера, Бисмарк писал: «Поощрять г-на Тьера продолжать его дело — это в интересах и в видах германского правительства <...> Мы искренне желаем укрепления его власти; мы хотим, чтобы она была продолжительной; мы будем сожалеть победе какой-либо партии, монархической или другой».⁸³

Давать такие объяснения пришлось в ответ на не санкционированную Берлином деятельность графа Арнима в Париже. Посол, в полной мере разделяя, как уже отмечалось, неприязненное отношение своего канцлера к Франции, диаметрально расходился с ним в том, какими путями выражать это в сфере высокой политики. Арним выступал за активное вмешательство Германии во внутреннее развитие «соседки» — Бисмарк этого избегал. Арним поддерживал идею восстановления во Франции монархии, считая, что так она скорее пойдет на столкновение с Германией, что последней безусловно выгодно. Бисмарк, как он это выражал не раз, считал делом первоочередной важности лишить сопер-

⁸⁰ Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции... С. 122.

⁸¹ Цит. по: Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции... С. 124.

⁸² Цит. по: Гогенлоэ Х. Мемуары кн. Гогенлоэ / Пер. с нем. М., 1907. С. 157.

⁸³ Цит. по: Сен-Валье — Тьеру, 6 ноября 1872 г. // DDF. Vol. I. № 158. P. 190–191.

ницу «способности заключать союзы» (*Bündnisfähigkeit*).⁸⁴ Он полагал, что в монархической Европе республике будет найти союзника сложнее. Вполне возможно, однако, что реставрация монархии во Франции страшила его совсем по другой причине. Легитимный король Генрих V (под таким именем должен был взойти на французский престол граф Шамбор) мог, игнорируя германского канцлера, на равных договариваться с Вильгельмом I, как это делал иногда Александр II. Президент Французской Республики на таком уровне действовать не мог.⁸⁵

Еще в конце 1872 г., Арним неоднократно поднимал вопрос о вмешательстве во внутренние дела Франции. Пруссия вела переговоры в свое время именно с Национальным Собранием, поэтому, по мнению германского посла, роспуск Палаты или даже частичная смена ее членов даст на это законное основание.⁸⁶ Бисмарк же пытался сыграть на этой неопределенности политического будущего Франции по-другому. Он желал выставить ее дестабилизирующим фактором в Европе, перед лицом которого соседи должны объединиться.

В итоге осенних баталий в Национальном Собрании Тьеру удалось временно смягчить конфликт с монархистами, пойдя на уступки и переформировав частично состав правительства. До весенней сессии парламента, таким образом, наступила передышка, которая позволила сконцентрироваться на внешней политике. С 1 февраля 1873 г. Тьер уже начал ставить вопрос о досрочной и полной эвакуации немецких войск ввиду того, что четвертый миллиард Франция намеревалась выплатить к маю, а пятый (и последний) — к июню.⁸⁷

Германская сторона проявила естественным образом интерес к предложению о досрочных выплатах, и между Версалем и Берлином завязалась оживленная переписка. Особые тревоги французского руководства оказались связаны со стратегически важной крепостью Бельфор, которую Тьеру удалось удержать за Францией в ходе переговоров с Бисмарком о мире только ценой согласия на парад пруссаков в Париже. Весомую лепту при этом внесли очередные слухи из Мюнхена. Французский поверенный в делах в столице Баварии узнал, в частности, о беседе члена британского парламента, известного историка

⁸⁴ Die Grosse Politik. Bd I. № 66, 95. S. 110, 161.

⁸⁵ Brogan D. W. France under Republic... P. 91.

⁸⁶ Цит. по: Антюхина-Московченко В. И. История Франции... С. 189.

⁸⁷ Тьер — Гонто-Бирону, 1 февраля 1873 г. // DDF. Vol. I. № 167. P. 202.

Крымской войны А. Кинглейка, с «одним из наиболее значительных государственных деятелей Пруссии» о возможном якобы неисполнении Франкфуртского договора в отношении Бельфора.⁸⁸

Тьер, хотя и отказывался верить в правдивость этой информации, немедленно рекомендовал Гонтю-Бирону попытаться «прежде всего проникнуть в эту тайну» и прозондировать германские планы.⁸⁹ Бисмарк не только дал слово Гонтю-Бирону, что насчет Бельфора не существует никаких «задних мыслей», но и сам предложил Туль или Верден вместо Бельфора в качестве последнего пункта оккупации⁹⁰ — факт, который почему-то ускользает от внимания большинства исследователей. Именно на этих условиях 15 марта 1873 г. в Берлине Гонтю-Бироном и Бисмарком была подписана последняя франко-германская финансовая конвенция.

Начиная с 5 июня, Франция должна была приступить к перечислению в четыре приема по 250 млн франков последнего миллиарда, чтобы таким образом окончательно выплатить контрибуцию к 5 сентября 1873 г. Параллельно с этим, с 5 июля и в течение четырех недель освобождались оставшиеся 4 департамента: Вогезы, Арденны, Мёрти-и-Мозель, Мёза и крепость Бельфор. С 5 сентября в течение 15 дней германские войска эвакуировали Верден — последний кусочек французской территории.⁹¹

Тем самым, Тьер выполнил свою миссию: час освобождения был определен, в отношениях Франции и Германии наблюдалась ощутимая разрядка, страна стремительно восстанавливала свои силы. Именно так, видимо, расценили ситуацию и противостоявшие ему партии. Каждый год, прожитый республикой, объективно снижал шансы на реставрацию. Даже такой консерватор у власти, каким являлся Тьер, больше не устраивал монархическое большинство Национального Собрания.

27 апреля 1873 г. на дополнительных выборах в Париже кандидат от правительства и близкий друг президента, министр иностранных дел граф Шарль де Ремюза сенсационно проиграл представителю радикальных республиканцев, малоизвестному в столице экс-мэру

⁸⁸ Биллинг — Ремюза, 2 февраля 1873 г. // Ibid. Vol. I. № 168. P. 202–203.

⁸⁹ Тьер — Гонтю-Бирону, 9 февраля 1873 г. // Ibid. Vol. I. № 170. P. 205.

⁹⁰ Телеграмма Гонтю-Бирона Тьеру 11 марта 1873 г. // Ibid. Vol. I. № 181. P. 216.

⁹¹ Конвенция от 15 марта 1873 г. // Ibid. № 191. P. 225; Die Grosse Politik. Bd I. № 113. S. 186–188.

Лиона Бародэ.⁹² Однако Тьер сохранял невозмутимость, с удивлением отмеченную австро-венгерским послом в Лондоне и бывшим австрийским канцлером графом Бейстом, которому удалось в эти дни побеседовать с президентом Республики.⁹³ Оппозиционное большинство вовсе не разделяло благодушия президента. Монархисты воспользовались случаем, чтобы упрекнуть Тьера в неспособности справиться с угрозой радикализма и потребовать ввести в состав правительства своих выдвиженцев.

Тьер в ответ 24 мая выступил с резкой речью, в которой обрушился на своих противников. Он напомнил им, в каких условиях принял власть, и какого прогресса с тех пор добилась под его руководством страна. Большое место при этом он уделил положению Франции в мире. Он подчеркивал: «Наша заслуга заключается в доверии, которое мы приобрели. Я могу удивить тех, кто уверяет, что у нас нет союзников, сказав им, что <...> союзников нет ни у кого. Теперь союз заключается в уважении, которое одни нации питают к другим, а Франция пользуется таким уважением...». Здесь явно содержался намек на ту открыто дружественную Франции позицию, которую теперь занимала Россия. Обращаясь же к внутривнутриполитической обстановке, Тьер заявлял: «Я твердо убежден, что республика необходима, а монархия невозможна. <...> Нам можно выбирать только между легальными, правильно установленными правительствами и диктатурой. Уж не хотите ли вы диктатуры?».⁹⁴ Но палата после возобновления заседания продемонстрировала свое полное нежелание иметь дело с существующим правительством.

Тьер мог остаться у власти, поскольку его полномочия должны были длиться до самороспуска Собрания, но написал прошение об отставке. Если он и надеялся, что оно будет отклонено, то депутаты, собравшиеся в третий раз вечером того же дня, опрокинули эти надежды. Отставка Тьера была принята 365 голосами монархистов, и на этом же заседании вторым президентом Третьей республики был избран их кандидат маршал Мак-Магон, герцог Маджента. Правительство было поручено сформировать главному действующему лицу заговора против Тьера — герцогу Альберу де Броли.

⁹² См.: *Chasteney J. L'Enfance de la Troisième...* P. 143.

⁹³ *Beust Comte de Trois quarts de Siècle. Memoires du Comte de Beust. T. II.* Paris: Louis Westhausser, 1888. P. 351.

⁹⁴ *Séance du samedi 24 mai 1873 // Annales de L'Assemblée Nationale. T. 18.* Paris, 1874. P. 48–49, 51–54.

* * *

24 мая 1873 г. стало логичным рубежом не только в истории Третьей республики, но и во франко-германских отношениях первой половины 70-х гг. XIX века. В первые два года после заключения Франкфуртского мира взаимоотношения Франции и Германии оставались напряженными, несмотря на всю осторожность республиканского руководства. Особенную остроту конфликтам двух соседних держав придавало присутствие на французской территории германских войск.

Однако нет оснований подозревать, что франко-германские отношения в эти годы балансировали на грани открытого столкновения. Несмотря на все резкие фразы О. фон Бисмарка, главным приоритетом политики германского канцлера в отношении Франции оставалась реализация положений мирного договора. Бисмарк не оставлял также попыток дипломатическим путем влиять на внутривнутриполитическое развитие соседнего государства. В частности, это проявилось в его явной поддержке правительства А. Тьера, а также проектов военной реформы французского президента. При всей чувствительности Франции к подобному давлению, и в том, и в другом политика канцлера в итоге потерпела неудачу.

Французским руководством была успешно решена задача послевоенного восстановления страны и выполнения статей мирного договора. Был накоплен первый опыт деятельности в условиях новой внешнеполитической реальности. Но сошествие с политической сцены Адольфа Тьера, с именем которого были связаны все взятые Францией на себя обязательства и переговоры по досрочному прекращению германской оккупации, и приход к власти сторонников реставрации монархии сулили вероятное осложнение не только внутри-, но и внешнеполитического положения страны.

Глава 2

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ СТРАНАМИ ОТ ИЗБРАНИЯ М. МАК-МАГОНА ДО «ВОЕННОЙ ТРЕВОГИ» 1875 года

2.1. Дипломатия правительства «морального порядка»

Проблема признания Германией избрания Мак-Магона

Избрание 24 мая 1873 г. президентом Франции маршала Мак-Магона, которое, по единодушному мнению современников, должно было стать промежуточным этапом на пути к реставрации во Франции монархии, существенным образом повлияло на франко-германские отношения. Результатом смены главы исполнительной власти стал резкий рост напряженности, который тем более был замечен по сравнению с умиротворением последних месяцев пребывания Тьера у власти. Исходя из своей концепции о взаимосвязи формы политического строя Франции с ее привлекательностью как потенциальной союзницы, Бисмарк негативно оценивал произошедшие по ту сторону Рейна перемены. Он немедленно дал это понять.

Бисмарк получил, в частности, новые основания для серьезных подозрений в отношении собственного посла в Париже. Граф Арним не раз, как уже отмечалось, высказывался в противовес канцлеру в пользу замещения Тьера какой-либо другой фигурой. Именно это, по всей видимости, диктовало его «легкомысленное» отношение к развивающемуся во Франции политическому кризису. Даже 24 мая, за несколько часов до отставки Тьера, германский посол отправлял в Берлин успокоительные сообщения о том, что позициям первого президента Третьей республики ничто не грозит.¹

¹ См.: *Mitchell A.* The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979. P. 82–83.

Конечно, Тьер сам демонстрировал уверенность в успешном преодолении очередных затруднений, но для объективного наблюдателя, каким был, например, российский посол князь Орлов, тревожность ситуации была очевидна. Еще 19 мая он писал: «Я думаю, что ловкость г-на Тьера иссякла. Только его звезда может удержать его у власти».² Депеша от 21 мая уже передавала общее мнение влиятельных деятелей из стана легитимистов и орлеанистов о том, что «ниспровержение (Тьера. — А. Б.) кажется неминуемым».³ Учитывая достаточную компетентность Арнима и его связи с враждебными Тьеру правыми, можно с большой долей уверенности сделать вывод о заведомой недостоверности его депеш.

Президент Третьей республики маршал Морис Мак-Магон

Тем самым граф фон Арним как минимум лишил своего непосредственного начальника возможности предпринять шаги в поддержку Тьера, рассматривавшегося германским канцлером как оптимальная фигура. Жесткость реакции Бисмарка на ситуацию объяснялась, в частности, и тем, что по вине посла он оказался перед свершившимся фактом. Симптоматично, что Бисмарк фактически скрыл как от Арнима, так и от всех остальных мнение Вильгельма I о том, что при всей сенсационности произошедшего в Версале, «по крайней мере, успокаивает назначение Мак-Магона».⁴ Вместо того чтобы принять это замечание как указание к действию, он, явно отказываясь рассматривать произошедшее во Франции как исключительно ее внутреннее дело, попытался добиться координированного выступления Германии, Австро-Венгрии и России. От Гонто-Бирона были потребованы новые

² Орлов — Горчакову, 7/19 мая 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101. Л. 230 об.–231.

³ Орлов — Горчакову, 9/21 мая 1873 г. // Там же. Л. 251.

⁴ Цит. по: *Mitchell A.* The German influence in France... P. 85–86.

верительные грамоты, несмотря на его объяснения, что в этом нет необходимости, потому что верховная власть во Франции принадлежит Национальному Собранию, которое осталось неизменным в своем составе и лишь делегировало исполнительные полномочия своему новому представителю.

Получилось так, что на неделю между Францией и Германией оказались прерваны нормальные дипломатические отношения, и герцога Брольи, взявшего себе, помимо поста главы правительства, и портфель министра иностранных дел, заметно нервировало сложившееся состояние неопределенности, когда германский посол фон Арним несколько дней не подавал «признаков жизни». На официальное послание Мак-Магона императору Вильгельму по поводу своего вступления в должность Берлин также отвечать не спешил. Лишь 3 июня, после того, как все остальные европейские державы признали Мак-Магона, и дальнейшее упорствование оставляло бы Германию в изоляции, Бисмарк дал указание Арниму нанести официальный визит новому президенту.⁵

Активность Бисмарка в этом направлении развивалась на негласном дипломатическом уровне, внешне же сохранялось полное спокойствие. Как отмечал в своем масштабном исследовании общественного мнения Германии Е. М. Кэрролл, даже официальная пресса в ней сохраняла «совершенно ровный тон», выраженный словами «*Provinzial-Correspondenz*» от 28 мая о том, что будущие отношения с «соседкой» будут «определяться исключительно отношением Франции к нам и в особенности к ее договорным обязательствам».⁶ В беседе с Сен-Валье Мантейфель раскрыл инструкцию Бисмарка рассматривать данную статью «*Provinzial-Correspondenz*» как верное отражение его личного отношения к переменам в Париже вопреки всем тревогам отдельных германских газет. Канцлер отмечал, что «не видит никакого повода для Германии отходить от ее умеренной и доверительной политики» в отношении Франции.⁷

Любопытно, что буквально накануне в Париж пришло противоположное по смыслу послание Гонтон-Бирона, отмечавшего, что приход

⁵ См.: Documents diplomatiques français (далее — DDF). Ser. 1. Vol. I. N 209, 212, 213, 215. P. 241–245.

⁶ Eine neue Regierung in Frankreich (Uebersicht) // *Provinzial-Correspondenz*. 1873. Jahrgang 11, Mai 28. S. 3. — См. также: *Carroll E. Malcolm. Germany and the Great Powers, 1866–1914: A Study in Public Opinion and Foreign Policy*. Hamden, 1966. P. 103.

⁷ Сен-Валье — Брольи, 30 мая 1873 г. // DDF. Vol. I. № 210, P. 242.

к власти нового правительства в германской прессе и в официальных кругах в Берлине увязывают с усилением враждебных Германии клерикальных тенденций во французской политике. Французский посол призывал свое новое руководство к осторожности и благоразумию.⁸ Наблюдения Гонто-Бирона, безусловно, в большей степени отвечали реальности. В германском внешнеполитическом ведомстве кипела работа, и один из ближайших сотрудников Бисмарка Лотарь Бухер жаловался в начале июня Морицу Бушу на избрание Мак-Магона, которое задало ему столько работы, что он был вынужден в последнее время работать дни и ночи напролет даже в праздничные дни.⁹

Личность нового президента

Чтобы понять логику действий германского канцлера, необходимо подробнее рассмотреть также фигуру Мак-Магона. В отечественной историографии утвердился резко негативный образ второго президента Третьей республики. Сочувственно цитировались и впрямь весьма многочисленные уничижительные характеристики Мак-Магона из уст его современников. Подчеркивалась полная бездарность Мак-Магона как военачальника, а главным качеством маршала на основании хлесткого эпитета «величайшего осла Франции» из уст Ф. Энгельса, созвучных отзывам генерала Шангарнье, А. Тьера, бывшими политическими противниками маршала, и герцога Деказа называлась его крайняя «глупость».¹⁰ Повлияла на отношение к Мак-Магону также его роль «душителя» Парижской коммуны. Такая оценка соседствовала с предполагаемой ролью «генерала Монка», которую Мак-Магон коварно и был призван, по мнению тех же историков, разыграть. Но, как представляется, констатации об отсутствии большого государственного ума у Мак-Магона все же недостаточно. Образ маршала нуждается в уточнении.

Почти вся карьера Мориса Патриса Мак-Магона, чье имя напоминало об ирландских корнях его семьи, прошла в Алжире, но известность ему принесли войны в Европе. Во время Крымской войны именно его

⁸ Гонто-Бирон — Брольи, 29 мая 1873 г. // Ibid. № 209. P. 241–242.

⁹ Busch M. Tagebuchblätter. Bd II. Leipzig, 1899. S. 403.

¹⁰ См. например: Борисов Ю. В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, 1871–1875. М., 1951. С. 130–131; Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 57–58; Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции, 1870–1918. М., 1986. С. 124–125.

дивизия взяла и смогла удержать Малахов курган, что решило в итоге исход битвы за Севастополь. Герцогский же титул вместе со статусом «спасителя Франции, императора и династии» он приобрел в Италии после битвы при Мадженте, в которой внезапный удар корпуса под его командованием в тыл австрийцам принес французам победу и спас Наполеона III от разгрома и плена. Тем не менее, несмотря на присягу Империи, он был известен своими легитимистскими взглядами, был добрым католиком и, что было редкостью для сановника Наполеона III, честным человеком.¹¹

Как и Тьер, в 1870 г. Мак-Магон не питал никаких иллюзий относительно возможности легкой победы над Германией (хотя, по понятным причинам, широко это не афишировал). Он заблаговременно отдал распоряжение вывезти свою семью в случае, если пруссаки войдут в Париж.¹² Трезвая оценка противника немало способствовала его популярности, когда неудачи в войне подтвердили его правоту. В ходе самой войны он, однако, терпел поражения наравне со всеми остальными французскими генералами, а от позорной обязанности подписывать капитуляцию при Седане его спасло полученное накануне тяжелое ранение в живот. Последнее обстоятельство даже придало впоследствии его фигуре героические черты.

Еще одним фактором, который позволил Мак-Магону впоследствии стать президентом, стало его поведение в германском плену. В Германии он демонстративно избегал какой-либо политической деятельности. Попытки Наполеона III и его окружения добиться у Бисмарка возможности вернуться с войсками в Париж вызывали у Мак-Магона глубокое отторжение как «контакты с неприятелем». Он оказался единственным из четырех маршалов Франции в германском плену (в отличие от Базена, Лебёфа и Канробера), кто решительно отказался прибыть 2 ноября 1870 г. в Кассель на импровизированный «военный совет», устроенный Наполеоном III. После этого отношения с экс-императором оказались разорваны.¹³

Большие колебания у маршала вызвал вопрос о выдвижении его кандидатом в депутаты Национального Собрания Франции. В февральских

¹¹ См. весьма объективный портрет нового президента в: Политическая и общественная хроника — маршал Мак-Магон // Дело. 1874. № 1. С. 85–90.

¹² Broglie G., de Mac Mahon. Paris, 2000. P. 130.

¹³ Broglie G., de Mac Mahon... P. 166.

выборах 1871 г. он участвовать отказался, а на дополнительных выборах его вновь приобретенному желанию стать законодателем не суждено было осуществиться. Так Мак-Магон в очередной раз неосознанно сделал верный ход к положению независимой фигуры, которая в тех условиях баланса различных политических сил только и могла быть выдвинута на пост президента республики.

Известно, что никакой тяги к политике маршал не имел. Его противоречивое поведение в вопросе о приобретении депутатского мандата, вероятно, стало отражением того страха, что после Седана ему не поручат больше ответственных постов.¹⁴ Из небытия Мак-Магона вернул Тьер, который сделал его главнокомандующим версальскими войсками, брошенными на подавление восстания в Париже, начавшегося в день его возвращения в столицу. Мак-Магон быстро «отодвинул» Тьера от решения военных вопросов и провел операцию по взятию мятежного города по всем правилам военного искусства. Это звание Мак-Магона как «борца с социализмом» и «спасителя общества» уже весной 1871 г. позволило немецкому писателю и публицисту Густаву Фрейтагу на страницах «*Im Neuen Reich*» пророчить ему, «самому уважаемому и лично достойному уважения генералу наполеоновского времени», будущее «преемника» Тьера.¹⁵ На деле, как мы увидим ниже, маршал бросал вызов Тьеру только в том, что касалось переустройства французских вооруженных сил.

Мак-Магон пользовался доверием и уважением армии, но самого по себе этого, конечно, было не достаточно для того, что занять пост главы государства. Как справедливо было подмечено одним американским журналистом, еще в конце 1872 г. во Франции трудно было найти человека, готового утверждать, что «маршал знает хотя бы чуть больше о политическом руководстве и конституционных принципах, чем любой из его ординарцев», но после шестимесячной обработки газетами, часть французов стала признавать его великим человеком.¹⁶

¹⁴ Именно эта мысль, как пишет Г. Брольи, стала преследовать Мак-Магона, когда через несколько дней после своего ранения он вышел из бессознательного состояния — см.: *Broglie G., de Mac Mahon...* P. 164.

¹⁵ *Freytag G. Die Lage in Frankreich und unser Gewinn (Im Neuen Reich, 1871, Nr. 15) // Gesammelte Aufsätze. 2 Aufl. Leipzig, 1888. S. 507.*

¹⁶ *Wilson B. D. J. The Marshalate: a chapter of French history. May 1873 – October 1877 // The Living age... Vol. 135. 1877. December 8. Issue 1747. P. 604.*

Николай Орлов в своих донесениях в Петербург описывал Мак-Магона как человека «прямого», «твердого», но «ограниченного ума».¹⁷ Летом 1873 г., когда государственный канцлер по традиции отправился на отдых, и внешнеполитические донесения отправлялись прямо на имя императора, российский посол в Париже мог с большей свободой развить свои мысли. В отчетах Александру II Орлов признавал, что герцог Маджента «не дипломат, не государственный деятель, но зато человек с открытым сердцем и простой», отнюдь не «великий полководец», но который, благодаря своим ранам и хлопотам о благе армии, любим ею. Осторожность и сдержанность характера Мак-Магона в оценке российского дипломата выступали достоинствами, которые могли помочь избежать тому многих ошибок.¹⁸

Уже тогда Орлов убедился, что маршал очень настойчив в своих мнениях, которых у него «немного, но когда какая-нибудь идея утверждается у него в голове, практически невозможно выбить ее оттуда».¹⁹ При этом, бывшие подчиненные Мак-Магона справедливо указывали, что перед лицом опасности «он теряет голову и вместо того, чтобы командовать, он всегда рвется сражаться как простой солдат».²⁰ Эта особенность Мак-Магона как раз ярко проявила себя под Седаном и могла иметь роковые последствия и в политике. Даже ближайшие к маршалу люди признавали, что у него «нет ни склонности, ни способностей к политике», «он чувствует себя неспособным выступать публично».²¹

Вообще, неискушенность Мак-Магона в политических играх заставляла его крепче держаться за личные взаимоотношения, которые связывали маршала с армейской средой. Об этом говорила и прокламация, обращенная Мак-Магоном к армии сразу после своего избрания: «Солдаты! Национальное Собрание, выбрав одного из вас президентом республики, показало вам, какое доверие оно питает к вашей верности, вашему патриотизму и вашей энергии, направленным на поддержание в нашей стране порядка и уважения к закону...».²² Неслучайно, что

¹⁷ Орлов — Горчакову, 14/26 мая 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524 Д. 1101. Л. 275–275 об.

¹⁸ Отчет Орлова Александру II, 31 мая/ 12 июня 1873 г. // Там же. Л. 306 об.–307 об.

¹⁹ Орлов — Александру II 25 июня/ 7 июля 1873 г. // Там же. Л. 369 об.–369 об.

²⁰ Там же. Л. 370.

²¹ Мнение Эммануэля д'Аркура, выступавшего при Мак-Магоне в роли советника. Цит. по: *Broglie G., de Mac Mahon...* P. 169.

²² Цит. по: *Journal de St. Pétersbourg*, 1873. Mai 26 (Juin 7).

именно при Мак-Магоне и в его присутствии с 1875 г. стали регулярно проводиться торжественные смотры войск Парижского гарнизона, которые очень сильно напоминали «fête de l'Empereur», отмечавшийся традиционно 15 августа при Второй Империи. Так подчеркивались особые отношения между президентом и армией.²³

Уверенность в поддержке армии была для Мак-Магона чрезвычайно важна, он любил отмечать в беседах с иностранными дипломатами, что она «в его руках». Это позволяло, в свою очередь, Мак-Магону внешне приобретать черты общенационального лидера, стоящего над партийной борьбой и озабоченного лишь сохранением гражданского мира. Несмотря на активность сторонников реставрации монархии, внутренняя политика при Мак-Магоне приобретала видимость большей устойчивости, когда «кабинетные кризисы» не превращались в «кризисы правительства», как это было при Тьере.²⁴

С самого вступления на пост президента Мак-Магон закрепил за собой безоговорочный приоритет в осуществлении военной реформы, отказавшись от активной роли во внутренней и внешней политике. Зато в том, что касалось жизни французской армии, маршал вникал в каждую мелочь, вплоть до вопросов общественного пользования тарелок в казармах.²⁵ Это же с самого начала было очевидно и Н. А. Орлову. Комментируя факт сохранения поста военного министра за генералом Эрнестом Сиссэ, Орлов спешил оговориться: «но очевидно, что новый президент республики будет управлять военными делами сам».²⁶ Между тем, именно эта сторона деятельности второго президента Третьей республики была полностью сокрыта от внимания широкой публики и никак не учитывалась отечественными историками.

Неожиданно резкая враждебность Бисмарка к кандидатуре Мак-Магона имела, по всей видимости, еще одну основу. Как отмечал Орлов, маршал, не предполагая себя в роли будущего представителя страны,

²³ Vogel J. Nationen im Gleichschritt. Der Kult der «Nation in Waffen» in Deutschland und Frankreich, 1871–1914. Göttingen, 1997. P. 94. (Kritischen Studien der Geschichtswissenschaft, 118).

²⁴ Орлов — Александру II, 7/ 19 июля 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1102. Л. 6.

²⁵ См.: Ch Janet J.-Fr. Vers l'armée nouvelle: République conservatrice et réforme militaire, 1871–1879. Rennes, 2006. P. 51.

²⁶ Орлов — Горчакову, депеша от 14/ 26 мая 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101. Л. 277 об.–278.

успел отметить целым рядом враждебных жестов по отношению к немцам. И пусть они выглядели вполне невинно, вроде нежелания все эти годы быть представленным Арниму, имя которого до его вступления на пост президента маршалу только и было известно, эти демарши, по мнению Орлова, «очень плохо расположили германское правительство по отношению к герцогу Маджента и вызовут еще не раз сложности в будущем».²⁷

Преемственность курса

С самого начала было очевидно, что Мак-Магон, в отличие от его предшественника на посту президента, был неспособен (да и не пытался) определять политику Франции. Эту функцию на себя взял герцог де Брольи.

Практический опыт герцога в области международных отношений, однако, был невелик, и это обстоятельство почти сразу дало о себе знать. Открытое вмешательство Брольи с целью постоянно направлять нового главу государства бросалось в глаза даже в ходе официальных встреч с иностранными представителями. Орлов откровенно признавался, что в этой паре с первого взгляда отдал свои симпатии маршалу, «который говорит то, что думает, и его можно понять». Герцог де Брольи, писал Орлов, «играет дипломата. Он принимает высокомерный вид, затем вновь становится любезным и путается постоянно в серии фраз, которые делают его мысль совершенно непостижимой».²⁸

Первая же нота де Брольи, адресованная французским дипломатическим представителям за границей, вызвала критику даже иностранных изданий. Косвенно обосновывая свержение Тьера, он провозглашал Францию страной, находящейся в состоянии анархии, восстановить «моральный порядок» которой и призван его кабинет. «Если бы князь Бисмарк вздумал вмешаться во французские дела и приостановить очищение французской территории, он легко бы мог оправдать свои действия нотой герцога Брольи...», — осуждающе заметил в этой связи, в частности, русский журнал «Дело».²⁹

²⁷ Российский посол первоначально намеревался выразиться резче: «обидчивость Берлина велика, и она даст себя почувствовать Парижу». См.: Орлов — Горчакову, 18/30 мая 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101. Л. 289 об.—291.

²⁸ Орлов — Горчакову, 22 мая/3 июня 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 1101. Л. 304—305 об.

²⁹ Политическая и общественная хроника — герцог Брольи // Дело. 1873. № 11. С. 88.

Во взаимоотношениях с Германией новый министр иностранных дел намеревался следовать той линии, которая уже была выработана до него. Он подчеркивал, что в конфликте Национального Собрания и главы исполнительной власти не было ни малейшей доли расхождений по вопросам внешней политики. Брольи подытоживал: «Новое правительство <...> будет следовать, таким образом, политике решительно консервативной, то есть миролюбивой вовне и умеренной внутри».³⁰

Преемственность внешнеполитического курса Франции герцог де Брольи быстро подтвердил тем, что с начала сентября стал все настойчивей высказывать российскому представителю свои опасения в отношении Германии. Сам Орлов вполне разделял тревожные оценки своего собеседника: «со всех сторон» ему поступают сведения, что «Бисмарк сильно раздражен против нынешнего правительства Франции. Одна искра может вызвать конфликт». В этом конфликте, считал посол, исход заведомо предрешен: «Пруссия <...> на вершине своего материального могущества», тогда как у Франции нет ни «финансов, ни армии», политические разногласия не сулят ей ничего иного в новой войне, как «новые поражения».³¹ Де Брольи, по свидетельству Орлова, полон решимости не давать предлога для недовольства Бисмарка, «но искусность этого последнего достаточно велика, чтобы подсказать ему тысячу средств для порождения новых затруднений».³²

Спустя два дня в новой беседе с Орловым Брольи прояснил цель своего обращения к теме взаимоотношений с Германией. Для начала он подчеркнул, что самому французскому правительству так и не удалось рассеять «недоверие» Берлина. Вопреки всем обвинениям, говорил он, французское правительство ни в коем случае не намерено вмешиваться в дела соседних Испании, Швейцарии и Италии. «Изобретенные» Бисмарком французские угрозы против соседей должны были, как подозревал Брольи, помочь германскому канцлеру «выставить себя защитником» этих стран. Брольи подчеркнул, что ему кажется «совершенно невозможным», чтобы любое, «даже самое клерикальное» французское

³⁰ Брольи — Гонто-Бирону, 28 мая 1873 г. // DDF. Vol. I. № 207. P. 239.

³¹ Орлов — Вестману, 21 августа/ 2 сентября 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1102. Л. 112–113.

³² Там же. Л. 113–113 об.

правительство в своем нынешнем состоянии могло думать о «нападении на короля Виктора Иммануила». ³³

Более того, сам итальянский король мог стать орудием антифранцузской политики в руках Бисмарка. Под влиянием Германии Италия активно формирует отряды альпийских стрелков и не далее как «на прошлой неделе» в Бриансоне был задержан и без лишней огласки выслан офицер итальянского генштаба, который под видом путешественника снимал планы французских укреплений. Не менее тревожной для Парижа была и прусская активность в Тунисе, который со временем мог бы превратиться в «столицу будущей прусской Африки». Все это побуждало Брольи просить российского императора, «слово которого столь весомо в Берлине», адресовать туда «несколько советов умеренности и мира», «которые определенно могли бы обуздать все более и более завоевательские устремления князя Бисмарка». ³⁴

Нельзя воспринимать эти заявления де Брольи слишком серьезно: приводя примеры сосредотачивающихся вокруг Франции угроз, за которыми он видел тень германского канцлера, министр явно сгущал краски. Однако это его выступление поразительно напоминало аналогичные демарши самого Бисмарка перед иностранными дипломатами. Не удивительно, что осенью 1873 г. Брольи пришлось удовлетвориться лишь несколькими успокоительными заверениями Петербурга. Чрезмерные тревоги Брольи, вызванные самим фактом визита итальянского короля в Берлин, скорее приоткрывали крайнюю уязвимость Франции перед лицом угрозы войны на два фронта.

Фактор влияния экономического кризиса 1873 года

Свое влияние на европейскую политику оказал и очередной мировой кризис перепроизводства. 8 мая 1873 г. на венской фондовой бирже началась паника, которая дала толчок к всеобщему экономическому кризису, затронувшему, помимо Австро-Венгрии, Германию, Россию, Великобританию, Францию и США. Особенно тяжелым по последствиям кризис 1873 г. оказался для Австро-Венгрии и Германии.

³³ Последняя формулировка подразумевала вмешательство в дела Италии в поддержку Пия IX. См.: Орлов — Вестману, 23 августа/ 4 сентября 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1102. Л. 118–119 об. и Л. 122.

³⁴ Там же. Л. 123 об.–126 об.

Миллиарды, полученные из Франции в качестве контрибуции, оказались своеобразным «допингом» для германской экономики, так как имперское правительство сохранило менее половины суммы, и львиная доля средств пошла на военные заказы, капитальное строительство, развитие железных дорог. Эти прямые инвестиции сами по себе стимулировали экономику. Остальные деньги были направлены в распоряжение германских государств, откуда путем погашения военных займов, выплат пособий вдовам, сиротам и инвалидам войны попали в частные руки.

Имея лишние деньги на руках, население кинулось покупать акции компаний и активно занялось игрой на бирже. Разнообразные акционерные общества, многие из которых существовали только на бумаге, росли как грибы после дождя. Для того чтобы представить ситуацию, достаточно сказать, что с 1871 г. по 1873 г. в Германии было основано 726 новых компаний, в то время как за период с 1790 г. по 1870 г. — всего 276.³⁵ Этот процесс создания новых компаний вошел в германскую историю под названием «грюндерской горячки». Но в 1873 г. последовала расплата: все «дугие» фирмы лопались, заводы и фабрики останавливались, а сотни тысяч людей теряли свои сбережения и работу. Неожиданным злом обернулись и германские аннексии промышленно-развитых французских областей: рост продукции черной металлургии привел к перепроизводству в отрасли.³⁶

Этот кризис имел серьезные последствия для франко-германских отношений. Дело в том, что общеевропейский обвал затронул ослабленную французскую экономику в значительно меньшей степени. Как следствие — соотношение сил между Германией и Францией изменилось в благоприятную для последней сторону. Разрыв между экономическими потенциалами двух стран существенно сократился, хотя в первенстве Германии сомнений не возникало. Соответственно, тревоги Бисмарка возросли, что не замедлило сказаться на международной обстановке.

Как показывает статистика, в 1874–1879 гг. французская и германская экономики переживали сходное состояние колебаний вокруг

³⁵ *Craig G. A. Germany, 1866–1945. N. Y., 1978. P. 81.*

³⁶ *Albers D. Reichstag und Aussenpolitik von 1870–1879 // Historische Studien. Heft 170. Berlin, 1927. S. 58.*

показателей 1874 г.,³⁷ но общественные настроения двух стран были диаметрально противоположными. После 1873 г. у французов возникло убеждение, что худшие времена миновали, что страна начинает возрождаться. Такие же мысли постоянно звучали и с высоких трибун. Руководители республики подчеркивали каждое мало-мальски заметное достижение страны, а пресса уже их широко рекламировала. В Германии же временно брали верх пессимистические настроения. Вот что сообщал в 1875 г. в Париж Шарль д'Эль, наблюдавший во Франкфурте за германским банковским миром: «Всеобщая стагнация <...>, никто и не мечтает об открытии нового предприятия».³⁸

Финансовая элита империи пребывала в унынии: так, например, барон Авраам фон Оппенгейм писал Герсону Блейхредеру в июне 1875 г. о «полном параличе» торговли и промышленности, а в октябре констатировал: «...я не вижу, откуда может прийти скорое восстановление. <...> Я в бизнесе уже почти пятьдесят шесть лет и не могу вспомнить такого затяжного кризиса».³⁹ Экономические издания были переполнены все новыми свидетельствами депрессивной тенденции в германской экономике. «Стальной король» Крупп, в частности, вынужден был тысячами увольнять своих рабочих, и ради банковского кредита заложил свои военные заводы, что вызвало настоящую панику у германского генералитета.⁴⁰ Важно отметить, что ни германское, ни французское правительства не располагали статистическими срезами, объективно отражающими ситуацию, и основывались в своих действиях во многом на тех общих настроениях и отрывочных наблюдениях, которые были только что очерчены.

Тогда же, в 1873 г., кризис питал в германских правящих кругах два противоположные устремления. С одной стороны, там надеялись преодолеть сложившуюся пагубную ситуацию с помощью французского золота, необходимость получения которого заставляла вести себя сдержанно. С другой стороны, все большее число голосов называло новую

³⁷ См. Таблицу 4 в: *Mitchell A.* The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979. P. 117.

³⁸ Цит. по: *Ibid.* P. 123.

³⁹ Цит. по: *Stern Fr.* Gold and Iron. Bismarck, Bleichröder and the building of the German empire. N. Y., 1979. P. 189.

⁴⁰ *Pakula H.* An uncommon woman. The empress Frederick, daughter of Queen Victoria, wife of the Crown Prince of Prussia, mother of Kaiser Wilhelm. N. Y., 1995. P. 315. — См. также: Austria and Germany (from our own correspondent) // *The Economist.* 1875. April 24.

войну кардинальным решением всех проблем. Первая тенденция победила, и пусть с проволочками, но 13 сентября Верден был очищен, а 16 сентября последние германские части покинули французскую землю.

Провал планов реставрации монархии

Осенью 1873 г. наблюдалось одновременное развитие двух процессов, которые грозили Франции значительными осложнениями. Внутри страны монархисты, наконец, договорились о компромиссе: законным французским монархом под именем Генриха V провозглашался граф Шамбор, а так как у него не было детей, то после его смерти престол должен был перейти к графу Парижскому. Теперь обе партии деятельно готовили государственный переворот, чему не препятствовало руководство республики. Вечный скептик Альбер де Брольи, однако, откровенно писал в это время: «мы вымостили путь... Но недостаточно иметь свободную дорогу, по ней надо двигаться вперед. Нация не может двигаться навстречу одному человеку <...> Он должен по крайней мере встретить [нацию] на полпути: сделает ли он это? Сделает ли он хотя бы шаг вперед? Ничто не позволяет мне верить в это...».⁴¹

Пессимистичное предсказание главы французского правительства подтвердилось вскоре самым неприятным для монархистов образом. Воспитанник Шатобриана и большой поклонник романов Дюма-старшего, граф Шамбор, по меткому определению историка Дэниса Брогэна, как «спящая красавица», уединенно жил в своем замке во Фросдорфе в Верхней Австрии в мире, который был бесконечно далек от реальности. Он легко уступил в конституционном вопросе и в вопросе гарантий гражданских свобод, которые, похоже, были для него формальны и неопределенны. Отношение нации к своему возможному восшествию на престол графу Шамбору также было безразлично, ибо он верил в свою легитимность по божественному предопределению.⁴²

Зато большое значение для него представляло согласие Национального Собрания на белое знамя Бурбонов вместо триколора в качестве

⁴¹ Цит. по: *Osgood Samuel M. French Royalism under the Third and Fourth Republics. The Hague, 1960. P. 24.*

⁴² *Brogan D. W. France under the Republic. The development of modern France (1870–1939). London, 1949. P. 100.*

государственного флага. Напрасно претенденту объясняли, что даже армия не примет белого знамени. Такой яркий роялист, как генерал Дюкро, писал Шамбору, что «это невозможно, совершенно невозможно, сегодня, завтра, никогда...».⁴³ Но претендент ошибочно понял только то, что решение проблемы заключается в согласии армии – достаточно будет ее переубедить (а в том, что ему это удастся, он не сомневался), и все разрешится само собой.

Началась долгая «осада Фросдорфа», но многочисленные делегации в резиденцию претендента не смогли сломить его сопротивления. В вопросе «своих принципов» Шамбор действительно, как и предсказывал герцог Брольи, не отступил ни на йоту. Представители же монархистов сознательно скрывали это, обманывая себя иллюзией движения. В итоге 27 октября в своем открытом письме, опубликованном три дня спустя в «Union», граф Шамбор официально отказался быть «легитимным королем Революции», которую для него олицетворяло трехцветное знамя.⁴⁴

Это письмо прозвучало как отречение от престола. Но, как оказалось, сам претендент об этом и не думал. 10 ноября, когда все надежды на успешную реставрацию были потеряны, граф Шамбор тайно прибыл в Версаль и направил Мак-Магону предложение встретиться. Его план состоял в том, чтобы появиться вместе с президентом перед гарнизоном Версаля, солдаты которого, полагал Шамбор, конечно же, восторженно встретят короля и его флаг. Затем в сопровождении бригады кавалерии они должны были бы отправиться в Собрание, чтобы провозгласить там Шамбора законным монархом Франции.⁴⁵

Однако выяснилось, что Мак-Магон, вопреки всем подозрениям современников, вовсе не собирался играть роль генерала Монка. Маршал всем сердцем желал уступить свое место Генриху V, но в еще большей степени он чувствовал свою ответственность перед Национальным Собранием, которое сделало его президентом. В своем ответе представителю претендента Блаказу Мак-Магон заявил, что «он был бы счастлив пожертвовать ради него (Генриха V. — А. Б.) своей жизнью,

⁴³ Цит. по: Ibid. P. 86.

⁴⁴ Osgood Samuel M. French Royalism... P. 28–29.

⁴⁵ Brogan D. W. France under the Republic... P. 104–105. — См. также: Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. С. 126.

но не может пожертвовать своей честью». ⁴⁶ Блаказ настаивал на том, что маршал должен явиться с визитом к своему королю, и даже пытался вручить ключи от тайного местопребывания Шамбора на улице Сен-Луи. Мак-Магон остался безмолвен в ответ на все расчетливые призывы своего собеседника. ⁴⁷

Узнав об отказе, Шамбор не смог сдержать ядовитого замечания в адрес маршала, которого сам не так давно называл «Баярдом наших дней»: «Я рассчитывал иметь дело с коннетаблем Франции, а обнаружил лишь капитана жандармерии». ⁴⁸ Мак-Магон был готов позволить графу Шамбору остаться во Франции, но вопрос о его коронации должен был решить верховный представительный орган страны. В ответ граф Шамбор покинул Версаль и никогда больше сюда не возвращался.

Тайна пребывания претендента была столь полной, что даже всегда прекрасно информированный Орлов узнал о ней лишь через неделю после приезда Шамбора в Версаль. ⁴⁹ Еще не зная об этом, Орлов в беседе с маршалом настоятельно убеждал Мак-Магона остаться на своем посту, в противном случае предрекая «гражданскую войну между различными военными вождями». Ради цели предотвращения этой угрозы маршал пообещал остаться у власти, «которая, — как он признался, — меня тяготит». ⁵⁰

Завершило эту историю голосование Палат 20 ноября о продлении президентского срока Мак-Магона до семи лет (то есть до 20 ноября 1880 г.). Германия встретила известие о провале Реставрации со сдержанной радостью. Месяц спустя Бисмарк в свойственной ему грубоватой манере мог позволить себе немного побравировать перед британским послом. На вопрос Одо Рассела, не кажется ли канцлеру, что правительство Мак-Магона предпочтительней монархии Шамбора, он возразил, что «предпочитает Шамбора Мак-Магону, потому что из

⁴⁶ Цит. по: *Broglie G., de Mac Mahon...* P. 249.

⁴⁷ *Ibid.* P. 250.

⁴⁸ Цит. по: *Ibid.* P. 251.

⁴⁹ Орлов — Горчакову, 10/ 22 ноября 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1102. Л. 227–233.

⁵⁰ Цит. по: Орлов — Вестману, 1/ 13 ноября 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 1102. Л. 220 об.–222.

этих двоих тот (Шамбор. — А. Б.) большой дурак».⁵¹ В таком же духе представляли незадачливого претендента германские сатирические издания.

2.2. ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВОКРУГ «ЕПИСКОПСКИХ ПОСЛАНИЙ»

Вместе с драматичными поворотами политической эпопеи вокруг знамени Бурбонов, тревоги германского кабинета усилил всплеск религиозных чувств во Франции. Даже российский посол, безусловно, гораздо более хладнокровно смотревший на проблему, нежели погруженные в борьбу с папством германские публицисты и политики, отмечал опасность французского «религиозного движения», усиленную «нетерпимостью» и «фанатизмом» французской «католической партии». «После 24 мая, — замечал Орлов, — которое клерикалы считают датой своего пришествия к власти, в разных уголках французской земли случилось огромное количество ложных чудес», вызвавших повсеместное возведение часовен и масштабные паломничества.⁵² Нередко они сопровождались появлением знамен Эльзаса и Лотарингии и молебнами за возвращение Франции «отторгнутых еретиками провинций». Маршал Мак-Магон (супруга которого сама участвовала в организации паломничеств в Лурд на место явления Девы Марии) осудил факт участия в этих манифестациях французских военных и депутатов, но рост числа религиозных шествий это не остановило.⁵³ Слова Орлова о невозможности предсказать все печальные последствия, которые это «однажды может породить», не преминули сбыться. В тот же месяц одна из многих и вполне рядовых религиозно-патриотических манифестаций спровоцировала затяжной франко-германский кризис.

26 июля 1873 г. епископ города Нанси Фулон, в границы диоцеза которого входили общины некоторых территорий, отошедших к Германии, обратился к своей пастве по поводу намеченного на 3 августа паломничества к статуе Богородицы Сионской в храме в одноименном пограничном местечке (*Sion*). Эвакуация германских войск позволяла провести

⁵¹ Рассел — Гренвилу (Секретно), 22 декабря 1873 года // *Taffs W. Ambassador to Bismarck: Lord Odo Russell. London, 1938. P. 65.*

⁵² Орлов — Александру II, 25 июня/ 7 июля 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 1101. Л. 364–364 об.

⁵³ Там же. Л. 366–367.

Германский посол в Париже
(1871–1874) граф Гарри фон Арним

это давно планируемое торжество. В своем «пастырском послании» Фулон призвал участников паломничества «принести в Сион наши печали, наш обет и наши неукротимые надежды» и молиться, «чтобы жестокое разделение, которое ей (Лотарингии. — А. Б.) было навязано войной, не было бы безнадежным...». Он также призвал к тому, чтобы на церемонии 3 августа рядом с церковным знаменем города Нанси присутствовали и хоругви «наших двух несчастных сестер» — Меца и Страсбурга.⁵⁴

Это в целом довольно сдержанное послание внезапно стало объектом пристального внимания

Берлина. Реакция германских властей оказалась несколько запоздалой по причине того, что граф фон Арним до конца сентября в Париже отсутствовал, и первые инструкции по данному кризису его заместитель граф Весдехлен получил только 3 сентября. Те сельские священники, которые теперь являлись подданными германского императора и которые прочитали с амвона послание своего епископа, подверглись судебному преследованию. Вдобавок к этому, Бисмарк потребовал объяснений от французского правительства, а также наказания для Фулона.⁵⁵

Гнев Бисмарка излился и на Арнима, которого канцлер упрекал в вечном отсутствии на своем посту и пренебрежении делами. Арним впоследствии оправдывался, что дело вокруг посланий епископа Нанси быстро «было предано забвению», а значит, никакого значения не имело.⁵⁶ Он счел удобным «забыть» свои беседы с Брөльи по этому поводу 26 сентября, 17 октября и 8 ноября. Глава французского правительства с самого

⁵⁴ Цит. по: *Gadille J.* La pensée et l'action politiques des évêques français au début de la Troisième République, 1870–1883. Vol. I. Paris, 1967. P. 269. — Ср. с примеч. к док. № 244 // DDF. Vol. I. P. 276.

⁵⁵ Die Grosse Politik. Bd I. № 131, 133, 135, 137. S. 211, 213, 215–216, 220–221.

⁵⁶ См.: [Arnim H., von]. Pro Nihilo! Vorgeschichte des Arnimischen Prozesses. Heft 1. Zurich, 1876. S. 84–85.

начала поспешил заверить германских представителей, что не поддерживает пропаганды реванша, но от наказания епископа упорно уклонялся.⁵⁷ Немецкая пресса в ответ начала шумную кампанию с требованием от своего правительства решительных действий.

Не успели поутихнуть страсти вокруг выступления епископа Нанси, как прозвучали новые. Масла в огонь подлила энциклика Пия IX, содержащая острую критику Культуркампа в Германии. Ее тон был подхвачен в начале декабря уже целой группой французских епископов, опубликовавших в католической прессе свои пастырские послания, которые выражали чувства духовной близости и симпатии к своим германским коллегам, подвергавшимся преследованиям со стороны имперского правительства. Гонто-Бирон с тревогой отмечал все новые и новые враждебные Франции статьи, которые теперь появлялись каждый день.⁵⁸

Граф Арним в своем памфлете «Pro Nihilo» в связи с этим оставил несколько любопытных замечаний. Он доказывал, что декабрьские пастырские послания французских епископов стали раньше известны в Германии, чем в самой Франции, где к подобным «эксцентричным поступкам клерикалов» привыкли и не обращали на них никакого внимания. В Германии же, отмечал Арним, эти послания получили значение, «которого они ни в каком отношении не заслуживали», чему поспособствовали «естественные обязанности» газетчиков представлять каждодневные новости своим читателям в «духе сенсаций». Именно таким образом «рутинное», писал он, сообщение «Figaro» было превращено германскими официозами в прекрасный повод для очередной франко-германской газетной войны, участники которой очень скоро «уже не знали из-за чего все началось и чего они хотят».⁵⁹

Даже если версия развития кризиса германского посла в Париже неточна, она указывает на одну важную тенденцию. Если проследить состояние франко-германских отношений в эти годы по германским газетам, то можно выстроить картину почти не прекращающихся неприкрытых угроз и обвинений. Порой складывается ощущение, что

⁵⁷ Весдехлен — Бисмарку, 12 сентября 1873 г., Арним — Бисмарку, 29 сентября, 17 октября, 10 и 13 ноября 1873 г. // Die Grosse Politik. Bd I. № 132, 134, 136, 138, 139. S. 212, 213–214, 216–220, 221–225.

⁵⁸ Гонто-Бирон — Деказу, 22 декабря 1873 г. // DDF. Vol. I. № 249. P. 283–284.

⁵⁹ [Arnim H., von] Op. cit. S. 88–89.

следующей заметкой станет новость о затребованных германским посольством в Париже паспортах. В то же время, даже в близких к Бисмарку журналах, в силу уже самого факта их более редкого появления в свет, тема «французской угрозы» была лишена «актуального» полемического задора и сосредотачивалась вокруг основных проблем. При знакомстве с ними складывается устойчивое впечатление, что французская тема вообще не стояла на первом месте и серьезно уступала темам, поднятым на волне Культуркампа. Симптоматично подчеркнутое пренебрежение к вопросам французской политической жизни перед политикой внутригерманской в январском разделе «Политической корреспонденции» «*Preussische Jahrbücher*» за 1875 г.: «С тех пор, как Германия нашла центр тяжести в самой себе, ее дела [для нее] — важнейшие в Европе». ⁶⁰

Можно вспомнить, как Бисмарк готовил франко-прусскую войну. В той ситуации прусское внешнеполитическое ведомство было вынуждено вести себя сдержанно. «Газеты, однако (и как можно большее их число!), должны быть очень резкими», наставлял тогда из своей «засады» в Варцине Бисмарк. ⁶¹ Газеты продолжили играть ту же роль в дипломатии канцлера с тем только исключением, что германское правительство могло теперь позволить себе в отношении Франции большую свободу высказываний.

Очередное обострение обстановки совпало с переменами на Кэ д'Орсэ. Некомпетентность Альбера де Брольи на посту министра иностранных дел заставляла российского посла Николая Орлова с самого начала предрекать ему скорую отставку, ⁶² но политическая изворотливость герцога раз за разом опровергала эти ожидания. И лишь в конце ноября 1873 г. де Брольи уступил руководство внешней политикой герцогу Луи-Шарлю Деказу, который сохранит свой пост до 1877 г. ⁶³

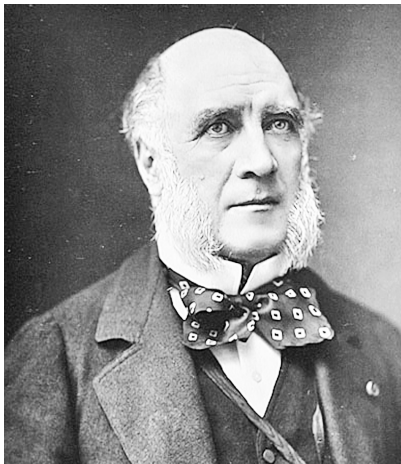
⁶⁰ *W[ehrenpfennig] Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1875. Bd 35. Heft 1. S. 91.*

⁶¹ Цит. по: *Виноградов К. Б. Бисмарк и возникновение франко-прусской войны // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 214.*

⁶² Орлов — Горчакову, 22 мая/3 июня 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 1101. Л. 305 об.

⁶³ После 1815 г. только Гизо и граф Валуевский возглавляли французский МИД дольше. За годы существования Третьей республики по продолжительности пребывания на этом посту Деказа превзошли только Т. Делькассе и А. Бриан. См.: *Daudet E. Souvenirs de la présidence du Maréchal de Mac-Mahon. Paris, 1880 P. 89; Nolde B., baron L'Alliance franco-russe. Paris, 1936. P. 36.*

Герцог Деказ, согласно характеристике А. З. Манфреда, был одной из «звезд» монархической партии, имел опыт дипломатической игры, которая его привлекала и которая, видимо, была его настоящим призванием.⁶⁴ С большим энтузиазмом отнесся к кандидатуре Деказа и Орлов, который называл нового министра человеком «действительно способным».⁶⁵ Именно при нем произошла заметная активизация внешней политики Франции. При этом, вступив в должность, он поспе-

Министр иностранных дел Франции
(1873–1877) герцог Луи Деказ

шил подчеркнуть преемственность своего внешнеполитического курса, основанного на миролюбии и уважении подписанных договоров. Циркуляр, адресованный им французским миссиям за рубежом по случаю его назначения, завершался эффектной формулой: «Не изолируясь от важных вопросов, которые возникают вокруг нее, <...> Франция сосредоточивается, и в сознании своей силы и своего величия она рассчитывает на то, что порядок и труд позволят ей залечить свои раны...».⁶⁶

В условиях нарастающего напряжения, которое умело нагнеталось вокруг Франции, между Министерством и посольством в Берлине шел

регулярный обмен посланиями, частота которого выдавала тревогу Парижа и то значение, которое придавалось всему делу вокруг посланий французских епископов. Гонтто-Бирон доносил о целом ряде свидетельств, указывающих на то, что в Берлине все больше обеспокоены успехами французов в деле реорганизации армии и ожидают удара в течение ближайших двух лет.⁶⁷

⁶⁴ Манфред А. З. Образование русско-французского союза... С. 65.

⁶⁵ Орлов — Горчакову, 21 ноября/3 декабря 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 1102. Л. 249.

⁶⁶ Деказ — французским дипломатическим агентам, 7 декабря 1873 г. // DDF. Vol. I. № 246. Р. 278–279.

⁶⁷ Гонтто-Бирон — Деказу, 26 декабря 1873 г. // Ibid. № 251. Р. 285–286.

Именно тогда Бисмарк впервые, пожалуй, назвал в письме Арниму «безрассудным» для любого правительства предоставлять противнику «выбор времени и удобного повода» для войны, которую, пусть и вопреки своей воле, это правительство считает неизбежным. «Ясного политического горизонта» требует и германский деловой мир.⁶⁸ Публично ту же мысль канцлер озвучил после возвращения из своего поместья в Варцине в Берлин в беседе с английским послом Одо Расселом. Он заявил, в частности, что готов скорее «завтра объявить войну, чем ждать, пока они (французы. — *А. Б.*) подготовятся для нападения». На замечание англичанина о том, что «ослабленное состояние Франции препятствует любому поводу к войне», Бисмарк цинично парировал, что «повод для войны найти легко — у него есть некоторый опыт в подобных вопросах».⁶⁹

Рассел выразил сожаление по поводу услышанного, но приписал резкие антифранцузские заявления канцлера предстоящим выборам в германский Рейхстаг и возобновлению дебатов по военному закону. Подтверждение своим предположениям Рассел увидел в словах Мольтке, который неделю спустя публично также назвал новую войну неизбежной и заявил в этой связи, что «посмотрит на каждого законодателя, который проголосует против нового военного закона, как на предателя Отечества».⁷⁰ Для того, чтобы добиться от депутатов сохранения «железного бюджета», который предусматривал колоссальные расходы на армию, германское правительство, очевидно, решило вновь разыграть «французскую карту».

Мнение Рассела о подоплеке всех этих высказываний разделял и Гонто-Бирон. В этих условиях французский посол считал важным лишить Берлин поводов для выпадов против Франции и рекомендовал своему руководству урезонить епископов, прекратить громко афишировать военную реорганизацию, не отказываясь от нее, призвать, наконец, к умеренности прессу.⁷¹ Деказ и де Броли вполне разделяли эти взгляды, и их действия опережали советы посла. Французский министр культов Фурту того же 26 декабря распространил циркуляр, в котором

⁶⁸ Бисмарк — Арниму, 30 октября 1873 г. // *Die Grosse Politik*. Bd I. № 137. S. 221.

⁶⁹ Рассел — Гренвиллю (Секретно), 22 декабря 1873 г. // *Taffs W. Ambassador to Bismarck...* P. 65–66.

⁷⁰ Рассел — Гренвиллю 2 и 9 января 1874 г. // *Ibid.* P. 67.

⁷¹ Гонто-Бирон — Деказу, 26 декабря 1873 г. // *DDF*. № 251. P. 286–287.

хотя и расценивал на шумевшие выступления епископов как проявления патриотизма, призывал французский епископат впредь избегать всего того, что могло бы задеть соседние государства, и, наоборот, способствовать делу умиротворения.⁷² Выдержанный, дипломатичный и торжественный тон этого документа наводит на мысль, что это послание было предназначено отнюдь не «для внутреннего пользования». Это подтверждают и последующие действия французского руководства: циркуляр министра культов появился во французской прессе еще раньше, чем его дипломатической почтой получил Гонто-Бирон, которому было предписано продемонстрировать его германскому канцлеру.

Между тем, Бисмарк счел увещевания недостаточными, и добивался наказания для католических священников. Так, в отношении епископа города Ним Плантье он требовал применения закона 1819 г. «об оскорблении личности монархов или глав правительств иностранных государств», видимо, за то, что в своем папском послании этот епископ напоминал о преследованиях христианских священников во времена римских императоров и восклицал: «Германия Бисмарка захотела продолжить эту традицию подлости и аморальности». Плантье в самом деле зашел в своем выступлении дальше всех, обрушившись не только на Пруссию, но и на весь протестантизм в целом.⁷³

Эта возможность воспользоваться французским законодательством была почерпнута (и указана Арниму) германским статс-секретарем фон Бюловым из французской же «*Journal des Debats*». Ирония ситуации, саркастически отмеченная Арнимом, заключалась в том, что ссылка газеты на параграфы закона оказалась неточной, а в германском ведомстве даже не удосужились ее проверить.⁷⁴ Несколько наивные указания Бюлова, по-видимому, были экспромтом в условиях, когда маховик кризиса был запущен, а от государственного канцлера из Варцина не поступало никаких подробных инструкций. В не меньшей степени показательна та буквальность, с которой короткие пометки Бисмарка — «слишком много хочет», «он должен это подтвердить», «епископ посажен?» — на полях посланий Арнима и Бюлова, передающих заверения французского пра-

⁷² Текст циркуляра в прил. к депеше Деказа Гонго-Бирону от 5 января 1874 г. // Ibid. № 257. P. 292–293.

⁷³ См. *Gadille J.* La pensée et l'action politiques... Vol. I. P. 269–270. — А также прим. к док. № 254 // DDF. Vol. I. P. 291.

⁷⁴ [Arnim H., von] Pro Nihilo! S. 91.

вительства в своих наилучших намерениях, воплощались под рукой его ближайшего помощника Лотаря Бухера в развернутые инструкции для дальнейших переговоров.⁷⁵

Париж уклонялся от осуществления наказаний. Для того чтобы дать почувствовать французам все остроту ситуации, 13 января во время встречи с Гонто-Бироном Бисмарк вновь заговорил языком угроз. Лишним поводом к этому стало послание германского посла в Петербурге принца Рёйсса, в котором сообщалось о реваншистских настроениях в среде высшего французского офицерства.⁷⁶ Бисмарк предостерег своего собеседника, что если Франция по указке Ватикана будет вести атаки на политику германской империи, то «мы (немцы. — А. Б.) будем считать себя в угрожающем положении. Для нас это будет вопросом безопасности, и мы будем вынуждены вести против вас (французов. — А. Б.) войну. <...> Лучше воевать в ближайшие год-два, чем ждать, когда вы закончите свои приготовления».⁷⁷

Угрозы поставили французское правительство в сложное положение: герцог Брольи признавал, что от одной мысли об уголовном преследовании «французского епископа в угоду г-ну Бисмарку» «кровь бросалась в лицо».⁷⁸ Буквально «выручило», по собственному выражению де Брольи, правительство в этой ситуации появление в главном органе французских ультрамонтанов «Univers» публикации весьма умеренного по своему содержанию послания епископа Перигё от 15 декабря. Оно позволило правительственным распоряжением от 19 января на два месяца приостановить выход «Univers» на основании публикации новых статей и документов, «способных вызвать дипломатические осложнения». Очевидно, в глазах де Брольи это было гораздо более пристойной и привычной уступкой германскому канцлеру. Нельзя исключать также, что герцог воспользовался возможностью поквитаться с газетой за ее резкую критику в связи с голосованием о продлении президентских полномочий Мак-Магона.

⁷⁵ См. записки статс-секретаря фон Бюлова от 31 декабря, 6 и 11 января 1873 г. // Die Grosse Politik. Bd I. № 141, 141, 143. S. 225–230. — А также: Der Einfluß der Randbemerkungen Bismarcks und der Kaiser Wilhelm II. auf die deutsche auswärtige Politik. S. a. S. 10–12.

⁷⁶ Рейс — Бисмарку, 12 января 1873 г. // Die Grosse Politik. Bd I. № 146. S. 234–235.

⁷⁷ Цит. по: *Jeismann K.-E.* Das Problem des Präventivkrieges im europäischen Staatensystem mit besonderem Blick auf Bismarckzeit. München, 1957. S. 89.

⁷⁸ *Broglie A., duc de Mémoires du duc de Broglie.* Vol. II. 1870–1875. Paris, 1941. P. 270.

Эта крайне непопулярная во французском обществе мера, тем не менее, не смягчила язык германских газет. «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» — признанный «рупор» Вильгельмштрассе — безапелляционно заявляла: «несколько дней назад в Париже в воздухе была война».⁷⁹ Явное нежелание Берлина считать конфликт исчерпанным заставляло искать поддержки извне, и 18 января Деказ отправил своим послам в Лондоне, Санкт-Петербурге и Вене специальный циркуляр, посвященный затянувшемуся кризису.⁸⁰ Он обращал внимание европейских кабинетов на угрожающую тенденцию в политике Берлина превращать борьбу с католическим духовенством в «международное обязательство» и явно рассчитывал, что они откажутся ей следовать. При этом было понятно, что речь идет не только о данной конкретной международной проблеме. Французское руководство добивалось того, чтобы Европа высказала определенно свое неприятие агрессивной политики германского канцлера, которое существовало, но не проявлялось открыто.

Расчет Парижа себя оправдал. Руководители внешней политики союзниц Германии по «Союзу трех императоров» — князь Горчаков и граф Андраши — высказались за прекращение затянувшегося франко-германского конфликта, который и так слишком долго будоражил европейское общественное мнение. В беседе с французским послом в Петербурге генералом Лефлю российский император Александр II небезосновательно расценил все происходящее как очередную игру Бисмарка, продиктованную соображениями внутривластного порядка. Он заверил посла: «Успокойтесь, никто не хочет войны», — и повторил, вновь услышав напоминание о Бисмарке: «Нет, никто. Ее не будет».⁸¹ Английская королева Виктория даже направила 10 февраля Вильгельму I письмо, в котором призвала того «быть великодушным». Франц-Иосиф, со своей стороны, в Вене оценивал политику Бисмарка как «ложный путь», на котором того не ждет ничего иного кроме поражения.⁸²

⁷⁹ Цит. по: *Caroll E. M. French public opinion and foreign affairs, 1870–1914.* N. Y.; London, 1931. P. 52.

⁸⁰ Деказ — послам Франции в Лондоне, Санкт-Петербурге и Вене, 18 января 1873 г. // DDF. Vol. I. № 265. P. 298.

⁸¹ Лефлю — Деказу, 29 января 1874 г. // DDF. Vol. I. № 278. P. 309.

⁸² Д'Аркур — Деказу, 11 февраля 1874 г. // Ibid. № 282, P. 311. — Граф Д'Аркур занимал тогда пост французского посла в Австро-Венгрии.

Впрочем, еще 28 января официальная германская «*Provinzial-Correspondenz*» поспешила высказать свое удовлетворение действиями французского правительства и признать достаточным для Германии дальнейшую приверженность Франции этому курсу, которое издание трактовало как «отречение словом и делом от ультрамонтанской партии». ⁸³ После этих заявлений конфликт вокруг посланий французских епископов постепенно сошел на нет. Репрессии коснулись только германских подданных. С 31 января по 19 марта 1874 г. на трибунале в Саверне к непродолжительным срокам тюремного заключения и денежным штрафам было приговорено в общей сложности 38 католических священников. Самому Фулону было предписано явиться 23 марта, но он, не желая тем самым подтверждать правомочность суда и провоцировать речами в свою защиту новые инциденты, не исполнил это требование. Только месяц спустя, 25 апреля 1874 г., прелату был заочно вынесен приговор, предусматривающий двухмесячное заключение в крепости и выплату судебных издержек. ⁸⁴ К этому времени дело уже потеряло свою остроту и значение.

В начале 1874 г., в условиях внутривластного и экономического кризиса, германское правительство едва ли могло серьезно думать о превентивной войне. Лучшей же гарантией того, что Германия тогда не могла воплотить свои угрозы в реальность, наверное, было плохое состояние здоровья Бисмарка, фактически прикованного к постели на несколько месяцев приступами подагры и ревматизма. В марте-апреле 1874 г., в решающие дни дебатов в Рейхстаге по важнейшему для судеб империи военному закону, Бисмарк даже не мог посещать заседания Парламента. ⁸⁵

Болезненная реакция рейхсканцлера на послания французских епископов объяснялась его проблемами во внутренней политике. Его конфликт с римской католической церковью все более обострялся, и чем жестче были его удары по ее влиянию в Германии, тем сильнее

⁸³ Die französische Regierung und die Ultramontanen // *Provinzial-Correspondenz*. Zwölfter Jahrgang. 1874. № 4. Januar 28. S. 1.

⁸⁴ *Gadille J.* La pensée et l'action politiques... Vol. I. P. 272–273.

⁸⁵ *Taffs W.* Ambassador to Bismarck... P. 65.32–33. — Конечно, надо помнить о том, что германский канцлер был ипохондриком, психологически настроенным преувеличивать свои недуги и мучительно их переживать (См.: *Pflanze O.* Toward a psychoanalytic interpretation of Bismarck // *American historical review*. Vol. 77. 1972. № 2. P. 419–444), а также то, что в те дни самоизоляция была ему очень выгодна политически. Однако похоже, что тогда Бисмарк себя действительно очень плохо чувствовал.

становилось сопротивление, тем понятней становился провал всей его антиклерикальной кампании. Бисмарк не умел признавать своих ошибок, и причины неудач в своей политике искал, и, естественно, «нашел» в некоем международном католическом заговоре против молодой империи, нити которого тянулись и из Франции.

Бисмарк начинал свой поход против Пия IX на благоприятной волне всеобщего возмущения, вызванного в протестантских странах его энцикликой о папской непогрешимости. Но вскоре в Европе убедились, что догмат о непогрешимости папы германский канцлер имеет склонность заменить принципом собственной непогрешимости. Соответствующим образом действия Бисмарка вызывали все меньше симпатий и все больше критики как внутри Германии, так и за рубежом.⁸⁶

Клерикальная пресса во Франции, возглавляемая влиятельной «Univers», действительно призывала к религиозной войне против Германии, от которой «искусственное и лживое» единство новой империи развалится как карточный домик. «Univers» убеждала своих читателей: «Мы были больше наказаны, чем побеждены. Конечно, Пруссия не одолела бы нацию в десять раз сильнее и богаче ее, если бы Франция не заслужила наказание». Если же Франция вновь обратится к церкви, то Всевышний, в руках которого Германия была лишь орудием его воли, готов покарать ту за ее победу, утверждала газета.⁸⁷

Воинствующие католики пытались и непосредственным образом влиять на французскую политику. Еще в 1871 г. ими была организована кампания по сбору подписей в пользу немедленной вооруженной интервенции в Италию ради восстановления там светской власти Папы. Соответствующая петиция была представлена ими 22 июля на заседании Национального Собрания. Энергичное вмешательство Тьера предотвратило вынесение резолюции, которая имела бы характер никчемной демонстрации против итальянского правительства.⁸⁸ Неудача не обескуражила религиозных фанатиков — приход к власти в мае 1873 г. кабинета де Брольи наполнил их сердца надеждой. «Каждый понял, что Бог наконец вспомнил о своем избранном народе», — ликовал главный орган французских клерикалов.⁸⁹

⁸⁶ Наиболее выразительно этот контраст виден на примере Великобритании. См.: *Kennedy P. M.* The rise of Anglo-German antagonism, 1860–1914. London, 1982. P. 104–106.

⁸⁷ Цит. по: *Caroll E. M.* French public opinion and foreign affairs. P. 50.

⁸⁸ *Hippeau E.* Histoire diplomatique de la Troisième République (1870–1889). Paris, 1889. P. 102.

⁸⁹ Цит. по: *Caroll E. M.* French public opinion and foreign affairs. P. 51.

Нервная реакция Бисмарка на политические перемены во Франции станет тем более понятна, что оппозиционные католические круги в самой Германии вполне разделяли радость своих французских «коллег». Германские католические газеты не без удовольствия предсказывали, что теперь-то «Бисмарк будет иметь столько забот во внешней политике, что оставит на время внутреннюю религиозную...».⁹⁰

Но, как известно, герцог Брольи не оправдал возлагавшиеся на него надежды. Хотя 50-летний аристократ и являлся автором целого ряда трудов, посвященных вопросам религии и церкви, по своим убеждениям он был далек от ультрамонтанства. Оказавшись лицом к лицу с германским канцлером, именно он, к разочарованию противников Бисмарка, оказался защищающей стороной.

Затухание очередной кризисной вспышки не означало полной разрядки во франко-германских отношениях. Уже 3 марта Бисмарк в Рейхстаге вновь позволил себе несколько резких фраз в адрес Франции. В частности, он подчеркнул значимость аннексированных областей как оплота против соседней «пылкой, воинственной народности», которая на протяжении двух столетий причинила Германии «столько несчастий и неприятностей», и сравнил Эльзас в руках Франции с «шипом, глубоко вошедшим в нашу плоть», который должен был быть обломан.⁹¹

Неделю спустя Деказ в частном письме предсказывал, что Бисмарк непременно продолжит свое постоянное противодействие на дипломатическом поприще, и восклицал: «Он будет вести против нас непрерывно моральную войну, чтобы заменить войной материальной!...».⁹² Это глубокое убеждение французского министра иностранных дел нашло отражение в его новой циркулярной депеше. В ней он подчеркивал, что многочисленные свидетельства, стекающиеся к нему отовсюду, указывают на то, что недавние осложнения лишь временно приглушены. Ничто не гарантирует, что они не возобновятся. Поэтому он призывал: «Удвоим аккуратность и осторожность для того, чтобы не дать враждебным демонстрациям ни повода, ни предлога».⁹³

⁹⁰ Цит. по: Манфред А. 3. Образование русско-французского союза... С. 58.

⁹¹ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstages. Bd 35. Legislaturperiode II. Session I. Sitzung 12. 1874. März 3. S. 210.

⁹² См. примеч. к док. № 292 // DDF. Vol. I. P. 318.

⁹³ Деказ — послам Франции в Берлине, Санкт-Петербурге, Вене и Риме (папский престол), 27 марта 1874 г. // Ibid. N 295. P. 323.

С другой стороны, Деказ поспешил закрепить достигнутое по итогам кризиса: в марте 1874 г. в Петербург совершил поездку Гонтон-Бирон. Он был тепло принят Александром II, встречался с Горчаковым, а также с другими государственными деятелями и членами императорской фамилии. Из поездки Гонтон-Бирон вернулся убежденным, что Германия не найдет здесь ни малейшей поддержки в своих нападках на Париж, хотя и не преувеличивал степень готовности России связать себя формальными обязательствами. Главное препятствие к этому он видел в отсутствии во Франции стабильного режима, лишившего страну «внешности» в глазах иностранцев.⁹⁴ «Заметки» Гонтон-Бирона о путешествии, безусловно, должны были добавить Деказу уверенности в своих действиях. Что же касается Бисмарка, то, если верить утверждению Одо Рассела, канцлер тогда не придавал этому вояжу политического значения.⁹⁵

Лето обычно было тем временем, когда официальная Европа разъезжалась по курортам на отдых, и политическая жизнь замирала. Не был исключением здесь и германский канцлер, который поправлял пошатнувшееся здоровье на знаменитых киссингенских водах. Именно здесь в июле его застало эхо Культуркампа: молодой католик Кульман совершил на него покушение, но Бисмарк отделался легким ранением. Хотя следов заговора не было обнаружено, Бисмарк лишний раз обвинил католическую партию в антигосударственной деятельности. Париж сделал все возможное, чтобы не стать мишенью очередной кампании. От имени президента республики в Берлин была отправлена телеграмма с выражением соболезнований и возмущения в связи с этим преступлением. Спустя два дня Бисмарк официально поблагодарил Мак-Магона за послание.⁹⁶

В целом 1874 год после зимнего кризиса прошел относительно спокойно для франко-германских отношений, хотя Берлин продолжал методично вести против Парижа «моральную войну». Несмотря на заявления Бисмарка о миролюбии новой империи, его политика вызывала в Европе всеобщее подозрение. Ни один ответственный политик не брался предсказывать развитие событий более чем на год вперед.

⁹⁴ Dreux A. Dernières années de l'ambassade en Allemagne de M. de Gontaut-Biron (1874–1877). Paris, 1907. P. 57–59.

⁹⁵ См.: Taffs W. Ambassador to Bismarck... P. 69.

⁹⁶ См.: DDF. Vol. I. № 307. P. 335.

Мысль о вероятности скорой новой войны между Францией и Германией была широко распространена, и тревожные слухи постоянно циркулировали по Европе. Возможность германского удара вполне разделялась и в официальных кругах Парижа. В июле 1874 г. в своем очередном циркуляре Деказ настоятельно рекомендовал французским дипломатам собирать все тревожные симптомы, чтобы знать, «какие задние мысли у Германии есть на наш (Франции. — *А. Б.*) счет».⁹⁷ Такая установка могла привести к тому, что такие симптомы постоянно «находились» бы даже там, где их не было, но Деказ, похоже, решил бороться с противником его же оружием. Искомые угрозы были ему необходимы для постоянной апелляции к тем государствам, которые могли оказать давление на Берлин.

* * *

Деказ считал, что в течение 1874 г. Франция укрепила свое положение на международной арене, и эта оценка кажется обоснованной. Здравый смысл позволил Деказу избавиться и от старого груза, доставшегося в наследство от Второй империи: в октябре 1874 г. французский фрегат «Ориноко», оставленный некогда в распоряжение Пия IX, под предлогом ремонта покинул итальянские воды. С политикой безоглядной поддержки враждебного итальянскому королевству Папы, которая толкала Италию в объятия Германии, было покончено. Итало-французские отношения заметно улучшились. Помнили на Кэ д'Орсэ и о словах поддержки во время кризиса из-за «дела епископов», и об успехе миссии Гонто-Бирона в Петербурге. Вкупе все это придавало уверенности Деказу в его противостоянии с германским канцлером.

Что касается германской стороны, то здесь настроения были противоположными. Бисмарк ясно осознавал, что, несмотря на все его давление и хитроумные комбинации, Франция не собиралась мириться с ролью второстепенной державы, которую подразумевал для нее германский канцлер, она неожиданно быстро восстанавливала свои силы, ее тяжелое положение вызывало широкое сочувствие. Именно Франция, как мы увидели, получала моральную поддержку Европы перед лицом германских претензий.

⁹⁷ Деказ — французским дипломатическим представителям в Берлине, Вене, Санкт-Петербурге, Риме и Брюсселе, 17 июля 1874 г. // DDF. Vol. I. № 308. P. 335–337.

Одним из приоритетов политики Бисмарка в рассматриваемый период оставалась поддержка «консервативной республики» во Франции, олицетворяемой А. Тьером, как наиболее выгодной для германских интересов. В связи с этим объяснима острая реакция канцлера на отставку первого президента Третьей республики под давлением сторонников реставрации монархии во Франции. Вывод Бисмарка о повышении привлекательности Франции в качестве потенциальной союзницы по горячим следам после прихода к власти Мак-Магона и герцога Брольи, однако, оказался явно поспешным. В этой связи нельзя согласиться, в частности, с Джеймсом Стоуном, без должной доли критики повторяющим в своих новейших работах догматичную по своему характеру оценку канцлера.⁹⁸

Как явствует из реакции тех же российских дипломатов, выдвижение на политическую арену герцога Брольи отнюдь не улучшило имидж Франции. Еще накануне отставки Тьера российский канцлер Горчаков раздраженно писал Елизавете Трубецкой, что «во Франции непредвиденное достигает колоссальных размеров».⁹⁹ Ту же мысль канцлер неизменно повторял и в официальных ежегодных отчетах российского МИД.¹⁰⁰ Только утверждение в кресле министра иностранных дел герцога Деказа было воспринято здесь однозначно положительно. Необходимой для поддержания стабильности во Франции фигурой виделся и Мак-Магон. Последний не раз в строго доверительных разговорах с Орловым говорил о том, как бы ему хотелось покинуть свой пост, но российский дипломат неизменно возражал, что уход Мак-Магона неминуемо повлечет за собой погружение Франции в очередную гражданскую войну. Мак-Магона ко всему удерживало и то, что «с началом гражданской войны может пожаловать сосед (то есть Германия. — А. Б.)».¹⁰¹

Провал реставрации Генриха V осенью 1873 г. явно сделал терпимей отношение к Мак-Магону и самого Бисмарка. В начале января 1875 г., во время очередного правительственного кризиса во Франции

⁹⁸ См.: *Stone J.* The War Scare of 1875 Revisited // *Militär-geschichtliche Mitteilungen*. 1994. Bd 53. Heft 2. S. 311.

⁹⁹ Цит. по: *Манфред А.* 3. Образование русско-французского союза... С. 58–59.

¹⁰⁰ См., например, отчеты о деятельности МИД за 1871, 1872 и 1874 годы // АВПРИ. Ф. 137 Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 62. Л. 23–23 об.; Д. 64. Л. 5–5 об., 8; Д. 69. Л. 49.

¹⁰¹ Орлов — Горчакову, 24 января/8 февраля 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 17. Л. 18.

германский канцлер также передал Мак-Магону настоятельное пожелание, чтобы герцог Деказ непременно сохранил свой министерский портфель.¹⁰² Бисмарк был уверен в том, что французы не смирятся с условиями Франкфуртского мира, и продолжал войну другими средствами. В числе этих средств было постоянное дипломатическое давление на французское руководство в таких прямо или косвенно затрагивающих Германию вопросах, как ход французской военной реформы или выступления французских епископов против Культуркампа. В обоих этих ключевых вопросах франко-германских отношений первой половины 1870-х годов германский канцлер смог добиться лишь незначительных уступок Франции ценой серьезного ущерба для имиджа германской политики в Европе. То, что германский канцлер недоволен развитием событий, было понятно уже тогда очень многим. Поэтому от него ждали решительных действий, и Бисмарк делал все, чтобы эти ожидания оправдывать.

На протяжении всех четырех лет Бисмарк постоянно развивал идею о неизбежности новой войны. Нужен был всего один логический шаг до мысли о ее необходимости. Моральная готовность упредить неминуемый удар Франции, впервые выраженная канцлером публично зимой 1873/74 г., опасно приближала к подобному умозаключению. И уже в 1874 г. германская оппозиционная «*Historisch-Politische Blätter*» Эдмунда Йорга пророчески предупреждала: «С тех пор как князь Бисмарк не постеснялся на основании пары патриотических пасторских посланий французских епископов вылить на Париж “холодный душ” <...> князю не следует жаловаться, если будут ошибочно полагать, что он всегда находится в поисках новой войны».¹⁰³ Если бы германский канцлер вовремя прислушался к этому мудрому предостережению, тогда, возможно, его миновало бы унижительное поражение весной следующего 1875 г.

¹⁰² *Mitchell A.* The German influence in France... P. 110.

¹⁰³ Цит. по: *Albers D.* Reichstag und Aussenpolitik von 1870–1879 // *Historische Studien.* Heft 170. Berlin, 1927. S. 77.

Глава 3

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1875 ГОДА

Весной 1875 г. в Европе разразился острейший политический кризис, события которого, как многим казалось, вполне могли стать прологом новой войны. Именно поэтому этот кризис вошел в историю под названием «военной тревоги» 1875 г. и получил самое широкое освещение в различного рода документальных свидетельствах. Подробное рассмотрение этих событий позволяет не только во всех деталях проследить «механику» зарождения кризисов во франко-германских отношениях тех лет, но и прояснить расклад политических сил на тогдашней европейской дипломатической арене.

3.1. РАЗВИТИЕ КРИЗИСА НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ: ИНИЦИАТИВА В РУКАХ БИСМАРКА

Исходные предпосылки

Толчок к очередному кризису вновь дали меры, предпринимаемые Францией для скорейшего возрождения своей армии. Бисмарк серьезнейшим образом отнесся к тем сведениям, которые стекались к нему как по традиционным дипломатическим каналам, так и от своих секретных информаторов. Так, 31 января канцлер получил информацию о том, что французским правительством принято решение напечатать 600 млн франков в 20-франковых билетах. Он немедленно запросил своего нового посла в Париже князя Гогенлоэ, можно ли это расценивать как создание военного фонда. В ответ посол заверил, что во Франции «ни один здравомыслящий человек, и особенно никто из сегодняшних руководителей», не считает возможным бросить

Канцлер Германской империи
Отто фон Бисмарк

Германии вызов.¹ Бисмарк хотя и удовлетворился этим ответом, посоветовал послу быть начеку.

Параллельно с этим германский консул в Ницце подтвердил свое январское сообщение о переправке через Италию по железной дороге из Триеста во Францию 9000 жеребцов.² Это побудило германского рейхсканцлера 4 марта издать правительственное распоряжение, запрещающее вывоз лошадей из Германии во Францию. «Вообще указ, запрещающий вывоз лошадей — это мероприятие, которое обычно пахнет порохом, но это не относится к настоящему случаю», — прокомментировал в беседе с российским послом свое решение сам Бисмарк. Он поспешил оговориться, что в равной степени не рассматривает факт закупок Францией лошадей как «угрозу войны» с ее стороны, поскольку та нуждается по меньшей мере в 30 тыс. голов для завершения своих вооружений. Впрочем, риторически вопрошал Бисмарк своего собеседника, «кто может ручаться за увлечения столь сумасбродной нации, как французы», многие во Франции «уже сейчас желают войны для того, чтобы выйти из сегодняшних затруднений», и верят, что у них «по первому пушечному выстрелу явится король».³

Российский посол со своей стороны не мог не отметить, что правительственную инициативу сопровождала умело подготовленная обработка общественного мнения.⁴ Германская пресса представила дело так, будто Франция закупала через третьих лиц в Германии лошадей

¹ Цит. по: *Mitchell A.* The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979. P. 124–125.

² *Mitchell A.* The German influence in France after 1870... P. 125.

³ Убри — Горчакову, 2 марта (18 февраля) 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 18. Л. 7.

⁴ Убри — Горчакову, 9 марта (25 февраля) 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 13.

для будущей войны-реванша. Именно к этой трактовке событий, в частности, направлял представителя «Kölnische Zeitung» в Берлине Генриха Крузе глава пресс-бюро германского внешнеполитического ведомства Карл Людвиг Эдиги. Послание Эдиги, датированное 4 часами ночи с 8 на 9 марта, выражало просьбу «помочь» «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и «Post» в этой газетной кампании. Для этого Эдиги снабжал Крузе некоторыми подробностями из донесений германских агентов: контракты на закупку лошадей предусматривали удовлетворение именно военных нужд и отличались при этом невероятно выгодными условиями: за 10 тыс. лошадей покупатели, за которыми якобы стояло французское правительство, готовы были выложить одной только премии на 1 млн франков. Эдиги особенно подчеркивал, что срок исполнения контрактов должен был составить один год. Вывод его был однозначен: «Хорошо, стало быть, нам дают там отсрочку на один год», а Крузе тут же уточнял: «для войны-реванша».⁵

Статья из Берлина, посвященная французским вооружениям, появилась в «Kölnische Zeitung» 10 марта. Даже сатирический журнал «Kladderadatsch» не остался в стороне от общей кампании и сопроводил карикатуру на злобу дня, изображавшую скачущих на восток с пиками наперевес всадников, довольно воинственной подписью: «Лошади могут экспортироваться из Германии во Францию только в том случае, если на каждой будет сидеть по улану, от чего небо может хранить нас довольно долго».⁶

В руках французов были довольно убедительные контраргументы. Им было известно, что, например, в 1873 г. Германия вывезла более 25 тыс. и ввезла более 60 тыс. лошадей.⁷ «L'Economiste français» рисовал обратную картину в отношении самой Франции. С 1872 г., согласно сведениям издания, в страну было ввезено немногим более 35 тыс. лошадей (из них за три года только 6,3 тыс. из Германии). За тот же период из Франции было вывезено 62 тыс. лошадей, причем в Германию было продано лошадей намного больше, чем приобретено. В первые три месяца 1875 г. эта ситуация не претерпела изменений.⁸ Похожие данные

⁵ Эдиги — Крузе, 8/9 марта 1875 г. // *Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks*. Bd II. Im neuen Reich, 1871–1890. Politische Briefe aus dem Nachlaß liberaler Parteiführer. Hrsg. von Paul Wentzcke. Bonn und Leipzig, 1926. N 157. S. 122.

⁶ Pferdeausfuhr-Verbot // *Kladderadatsch*. Jahrgang XXVIII. 1875. № 12. März 14.

⁷ Цит. по: *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 84.

⁸ АВПРИ. Ф. 139. 2-я газетная экспедиция. Оп. 476. Д. 261. Л. 91 об.–92.

приводились и в германской прессе, на что особо обращал внимание французский МИД.⁹ В свете этих цифр очевидно, что интересы защиты германского сельского хозяйства, выдвинутые официально германским канцлером в качестве главного обоснования введения запрета на вывоз лошадей, играли лишь роль предлога.

Сообщая Гогенлоэ о своем намерении ввести эмбарго, Бисмарк отмечал, что не видит причин для Германии облегчать военную реорганизацию французской армии, «равную подготовке к войне и, как известно, направленную против нас самих (то есть против Германии. — *А. Б.*)». По его мнению, «Франции будет трудно приобрести такое большое число подходящих лошадей вне Германии, и это было бы полезно нам и тем, что задержит ее приготовления».¹⁰ Эта мера, однако, не была инициирована германскими военными. Жалобы из Баварии о недостатке подходящих лошадей для собственных нужд, вероятно, сыграли свою роль. Но германский военный атташе в Париже майор фон Бюлов, в частности, выражал сомнение в том, что эмбарго сможет серьезно повлиять на продвижение французской армейской реорганизации.¹¹

Любопытно отметить, однако, что долгосрочный эффект этой санкции Бисмарка оказался серьезнее, чем этого можно было ожидать на основании приведенных данных статистики и оценок германских военных. Несмотря на то, что эмбарго фактически было снято уже год спустя,¹² оно отбросило реорганизацию французской армии на несколько лет назад. Это, в частности, констатировал отчет французского Генерального штаба за 1879 г.¹³ Возможно поэтому уже в конце апреля 1875 г. герцог Деказ намекал на то, что отмена германским правительством эмбарго на вывоз лошадей была бы лучшим жестом разрядки в отношениях двух стран. При этом министр не очень убедительно тут же пытался доказать

⁹ См.: Деказ — Фаверне, 25 марта 1875 г. // Documents diplomatiques français (далее — DDF). Ser. 1. Vol. I. № 372. P. 385–386.

¹⁰ Бисмарк — Гогенлоэ, 26 февраля 1875 г. // Die Grosse Politik... № 155. S. 245; *Hohenlohe Ch. Memoirs of Prince Chlodwig of Hohenlohe Schillingfürst* / Ed. By Fr. Curtius. Vol. 2. London, 1906. P. 138.

¹¹ См. донесение фон Бюлова в приложении к депеше Гогенлоэ от 2 марта 1875 г. // Die Grosse Politik... № 156. S. 246–247.

¹² Stone J. The War Scare of 1875 Revisited // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd 53. 1994. Heft 2. S. 313.

¹³ См.: Mitchell A. «A situation of Inferiority»: French Military Reorganization after the Defeat of 1870 // American Historical Review. Vol. 86. 1981. N 1. P. 57.

германскому послу, что потребности Франции в этой сфере до августа вполне удовлетворены, а все слухи о ее масштабных закупках обязаны «мошенническим спекуляциям венских евреев».¹⁴ Как доносил из Лондона германский посол Мюнстер, Мак-Магон тоже «очень сожалел» о германском эмбарго в разговоре с принцем Уэльским Эдуардом.¹⁵

Соображения национальной безопасности, безусловно, сыграли значительную роль при введении эмбарго германским канцлером. В то время сокращение внутренних ресурсов для удовлетворения расширяющихся нужд кавалерии стало общей проблемой не только германской, но и всех прочих крупных европейских армий.¹⁶ Но «запах пороха», который, вопреки заверениям германского канцлера, сопровождал введение эмбарго благодаря подконтрольным Вильгельмштрассе газетам, стал очередным действенным средством давления на французское руководство.

Совершенно не случайно в этой связи, что в вышеупомянутой беседе с российским послом Убри Бисмарк фактически объявил французских монархистов носителями реваншистских устремлений. Этот же мотив отчетливо прозвучит и в нашумевшем выступлении германской прессы месяц спустя. Дискредитация стоящих у власти французских монархических деятелей в глазах европейских дворов, таким образом, оставалась одной из главнейших целей германского канцлера и на протяжении «военной тревоги». Но с самого начала эти попытки не встретили сочувствия. Показательно, что содержание беседы Бисмарка с Убри, как явствует из телеграммы французского поверенного в делах в Петербурге, было доведено Горчаковым до сведения Парижа во всей своей полноте, за исключением обвинений германского канцлера в адрес монархистов.¹⁷ Едва ли случайным было и то, что обнародование решения о запрете на вывоз лошадей состоялось как раз накануне дебатов во французском Национальном Собрании по очередному военному закону.

Этот закон был утвержден французским Национальным Собранием в третьем чтении 13 марта. Он подтверждал принцип обязательной военной службы и устанавливал численность постоянной армии в 412 тыс.

¹⁴ Гогенлоэ — Бисмарку, 29 апреля 1875 г. // *Die Grosse Politik...* № 169. S. 265.

¹⁵ См.: Мюнстер — Бисмарку, 13 апреля 1875 г. // *Die Grosse Politik...* № 165. S. 260.

¹⁶ О проблемах Франции см.: *Mitchell A.* «A situation of Inferiority»... P. 58. — Вопрос нехватки лошадей поднимался и в британской Палате Общин: АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. Д. 261. Л. 117.

¹⁷ См.: Фаверне — Деказу, 18 марта 1875 г. // *DDF. Ser. 1. Vol. I.* № 371. P. 385.

человек. Но наибольший резонанс в Германии вызвало согласие французских законодателей на формирование четвертого батальона в каждом полку при сокращении числа рот в каждом батальоне с шести до четырех. Германские военные немедленно указали на то, что создание дополнительных 144 батальонов позволяло французам в военное время при необходимости безболезненно увеличивать действующую армию до 520 тыс. человек¹⁸. Именно потенциальное увеличение французской армии первой линии на 144 тыс. человек и было расценено германским генералитетом как явно агрессивный шаг. Этот вывод предельно лаконично был сделан в Берлине на полях копии донесения австрийского военного атташе в Париже, видевшего следствием нового закона о кадрах либо непосильное для Франции финансовое бремя, либо жертву качеством подготовки солдат ради их количества: «следовательно (французской армией. — А. Б.) должны скоро воспользоваться».¹⁹

В недрах германского Большого генерального штаба был оперативно подготовлен меморандум, в котором утверждалось, что французская военная реформа явно показывает намерение Франции добиться численного перевеса над германской кадровой армией.²⁰ Соответствующий отклик французский военный закон нашел и в германской прессе: «National Zeitung» еще 31 марта, то есть за неделю до знаменитой статьи «Post», заявила, что Франция готовится к внезапной атаке, и формирование четвертого батальона в каждом полку — прямой вызов Германии.²¹ «Kölnische Zeitung» добавляла, что французская армия якобы уже представляет собой серьезную угрозу.²²

«Миссия Радовица»

Между тем, 23 марта из Санкт-Петербурга в Берлин вернулся один из ближайших сотрудников германского канцлера Йозеф Мария фон Радовиц, который находился в России с 6 февраля по 21 марта

¹⁸ Донесение военного атташе в Париже майора фон Бюлова, 11 апреля 1875 г. // *Die Grosse Politik...* N 159. S. 250–253.

¹⁹ Цит. по: *Stone J. The War Scare of 1875 Revisited* // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. 1994. Bd 53. Heft 2. S. 316 n.

²⁰ См.: *Die Grosse Politik...* Nr 157. S. 248–249. — Любопытно заметить, что этот оперативный составленный меморандум от 18 марта 1875 г. был представлен Бисмарку военным министром фон Камеке только 3 апреля.

²¹ Цит. по: *Taffs W. Ambassador to Bismarck: Lord Odo Russell*. London, 1938. P. 82.

²² Цит. по: *Caroll E. M. French public opinion and foreign affairs, 1870–1914*. N. Y., 1931. P. 54.

«с чрезвычайной миссией». «Миссия Радовица» с самого начала вызвала в европейских дипломатических кругах немало подозрений. Сразу после отъезда Радовица из российской столицы Горчаков признался французскому представителю, что «все еще спрашивает себя, с какой целью князь Бисмарк присылал сюда этого перспективного дипломата». ²³ Но одновременно с этим в своем послании к Убри от 25 марта Горчаков уже вполне определенно высказал предположение, что Радовиц должен был предложить «нам полную и абсолютную поддержку Германии во всем, что касается Востока взамен на одинаково полную поддержку с нашей стороны в том, что интересует Германию на Западе». ²⁴ В конце апреля, когда «военная тревога» была в самом разгаре, именно эта гипотеза уже как истина распространилась в дипломатических кругах. Источником этой «утечки», по-видимому, был Петр Николаевич Стремоухов, директор Азиатского департамента российского МИД, с которым Радовиц преимущественно и вел переговоры. По этой версии Бисмарк пытался добиться нейтралитета России на случай новой франко-германской войны в обмен на содействие в ее планах на Востоке, но Радовицу будто бы дали понять, что российский кабинет не питает никаких честолюбивых замыслов ни на Востоке, ни на Западе. ²⁵

Версия, пущенная самим германским канцлером, и впрямь была далека от реальности. Формально Радовиц, до этого последовательно занимавший посты генконсула в Бухаресте и посланника в Афинах, должен был заместить своевременно отбывшего на лечение посла Рейсса именно в качестве специалиста в восточных делах. По мнению Бисмарка, 1-й секретарь германского посольства граф Альвенслебен не мог на равных противостоять Горчакову, поэтому, как писал германский канцлер в своих мемуарах, «...посланник в Афинах господин фон Радовиц был послан в Петербург «с чрезвычайной миссией», чтобы

²³ Фаверне — Деказу, 25 марта 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. № 373. P. 387.

²⁴ Цит. по: *Stone J.* The Radowitz Mission: A Study in Bismarckian Foreign Policy // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. 1992. Bd 51. Heft 1. S. 65. — Полный текст депеши Горчакова Убри от 13/25 марта на французском приведен в: *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990. S. 668.

²⁵ Ледло — Деказу, 21 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. N 394. P. 414. — См. также: *Lappenküper U.* Die Mission Radowitz: zur Russland Politik Otto von Bismarcks (1871–1875). Göttingen, 1990. S. 439–440.

и внешне поставить деловые отношения на равную ногу».²⁶ Неудачу миссии последнего Бисмарк опять-таки объяснял его, как он сам писал в своих мемуарах, «решительной эмансипацией от властного влияния Горчакова».²⁷ Воспоминания самого Радовица проливают так же мало света на цели его миссии, как и мемуары его шефа. Они лишь полны язвительных замечаний в адрес российских государственных деятелей и передают все негативное впечатление, которое осталось у германского дипломата от его поездки: сидя в вагоне поезда, покидающего Петербург, он сказал себе, «что не желал бы браться за подобную «чрезвычайную миссию» вновь».²⁸

Радовиц, впрочем, был правдив в том, что одной из задач его миссии было снять симптомы отчуждения, которые в самом деле накопились к этому моменту между Россией и Германией. Наиболее ярко расхождение позиций Петербурга и Берлина проявилось в деле признания правительства маршала Серрано в Испании. Не осталось незамеченным германской стороной и неожиданно единодушное выступление польской и российской прессы в духе панславизма, которое было преисполнено выпадов против Германии, но было пропущено российской цензурой.²⁹ А если к этому добавить спор в области дипломатического протокола между германским генеральным консулом в Белграде Георгом Розеном и его российским коллегой Николаем Павловичем Шишкиным, который вылился, однако, в маленькую дипломатическую войну двух внешнеполитических ведомств,³⁰ то союзнический статус двух государств становился еще более эфемерным.

Способствовать успеху визита Радовица должна была его недавняя женитьба на Надежде Ивановне Озеровой, дочери русского посланника в Мюнхене. Кроме того, ему был обеспечен и благожелательный настрой германской официозной прессы. За два дня до отъезда Радовица в Петербург Карл Эдиги секретной запиской предупредил Генриха фон Трейчке,

²⁶ Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. В 2 т. М., 1940. Т. II. С. 159.

²⁷ Там же.

²⁸ Radowitz J. M., von Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz / Hrsg. von H. Holborn. Bd I. (1839–1877). Berlin: Leipzig, 1925. S. 307. — См. также: S. 296–308.

²⁹ См.: Wolter H. Bismarcks Außenpolitik, 1871–1881. Berlin, 1983. S. 169–170.

³⁰ Подробнее о «деле Розена» см.: Lappenküper U. Die Mission Radowitz... S. 288–300. — Для Шишкина дело закончилось переводом в Вашингтон. См.: Григораш И. В. Николай Павлович Шишкин // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 65.

что благоприятное представление «дел в России, наших отношений с Петербургом (и Веной), императора Александра» в ближайшие недели будет иметь большое значение.³¹ Это послание в равной степени касалось не только публикаций в «*Preußische Jahrbücher*», но и статей коллеги Трейчке по журналу, Вильгельма Веренпфеннига в «*National Zeitung*».³²

В пользу серьезности миссии германского дипломата говорит и тот факт, что инструкции от канцлера он получал устно, а затрагиваемые им аспекты Восточного вопроса не подходили для обычного обмена письменными донесениями.³³ В Петербурге Радовиц быстро перешел от мелких разногласий на Балканах к взаимоотношениям Германии и Франции и попытался добиться от России большего единения в сдерживании последней: «ничто так не питает во Франции надежды на реванш, как поддержка России», утверждал он, в то время как согласие между Россией и Германией является вернейшим залогом мира.³⁴

И все-таки, едва ли Радовиц мог напрямую добиваться от России свободы действий в отношении Франции. Против такой трактовки событий говорит факт очевидной неравноценности «услуг»: война и фактическое уничтожение французского противовеса германской гегемонии на континенте в обмен на эфемерную поддержку на Востоке, где у Германии тогда было мало влияния. Можно согласиться с обозревателем «*The Edinburgh Review*», недоумевавшим, что здесь Бисмарк такого мог дать России, чего бы та не могла взять без его согласия.³⁵

Наиболее правдоподобной представляется версия, предложенная британским историком Джеймсом Стоуном, исследовавшим «миссию Радовица» в широком контексте политики Бисмарка в отношении «восточного вопроса». Хорошо известна запись слов Бисмарка, сделанная в Киссингене в июне 1877 г., в которой предельно ясно поясняется вся выгода для Германии от втягивания остальных держав в Восточный кризис.³⁶ По мнению Стоуна, «миссия Радовица» являлась первой подтвержденной документами попыткой Бисмарка открыть «восточный

³¹ Эгиди — Трейчке, 4 февраля 1875 г. // *Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks...* Nr 151. S. 118. — В заключение глава пресс-бюро германского МИД просил уничтожить его послание по прочтении, но Трейчке предпочел сохранить записку в своих бумагах.

³² *Ibid.* S. 119.

³³ Цит. по: *Stone J. The Radowitz Mission...* P. 56.

³⁴ Цит. по: *Wolter H. Bismarcks Außenpolitik...* S. 174.

³⁵ *Germany since the peace of Frankfort* // *The Edinburgh Review*. 1879. October. P. 318.

³⁶ См.: *Otto von Bismarck: Dokumente seines Lebens, 1815–1898* / Hrsg. von H. Wolter. Leipzig, 1986. Nr 283. S. 320–321.

вопрос» и сыграть роль «честного маклера». Помимо России, одновременно он пытался разжечь амбиции Великобритании в отношении Суэцкого канала, что сталкивало ее с Францией, а как только представилась возможность, Бисмарк обратил взоры на Восток и Австро-Венгрии.³⁷ В этом смысле становится понятно сравнение Горчаковым Радовица с «сиреной»,³⁸ чьи песни завлекали в опасные воды. Более того, выявляется заметное сходство «миссии Радовица» с более поздней «миссией Мантейфеля» августа 1876 г., побуждавшего Александра II к войне с Турцией. Но и здесь, в более благоприятных, нежели год назад для Германии условиях торга, в отношении Франции речь шла лишь о формальном признании Россией приобретения Германией Эльзаса и Лотарингии.³⁹

До сих пор не ясно окончательно, действительно ли Бисмарк через Радовица предлагал России некое серьезное соглашение, предусматривавшее очередную перекройку карты Европы. Для нас важнее то, что французская сторона в этом не сомневалась. Стоит ли говорить, как взволновали Деказа эти сообщения и как укрепили его симпатии к России.

Кампания в прессе

Проголосовав по военной реформе, депутаты Национального Собрания разъехались по стране, чтобы насладиться первыми лучами весеннего солнца, а заседания были перенесены с 21 марта на 11 мая. Пасхальные каникулы были обычным временем для встреч и официальных визитов. 2 апреля состоялась встреча в Венеции австрийского императора Франца-Иосифа и итальянского короля Виктора-Эммануила. Как стало известно Деказу, одной из тем обсуждения были религиозные дела. Оба монарха согласились в том, что закон о гарантиях не должен подвергаться тем изменениям, на которых настаивал Бисмарк, и заранее отказались от давления на решение будущего конклава.⁴⁰ Тем самым, по сути, и Австро-Венгрия, и Италия ясно заявляли о своем нежелании участвовать в антикатолической кампании Бисмарка.

³⁷ См.: *Stone J. The Radowitz Mission...* P. 50–55, 63–64.

³⁸ *Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz.* S. 309.

³⁹ *Stone J. The Radowitz Mission...* P. 69.

⁴⁰ Цит. по: *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine (1871–1900).* Vol. III. Paris, 1904. P. 236.

Другая тенденция в поведении Австро-Венгрии, а именно — улучшение ее отношений с Россией — также не могла не беспокоить германского канцлера. Это самостоятельное сближение позиций нарушало принцип Бисмарка «примирение и посредничество проводить только через Берлин», который удачно был подмечен австро-венгерским послом в Петербурге бароном Лангенау.⁴¹ Более того, в Вене активизировалась придворная и военная партия, выступавшая за реванш. Наиболее ярко ее мысли выразил эрцгерцог Иоганн Сальватор в своей записке об организации артиллерии. Он подчеркивал, что «экспансионистские устремления соседней прусско-германской империи угрожают целостности монархии», и в будущем война с ней неизбежна, а поэтому он высказывал пожелание, чтобы «сближение с Россией скрепилось основанным на осознании взаимной выгоды долгосрочным альянсом».⁴² И хотя ответственные лица в Вене официально дистанцировались от данной публикации, подозрения Бисмарка они не рассеяли. Они стали тем сильнее, когда он ознакомился с секретным донесением своего агента из Праги от 22 марта, в котором говорилось о грядущих перестановках в руководстве Австро-Венгрии, которые, как полагал агент, стоят в тесной связи с переменами во внешней политике.⁴³ Французская пресса с явным удовольствием отметила факт все большей самостоятельности Австрии, а бонапартистская «Patrie» даже квалифицировала «свидание в Венеции» как поражение германской политики.⁴⁴

Поэтому не случайно, что первый удар газетно-публицистической кампании, которую начал Бисмарк в начале апреля, обрушился на мифическую австро-итало-французскую «католическую лигу».

5 апреля в официозной «Kölnische Zeitung» появилась статья под заголовком «Новые альянсы», которая рисовала международное положение в Европе в крайне мрачных тонах. Статья преподносилась как «корреспонденция из Вены», но автором ее был глава пресс-бюро германского внешнеполитического ведомства Карл Эдиги. В своей сопроводительной записке накануне он просил представителя газеты в Берлине Генриха Крузе опубликовать направленный ему текст без каких-либо комментариев, с обязательной пометкой: «написано нам

⁴¹ Цит. по: *Wolter H. Bismarcks Außenpolitik...* S. 170.

⁴² Цит. по: *Ibid.* S. 171.

⁴³ Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz...* 1990. S. 451.

⁴⁴ Цит. по: *Caroll E. M. French public opinion...* P. 55.

из Вены 31 числа прошлого месяца». Любое исправление в «письме из Вены» Эгиди просил согласовать с ним и подчеркивал, что каждое слово здесь должно быть взвешено, как «в правительственном документе». Он просил соблюдать «удвоенную» секретность и обещал, что эта «важная работа» не останется «незамеченной».⁴⁵ Деятельность Крузе в Берлине, впрочем, не была ни для кого секретом: 20 апреля Убри указывал, что «его (Крузе. — А. Б.) кельнские передовицы фактически являются передовицами Берлина»,⁴⁶ а обстоятельства обращения Эгиди стали известны французскому посольству уже спустя несколько дней после появления нашумевшей статьи,⁴⁷ что лишний раз говорило в пользу эффективности французской политической разведки.

Эта публикация начиналась с того, что новый военный закон, являющийся непомерной ношей для французов, имеет целью создание «наступательной армии». «Нет сомнения, — говорилось в ней, — что каждый француз считает желательной войну-реванш. <...> Если Франция намеревается воевать в неопределенном или в ближайшем будущем, она считает для себя невозможным оставаться одной; она ищет альянсов».⁴⁸ Долгое время она рассчитывала на Россию, но «вес меча России» — на стороне защитников мира. Далее автор подробно останавливался на положении графа Андрaши и работе ультрамонтанских сил по его свержению и образованию антипрусского союза в лице Австро-Венгрии, Италии и Франции.⁴⁹

В общественном сознании эта идея нашла подтверждение в проходящей как раз в это время в Венеции встрече монархов Италии и Австро-Венгрии. Масла в огонь подлило сообщение об отмене Вильгельмом I своего визита в Италию, намеченного на конец апреля. И хотя это было вызвано не политическими мотивами, а советами докторов, и вместо отца в Италию поехал кронпринц с супругой, тревожные слухи и домыслы получили широкое распространение.

⁴⁵ Эгиди — Крузе, 4 апреля 1875 г. // *Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks...* N 158. S. 124.

⁴⁶ Убри — Горчакову, 8/20 апреля 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 122.

⁴⁷ Сейв — Деказу, 10 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. № 379. P. 395.

⁴⁸ См. приложение 1 к депеше № 78, Убри — Горчакову, 2/14 апреля 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 22.

⁴⁹ Там же.

9 апреля Бисмарк организовал вторую провокационную публикацию, на сей раз в «Berliner Post».⁵⁰ Автором анонимной статьи под сенсационным названием «Имеется ли в виду война?» был правительственный советник и публицист Константин Рёсслер, действовавший согласно инструкции ближайшего сотрудника германского канцлера Лотаря Бухера.⁵¹ Рёсслер признавал свое авторство, но уверял, что писал без ведома Бисмарка и без директив из германского ведомства иностранных дел, «исключительно на основе своих собственных комбинаций».⁵² Сам Бисмарк указывал Роберту Лукиусу фон Бальхаузену, одному из лидеров свободных консерваторов, на то, что статья Рёсслера появилась в независимой газете, и это снимает с него, канцлера, всякую ответственность, хотя, разумеется, участие Бухера в подготовке статьи опровергает все слова о «самостоятельности» Рёсслера и «независимости» «Post». «О войне не может быть и речи», — уверял Бисмарк своего собеседника, хотя и выражал удовлетворение тем, что статья в «Post» лишний раз «пролила свет на запутанную проблему».⁵³

Касаясь публикации кельнской газеты, Рёсслер заявлял, что ситуация более серьезная, чем все предполагают: «Война, конечно, имеется в виду, но из этого еще не следует, чтобы туча не рассеялась». Рёсслер выражал сомнение в том, что «ультрамонтанским проидам» удастся «свергнуть» Андраши в Австрии, хотя и не отвергал гипотетической возможности перехода высших кругов империи Габсбургов и Италии на враждебные Германии позиции.⁵⁴

Зато германский публицист не питал никаких сомнений в отношении направленности реорганизации французской армии на «скорую войну». Не менее примечательно то, что он открыто увязывал ее с монархистами во Франции: «мы сомневаемся, чтобы республиканское большинство в избранной Палате нового созыва было готово торопить войну под

⁵⁰ В большинстве исследований, посвященных «военной тревоге», дата публикации статьи ошибочно указана 8 апреля. Путаница возникла, видимо, потому, что 8 апреля была датирована сама статья. См. приложение № 2 к депеше № 78, Убри — Горчакову, 2/14 апреля 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 23.

⁵¹ Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins / Hrsg. von N. Rich, M. H. Fisher. Bd I. Göttingen, 1956. S. 116.

⁵² См.: Tiedemann Ch., von. Aus sieben Jahrzehnten. Bd II. Leipzig, 1909. S. 29.

⁵³ Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart; Berlin, 1920. S. 71–72.

⁵⁴ Цит. по: приложение 2 к депеше № 78 // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 23. — Статья «Имеется ли в виду война» полностью приведена также в: Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart; Berlin, 1920. S. 531–534.

руководством Мак-Магона или Орлеанских принцев. Поэтому мы в равной степени верим в то, что военная партия во Франции планирует начало войны *до* (курсив Рёсслера. — А. Б.) роспуска нынешнего Национального собрания». ⁵⁵

Перечисление нависших над Германией угроз Рёсслер завершил ловким журналистским пассажем о том, что он считает себя не в праве в отношении германского народа следовать совету, согласно которому, «когда горит крыша какого-нибудь дома, и видна уже хорошая пожарная команда, нет повода будить спящих в нижних этажах». ⁵⁶ Связь обоих изданий с правительственными кругами не была ни для кого секретом, и тем больший шум и волнение вызвали в Европе их публикации.

Полуофициальные комментарии последовали после того, как Бисмарк выдержал паузу для достижения желаемого эффекта. 11 апреля «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» выступила с опровержениями. ⁵⁷ Обвинения «*Post*» в адрес Австрии и Италии признавались ею беспочвенными, а в отношении Франции заявлялось, что бремя расходов на ее вооружения не может долго выноситься народом, и в таком случае их цель не может «оставаться скрытой для зрячего». ⁵⁸

Более того, Вильгельмштрассе не скрывало, что готово дать отпор этой угрозе. В журнале «*Preussische Jahrbücher*» появилась датированная 12 апреля статья Вильгельма Веренпфеннига, в которой автор отстаивал возможность упреждающего удара Германии в виду угрозы планирующегося выступления Франции в ближайшие два года. Веренпфенниг проводил примечательное разграничение между «военными реформами», осуществляемыми всеми европейскими державами, и «военными приготовлениями», в которых, по его мнению, пребывала Франция. Грань между этими двумя понятиями таилась в «чрезмерности» принятого французским народом на себя бремени военной реорганизации. ⁵⁹

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 24.

⁵⁷ Бисмарк телеграммой от 10 апреля уверял Гогенлоэ, что был «удивлен» статьями в «*Kölnische Zeitung*» и «*Post*», и сам указывал на «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», как выразительницу точки зрения правительства. См.: *Die Grosse Politik...* Nr 161. S. 254.

⁵⁸ См. приложение 3 к депеше № 78, Убри — Горчакову, 2/14 апреля 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 25. — В большинстве исследований, посвященных «военной тревоге», дата публикации статьи ошибочно указана 10 апреля. Как и в случае со статьей «*Post*», 10 апреля датирована сама заметка.

⁵⁹ *W[ehrenpfennig] Politische Correspondenz*. 1875. April 12 // *Preußische Jahrbücher*. Bd 35. 1875. Heft 4. S. 449.

Публицисту казалось, что «в настоящее время» над Германией не нависла «близкая угроза», но «только рейхсканцлер с помощью Мольтке может решить, когда для нас наступит момент поставить Францию перед выбором между разоружением или войной». ⁶⁰ Значение этой публикации подчеркивается тем, что она — под названием «На караул!» и без указания автора — одновременно появилась также и на страницах официального журнала «Grenzboten». ⁶¹

Кто стоял за этой кампанией в прессе, догадаться несложно. Попытки Бисмарка притвориться, что он ничего не знал об этих статьях, пока не увидел их в газетах, не могли никого обмануть. Лишним подтверждением официального происхождения газетной кампании является то, что основные положения провокационных статей совпали с содержанием текущей дипломатической переписки. Кайзер Вильгельм I даже выразил статс-секретарю фон Бюлову свое опасение относительно возможной утечки информации и потребовал объяснений. Германский император открыто показал себя противником новой войны. ⁶² Между тем, выступление прессы всколыхнуло германское общество. «Здесь постепенно начинает распространяться большое беспокойство. Куда ни придешь, везде слышишь разговоры об угрозе войны...», — свидетельствовал глава имперской канцелярии Кристоф фон Тидеман. ⁶³

Если Бисмарк при помощи ведомственных публицистов надеялся вызвать ответную волну возмущения и воинственных призывов во французской прессе, чтобы затем извлечь из этого дивиденды, то он просчитался — в Париже, видимо, умели руководить прессой не хуже других. ⁶⁴ Реакция была не та, на которую рассчитывал германский канцлер, и он поспешил на время смягчить остроту кризиса.

12 апреля германский посол в Париже Гогенлоэ встретился с французским президентом Мак-Магоном и министром иностранных дел Деказом. Оба в один голос доказывали, что война против Германии была бы для их страны безумием. Беседа произвела на Гогенлоэ должное впе-

⁶⁰ Ibid. S. 452.

⁶¹ Auf Wache! // Die Grenzboten. 34. Jahrgang. 1875. Semester I. Bd II. S. 169–181.

⁶² Вильгельм I — Бюлову, 11 апреля 1875 г. // Die Grosse Politik... Nr 162. S. 255.

⁶³ Из письма Тидемана от 11 апреля 1875 г. // Tiedemann Ch., von. Aus sieben Jahrzehnten. Bd II. S. 25.

⁶⁴ См.: Naujoks E. Rudolf Lindau und die neuorientierung der ausswärtigen Pressepolitik Bismarcks (1871–1878) // Historische Zeitschrift. Bd 215. 1972. Heft 2. S. 329–331.

чатление, и французский посол в Берлине Гонто-Бирон, вернувшийся из Парижа спустя два дня на свой пост, нашел обстановку менее напряженной. Он имел длительную беседу с Бюловым, который признал действия французского правительства благоразумными и безупречными. Итог встречи Бюлов подвел так: «Пусть между нами царит мир сотню лет, таково мое желание».⁶⁵

15 апреля на балу у принцессы Гацфельдт Вильгельм I заявил французскому военному атташе князю Полюиньку: «Нас хотели поссорить. Теперь все закончилось. Я считаю важным вам это сказать».⁶⁶ Тон германских газет изменился как по мановению руки. 14 апреля правительственная «*Provinzialkorrespondenz*» категорично заявила, что миру ничто не угрожает, а на следующий день «*Post*» попыталась объяснить свою громкую статью военной хитростью, направленной на предотвращение враждебной коалиции.⁶⁷ Ситуация ненадолго разрядилась.

Реакция европейских кабинетов

Какова же была реакция европейских кабинетов, к которым поочередно апеллировали Германия и Франция?

На протяжении марта-апреля в британский Форин-офис стекался поток информации от его представителей за рубежом. Особое значение имели сведения из Берлина, регулярно сообщаемые лордом Одо Расселом.

9 марта Рассел сообщил в Лондон о своей доверительной беседе с Бисмарком на тему угрозы коалиций. Опираясь на опыт Фридриха Великого, Бисмарк заявил, что если, например, в понедельник он заметил бы союз между Веной и Парижем, то «во вторник он выступил бы, чтобы занять Вену, затем обернулся и спросил бы Францию, чего она хочет без Австрии». И хотя рейхсканцлер оговорился, что хочет жить в мире со всем миром, пока Андраши возглавляет правительство и пока клерикалы не одержали верх в Европе, у Рассела после беседы все же остался неприятный осадок.⁶⁸ После вышеупомянутых статей

⁶⁵ Гонто-Бирон — Деказу, 17 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. Paris, 1929. № 392. P. 409.

⁶⁶ Цит. по: *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine, 1870–1900. Vol. III. P. 241.*

⁶⁷ Цит. по: *Caroll E. M. French public opinion... P. 57.*

⁶⁸ Рассел — Дерби, 9 марта 1875 г. // *Lappenküper U. Die Mission Radowitz... S. 481.*

в германской прессе он пришел к убеждению, что так Бисмарк готовит почву для того, чтобы в случае необходимости прибегнуть к военным средствам: «Бисмарк вновь принялся за свои старые фокусы: тревожит немцев посредством официозной прессы и объявляет, что французы собираются их атаковать, и что Австрия и Италия плетут заговоры в пользу папы и т. д. <...> Этот кризис пронесется, как и многие другие, но политика сенсаций Бисмарка временами очень утомительна».⁶⁹

Британские представители в Париже, вопреки постоянным заявлениям Деказа о нависшей над Францией опасности, реагировали столь же флегматично. Английский посол в Париже полагал, что нет никаких оснований «верить, что германское правительство задумало атаковать Францию в этом году».⁷⁰ Британский же военный атташе Адамс считал, что если Бисмарк решит атаковать Францию, он всегда сможет это сделать. Он вообще не видел ни малейшего шанса для Англии помешать планам Бисмарка, так как у нее нет достаточно войск, чтобы заставить Берлин себя уважать.⁷¹

В этой связи неудивительно, что на протяжении всего марта благодушие британского министра иностранных дел лорда Дерби так и не было основательно поколеблено: «Мы можем сказать, что спокойствие Европы настолько мало нарушено, насколько этого при современных обстоятельствах можно было ожидать», — писал он лорду Бучанану.⁷² Циркулирующие слухи о войне, по его мнению, не имели никакого реального основания. Ему вторил и премьер Дизраэли, который заверял французского посла в Лондоне, что он не видит ничего, что «могло бы дать оправдание малейшей подлинной тревоге».⁷³

Между тем, воинственные публикации германских официальных изданий вызвали ответную реакцию в английской прессе. Крупнейшие органы периодической печати, такие как «The Times», «The Standard», «The Daily Telegraph», «The Daily News» живо осудили образ мыслей и действий «Post», но их активность не разбудила Форин-офис от спяч-

⁶⁹ Рассел — Дерби, 10 апреля 1875 г. // Цит. по: *Newton T. W. L. Lord Lyons II. A record of British diplomacy. Vol. II. London, 1913. P. 72. P. 72.*

⁷⁰ Лайонс — Дерби, 12 марта и 5 апреля 1875 г. // Цит. по: *Ibid.*

⁷¹ Адамс — Расселу, 15 марта и 29 марта 1875 г. // Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz... S. 482–483.*

⁷² Дерби — Бучанану, 17 марта 1875 г. // Цит. по: *Ibid. S. 483.*

⁷³ Жарнак — Деказу, 11 марта 1875 г. // *Lappenküper U. Ibid.*

ки. Тогда же, в статье «Внешняя политика князя Бисмарка» от 10 апреля «The Economist» впервые высказал идею, что яростная кампания Берлина направлена скорее против Австрии и Италии, нежели Франции.⁷⁴

Кампания германской официозной прессы все же не могла не оказать влияния и на британского министра иностранных дел. 9 апреля Дерби уже был вынужден признать, что «опасения в Париже германского удара были не совсем уж необоснованными».⁷⁵ Он счел нужным встретиться с германским послом в Лондоне графом Мюнстером и заявить тому, что было бы ошибкой считать французские вооружения угрожающими для Германии, и что атака со стороны Франции возможна лишь в случае войны Германии с третьей страной.⁷⁶

Убедить английскую сторону в справедливости своих аргументов Бисмарку не удалось. Напротив, следствием последних событий для Дерби стало его растущее подозрение ко всем действиям хозяина кабинета на Вильгельмштрассе. Вслед за своими послами в Берлине и Париже он пришел к выводу, что Европа не сможет чувствовать себя спокойно надолго, «пока германская мощь будет продолжать господствовать, как в настоящий момент».⁷⁷ Германский канцлер, писал лорд Дерби Расселу, «быстро заставляет людей сдержанных усомниться, совместима ли Германская империя со спокойствием и безопасностью других стран».⁷⁸ Примечательно, однако, что свои тревоги Дерби поверял только бумаге, а в беседах с иностранными представителями по-прежнему излучал безмятежность. Так, в частности, в беседе с французским поверенным в делах Шарлем Гаваром заявил, что не видит никакой угрозы миру, по крайней мере, на этот год.⁷⁹ Ни о каком вмешательстве Англии не могло быть и речи, а сам Дерби хранил верность «политики изоляционизма», которая была в высшей степени типична для него и в прежние годы.⁸⁰

⁷⁴ Prince Bismarcks Foreign Policy // The Economist. 1875. April 10.

⁷⁵ Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz...* S. 485.

⁷⁶ Дерби — Расселу, 12 апреля 1875; Мюнстер — Бисмарку, 13 апреля 1875 г. // *Temperley H., Penson L. M. Foundations of British foreign policy from Pitt to Salisbury.* Cambridge, 1938. P. 351.

⁷⁷ Дерби — Лаярду, 12 апреля 1875 г. // Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz...* S. 486.

⁷⁸ Дерби — Лаярду, 12 апреля 1875 г. // Цит. по: *Ibid.*

⁷⁹ Гавар — Декаду, 8 апреля 1875 г. // *Gavard Ch. Un diplomate à Londres. Lettres et notes, 1871–1877.* Paris, 1895. P. 232.

⁸⁰ См.: *Howard Ch. Britain and the casus belli, 1822–1902.* London, 1974. P. 69–75; *Craig G. A. Great Britain and the Belgian railways dispute of 1869 // American historical review.* Vol. 50. № 4. P. 738–762.

В противоположность Лондону, который не желал отходить от политики «блестящей изоляции», из Петербурга уже в середине апреля были сделаны первые предупреждения Берлину. К этому российское руководство подтолкнули умело использованные Парижем материалы, свидетельствовавшие о намерении немцев напасть на Францию в течение года. Так, 7 апреля президент Мак-Магон ознакомил посла в Петербурге генерала Леффо с посланиями, как тот впоследствии описывал, «одной из наиболее важных персон Европы, одного принца». Первое из этих писем утверждало, что на Францию нападут весной, второе — что атака перенесена на осень.⁸¹

Автор (или авторы) этих предостережений до сих пор не раскрыт. Дж. Ф. Кеннан, например, предполагал таковым принца Уэльского, будущего английского короля Эдуарда VII. Именно в отношении него Дерби неоднократно жаловался, что наследный принц, путешествуя по европейским курортам и королевским дворам, открыто высказывает свое личное мнение, а это мнение в Европе принимают за официальную позицию Лондона. Эдуард был ярким франкофилом, демонстративно носившим в присутствии германского наследника французскую военную медаль,⁸² и был лично знаком с Мак Магоном. В 1874 г. он посещал Копенгаген — известный центр антибисмарковских слухов. Позднее он навещал свою сестру, германскую кронпринцессу — она и ее муж Фридрих были противниками германского канцлера. Возможно, от них он и узнал о воинственных высказываниях в высших германских военных кругах.⁸³ Очевидно одно: эти сообщения сильно повлияли на умонастроения Леффо, который вернулся в Россию с твердым намерением выразить все опасения французской стороны и выяснить определенно позицию официального Петербурга.

12 апреля Леффо встретился с Горчаковым. Он ознакомил российского канцлера с последними тревожными сведениями. Тот успокоил посла заверением, что Россия сделает все, чтобы склонить берлинский двор к миру. Эта беседа получила продолжение 15 апреля во время частной аудиенции Леффо у Александра II. Генерал вновь высказал тре-

⁸¹ Цит. по: *Hanotaux G.* Op. cit. Vol. III. P. 242.

⁸² См.: Банвиль — Брольи, 9 июня 1873 г. // DDF. Ser. I. Vol. I. № 218. P. 248.

⁸³ Цит. по: *Kennan G. F.* The decline of Bismarck's European order: Franco-Russian relations, 1875–1890. Princeton, 1980. P. 14–15.

вогу, которую вызывают во Франции действия германской дипломатии. «Я понимаю эту тревогу, – возразил император, — и скорбю о ее причинах. Впрочем, я убежден, что все эти достойные сожаления происки Бисмарка суть ничто иное как хитрость...».⁸⁴ При этом он выразил свое убеждение, что сам германский император и наследный принц остаются решительными противниками новой войны, и добавил: «Во всяком случае, будьте уверены, что я, подобно вам, желаю мира и ничем не пренебрегу для того, чтобы помешать его нарушению».⁸⁵

Далее Александр сделал очень важное для французов заявление, что Россия признает обоснованными все меры французского руководства по реорганизации и укреплению своей армии. Он продолжал: «...если бы Германия вздумала выступить в поход без причины или под вздорными предложениями, то она бы поставила себя перед Европой в то же положение, как Бонапарт в 1870 году и, — подчеркнул император, — она сделала бы это на свой страх и риск».⁸⁶ В итоге это позволило Лефлю сообщить в Париж, что переговоры дали Франции «неоспоримые элементы безопасности».⁸⁷

Помимо заявлений французскому представителю, Александр II не скрыл своего неудовольствия происходящим и от Берлина. Но на сей раз он решил не ограничиваться обычными дипломатическими каналами. Российский император явно потерял доверие к Бисмарку и попытался действовать в обход него. Удобную возможность для этого предоставляло уникальное положение германского военного представителя в Петербурге. Его статус далеко превосходил статус всех остальных военных атташе: в качестве флигель-адъютанта императорской свиты он обеспечивал обоим монархам возможность непосредственной связи между собой. В своих действиях он отчитывался только перед кайзером и больше ни перед кем.⁸⁸

Александр II воспользовался временным отъездом на родину германского военного представителя генерала Вердера и попросил того, ми-

⁸⁴ Лефлю — Деказу, 15 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. № 388. P. 404; Перевод по: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. М., 1996. С. 103.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 104.

⁸⁷ Лефлю — Деказу, 20 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. № 393. P. 413–414.

⁸⁸ Подробнее см.: *Craig G. A.* The politics of the Prussian army, 1640–1945. Oxford, 1955. P. 261–266.

нуя германского канцлера, сообщить мнение российского самодержца прямо императору Вильгельму.⁸⁹ Явное подозрение Санкт-Петербурга по поводу последних маневров германской дипломатии произвело на Вильгельма, сторонника дружеских отношений с Россией, неизгладимое впечатление. Видимо, именно это, вкупе с его собственной убежденностью в эфемерности угрозы реванша со стороны Франции 15 апреля заставило германского императора вмешаться.

* * *

Чего же добился Бисмарк на этом промежуточном этапе кризиса? Активность германской дипломатии подняла на континенте целую волну тревожных слухов, которые заставили малых соседей Германии — Швейцарию, Голландию, Данию — опасаться новой перекройки карты Европы за их счет.⁹⁰ В Австро-Венгрии официальные круги деликатно отмалчивались, а вот общественное мнение не скрывало своего возмущения германской политикой. Да и внутри Германии воцарилось полупаническое состояние, а оппозиционные газеты воспользовались случаем, чтобы обрушить шквал критики в адрес официозной прессы, зная, что это бьет и по стоящим за ней.⁹¹ Общее настроение выразила, наверное, петербургская газета «Голос», которая, перефразировав метафору «Post», заметила, что хотя и не следует давать спать жильцам нижних этажей, если горит крыша, то, с другой стороны, «не менее неосторожно будить их криком “Пожар!”», когда нет и признаков огня, так как жильцы эти, перепуганные, в полусне <...> могут наделать немало вреда себе и другим».⁹²

Важнее этого морального осуждения была реакция петербургского кабинета и явное проявление сочувствия к точке зрения французов. В таких условиях, когда практически вся Европа — один из союзников явно, а другой тайно — осуждала действия Берлина, Бисмарк не мог пойти на разрешение «французского вопроса» военным путем. Поэтому Бисмарк мог обратиться только к своей тактике «холодного душа», который должен был, по мысли германского канцлера, остудить во Франции устремления к реваншу, в наличии которых он не сомневался.

⁸⁹ Wolter H. Bismarcks Außenpolitik... S. 180–181.

⁹⁰ См. об этом: Политическая хроника // Неделя. 1875. № 16. 20 апреля.

⁹¹ Naujoks E. Rudolf Lindau und die neuorientierung der ausswärtigen Pressepolitik Bismarcks (1871–1878) // Historische Zeitschrift. Bd 215. 1972. Heft 2. S. 329.

⁹² Прошлая неделя за границей // Голос. 1875. № 97. 7(19) апреля.

3.2. РЕАНИМАЦИЯ КРИЗИСА ДЕКАЗОМ

Угроза превентивного удара Германии

21 апреля британский посол в Берлине Одо Рассел давал у себя в посольстве обед. Среди гостей были его французский коллега Гонто-Бирон и уже упоминавшийся германский дипломат фон Радовиц. Оба не виделись с момента таинственной миссии последнего в Петербург. Гонто-Бирон воспользовался случаем, чтобы обратиться к столь актуальной теме франко-германских взаимоотношений. Радовиц благосклонно выслушал объяснения Гонто-Бирона по поводу французских вооружений и заявил, что в Германии никто не хочет войны. Но затем германский дипломат высказал свои собственные пессимистические воззрения относительно будущего, по сути, тут же опровергнув свои предыдущие слова. Он заявил, что если мысли Франции сосредоточены на реванше, — а иначе и быть не может, — то зачем Германии ждать? Таким образом, идеи превентивного удара казались Радовицу обоснованными «политически, философски и даже с христианской точки зрения».⁹³ Далее разговор перешел в область истории, откуда каждая сторона черпала доказательства своей правоты, и в итоге оба дипломата расстались добрыми друзьями. Однако Деказ, которому Гонто-Бирон направил подробнейший отчет о беседе, воспользовался случаем, чтобы перейти в контрнаступление.

Сам Радовиц позднее отрицал, что говорил что-либо неразумное, и заявлял, что стал жертвой интриги.⁹⁴ Однако у нас есть все основания доверять Гонто-Бирону, в изложении которого нам и известен разговор. Более того, есть свидетельства, которые лишают оправдания германского дипломата всякого доверия. Так, германский посол в Париже князь Гогенлоэ в своем дневнике сделал исчезнувшую впоследствии при публикации запись частного разговора с Радовицем в котором тот выказал себя сторонником превентивной войны. В частности, Радовиц заявил, что «нам следует покорить Францию окончательно, начав войну в следующем году, и не ждать, пока Франция будет готова».⁹⁵

⁹³ Гонто-Бирон — Деказу, 21 апреля 1875 г. // DDF, Ser. 1. Vol. I. № 395. P. 418.

⁹⁴ Памятная записка Радовица, 12 мая 1875 г. // Die Grosse Politik... N 177. S. 275–277. — См. также: Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz. S. 319–325.

⁹⁵ Цит. по: *Mitchell A.* The German influence in France... P. 129.

Бисмарк, со своей стороны, впоследствии всю ответственность за эти высказывания возлагал на Радовица. Он утверждал, что такой человек, как Радовиц, «который теряет власть над собственным языком после второго бокала вина», не мог быть его доверенным лицом, и выражал свои собственные мысли.⁹⁶ Князь Гогенлоэ признавался, что неоднократно безуспешно пытался вызвать Бисмарка на разговор об этом инциденте. Похоже, германский канцлер не был уверен в безупречном поведении своего сотрудника, но скрывал это за упреками в адрес Гонто-Бирона. По мнению Бисмарка, французский посол должен был отдавать себе отчет в том, что говорит всего лишь с советником германского внешнеполитического ведомства.⁹⁷

Уничижительные замечания Бисмарка в адрес Радовица не должны никого вводить в заблуждение. К началу 1875 г. Радовиц, не в последнюю очередь благодаря своей активной роли в «деле Арнимы», определенно пользовался расположением германского канцлера. Во время работы в германском ведомстве иностранных дел в ведении Радовица был отдел Востока, к которому вскоре добавились французский и испанский отделы. Он замещал по ведомству статс-секретаря, бывал у Бисмарка в Варцине.⁹⁸ Компетенция Радовица до поры до времени Бисмарка тоже вполне устраивала: достаточно вспомнить, что в Петербурге он должен был держаться «на равной ноге» с «властным» Горчаковым, который в описании канцлера вообще часто приобретал демонические черты. Мало сомнений в том, что Радовиц выступал лишь послушным орудием политики германского канцлера.

Косвенным подтверждением этому является и то, что буквально на следующий день после откровений Радовица официальная германская пресса возобновила шумную кампанию. «Первую скрипку» здесь опять играла официальная «*Kölnische Zeitung*», активно подстегиваемая при этом пресс-бюро германского МИД. В своем очередном послании

⁹⁶ Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins... Bd I. S. 93. — В том варианте, который был обнародован Гансом Блюмом в «*Deutschen Revue*» (5 ноября 1892), речь шла уже о «трех бокалах вина» и о том, что «за столом» Радовиц и Мольтке, по словам Бисмарка, позволяли себе говорить о необходимости войны с Францией. См.: *Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz*. S. 324–325.

⁹⁷ *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch., von. Memoirs...* P. 156, 161.

⁹⁸ *Wolter H. Joseph Maria von Radowitz. Stationen einer diplomatischen Karriere // Gestalten der Bismarckzeit*. Bd II. Hrsg. von Gustav Seeber. Berlin, 1986. S. 259–260.

к Крузе от 28 апреля глава пресс-бюро Эдиги в сильных выражениях откликнулся на статью «*Journal des Débats*», в которой французская газета пыталась представить новый военный закон как не увеличение, а сокращение кадров. «За кого во Франции держат немцев? — возмущался Эдиги, — за упрямцев, за болванов?!». Эдиги призывал наказывать за эту ложь французов, как школьников: «всыпьте же этим глупым юнцам из *Journal des Débats* разок по заду!». ⁹⁹ В своих резких заявлениях кёльнская газета была не одинока. «*Berliner Tageblatt*», например, в эти дни писала: «Высшие военные авторитеты вполне убеждены, что новая война неотвратима и что немного раньше будет лучше, чем позже...» ¹⁰⁰ и т. д. Перечислить здесь все, что появлялось на страницах различных изданий, не представляется возможным.

Воинственный шум прессы не имел бы такого значения, если бы те же сентенции — расходы Франции на вооружение чрезмерны, она не может долго выдержать их, следовательно, она скоро ударит — не повторялись в Германии на самом высоком уровне. Особой активностью здесь выделялся начальник Генштаба Гельмут фон Мольтке. Вмешательство военных в дипломатические дела было фактом весьма удивительным, ибо Бисмарк ревниво охранял свое главенство и не допускал двух мнений. Следовательно, либо Бисмарк уже упустил развитие ситуации из своих рук, либо эти выступления вполне укладывались в рамки его игры.

30 апреля на встрече с бароном Нотомбом, бельгийским посланником в Берлине, Мольтке заявил, что французский военный закон является угрозой, и Германия может оказаться вынужденной предупредить его осуществление. Фельдмаршал добавил, что хотя он и ненавидит войну, «он не видит, как Германия может избежать ее в следующем году, если великие державы не объединятся, чтобы заставить Францию сократить ее вооружения...». ¹⁰¹

Через два дня в беседе с Расселом, носившей «академический характер», Мольтке дал второе рождение известному принципу Фридриха Великого, заявив, как передавал посол в Лондон, что не

⁹⁹ Эдиги — Крузе, 28 апреля 1875 г. // *Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks...* Nr 160. S. 125.

¹⁰⁰ Цит. по: Манфред А. З. Образование русско-французского союза... С. 93.

¹⁰¹ Рассел — Дерби, 1 мая 1875 г. // Цит. по: *Newton T. W. L.* Op. cit. P. 74.

та держава нарушает мир, «которая выступает первой, а та, которая вызывает эту необходимость ради обороны...».¹⁰² На прямой вопрос британского посла, не следует ли тогда ограничить французские вооружения, Мольтке уже считал это неуместным ввиду вооружений Германии, но в то же время державы, по его мнению, могли бы «преподать в Париже советы осторожности и умеренности».¹⁰³ Похоже, это и было целью Бисмарка на данном этапе. Мольтке же верил в то, что говорил, и с марта по май он лично составил три докладные записки по поводу возможной войны с Францией, в которой последняя выступала нападающей стороной. Несмотря на то, что еще в 1871 г. фельдмаршал отметил, «как трудно завершить даже самую победоносную войну с Францией», он по-прежнему уповал на решающее сражение и разгром основных французских сил в течение трех недель. Вопреки тем проектам чуть ли не порабощения французского народа, которые приписывались Мольтке как главе германской «военной партии», два года спустя он будет высказывать позицию против расчетов военной силой поставить Францию на колени. Мир мог быть достигнут только дипломатией, пусть даже и на условиях восстановления довоенного положения.¹⁰⁴ Причиной такого «миролюбия» Мольтке было осознание им того факта, зафиксированного в его меморандуме уже 27 апреля 1871 г., что у Германии, скорее всего, будет второй противник в лице России.¹⁰⁵

Не менее этих прямых угроз в адрес Франции европейские кабинеты волновала ситуация вокруг Бельгии. Германская сторона развивала тезис о французской угрозе оккупации этой страны. Но на фоне на-

¹⁰² Рассел — Дерби, 2 мая 1875 г. // Цит. по: *Lappenküper U.* Die Mission Radowitz... S. 496; Убри — Горчакову, 27 апреля (9 мая) 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 77–80 об. — На полях этого донесения знаменательное суждение фельдмаршала было многозначительно подчеркнуто Александром II.

¹⁰³ Убри — Горчакову, 27 апреля (9 мая) 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 79.

¹⁰⁴ См.: *Moltke H., von* Die deutschen Aufmarschpläne, 1871 bis 1890 / Hrsg. von F. Schmerfeld. Berlin, 1929. (Forschungen und Darstellungen aus dem Reichsarchiv, Heft 7). № 4, 8, 9, 10, 11, 13. S. 25–54, 77. — См. также: *Helmet H., Schmiedel K.* Kriegspolitik und Strategie des preussischen Generalstabes in deutschen Kaiserreich // *Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der reichsgründung.* Berlin, 1971. S. 147.

¹⁰⁵ Цит. по: *Craig G. A.* The politics of the Prussian army... P. 274–275; *Förster S.* Der deutsche Generalstab und die illusion des kurzen Krieges, 1871–1914. Metakritik eines Mythos // *Militärgeschichtliche Mitteilungen.* 1995. Bd 54. Heft 1. S. 73.

пряженных германо-бельгийских отношений и замечаний Мольтке, например, о том, что у Германии нет «хорошей границы со стороны Бельгии», в Брюсселе стали опасаться оккупации своей страны германскими войсками как превентивной меры против «французских замыслов». ¹⁰⁶ Дерби поделился с Расселом мнением британского посланника в Бельгии, который, отражая царившие вокруг него настроения, сообщал, что «положение дел кажется ему в высшей степени критическим». ¹⁰⁷

Французские тревоги и Россия

Между тем, Деказ счел обстановку благоприятной для осуществления своего замысла. Ему было известно, что в начале мая российский император по обыкновению отправлялся на европейские курорты. По дороге в Эмс, Александр II должен был посетить германскую столицу и встретиться там со своим венценосным дядей Вильгельмом I. Значит, необходимо было приложить все усилия, чтобы в Берлине прозвучали слова в защиту Франции. Неосторожные слова Радовица давали для этого удобную возможность, хотя Гонто-Бирон и доносил о наступившем умиротворении «по всему фронту». ¹⁰⁸ До тех же пор, пока встреча двух монархов не состоялась, надо было по возможности разрядить отношения с немцами. В осуществление этого вполне естественного плана действий 29 апреля Деказ разослал французским представителям за границей циркулярное письмо. В нем содержалось изложение беседы Гонто-Бирона с Радовицем с указанием довести ее до сведения правительств стран пребывания. При этом Деказ заявлял, что «настойчивые советы» Петербурга привели к улучшению обстановки в Европе. ¹⁰⁹

Никаких официальных «советов» российская сторона в действительности не давала, и французский министр иностранных дел

¹⁰⁶ Убри — Горчакову, 21 апреля (3 мая) 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 127–128.

¹⁰⁷ Дерби — Расселу, 3 мая 1875 г. // Цит. по: *Newton T. W. L. Lord Lyons...* P. 75.

¹⁰⁸ Гонто-Бирон — Деказу, 28 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. N 398. P. 423. — Это сообщение было получено в Париже в тот же день, но не заставило Деказа отказаться от обращения к иностранным дворам.

¹⁰⁹ Деказ — дипломатическим представителям Франции в Лондоне, Санкт-Петербурге, Вене, Гааге, Риме (Святой престол), Риме (Квиринал), Брюсселе, 29 апреля 1875 г. // Ibid. № 399. P. 423–426.

в личном письме Гонто-Бирону сознавался, что таким способом он хотел «вовлечь в игру» Вену и Лондон, показав, что «их осторожности не последовали».¹¹⁰ Дешешу же послу в Петербурге он сопроводил письмом, в котором выражал благодарность Александру II и свои новые тревоги. Прежде всего, он опасался, что Россию могут поставить перед свершившимся фактом, и надеялся, что российский самодержец почтет «нечаянность за оскорбление» и не будет застигнут врасплох. Со своей стороны он был готов дать любые гарантии того, что Франция не питает реваншистских замыслов. Последние же строки этого письма звучали как призыв к России о военном заступничестве в случае германского удара: «Я питаю веру, что он (Александр II. — А. Б.) защитит своей шпагой тех, кто положился на его поддержку».¹¹¹

Леффло оказался очень энергичным дипломатом, и, получив послание своего министра вечером 2 мая, на следующий же день был в кабинете Горчакова, где в буквальном смысле выложил все свои бумаги ему на стол. В ответ он получил подтверждение всех ранее данных обещаний, хотя в отношении «шпаги» Горчаков выразил уверенность, что обнажать ее в деле защиты мира не потребуется. Позднее, за два дня до отъезда в Берлин, Александр, встретив французского посла на разводе войск, повторил слова поддержки.¹¹²

Не менее успешно Деказ действовал и в отношении Германии. Еще 28 апреля, встречаясь с германским послом в Париже князем Гогенлоэ, он, как обычно, протестовал против домыслов о реваншистских устремлениях его страны. Но неожиданно для своего собеседника он намекнул на возможность для Германии и Франции превратиться «из вчерашних врагов в завтрашних друзей», если сегодня Германия прекратит свою политику запугивания.¹¹³

Данный сюжет не нашел отражения в «Documents diplomatiques français»: там отмечается только, что во французских архивах нет упоминаний о встрече Деказа с Гогенлоэ 29 (?) апреля. Габриэль Аното, подробно осветивший этот маневр Деказа, основывался на частной переписке французского министра иностранных дел. В опублико-

¹¹⁰ Цит. по: *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine... Vol. III. P. 253.*

¹¹¹ *Ibid.*

¹¹² Леффло — Деказу, 6 мая 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. № 404. P. 437–440.

¹¹³ *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine... Vol. III. P. 258.*

ванном варианте депеши Гогенлоэ от 29 апреля слова примирения Деказа более расплывчаты и передают только пожелание французского министра иностранных дел достичь «успокоения» в отношениях с Германией.¹¹⁴

4 мая последовал ответ немцев. В этот день Гогенлоэ должен был ненадолго покинуть Францию, и утром он попрощался с Деказом. Но вечером того же дня он снова попросил аудиенции. Он задержал свой отъезд в связи с новыми инструкциями статс-секретаря Бюлова. В соответствии с ними, посол заявил, что конфликт не исчерпан, и германское правительство по-прежнему убеждено, что война против Германии является конечной целью французских вооружений. Затем, резко сменив тон, Гогенлоэ сообщил Деказу, что он донес его слова примирения до сведения германского канцлера, и тот выразил готовность искать почву для сотрудничества.¹¹⁵ Франции явно предлагали альтернативу.

Как предполагал британский историк А. Дж. П. Тейлор, Бисмарк мог считать запугивание лучшей подготовкой к дружбе и хотел этот прием, опробованный с успехом на Австро-Венгрии, применить теперь и в отношении Франции.¹¹⁶ Это обобщение, безусловно, можно назвать слишком смелым, но оно не лишено рационального зерна. «Дружба» с Австро-Венгрией стала возможна для Бисмарка во многом благодаря «русской угрозе».¹¹⁷ С Францией легче всего было бы «дружить» против Великобритании, подталкивая Париж к новым колониальным захватам. Шаги в этом направлении были предприняты Бисмарком уже в начале 1875 г.¹¹⁸

Все это должно объяснять, почему, получив сигнал от Деказа, Бисмарк с готовностью откликнулся на него, несмотря на все продол-

¹¹⁴ См.: Гогенлоэ — Бисмарку, 29 апреля 1875 г. // *Die Grosse Politik...* Nr 169. S. 264–265.

¹¹⁵ *Ibid.* P. 260–263.

¹¹⁶ *Тейлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе, 1848–1918 / Пер. с англ. М., 1958. С. 250–251.

¹¹⁷ См. об этом, например: *Buch F.* Rußland als militärische Bedrohung in der deutschen politischen Öffentlichkeit zwischen 1874 und 1880. Polemische Komplementärpositionen im Kontext kalkulierter Entfremdung // *Militärgeschichtliche Zeitschrift.* 2001. Bd 60. Heft 1. S. 1–50.

¹¹⁸ См. Главу 7.

жающиеся угрозы. Деказ охотно поддержал тему о том, где Франция и Германия могут найти «общую почву» для сотрудничества, указав на Италию и Испанию.¹¹⁹ Но со стороны французского министра иностранных дел тема возможного примирения была лишь уловкой с тем, чтобы выиграть время; он не желал ее развития. Когда 7 мая Бюлов сказал Гонто-Бирону, что взаимопонимание двух стран возможно, тот, не предупрежденный из Парижа о беседах с Гогенлоэ, оказался не готов к такому повороту событий и не понял намеков статс-секретаря.¹²⁰ При этом нельзя не отметить, что той же депешей Гонто-Бирон сообщал о «разрядке» в Берлине: «пылкие сторонники мира есть во всех самых высших сферах здешнего светского общества; генеральный штаб — вот кто прежде всего воинственен», но даже Мольтке не ждет войны «в этом году».¹²¹

Тайна публикации «The Times» и пробуждение Туманного Альбиона

6 мая в лондонской «The Times» появилась статья «Французская тревога», которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Автором этой сенсационной статьи был Генри Бловиц, корреспондент газеты во Франции. Вопрос о том, кто стоял за его спиной, также может быть решен вполне определенно. Сам Бловиц не скрывал, что писал по просьбе Деказа. Более того, французский министр иностранных дел даже якобы дал прочесть журналисту ту самую депешу Гонто-Бирона, в которой передавались слова Радовица. И именно этой услуге Бловиц был обязан появлению в своей петлице розетки ордена Почетного легиона.¹²²

Сама по себе фигура Бловица (настоящее имя — Адольф Оппер, уроженец Бловиц в Богемии) весьма неординарна. Благодаря своим способностям, Бловиц оставался официальным корреспондентом «The Times» во Франции на протяжении 28 лет, совершенно не зная при

¹¹⁹ См. Гогенлоэ — Бисмарку, 5 мая 1875 г. // *Die Grosse Politik...* Nr 172. S. 270–271.

¹²⁰ Гонто-Бирон — Деказу, 7 мая 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. №406. P. 443.

¹²¹ Ibid. S. 442–444.

¹²² *Blowitz H. Memoirs.* N. Y., 1905. P. 97–103; *Sabourof P. Russie, France, Allemagne (1870–1875)* // *La Revue de Paris.* 1912. Mars (t.2). P. 251–252. — Версия, рассказанная российскому дипломату Петру Александровичу Сабурову самим Бловицем. См. также: *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine...* Vol. III. P. 266.

этом английского языка. Его же называют одним из родоначальников журналистики, введшего в практику жанр интервью.¹²³

При этом к подробностям свидетельств Бловица в его мемуарах следует относиться критически из-за склонности автора постоянно преувеличивать свою роль в истории, мистифицировать и давать самые фантастические трактовки событий. Высказывания Радовица в беседе с Гонто-Бироном, в частности, он объяснял попыткой Бисмарка устами своего сотрудника предупредить французов о воинственных планах германских военных.¹²⁴ Нельзя не отметить, что статья в «The Times», вопреки всем утверждениям журналиста, слабо перекликается с беседой Гонто-Бирона и Радовица. Ничто в ней не подтверждает того, что ее автор держал в руках подлинные дипломатические документы. Впрочем, близкий друг Деказа и его политический единомышленник Эрнест Додэ на основании беседы, состоявшейся с экс-министром в 1879 г., подтверждал в своих воспоминаниях факт написания Бловицем статьи по просьбе тогдашнего руководителя французской внешней политики.¹²⁵

Тогда, в 1875 г., Деказ, однако, отрицал, что был инициатором этой громкой статьи, и указывал на германского посла в Париже князя Гогенлоэ. Тот, по словам Деказа, хотел таким путем предотвратить авантюру, в которую его страна вот-вот собиралась броситься.¹²⁶ Воспоминания Гогенлоэ подтверждают, что Бловиц делился с ним своим замыслом статьи, посвященной существовавшим дипломатическим осложнениям. Но, как отмечал германский дипломат, первоначальная позиция Бловица была куда более беспристрастной, чем та, что нашла свое отражение на страницах британского издания.¹²⁷ Широко известные тесные контакты французского корреспондента «The Times» с германским посольством

¹²³ См. подробнее: *Giles Fr.* A Prince of Journalists. The Life and Times of Henri Stefan Oppen de Blowitz. La Salle, 1974; *Pierre Wallon.* Henri Georges Stefan Adolph Oppen de Blowitz (1825–1903). Conférence sur de Blowitz donnée au château de Sassetot le mardi 3 août 2004. — Режим доступа: http://www.les-petites-dalles.org/Conf_Blowitz.html. Дата посещения: 4.02.2007.

¹²⁴ *Blowitz H.* Memoirs. P. 94, 114.

¹²⁵ Додэ защищал Деказа как подлинного спасителя Франции весной 1875 года: *Daudet E.* Souvenirs et révélations. Histoire diplomatique de l'alliance Franco-Russe, 1873–1893. Paris: Paul Ollendorff, 1894. P. 72–75. — Шарль Гавар в своих воспоминаниях тоже не сомневался, что Бловиц писал «под диктовку Деказа»: *Gavard Ch.* Un diplomate à Londres... P. 244.

¹²⁶ *Hanotaux G.* Histoire de la France contemporaine... Vol. III. P. 266–267.

¹²⁷ *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch., von* Memoirs... P. 144.

в Париже, возможно, и побудили Деказа указать на «германский след» в происхождении статьи. Но трудно себе представить, чтобы Гогенлоэ, человек очень осторожный, решился на поступок, который ему приписывал французский министр иностранных дел. Судьба его предшественника на посту германского посла во Франции, Гарри фон Арнима, была еще слишком свежим примером того, что случалось с тем, кто осмеливался противодействовать канцлеру Бисмарку.

Из Парижа распространилась и еще одна версия происхождения сенсационной газетной статьи. Полуофициальное французское информационное агентство Гавас еще накануне, вечером 5 мая, предупреждало о циркулирующих на парижской бирже слухах, «касающихся наших внешнеполитических отношений».¹²⁸ Но редакция лондонской газеты поспешила заверить своих респектабельных читателей, в числе которых были и представители высших кругов европейских столиц, что опубликованные ею сведения — «не сплетня с Бульваров, но шепот политических салонов...».¹²⁹ Идею статьи как дело рук биржевых спекулянтов решительно отметал и германский посол Гогенлоэ. Он отмечал, что редакторы «The Times» тщательно проверили материалы Бловица, прежде чем поместили их на свои страницы, и, возможно, даже обсудили вопрос с лондонскими политиками.¹³⁰

Таким образом, следуя за мнением большинства компетентных современников и историков, можно заключить, что статья «The Times» была инспирирована французским министром иностранных дел, хотя, быть может, не совсем так, как это описывал Генри Бловиц.

Каково же было содержание этой статьи, ставшей последней в ряду знаменитых публикаций периода «военной тревоги»? Бловиц начинал с того, что описывал всеобщую тревогу, которая охватила «самые серьезные умы, но которая скрыта до сих пор от большинства». При этом он утверждал, что Германии в данный момент предоставлена полная свобода действий. Так как Бельгии ничто более не угрожает, то Англия останется спокойной, что бы ни случилось. Австро-Венгрия и Италия также не встанут на защиту Франции. Следовательно, одна лишь Россия может покончить с настоящей тревогой, и основание надеяться на

¹²⁸ Цит. по: *Carroll E. M. French public opinion and foreign affairs...* P. 63.

¹²⁹ The Times. 1875. May 8. (Редакционная колонка газеты).

¹³⁰ *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch. von Memoirs...* Op. cit. P. 144.

это дает неудача миссии господина фон Радовица. Затем Бловиц рассказывал о наличии «военной партии» в Германии, которая выступает за скорейший превентивный удар и новый мирный договор, который ограничил бы французскую армию, налагал бы 10-миллиардную контрибуцию со сроком выплаты в течение 20 лет и предусматривал бы германскую оккупацию до погашения суммы. Вот какие слова он вкладывал в уста сторонников войны: «Если Франция не будет сражаться, навяжите ей перестраховывающий договор без пролития крови. Если у вас нет предложения, найдите его. Если вы не найдете предложения, действуйте без него. Ваши современники-иностранцы осудят вас, без сомнения; но Германия, усилившаяся, процветающая и спокойная, навсегда благословит вас».¹³¹ Такие эмоциональные строки не могли не вызвать сенсации.

Официозный характер публикации «The Times» подтверждает и то, что того же 6-го мая в другой британской газете, «Morning Post», появилась статья схожего содержания — факт, обойденный вниманием большинства историков, писавших о «военной тревоге». Более того, обе публикации по содержанию столь похожи, как будто их писала одна рука.¹³² Здесь также описаны цели «военной партии» в Германии, правда, Бисмарк здесь выставлен одним из ее лидеров. Гораздо больше места «Morning Post» уделила предстоящей встрече Александра II с Вильгельмом I в Берлине и роли России в кризисе: «Можно почти предположить, что будущие судьбы Европы зависят от этой встречи».¹³³ Одновременное появление таких двух одинаковых по характеру статей едва ли могло быть случайным совпадением.

Нельзя не отметить и того, что в общих чертах изложенные в «The Times» и «Morning Post» «планы» германской «военной партии» по вторичному завоеванию Франции были еще за неделю до их громкого обнародования сообщены в Петербург российским послом Орловым. Посол не только считал эти замыслы правдоподобными, но и приписывал их непосредственно Бисмарку, в чем, однако, не нашел согласия у Александра II, пометившего на полях: «я так не думаю».¹³⁴

¹³¹ A French «Scare» (from a French correspondent) // The Times. 1875. May 6. P. 8.

¹³² Carroll E. M. French public opinion and foreign affairs... P. 62.

¹³³ Цит. по: Ibid.

¹³⁴ См.: Орлов — Горчакову, 17/29 апреля 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 123–124.

Примечательна и реакция французской прессы на эти филиппики в адрес германских «ястребов». Неожиданно она оказалась единодушно негативной, и это не могло не привлечь внимания немцев. Парижский корреспондент «Kölnische Zeitung» отмечал: «Вместо того чтобы воспользоваться случаем, как обычно, для нападок на воинственные намерения Германии, отрицается, что статья (статья «Таймс». — А. Б.) имеет какое-либо обоснование».¹³⁵ Американский исследователь французского общественного мнения тех лет Е. М. Кэрролл полагает, что такая умеренность французской прессы — скорее общая тенденция с 1871 г., нежели результат официального давления. Но, как представляется, первое вовсе не исключало второго. К тому же сам Кэрролл отмечал тот факт, что парижская пресса не отражала того состояния паники, в которое было повергнуто французское общество на самом деле.¹³⁶ Едва ли это было возможно без вмешательства «сверху». В пользу последнего предположения оставила свидетельство и современница событий, французская писательница Жюльетта Адан, согласно которой Деказ «посоветовал» ведущим парижским газетам соблюдать спокойствие.¹³⁷

Вплоть до самого приезда Александра II в Берлин 10 мая, европейская пресса живо обсуждала тему возможности нового столкновения Франции и Германии. Благодаря этому новому всплеску активности газет дипломатическое вмешательство России выглядело тем более обоснованным и своевременным. Расчет Деказа оказался верным: внимание к проблемам Франции было привлечено, и это внимание было сочувственным. Выступление британской прессы, безусловно, обеспечило благоприятный фон и для вмешательства Лондона в дела на континенте.

Еще 28 апреля, когда французский поверенный в делах Гавар вновь по собственной инициативе возобновил обмен мнениями по ситуации в Европе, лорд Дерби не проявил никаких стремлений к вмешательству. Он лишь озвучил идею, которую последовательно отстаивал Рассел, и которая нашла отражение на страницах «The Economist» в номере от 10 апреля и «The Spectator» непосредственно накануне встречи.

¹³⁵ Цит. по: *Carroll E. M. French public opinion and foreign affairs...* P. 63.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ См.: *Defrasne J. L'armée française devant l'alert de 1875 // Revue historique de l'armée.* Vol. 26. 1970. № 1. P. 41.

Эта идея заключалась в том, что угроза нависла не над Францией или Бельгией, а над Австро-Венгрией. Если полмесяца назад она еще имела под собой какие-то основания, то теперь могла лишь вызвать недоумение и раздражение у французской стороны. Быть может, предвидя эти чувства, Гавар в своем отчете о встрече предостерег свое Министерство от преждевременных суждений и подчеркивал, что отражает мнение только одного министра британского правительства.¹³⁸ Эта оговорка Гавара сама по себе примечательна; вполне возможно, он догадывался, что далеко не все в британских верхах являются сторонниками изоляционистского курса.

Россия оставалась в центре внимания французской дипломатии, но из этого не следовало, что Париж оставил попытки «пробудить» Англию. Когда Гонто-Бирон сообщил Деказу о неосторожных высказываниях Радовица, он сразу посоветовал донести их до сведения держав, подразумевая, прежде всего, Россию.¹³⁹ Но Деказ предпочел прежде познакомить с ними Лондон. При этом он подчеркивал непосредственную угрозу миру, намекая, что война может разразиться уже в августе, и указывал, что последствия «теории» Радовица будут губительны для спокойствия Европы.¹⁴⁰ Лишь после этого он разослал известный циркуляр от 29 апреля с тем же содержанием по французским миссиям.

Таким образом, первые инструкции Гавар получил лишь 30 апреля. Следуя предписанию, он сообщил новую информацию британскому министру иностранных дел. Но и сейчас глава Форин-офис не поменял своего мнения относительно мишени, которую Берлин избрал для удара, отвергая даже мысль о каком-либо «немедленном взрыве».¹⁴¹ Причина была в том, что Дерби, следуя за мнением своих дипломатов на местах, не видел для Англии возможности помешать Германии.

В своем письме к Расселу 3 мая Дерби ясно выразил свою точку зрения. Он запрашивал посла: «Нет ли надежды на вмешательство России в пользу сохранения мира? <...> Бисмарк едва ли возьмется сражаться с Россией и Францией одновременно. Я вижу мало других путей отве-

¹³⁸ *Gavard Ch. Un diplomate à Londres...* P. 239.

¹³⁹ Гонто-Бирон — Деказу, 21 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. № 395. P. 421.

¹⁴⁰ Адамс — Дерби, 26 апреля 1875 г. // Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz...* S. 501.

¹⁴¹ *Gavard Ch. Un diplomate à Londres...* P. 241.

сти беду...». ¹⁴² При этом он добавлял: «Английская публика мало знает об иностранных делах, но понятно, что бить лежачего — это нечестная игра, и я думаю, в остальной Европе страх и зависть к господствующей державе дали бы Франции много сторонников». ¹⁴³ Очевидно, что Дерби отныне проникся к Бисмарку глубоким недоверием. Рассел даже признался своему российскому коллеге, что удостоился упреков главы Форин-офис за то, что «постоянно представлял нынешнюю Германию очень миролюбивой, тогда как она постоянно вызывает повсюду затруднения и всех тревожит, как это делал некогда Наполеон». ¹⁴⁴ Все же нельзя не отметить, что, говоря о симпатиях английской публики и «остальной Европы», Дерби ни словом не обмолвился о возможных действиях английской дипломатии.

Дальнейшее изложение своих мыслей Дерби продолжил 5 мая, когда он счел нужным впервые обратить внимание королевы на тревожную ситуацию в Европе. Министр считал, что все крики о французской угрозе связаны с удивительно быстрым восстановлением Франции, которое вызывает у германского канцлера мысль, что «его работа сделана только наполовину». «Лорд Дерби не скрывает от себя, что преобладание этих идей, если они только распространены в Германии, заключают в себе серьезную угрозу Европе», — заявлял он королеве. ¹⁴⁵ Касаясь собственных действий, он сообщил о неоднократных своих беседах с германским послом Мюнстером, в ходе которых он разубеждал того в том, что французские вооружения таят в себе какую-либо угрозу Германии. «Он (лорд Дерби. — *А. Б.*) не надеется преуспеть в этом, так как думает, что выраженная тревога притворна и не реальна». ¹⁴⁶ При этом Дерби остался верен себе и прямо выразил надежду, что все разрешится во время визита Александра II в Берлин.

Далее события стали развиваться с головокружительной быстротой.

6 мая Гавар вновь встречался с лордом Дерби. Накануне он получил сообщение о высказываниях Бюлова относительно того, что Германия не считает конфликт исчерпанным. Искренне поверивший в

¹⁴² Дерби — Расселу, 3 мая 1875 г. // Цит. по: *Newton T. W. L. Op. cit.* P. 75.

¹⁴³ *Ibid.*

¹⁴⁴ Убри — Горчакову, 21 апреля / 3 мая 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 57 об.

¹⁴⁵ Дерби — Виктории, 5 мая 1875 г. // *The Letters of Queen Victoria. 2nd Ser. Vol. II.* / Ed. By Buckle G.E. London, 1926. P. 389–391.

¹⁴⁶ *Ibid.*

близкую угрозу Гавар стал эмоционально доказывать свою точку зрения британскому министру иностранных дел. Ему удалось заставить Дерби признать, что бесконтрольные тайные мысли Бисмарка стали причиной «большого беспокойства», а Европа близка к тем временам, когда все находилось в руках Наполеона I. Дерби добавил: «Вы можете рассчитывать на меня, вы можете рассчитывать, что правительство не поступит против своего долга. Я даю вам на этот счет все гарантии, которые может вам дать министр конституционного правительства».¹⁴⁷ Но все же, Гавар не смог скрыть своего разочарования: «У меня нет иллюзий в отношении того, что слова лорда Дерби являются гарантией эффективной помощи».¹⁴⁸

Того же 6 мая королева Виктория принимала премьер-министра Дизраэли, и темой их беседы стали тревожные слухи о войне. Обоих, видимо, не устраивало бездействие Дерби. Дизраэли видел во всем этом деле благоприятную возможность выполнить предвыборные обещания¹⁴⁹ и удовлетворить собственные амбиции, которые он лишний раз продемонстрировал уже после кризиса в следующих строках: «Я думаю, что со времен Пама (Пальмерстона. — А. Б.) мы не были столь энергичны...».¹⁵⁰

Виктория же была действительно встревожена после прочтения отчета Дерби. Ее глубоко задел «повелительный и оскорбительный язык» Германии в адрес Бельгии, равно как и угрозы превентивного удара в адрес Франции. На встрече с ней Дизраэли сравнил Бисмарка с Наполеоном I, против которого была вынуждена объединиться вся Европа, и королева могла лишь аплодировать этой оценке. Дизраэли высказался за «альянс» с Россией в деле предотвращения войны. Виктория тут же настояла на привлечении Австро-Венгрии и Италии. Дизраэли, не растерявшись, пообещал встретиться с Дерби и не терять времени даром.¹⁵¹ Еще одной инициативой Виктории было отправить лорда Коули в качестве посла по особым поручениям в Берлин, чтобы придать больший вес своим действиям.

¹⁴⁷ *Gavard Ch.* Op. cit. P. 242–243.

¹⁴⁸ Гавар — Деказу, 7 мая 1875 г. // *Ibid.* P. 244.

¹⁴⁹ Подробнее см.: *Blake R.* The conservative party from Peel to Churchill. London, 1970. P. 126.

¹⁵⁰ Дизраэли — Леди Брэдфорд, 14 мая 1875 г. // *The Letters of Disraeli to Lady Bradford and Lady Chesterfield* / Ed. by Marquis of Zetland. Vol. I. London, 1929. P. 239.

¹⁵¹ *The Letters of Queen Victoria...* P. 391–392.

7 мая, в пятницу, премьер встретился с Дерби для выработки плана действий. По мнению Дерби, следовало прежде уточнить намерения Александра II, переговорив с российским послом Шуваловым, возвращение которого в Лондон ожидалось ежечасно. Дизраэли согласился, но резонно заметил, что время решает все, особенно в условиях, когда императоры должны встретиться уже в понедельник. Идею о чрезвычайной миссии Коули отбросили как нереальную и договорились действовать через Одо Рассела: телеграфировать ему, что он должен «действовать осторожно вместе российским императором <...> чтобы сохранить мир в Европе».¹⁵² Более точные инструкции планировалось отправить после беседы с Шуваловым. Дизраэли также считал полезным, чтобы королева направила свои личные послания российскому и германскому императорам.

Получив послание главы правительства, Виктория тотчас выразила свою готовность написать обоим монархам. Ее негативные эмоции к Бисмарку и германской политике только усиливались. Она находилась под впечатлением «душераздирающего призыва» германской императрицы Августы, которая боялась воинственных устремлений «ужасных генералов» не меньше, чем французы, и молила о вмешательстве: «Вы можете спасти нас, если вы захотите — не ради меня, так во имя Бога!»¹⁵³ И эмоциональное возбуждение Виктории становится тем более очевидно, когда двукратное отсутствие больного бронхитом германского посла Мюнстера и его дочери на регулярных приемах в ее гостиных она расценила как обусловленную политикой симуляцию.¹⁵⁴

Большое влияние на дальнейшие действия британского руководства, которое представляло собой триумвират Виктории, Дизраэли и Дерби (остальные члены кабинета не были посвящены во внешнеполитические дела), оказало прибывшее, видимо, с опозданием донесение лорда Рассела от 6 мая. В нем сообщалось о визите Шувалова в Берлин на его пути в Лондон. Там его приняли с большим вниманием, надеясь загодя выяснить настроения Александра II и Горчакова накануне их визита. По сведениям Рассела, в Берлине российский император «будет настаивать

¹⁵² Дизраэли — Виктории, 7 мая 1875 // *The Letters of Queen Victoria*... P. 392.

¹⁵³ Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz*... S. 518.

¹⁵⁴ Понсонби — Дерби, 8 мая 1875 // Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz*... S. 518. — О том, что Мюнстер болен именно бронхитом, кратко упоминала «The Times»: *The Times*. 1875. May 6. P. 10.

на сохранении мира в Европе даже ценой ссоры с Германией и в этом он может рассчитывать на поддержку Австрии».¹⁵⁵

Дизраэли увидел в этой депеше лишнее подтверждение правильности курса на дипломатическое вмешательство. Дерби, поддавшись атмосфере, которая воцарилась вокруг него, пришел к убеждению, что кризис должен расцениваться как «подлинный и серьезный». Поэтому он уже сам торопил королеву, за которой оставалось высочайшее утверждение документа, убеждая ее, что «инструкции лорду Расселу следует послать немедленно».¹⁵⁶ Проволочки, неизбежные при таком обмене письмами, позволили британскому министру иностранных дел телеграфировать в Берлин лишь рано утром 9 мая.

В инструкциях Расселу говорилось, что британское правительство с сожалением наблюдает всеобщую тревогу по поводу возможного нарушения европейского мира. Правительство Ее Величества убеждено, что у французского правительства не существует планов войны-реванша, и страхи на этот счет, если они подлинны, беспочвенны. И далее самое главное: «Они (французы. — А. Б.) искренне хотят сохранения мира, — писал Дерби, — и я должен предписать Вашей Светлости использовать все средства в вашей власти, чтобы положить конец этому возникшему недоразумению. Считается, что российский император будет говорить в том же духе во время своего визита в Берлин. Если Его Императорское Величество будет действовать так, Ваша Светлость должна будет решительно помогать его усилиям в пользу сохранения мира».¹⁵⁷

В тот же день правительства Австро-Венгрии и Италии были направлены подобные депешы с предложением дать своим представителям в Берлине аналогичные указания. Британский посол в Петербурге также получил указание проинформировать Россию о предпринятых британским правительством шагах. При этом Дерби, сообщая французскому представителю Гавару об отправке инструкций в Берлин,

¹⁵⁵ Рассел — Дерби, 6 мая 1875 // *Newton T. W. L. Op. cit.* P. 76.

¹⁵⁶ Дерби — Понсонби, 8 мая 1875 // Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz...* S. 521.

¹⁵⁷ Дерби — Расселу, 9 мая 1875 г. // *The Letters of Queen Victoria...* P. 393. — Иногда датой отправки инструкций Расселу ошибочно указывается 8 мая 1875 г. (См. напр.: *Temperley H., Penson L. M. Foundations of British foreign policy from Pitt to Salisbury.* Cambridge, 1938. P. 351)

не стал скрывать, что действия России были более эффективны, но пытался доказать, что иначе и быть не могло, так как она «в состоянии поддержать свои представления силой оружия».¹⁵⁸

9-го же мая, во второй половине дня, Шувалов, наконец, встретился с Дерби. Он подтвердил намерения Александра II очень решительно высказаться в пользу сохранения мира. «Поэтому я думаю, — писал Дерби, — что угрозы войны более не существует, то есть в настоящий момент и до тех пор, пока русская политика останется прежней».¹⁵⁹ Требовавшееся подтверждение и уточнение позиции России хотя и постфактум, но было получено, рассеяв последние опасения у британского министра иностранных дел.

По совету своих министров, в качестве знака солидарности с действиями российской стороны 10 мая Виктория направила личное письмо Александру II. В нем она выразила российскому императору свою «твердую надежду», что тот использует свое «большое влияние, чтобы попытаться сохранить мир и рассеять глубокую тревогу, который вызвал во всей Европе язык, которого придерживались в Берлине».¹⁶⁰ Ответ Александр II отправит из Эмса 18 мая, уже после всех событий. Спустя полмесяца, в июне, состоялась короткая переписка Виктории и с Вильгельмом I.¹⁶¹

После того, как Расселу были отправлены инструкции, английскому руководству оставалось ждать известий из Берлина. После заявлений Шувалова это ожидание не было столь уж томительным, и Дизраэли имел все основания писать своей постоянной корреспондентке, леди Честерфилд: «Дела очень критические, но я более чем оптимистичен в отношении них».¹⁶² С присущим ему остроумием он называл предстоящую встречу в Берлине встречей «трех императоров» (Александра II, Вильгельма I и Бисмарка, видимо, в роли Наполеона I). Похоже, он не очень-то верил в угрозу войны и с известной долей самодовольства писал три дня спустя: «У нас будет мир... Новости из Берлина пришли посреди ночи, но меня мудро не разбудили. Од-

¹⁵⁸ *Gavard Ch.* Op. cit. P. 245.

¹⁵⁹ Дерби — Понсонби, 10 мая 1875 // *The Letters of Queen Victoria...* P. 394.

¹⁶⁰ Виктория — Александру II, 10 мая 1875 // *The Letters of Queen Victoria...* P. 396.

¹⁶¹ Вильгельм I — Виктории, 3 и 23 июня 1875 г. // *The Letters of Queen Victoria...* P. 402–404, 409–410; Виктория — Вильгельму I, 20 июня 1875 г. // *Die Grosse Politik...* Nr 189. S. 292–293.

¹⁶² Дизраэли — Леди Честерфилд, 9 мая 1875 // *The Letters of Disraeli...* P. 239.

нако это дало мне аппетит перед завтраком». ¹⁶³ Дизраэли мог быть доволен собой — хоть внешне, но Англия проявила свою активность в континентальных делах.

3.3. Дипломатическое вмешательство России и Англии

Переговоры в Берлине

Нет оснований полагать, что визит Александра II и канцлера Горчакова в Берлин действительно был призван предотвратить, казалось, близкий военный конфликт между Францией и Германией. Тем не менее, он обязывал Бисмарка высказаться, наконец, в отношении своего соседа со всей определенностью. Все внимание оказалось приковано к визиту российского императора в Берлин, и пресса активно комментировала предстоящую встречу. Даже английские газеты, которые никогда не отличались особыми симпатиями к России, признавали важность события. «The Daily Telegraph» считала, что от встречи двух монархов «во многом зависит оборот, который должны принять эти серьезнейшие осложнения». Газета подчеркивала: «Россия держит ситуацию под контролем. <...> У нас есть основания полагать, что петербургский двор не склонен к тому, чтобы восторжествовали горячие советы определенных германских генералов и политиков». ¹⁶⁴ Консервативная «The Times», отдавая дань событию, привычным менторским тоном напоминала обоим императорам, что в их руках «международное доверие, которое лишь чуть менее необходимо, чем мир». ¹⁶⁵

Справедливости этим высоким оценкам придали и последние маневры на европейской дипломатической арене. Как логичное завершение усилий французской дипломатии, 7 мая в беседе с российским послом в Париже князем Н. А. Орловым президент Франции Мак-Магон обратился за помощью к России. «Он не требует ни арбитража, ни посредничества. Он поручает Францию покровительству императора», — сообщал в Петербург Орлов. ¹⁶⁶ Одновременно с этим бельгийский король

¹⁶³ Дизраэли — Леди Честерфилд, 12 мая 1875 // Ibid.

¹⁶⁴ The Daily Telegraph. 1875. May 10.

¹⁶⁵ Germany and Russia // The Times. 1875. May 10. P. 11.

¹⁶⁶ Орлов — Горчакову, 8 мая (26 апреля) 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 129.

Леопольд II из-за угрозы германской оккупации через того же Орлова обратился к российскому императору с похожим призывом.¹⁶⁷

К визиту российского императора в Берлин приурочила свой демарш и Испания. Испанское правительство было полно решимости покончить с сопротивлением дона Карлоса на северо-востоке страны и не без основания полагало, что он держится там во многом благодаря помощи с французской территории. Это и стало причиной беседы испанского министра иностранных дел Алехандро де Кастро с российским послом в Мадриде Х. Е. Кудрявским, в ходе которой министр сообщил о том, что Бисмарк предлагал Испании решить карлистскую проблему путем германской интервенции. По мнению главы МИД Испании, за эту «услугу» Мадрид должен был поддержать Германию в новой войне против Франции. Кастро добавил, что королевское правительство отклонило это предложение. Позднее, в июне 1875 г., испанский вопрос был обсужден Александром II и Вильгельмом I в Эмсе: российский монарх высказался против вмешательства в дела на Пиренеях, и вопрос был закрыт.¹⁶⁸

Обращение Бисмарка к испанскому правительству едва ли было поиском союзника в войне против Франции: слишком шаток был еще трон Альфонса XII для военных авантур. Скорее, это было развитие политики Бисмарка по изоляции Франции. С учетом того, что приоритет всей обороны страны был безоговорочно отдан восточному направлению,¹⁶⁹ даже гипотетическая возможность появления германского экспедиционного корпуса близ южных границ Франции прибавила бы, конечно, бессонных ночей ее руководству.

Эти почти одновременные обращения Франции, Бельгии и Испании ставили Александра II против его собственного желания в положение третьей стороны — положение, в котором так сложно угодить всем. Накануне отъезда из Петербурга он впервые поднял вопрос об угрозе новой войны с военным министром Д. А. Милютиным. То, что этот раз-

¹⁶⁷ Борисов Ю. В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, 1871–1875. М., 1951. С. 232.

¹⁶⁸ Бухармедова Л. М. Россия и Испания в годы правления Альфонса XII (По материалам Архива внешней политики Российской империи) // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995

¹⁶⁹ См.: Jauffret J-Ch. La défense des frontières françaises et l'organisation des forces de couverture (1874–1895) // Revue historique. T. 279. 1988. Nr 566. P. 360–367.

говор состоялся лишь 6 мая, говорит о том, что российский император всерьез в эту угрозу не верил. Но это не говорило о его безразличии: Милютин был удивлен резкостью отзывов своего монарха об образе действий Бисмарка.¹⁷⁰

Министр деликатно умолчал в своем дневнике о подробностях высказываний Александра II в адрес руководителя германской политики, но австро-венгерскому послу барону Лангенау царь, например, прямо сказал, что Бисмарк явно «не в себе», и при этом характерно постучал себя пальцем по лбу.¹⁷¹ В этом мнении российский самодержец, как явствует из его помет на дипломатических донесениях из Берлина, на протяжении развития кризиса все более утверждался. В переданной Убри фразе британского посла Одо Рассела о том, что борьба с клерикалами «постоянно отражается на нервах и политике князя Бисмарка» Александр подчеркнул слова «на нервах» и пометил на полях: «важно!»¹⁷² Выражаемые представителями других стран «сожаления» по поводу поднятой военной тревоги неизменно находили у него поддержку,¹⁷³ а упоминавшееся уже сравнение лордом Дерби в этой связи германской политики с образом действий Наполеона было встречено им пометой «вот именно!».¹⁷⁴ Оба раза во время докладов Д. А. Милютина 6 и 8 мая (24 и 26 апреля по старому стилю) Александр повторил это столь понравившееся ему сравнение Бисмарка с Наполеоном I, «который по окончании каждой войны сейчас же искал предлога к начатию новой».¹⁷⁵

Все это объясняет то, почему Александр с нетерпением ждал возможности объясниться с германским императором без посредников. Вот как была намечена Горчаковым «демаркационная линия» на предстоящих переговорах: «Оставаясь добрыми друзьями и верными союзниками, мы никогда не возьмем роль соучастника в случае, если пойдут по путям, которые не являются нашими».¹⁷⁶

8 мая царский поезд покинул Петербург, 10-го он прибыл в Берлин. На перроне гостей встречал лично Вильгельм I со всеми королевскими

¹⁷⁰ Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина. Т. I. 1873–1875. М., 1947. С. 193.

¹⁷¹ Цит. по: Wittram R. Bismarck und Gorčakov im Mai 1875. Göttingen, 1955. S. 224.

¹⁷² См.: Убри — Горчакову, 2/14 апреля 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 33.

¹⁷³ См.: Убри — Горчакову, 2/14 апреля и 8/20 апреля 1875 г. // Там же. Л. 32 об., 48 об.

¹⁷⁴ См.: Убри — Горчакову, 21 апреля/ 3 мая 1875 г. // Там же. Л. 57 об.

¹⁷⁵ Дневник Д. А. Милютина. Т. I. С. 193–195.

¹⁷⁶ Горчаков — Убри, 6/18 апреля 1875 г. // Цит. по: Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 119–120.

принцами и пышной свитой. После объятий и поцелуев обе венценосные особы, усевшись в одну коляску, направились в королевский дворец, где гостей ожидала императрица Августа. После Александр II нанес визит князю Бисмарку на Вильгельмштрассе, в здание германского ведомства иностранных дел. Символично, что когда российский император покинул резиденцию канцлера, над Берлином разразилась сильнейшая гроза, с молнией и громом, сильным ветром и ливнем.¹⁷⁷ Говоря образно, барометр в те дни довольно точно отражал политическую ситуацию.

Вечер российский монарх провел в театре в обществе гостеприимных хозяев. Вильгельм I оказался мало осведомлен о настоящем положении дел, но с самого начала заверил племянника, что против Франции не замышляются никакие агрессивные действия. Кронпринц высказался в том же духе.¹⁷⁸ Как и ожидалось, переговоры с германским канцлером оказались намного сложнее.

Накануне Рассел официально заявил о поддержке Англией миролюбивой миссии российского императора. Бисмарк в ответ сдержанно поблагодарил английское руководство за посредничество, но заявил, что оно бесполезно, и никто и не думал нарушать мир.¹⁷⁹ Отметим, что ни Италия, ни Австро-Венгрия не поддержали приглашения Великобритании. Андраши вполне поддерживал цели акции, но был достаточно благоразумен, чтобы выдержать внешний нейтралитет и избежать гнева Бисмарка. Узнав подробности демарша Горчакова, Андраши с ликованием воскликнул: «Бисмарк никогда не простит его!»¹⁸⁰

В дни берлинской встречи Рассел получил указание присутствовать во время бесед российского и германского канцлеров. Он подчинился, хотя и считал, что такой шаг лишь может усилить раздражение Бисмарка. Поэтому для себя он решил играть, как он выразился, «роль немого персонажа в пьесе».¹⁸¹ Вечером 10 мая в его присутствии состоялась

¹⁷⁷ The emperor of Russia at Berlin // The Daily Telegraph. 1875. May 11.

¹⁷⁸ Конфиденциальная записка, (получена 2/14 мая) 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 85 об. — На основе черновика этот документ датируют 30 апреля/12 мая 1875 г. См.: Международные отношения в 1870–1918 гг.: Сб. документов / Под ред. В. М. Хвостова. М., 1940. С. 25.

¹⁷⁹ Gavard Ch. Un diplomate à Londres... P. 246.

¹⁸⁰ Цит. по: Bridge F. R. From Sadowa to Sarajevo. The foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914. London, 1972. P. 66.

¹⁸¹ Цит. по: Sabourof P. Russie, France, Allemagne (1870–1875) // La Revue de Paris. 1912. Mars. P. 249–250.

двухчасовая беседа Горчакова с Бисмарком. По признанию Рассела, в тот день перевес в остром словесном поединке был полностью на стороне российского канцлера. Впервые, по словам британского посла, он видел, как Бисмарку не хватает аргументов в защиту.¹⁸² Германский канцлер жаловался, что люди сомневаются в его желании сохранить мир, тогда как он проводит бессонные ночи ради этой цели. На это Горчаков якобы ответил: «Именно эти бессонные ночи и тревожат нас. Помните, что вы несете бремя вашей славы; когда вы страдаете от бессонницы, Европа не может спать; когда у вас головная боль, у Европы высокая температура».¹⁸³

Думается, этот комплимент не принес большого удовольствия Бисмарку. Всю вину за сложившуюся ситуацию он возлагал на газетчиков, лейтенантов, болтающих в клубах, биржевиков, играющих на понижение, и лично герцога Деказа, заинтересованного в биржевых спекулятивных махинациях. О себе канцлер заявил, что приписывать ему агрессивные планы против Франции — «это равносильно обвинению его в идиотизме и в полном отсутствии ума...». Когда же, по-видимому, Горчаков напомнил ему о воинственных высказываниях Мольтке, Бисмарк с явным раздражением назвал того «молокососом в политике, не имеющим никакого влияния».¹⁸⁴ Бисмарку вообще было нелегко контролировать себя. Как впоследствии рассказывал Артур Рассел, брат посла, во время переговоров Горчаков якобы даже несколько раз восклицал: «Ну, полно, полно, мой дорогой, да успокойтесь же вы».¹⁸⁵ Истоцив аргументы в свою защиту, Бисмарк заявил, что «не существует никакого намерения напасть на Францию, и что в этом у него вполне определенные убеждения, которыми и диктуются его действия».¹⁸⁶

11 мая Рассел встретился с российским и германским канцлерами, состоялся также разговор Горчакова с Гонто-Бироном. Горчаков передал

¹⁸² Ibid. P. 250.

¹⁸³ Ibid.

¹⁸⁴ Конфиденциальная записка // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 86.

¹⁸⁵ Цит. по: *Wittram R.* Bismarck und Gorčakov im Mai 1875. Göttingen, 1955. S. 237.

¹⁸⁶ Конфиденциальная записка // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 86 об. — Примечательно, что документы, касающиеся бесед Бисмарка с Горчаковым в ходе майской встречи в Берлине, в германских архивах отсутствуют. См.: *Die Grosse Politik...* Bd I. Примеч. к N 175. S. 273.

французскому послу содержание беседы с Бисмарком, добавив, что тот преисполнен самых миролюбивых намерений. Он также счел нужным посоветовать французам воздержаться от слишком явного выражения своей радости.¹⁸⁷ На следующий день Гонто-Бирон был принят Александром II. То, чего так опасались французы — обязательства сократить вооружения в одностороннем порядке — Парижу навязано не было. «...Неоспоримо, что каждый остается хозяином у себя в организации своих вооруженных сил так, как он считает правильным и полезным», — заявил послу император.¹⁸⁸

Бисмарк все же попытался оставить последнее слово за собой: в день отъезда Александра II германский канцлер захотел передать ему уже упоминавшуюся записку Радовица, в которой тот объяснялся за свою памятную беседу с Гонто-Бироном. Но Горчаков вежливо отвел эту запоздалую акцию германского канцлера, мотивировав это тем, что вопрос урегулирован, и нет нужды поднимать его вновь.¹⁸⁹ Когда же Бисмарк высказал царю свои накопившиеся претензии к поведению Горчакова, тот лишь лукаво посоветовал германскому канцлеру не принимать всерьез всякое проявление «старческого тщеславия». «Однако неодобрение, высказанное этими словами, никогда не было выражено в аутентичной форме, достаточной, чтобы опровергнуть легенду о нашем мнимом намерении в 1875 году напасть на Францию», — так неожиданно интерпретировал слова Александра Бисмарк.¹⁹⁰

13 мая русские визитеры покинули германскую столицу. Цель была достигнута, и Горчаков не смог отказать себе в удовольствии подчеркнуть свой успех, известив накануне отъезда российские представительства за рубежом: «Император покидает Берлин вполне убежденным в господствующим здесь миролюбивых настроениях, обеспечивающих сохранение мира».¹⁹¹ Акценты в этой ловкой фразе были смещены таким образом, чтобы избежать впечатления особой деятельной роли

¹⁸⁷ Гонто-Бирон — Деказу, 11 мая 1875 г. // Documents diplomatiques français... Ser. I Vol. I. N 416. P. 452.

¹⁸⁸ Цит. по: *Борисов Ю. В.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира... С. 240.

¹⁸⁹ Wittram R. Bismarck und Gorçakov... S. 235–236.

¹⁹⁰ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. II. М., 1940. С. 159.

¹⁹¹ Горчаков — Жomini, 1/13мая 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 23. — В оригинале он выглядел так: «L'Empereur quitte Berlin parfaitement convaincu des dispositions conciliantes qui y règnent et qui assurent le maintien de la paix».

российского императора и российской дипломатии в урегулировании конфликта.¹⁹² Бисмарк, основываясь на ошибочном варианте этой депеши («Теперь мир обеспечен»), обвинил российского канцлера в стремлении при помощи дешевых театральных эффектов сыграть роль покровителя и защитника Франции. Он еще долго в различных беседах вспоминал об этом злополучном «теперь», но либо он действительно был ослеплен обидой, либо попросту лицемерил, ибо еще 14 мая германский поверенный в делах в Мадриде сообщил в Берлин точные слова этого циркуляра.¹⁹³ После 1875 г. отношения между Бисмарком и Горчаковым были испорчены окончательно и бесповоротно.

Оценка кризиса участниками

О том, насколько серьезно Бисмарк воспринял свою неудачу, говорит список лиц, в этой неудаче «повинных». Йозеф Мария фон Радовиц на какое-то время потерял расположение своего шефа.¹⁹⁴ Под жестким давлением германского канцлера, который в течение двух лет (!) изводил Деказа требованиями прислать нового посла, отказываясь даже разговаривать с прежним, «в интересах мира и доброго взаимопонимания» из Берлина будет удален Гонто-Бирон.¹⁹⁵ Того же Бисмарк добивался и в отношении российского посла в Германии Павла Петровича Убри, но потерпел неудачу. В список виновных входили и те, кто оказался «вне досягаемости»: российский и британский представители во Франции князь Н. А. Орлов и лорд Лайонс, английская королева Виктория, германская императрица Августа, королева Нидерландов.¹⁹⁶

Упорство, с которым рейхсканцлер выискивал виновных и выгораживал себя, по-человечески понятно. Кристоф фон Тидеманн, про-

¹⁹² Именно в этом духе Горчаков разъянял тональность циркуляра российскому послу в Берлине П. П. Убри: «Вы увидите, что он <...> вообще составлен в выражениях, которые шадят обидчивость германского канцлера, так как мы говорим, что *нашли* (выделено Горчаковым. – А. Б.) в Берлине самые примирительные намерения» // Цит. по: *Борисов Ю. В.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира... С. 243.

¹⁹³ *Die Grosse Politik...* Bd I. N 182. S. 283.

¹⁹⁴ Впрочем, карьеру Радовица «спас» разразившийся вскоре Восточный кризис. См.: *Wolter H.* Joseph Maria von Radowitz. Stationen einer diplomatischen Karriere // *Gestalten der Bismarckzeit* / Hrsg. von G. Seeber. Bd II. Berlin, 1986. S. 263–265.

¹⁹⁵ См. об этом: *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch. von.* Memoirs... Op. cit. P. 142, 144, 154, 160.

¹⁹⁶ *Ibid.* P. 143, 156, 161.

работав бок о бок с Бисмарком немало лет, подметил: «Он никогда не сознается, что поступил неправильно».¹⁹⁷ Тидеманну вторил и другой ближайший сотрудник Бисмарка Лотарь Бухер: «Он не хочет признаваться в участии ни в чем таком, что не удалось...».¹⁹⁸ Но было бы неверным называть объяснения германского канцлера «поспешными и нелепыми», как это сделал Ю. В. Борисов,¹⁹⁹ или видеть в них лишь реакцию человека с расшатанными нервами, — впечатление, которое возникает при знакомстве со свидетельствами современников. Состояние здоровья германского канцлера тогда действительно оставляло желать лучшего, но в его словах были не одни лишь эмоции. К тому же, благодаря остановке Шувалова в Берлине на пути в Лондон, германский канцлер, по сути, загодя был предупрежден относительно образа мыслей российской стороны, и имел время подготовиться.

Рассматривая аргументы Бисмарка в свою защиту, можно заметить, что, действительно, он и впрямь не мог нести прямой ответственности за высказывания германских военных, постоянное вторжение которых в политику было и оставалось одной из важнейших проблем Второго рейха. Кроме того, его самое, казалось бы, фантастическое обвинение герцога Деказа в политико-финансовых махинациях не лишено определенного основания. Деказ был известен как финансовый делец, связанный с банкирским домом Ротшильдов, и администратор компании «Crédit Mobilier espagnol», принимавший участие в сомнительных операциях в Испании, в рудниках Деказвилля.²⁰⁰

Кроме того, в процессе слежки за Арнимом были замечены его подозрительные контакты с французским министром иностранных дел. Об этом в мае 1874 г. сообщил тайный агент германского банкира Герсона Блейхредера, журналист Эмиль Ландсберг. Блейхредер вел все финансовые дела Бисмарка и поспешил поделиться информацией с руководителем германской политики. В ответ на новый запрос Ландсберг поведал о том, что во время «дела Лессепса» (то есть дела вокруг строительства Суэцкого канала) Деказ чуть ли не ежечасно отправлял

¹⁹⁷ Otto von Bismarck: Dokumente seines Lebens, 1815–1898 / Hrsg. von H. Wolter. Leipzig, 1986. S. 279.

¹⁹⁸ Цит. по: Чубинский В. В. Бисмарк. СПб., 1999. С. 382.

¹⁹⁹ Борисов Ю. В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, 1871–1875. М., 1951. С. 239.

²⁰⁰ Манфред А. З. Образование русско-французского союза... 1975. С. 65.

какие-то сообщения Арниму, который после этого тут же консультировался с финансистами Эрлангером, Хиршем и др.²⁰¹ Все это было очень похоже на обращение дипломатической информации в звонкую монету, и уже через несколько месяцев Бисмарк не имел ни малейших сомнений в том, что «Арним спекулировал на бирже вместе с Деказом через банк Хирша».²⁰²

Бисмарк имел причины для подозрений против Деказа, но едва ли он мог доказать, что деятельность его французского коллеги и весной 1875 г. имела столь прозаический подтекст. Обвиняя герцога Деказа в спекулятивной игре на понижение, Бисмарк фактически обвинял его в том, что тот сознательно создавал или придумывал опасности для своей страны ради собственной выгоды. Здесь Бисмарк явно выдавал желаемое за действительное. Таким образом, по крайней мере часть доводов германского канцлера в свою защиту была вполне продуманной и носила налет правдоподобности.

Среди лиц, на которых после окончания кризиса пал гнев Бисмарка, оказался и лорд Дерби. При этом к подобному выводу Берлин подталкивали и попытки российской дипломатии сразу же после разрешения конфликта дистанцироваться от действий британского кабинета и подчеркнуть то, что английское вмешательство предшествовало российскому. Британская же сторона, также не заинтересованная в длительном ухудшении отношений с Германией, в свою очередь намекала, что действовала на основе беседы Дерби с Шуваловым, которая якобы предшествовала отправке инструкций Расселу.

Объяснить поведение российских дипломатов в отношении Англии можно отчасти реакцией на ее инициативы. Полностью скрыть раздражение в Петербурге по поводу действий британской дипломатии не удалось. Наиболее ярко оно выразилось в саркастическом замечании одного из сотрудников российского МИД А. Г. Жомини:

²⁰¹ *Stern Fr.* Gold and Iron. Bismarck, Bleichröder and the building of the German empire. N. Y., 1979. P. 238.

²⁰² *Ibid.* — Стоит заметить, что это в представлении современников не было чем-то из ряда вон выходящим. Так, например, влиятельная петербургская газета «Голос» в связи с известной статьей «Post» вполне серьезно объясняла поднятую шумиху попыткой сбить рост котировок на парижской бирже, который угрожал крахом германским биржевым тузам, игравшим на понижение. См.: Прошлая неделя за границей // Голос. 1875. № 97. 7(19) апреля. — Присутствовал ли действительно этот фактор в развитии франко-германских кризисов, неизвестно.

«Дерби вломился в открытые двери».²⁰³ Но и в эмоционально сухих документах подчеркивалось, что указание Дерби Расселу в случае необходимости «предоставить в распоряжения Его Величества всю мощь Англии» (*Sic!*) и соответствующее предложение были сделаны когда «предпринятая нашим августейшим монархом задача была уже выполнена», и «воспользоваться им (предложением. — *А. Б.*) не пришлось».²⁰⁴

Российская сторона явно опасалась, что у Бисмарка может возникнуть идея о некоем тактическом союзе Англии и России, направленном против Германской империи, и основанном на нем заранее спланированном вмешательстве. С учетом преследовавшего германского канцлера «кошмара коалиций» это было вполне возможно. Дело в том, что к маю 1875 г. Россия и Англия прошли путь к определенному потеплению отношений — как реакция на внешнеполитические маневры Бисмарка.

В начале марта 1875 г. Бисмарк через Одо Рассела предупредил Лондон о «недружелюбных чувствах российского правительства к Англии».²⁰⁵ Но Дерби справедливо не видел для этого никаких оснований и с самого начала заподозрил Бисмарка в какой-то «игре». Эти соображения подтолкнули его к тому, чтобы прояснить англо-русские отношения. Петербург с готовностью пошел на обсуждение всех спорных вопросов, и чем дальше, тем больше поведение российских официальных лиц опровергало намерения, которые им приписывал Бисмарк.²⁰⁶ Российский посол в Великобритании Петр Андреевич Шувалов, например, открыто провозглашал своей задачей всемерное улучшение русско-английских отношений. Очевидно, своей кипучей деятельностью в этом направлении он пытался доказать, что его назначение в Лондон — это вовсе не почетная ссылка опального фаворита. Но главное, в Петербурге его усилия нашли сторонников в лице царя, канцлера и военного министра Д. А. Милютина.

Наибольшее, пожалуй, впечатление на англичан произвела реакция российского руководства на предложение наместника на Кавказе

²⁰³ Цит. по: *Борисов Ю. В.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира... С. 262.

²⁰⁴ Конфиденциальная записка, 12 мая (30 апреля) 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 135.

²⁰⁵ Цит. по: *Newton T. W. L.* Lord Lyons... P. 71.

²⁰⁶ См.: *Lappenküper U.* Die Mission Radowitz... S. 512–513.

великого князя Михаила Николаевича соединить закавказские и закаспийские владения Империи путем аннексии Северного Ирана. Александр II не только отклонил этот план, но и запретил всевозможные акции в среднеазиатском регионе на 1875 г. на том основании, что это испортит хорошие отношения с Англией.²⁰⁷

Как видно из дневниковой записи князя Гогенлоэ от 21 марта, Бисмарку удалось убедить и Вильгельма I в существующих разногласиях России и Великобритании, которые якобы «поглощают все внимание императора Александра».²⁰⁸ Месяц спустя, во время памятного обеда в британском посольстве 21 апреля Радовиц стал доказывать Одо Расселу, что во время своего пребывания в Петербурге он нашел императора Александра встревоженным и вынужденным противостоять целой антианглийской партии. В этом он противоречил собственным депешам, которые ранее присылал из российской столицы. В своей лжи он зашел так далеко, что изображал «ссору» между Россией и Англией уже как «неизбежную».²⁰⁹ Данное обстоятельство лишний раз показывает и то, что громкие заявления Радовиц в тот день делал не под воздействием винных паров, а вполне осознанно.

Но этот демарш имел лишь отрицательные для германского канцлера последствия. В течение апреля в британском МИДе исчезли последние сомнения в том, что истинными намерениями Бисмарка было искусственно разжечь русско-английские подозрения и затем, предложив свои услуги для улучшения отношений двух стран, нажить на этом определенный политический капитал. Александр II был вполне согласен с этой догадкой. Когда Убри обратил внимание самодержца на слова «*Kölnische Zeitung*» об усилиях германского канцлера «рассеять тучи между Россией и Великобританией», тот отметил на полях: «вот роль, которую он (Бисмарк. — А. Б.) хочет играть».²¹⁰ После встречи с Шуваловым 9 мая Дерби с удовлетворением констатировал: «Бисмарк предупреждал русских против нас, а нас против них: с тем, чтобы взаи-

²⁰⁷ Лофтус — Дерби, 14 и 27 апреля 1875 г. // Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz...* S. 514.

²⁰⁸ *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch., von. Memoirs...* P. 139.

²⁰⁹ Рассел — Дерби, 22 апреля 1875 г. // Цит. по: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz...* S. 514.

²¹⁰ Убри — Горчакову, 2/14 апреля 1875 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 18. Л. 28.

мопонимание не могло быть возможным. Эта маленькая игра потерпела неудачу».²¹¹ Эта «маленькая игра», безусловно, была частью большой игры Бисмарка, стремившегося держать под контролем не только Францию, но и все политические процессы в Европе.

Активизация британской дипломатии произошла, но в какой степени ее действия были согласованы с Россией? Неожиданные заявления Рассела в Берлине заставили Деказа предположить, что это был ответ на просьбу российской дипломатии, и связывал эту просьбу с вояжем Шувалова.²¹² Хорошо информированный С. С. Татищев также утверждал, что послу в Лондоне было отправлено указание условиться с британским правительством «об общих мерах к поддержанию мира».²¹³ Но до сих пор не найдены документы, которые содержали бы данное указание. Из того, что Шувалов говорил английским деятелям, можно предположить, что он не ожидал от них каких-либо демаршей. Скорее всего, Англия действовала изолированно, уведомив о своих действиях Россию, как и все остальные кабинеты, 9 мая, когда Александр II и Горчаков были уже на полпути в Берлин.

В усилиях Англии побудить другие державы к аналогичному выступлению «в пользу мира» иногда видят злонамеренное устремление громкой акцией вызвать болезненную реакцию Германии и поссорить ее тем самым с Россией.²¹⁴ Однако привлечение к «альянсу» Австро-Венгрии и Италии было личной инициативой королевы Виктории, которая, конечно, была просто не в состоянии дойти в своих мыслях до такого коварства. Она действовала по воле эмоций и в глубокой тревоге. В своих письмах королева открыто заявляла о своем отвращении к политике и возмущении действиями «властного, грубого, жадного и беспринципного» Бисмарка.²¹⁵ Дизраэли же, прежде всего, выступал за взаимодействие с Россией и в вопросе привлечения других держав уступил желанию Виктории. И, наконец, уверенность

²¹¹ Дерби — Понсонби, 10 мая 1875 г. // *The Letters of Queen Victoria...* P. 394–395.

²¹² Деказ — Гонто-Бирону, 16 мая 1875 г. // *DDF. Ser. 1. Vol. I. № 426.* P. 459.

²¹³ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. М., 1996. С. 106.

²¹⁴ См. Борисов Ю. В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира... С. 262–265.

²¹⁵ Виктория — германской кронпринцессе, 8 июня 1875 г. // *The Letters of Queen Victoria...* P. 404–406.

в поддержке со стороны Австро-Венгрии постоянно выражал не кто иной, как Шувалов. Его, явного германофила и друга Бисмарка, трудно заподозрить в стремлении ухудшить русско-германские отношения. Таким образом, попытка вызвать единодушное выступление «концерта держав» с английской стороны не было продиктовано злым умыслом.

В своих переговорах в Берлине, однако, Россия хотела сохранить вид дружественного, почти семейного обмена мнениями, и не подталкивать своего союзника в объятия австрийцев. То, что и Италия, и Австро-Венгрия отклонили английские предложения, получило полное и решительное одобрение Петербурга. Объяснения австрийского кабинета своего невмешательства нежеланием придавать вид «европейского давления» на Берлин тому, что он рассматривает как умиротворяющую акцию России в строгих дружеских рамках «Союза трех императоров», и отнимать при этом ее заслуженные лавры, были встречены Александром II замечаниями «совершенно верно» и «браво, Андраши!».²¹⁶

Весьма характерно, что Дерби и Дизраэли разошлись в оценках значимости своего демарша. 24 мая в ответ на запрос в палате общин относительно действий Великобритании в минувшем кризисе Дизраэли заверил, что на представления по поводу отношений с Францией в Берлине «мы получили удовлетворительный ответ».²¹⁷ Дизраэли был готов покривить душой, называя ответ Бисмарка удовлетворительным, но все же создать иллюзию успешной активности. Дерби же не побоялся вступить с премьер-министром в противоречие: «То, что мы сделали, не заключало в себе никакого риска и не стоило никаких усилий, но дало видимость большего, чем то, что мы в действительности сделали для достижения результата».²¹⁸

Отвечая 31 мая на аналогичный запрос в палате лордов, Дерби заявил: «Мы узнали, что русское правительство решило сделать все

²¹⁶ См. *Diószegi I.* Die Aussenpolitik der Österreichischen-Ungarischen Monarchie, 1871–1877. Budapest, 1985. S 72.

²¹⁷ Hansards Parliamentary Debates. 3rd Ser., Vol. 224. Col. 794.

²¹⁸ Дерби и Дизраэли, 20 мая 1875 г. // Цит. по: *Blake R.* Disraeli. N. Y., 1967. P. 574. — См. меткую характеристику вышеупомянутых британских государственных деятелей российским послом в Лондоне: Шувалов — Александру II, 23 мая/4 июня 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 142.

от него зависящее в интересах сохранения мира, и недавний визит российского императора в Берлин дал нам удобную возможность поддержать, — поскольку поддержка казалась необходимой, — те представления в пользу мира, которые, как мы предполагали, российский император имел намерение сделать во время своего визита... Я могу уверить Палату, что я ни в коем случае не желаю преувеличить роль, которую правительство Ее Величества играло в этом деле...».²¹⁹

Несмотря на все эти объяснения Дерби, именно против «вмешательства» Англии и оказалось в итоге направлена вся мощь негодования германских публицистов. «Provinzial-Correspondenz» совместно с «Norddeutschen Allgemeinen Zeitung» возложили всю вину за шумиху о войне на французскую и британскую прессу.²²⁰ Германский сатирический еженедельник «Kladderadatsch» в своей карикатуре под названием «Франция ищет альянсы» изобразил Мак-Магона, влезшего на спину «Республики», чтобы выглянуть из-за глухой стены «изоляции» в поисках помощи извне. Маршал на рисунке при этом сообщал «Франции», что видит за стеной только англичан, на что та восклицала: «Англичане! Как можешь ты так шутить в столь серьезном положении!».²²¹

3.4. ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ КРИЗИСА

Каждый исследователь, пытающийся проникнуть в мотивы действий Бисмарка во время «военной тревоги» 1875 г., сталкивается с объективными трудностями. На протяжении почти всего кризиса германский канцлер предпочитал оставаться в тени и действовал преимущественно через своих подчиненных и подконтрольную ему прессу. Это позволяло ему впоследствии снять с себя абсолютно всю ответственность за происходящее.

Тем не менее, очевидно, что именно Бисмарк в 1875 г. начал свою излюбленную «войну нервов». Конкретными ее целями, видимо, было задержать восстановление Франции, привлечь внимание Европы к угрозе реваншизма и добиться на основе этого неких новых гарантий безопас-

²¹⁹ Hansards Parliamentary Debates... Col. 1098

²²⁰ См.: Provinzial-Correspondenz. Dreizehnter Jahrgang. 1875. Nr 19. Mai 12. S. 4.

²²¹ Frankreich sucht Bundesgenossen // Kladderadatsch. 1875. Nr 27. Juni 13. — Режим доступа: <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/kla1875/0340>. Дата посещения: 14.04.2007.

ности для Германии, которых ей не давал Франкфуртский договор. Не случайно Берлином был поднят вопрос об ограничении французских вооружений. Как следует из заявлений Мольтке, Берлин был готов удовлетвориться даже более расплывчатым «осуждением» Европой французских устремлений к реваншу в виде «советов осторожности и умеренности». В полной мере весной 1875 г. Бисмарк продолжал и свою косвенную поддержку республиканцев во Франции, пытаясь увязать планируемую, якобы, в ближайшие годы войну-реванш именно с монархическими кругами.

Но впервые, пожалуй, Бисмарк не удержал развитие ситуации в своих руках и допустил слишком громкие заявления в поддержку оправданности для Германии «превентивного удара». Это дало возможность министру иностранных дел Франции герцогу Деказу перейти в контрнаступление и одержать в итоге дипломатическую победу. Для этого французское руководство пошло на сознательное преувеличение угрозы миру в Европе.

Именно угрозы превентивной войны выделили дипломатический конфликт весны 1875 г. среди схожих с ним предыдущих обострений. Тем серьезнее они были восприняты, поскольку отвечали ожиданиям современников: в начале 70-х годов едва ли кто-нибудь поверил бы в то, что Франкфуртский договор переживет свой век. Наоборот, по всеобщему мнению, новое скорое столкновение между Францией и Германией было неизбежно. Более того, с каждым шагом на пути к восстановлению своих сил Францией эти ожидания лишь росли. Поэтому весной 1875 г. публика охотно поверила в близкую угрозу войны.

Столь громкое звучание «военной тревоги» 1875 г., которое намного превзошло истинные масштабы инцидента, обусловило и то, что как Берлин, так и Париж деятельно раздували тлеющий конфликт с помощью прессы. Именно это констатировалось российским канцлером Горчаковым в его Политическом отчете: «Этот эпизод имел серьезные последствия. Пребывая в нервном состоянии, общественность, особенно во Франции, ему приписывала чрезмерное значение. Прокомментированный, искаженный газетами, он нам доставил широко-вещательные проявления признательности со стороны Франции за спасение ее от неминуемой угрозы; но в то же самое время он на нас

навлек злобу Германии, приписавшей нам, будто мы ее посетили, чтобы ее проучить».²²²

За развитием кризиса внимательно наблюдали и в Лондоне. Постепенно здесь росло недовольство политикой Бисмарка, но открыто выразить это, как сделало российское руководство, там не решались. Глава Форин-офис лорд Дерби вслед за своими самыми авторитетными дипломатами пришел к убеждению, что Англия не в состоянии противодействовать Германии на континенте. Свои надежды он возлагал на заинтересованность России в сохранении французского противовеса постоянно растущей мощи Германии. Вполне очевидно, что если бы все было в руках Дерби, Англия осталась бы пассивным наблюдателем. Лишь вмешательство королевы Виктории и премьер-министра Дизраэли вызвало резкую активизацию действий. Но и теперь этот «триумvirат» ориентировался на настроения Александра II.

Убедившись в твердом намерении российского императора покончить с «недоразумением», англичане решились на демарш в Берлине в защиту Франции. Свой долг, как выразился Дерби, Англия выполнила, но решающего значения ее выступление не имело. Действия английской дипломатии нельзя назвать попыткой спасти престиж; не были они продиктованы и каким-либо злым умыслом против России. Французское руководство официально выразило благодарность как Петербургу, так и Лондону, но, сравнивая их роль, Деказ пришел к выводу, что «на нее (Англию. — А. Б.) мы можем рассчитывать меньше, чем на Россию», хотя и не хотел выбирать между ними.²²³

В мае 1875 г. ни Горчаков, ни Александр II не были склонны трактовать цель своего визита в Берлин как предотвращение новой войны. По-видимому, в нависшую угрозу войны, вопреки всем заявлениям, не верили и в Париже. Здесь в полной мере располагали секретными каналами информации из Германии. Донесения одного из французских агентов, агента «Б» из Гамбурга, помогли Деказу убедиться в том, что реальной угрозы войны весной 1875 г. нет.²²⁴ По-видимому, он вполне

²²² Цит. по: *Серова О. В.* Русско-французские отношения в оценке князя А. М. Горчакова // *Россия и Франция: XVIII–XX века.* М., 2000. Вып. 3. С. 147–148.

²²³ Цит. по: *Hanotaux G.* Histoire de la France contemporaine... Vol. III. P. 282.

²²⁴ *Mitchell A.* The Xenophobic Style: French Counterespionage and the Emergence of the Dreyfus Affair // *The Journal of Modern History.* Vol. 52. 1980. Nr 3. P. 416, n. 9.

расчетливо воспользовался противоположными по смыслу письмами-предупреждениями для подкрепления обращения Леффло за поддержкой в Петербурге.

Такое же хладнокровие демонстрировало и французское военное министерство. В частности, 30 марта военный министр Сиссэ признался военному атташе в Берлине князю Полиньяку в том, что «те соображения, которые у вас вызвали предпринятые в последнее время меры германского правительства, занимают все мое внимание». 13 апреля министр лишний раз просил Полиньяка держать его в курсе всего происходящего в германской армии «как последствий политических обстоятельств настоящего момента».²²⁵ Эти послания передают обеспокоенность Сиссэ, но в большей степени его мысли занимало ближайшее будущее.

В дни кризиса, 21 апреля военный министр лишь предупредил командующих приграничными округами VI и VII армейских корпусов «о военных мероприятиях на границе» с тем, чтобы избежать их «всякой ложной интерпретации». Речь прежде всего касалась призыва резервистов в соседней германской Эльзас-Лотарингии для знакомства с новой винтовкой Маузера.²²⁶ Очевидно, что он желал избежать каких-либо пограничных конфликтов и распространения тревожных слухов.

По всей видимости, с призывом резервистов было связано и сообщение французского военного атташе в Берне от 20 апреля о том, что в соседнем с Швейцарией Эльзасе на железных дорогах немцами был собран «необычно большой подвижной состав», на что также обратили внимание в военном министерстве.²²⁷ Важно при этом отметить, что донесение атташе не носило экстренного характера, передавалось в числе прочих новостей. В случае подготовки войны с Францией подобное сосредоточение подвижного состава, разумеется, проводилось бы немцами не в пограничных регионах, а в военных округах в глубине территории империи, о чем нет никаких свидетельств.

²²⁵ Цит. по: *Defrasne J. L'armée française devant l'alert de 1875...* P. 39–40.

²²⁶ *Defrasne J. L'armée française devant l'alert de 1875...* P. 40.

²²⁷ Ferrounay à Cisse, 20 avril 1875 // Service historique de la défense / Département de l'Armée de Terre (далее — SHD/DAT). 7 N 1578: Suisse, 1874–1878.

Известно, что между французским и российским генеральными штабами уже в начале 70-х гг. было налажено весьма плодотворное сотрудничество в плане обмена важными военными сведениями. В случае реальности германского нападения французам было бы естественно задействовать этот канал для обращения к России за помощью. Учитывая, что в российском военном министерстве к этому времени уже утвердились в том, что Германия представляет главную опасность для России,²²⁸ этот призыв наверняка встретил бы поддержку. Однако, как уже отмечалось, российский военный министр Д. А. Милютин чуть ли не последним узнал о тревожных слухах о войне.

Однако важно отметить, что если в ходе «военной тревоги» вопрос о вооруженном заступничестве России прозвучал лишь в виде дипломатической патетики, это не означало, что патетикой все и ограничилось. Уже по горячим следам кризиса французскому военному атташе в Петербурге полковнику Гайару была поставлена задача оценить, насколько русская армия в своем нынешнем состоянии способна оказать «немедленную помощь» Франции.

15 мая 1875 г. им была направлена в Париж развернутая 26-страничная записка, оценивающая по ключевым аспектам ту ситуацию, в которой оказалась бы российской армия, «если бы ей завтра пришлось столкнуться с полностью готовым и деятельным противником». Гайар указывал в этой связи «огромные пробелы в том, что касается мобилизации, транспорта, фортификационных сооружений» — «слабое место» российской армии вне зависимости от того, пришлось бы ей воевать за пределами своих границ или защищать собственную территорию.²²⁹ Французскому военному атташе казалось правильным в этой связи занять «золотую середину» между «чрезмерной уверенностью, которую можно было бы питать сегодня на счет немедленного вмешательства русской армии, и противоположным впечатлением, которое, как мне кажется, вот уже несколько месяцев как стало наиболее распространенным во Франции».²³⁰ Последняя часть его вывода особенно примечательна, поскольку дает понять, что в Париже были далеки от эйфории.

²²⁸ См.: Рыбаченок И. С. Путь к союзу с Францией: эволюция взглядов генерала Н. Н. Обручева // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 4. М., 2001.

²²⁹ Донесение Гайара военному министру от 15 мая 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465 (Russie, 1849–1875).

²³⁰ Ibid.

Французский военный атташе в Берне де Ла Ферронэ лучше всего резюмировал ситуацию, когда писал по итогам «военной тревоги», что «все тревожные слухи в данный момент прекратились, но нет никого, кто ни прибывал бы в убеждении, что война лишь отсрочена на более или менее долгий срок. Следовательно, для нас благоразумно оставаться начеку...».²³¹

²³¹ Ferronnay à Cissey, 20 mai 1875 // SHD/DAT, 7N 1578: Suisse, 1874–1878.

Глава 4

НА ПУТИ К РАЗРЯДКЕ: ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1870-х годов

Франко-германские отношения второй половины 1870-х годов традиционно достаиваются менее пристального внимания исследователей, «теряясь» между громкими событиями «военной тревоги» 1875 г. и так называемой «эпохой Жюль Ферри», когда в отношениях двух стран на первый план вышло сдержанное сотрудничество по вопросам колониальной политики. Этому есть объективная причина. В 1875–1878 гг. в центре внимания европейской дипломатии оказался новый виток «Восточного вопроса», увенчавшийся очередной русско-турецкой войной и небезызвестным Берлинским конгрессом. Однако в самой Франции в эти годы происходила судьбоносная смена политических элит, которая не могла не отразиться на отношениях с Германией. Даже по необходимости краткое изложение ключевых событий этих лет способствует лучшему пониманию как предшествующего периода максимальной напряженности, так и последующего периода разрядки во взаимоотношениях двух соседних государств.

4.1. НОВЫЕ СТАРЫЕ УГРОЗЫ

«Кризис 16 мая» и завоевание власти республиканцами

В январе 1875 г. Национальное Собрание приняло, наконец, конституцию Третьей республики, закрепившую существующий политический строй. В январе 1876 г. были проведены первые после войны всеобщие выборы в Сенат, а в феврале-марте – и в Палату депутатов. Республиканские фракции торжествовали первую победу, завоевав прочное большинство в нижней палате (356 против 184 мест). Дальнейшая политическая борьба развернулась за два последних оплота

консервативных монархических сил: Сенат и Елисейский дворец. Первой целью объединивших с начала парламентской сессии 1877 г. свои усилия «Республиканского союза», «левых республиканцев» и «Левого центра» стало добиться создания кабинета, состав которого отражал бы новый расклад политических сил в Палате депутатов.

Окружение Мак-Магона продолжало цепляться за принцип формирования правительства, пользующегося доверием президента Республики, и это привело к возвращению 16 мая 1877 г. на пост главы кабинета Альбера де Брольи. Назначение последнего вопреки мнению Парламента спровоцировало очередной затяжной политический кризис, который вошел в историю как «кризис 16 мая». Решение Мак-Магона было объявлено республиканцами «политикой реакции и авантюры», парламентское большинство вынесло новому правительству вотум недоверия, и президенту ничего не оставалось, как объявить о роспуске Национального Собрания и назначении новых выборов.¹

В подготовке к выборам правительство сделало все, чтобы добиться благоприятного для себя исхода. Министр внутренних дел Мари-Франсуа Фурту освободил от должности или перевел на другое место 77 префектов и тысячи других функционеров, широко задействовав также рычаги административного давления на прессу. Противостояние партий достигло своего пика к концу избирательной кампании, когда, выступая 15 августа 1877 г. в Лилле, Гамбетта прозрачно намекнул Мак-Магону, что предстоящее волеизъявление нации в пользу республики оставит перед президентом только две альтернативы: «подчиниться или сложить с себя полномочия». 19 сентября президент ответил обращенным к нации манифестом: «я не стану орудием радикализма и не покину свой пост, отведенный мне конституцией. Я останусь на нем, чтобы защищать с опорой на Сенат интересы консерватизма».² Уверенности правительству прибавила и смерть 3 сентября 1877 г. Адольфа Тьера — одной из ключевых фигур пестрой республиканской коалиции и первого кандидата на пост президента страны от «левых».

Прошедшие при высочайшей активности избирателей во многом судьбоносные выборы 14 октября 1877 г. принесли 4,2 млн голосов республиканцам в противовес 3,6 млн, поданных за «правых». Мажоритарная система выборов обусловила еще более убедительный перевес

¹ *Mayeur J.-M.* Les débuts de la IIIe République, 1871–1898. Paris, 1973. P. 39.

² *Mayeur J.-M.* Les débuts de la IIIe République... P. 40–41.

республиканцев над консервативными силами при распределении мест в нижней палате: 323 депутатских мандата против 208. Мак-Магон в очередной раз попытался сформировать правительство (во главе с генералом Рошбуэ), состав которого не учитывал бы итог выборов, но на сей раз даже Сенат отказал президенту в поддержке. Против продолжения противостояния высказывался деловой мир, в офицерском корпусе многие сочувствовали оппозиции, и военный министр Берто в условиях кризиса не ввел режим осадного положения, чтобы генералам на местах не пришлось принимать политические решения.³ Мак-Магону ничего не оставалось, как сдаться и согласиться на кандидатуру Армана Дюфора от «Левого центра» в качестве главы нового кабинета.

Очередное обострение борьбы партий во Франции не могло оставить безучастным и официальный Берлин. Вопрос о действенности того влияния, которое стремился оказывать Бисмарк в вопросе государственного устройства соседней Франции, остается открытым. Как монархисты, так и республиканцы в равной мере стремились убедить избирателей, что именно они — в противоположность своим соперникам — способны избавить страну от потрясений и новых внешнеполитических авантур.⁴ Все французские политические группировки считали при этом важным если уж не завоевать поддержку германского канцлера, то хотя бы заручиться его доверием и предстать «приемлемой» для немцев силой.⁵ Тем самым они признавали, что Германия обладала определенным влиянием на исход внутривнутриполитического кризиса во Франции.

При этом и французские правящие круги, и республиканская оппозиция, по-видимому, полагали, что перерастание этой борьбы в открытое гражданское противостояние с большой долей вероятности приведет к прямому вмешательству Германии. Исходя из приводившихся выше доверительных бесед Мак-Магона с российским послом Орловым,

³ Histoire militaire de la France. Vol. 3: 1871–1940 / Sous la dir. de Guy Pedroncini. Paris, 1997. P. 11.

⁴ Отождествление триумфа соперничающей партии с войной прекрасно отражено во французской публицистике. См., например: Robert F. Le maréchal Mac-Mahon et les républicains. Havre, 1877; Ars A., de Thiers, Gambetta — Mac-Mahon. Aux honnêtes gens. Bordeaux, 1877; La Politique du Maréchal. Paix et Travail. Paris, 1877; Lefrançois S. Réponse à la politique du maréchal. Paix et travail, par un simple électeur. Saint-Etienne, 1877; Rostang E. Lettres à un neutre. Les élections de 1877. Marseille, 1877.

⁵ Mitchell A. The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979. P. 132–135.

именно эта мысль была одним из факторов, удерживавших маршала-президента как от ухода в отставку, так и от открытого государственного переворота.

Как мы уже видели на примере предыдущих лет, германский канцлер неизменно увязывал с французскими монархистами угрозу усиления враждебного Германии реваншизма и клерикализма во Франции, выступая в пользу «консервативной республики». Проблема заключалась в том, как было отмечено А. Митчеллом, что открытая поддержка германского руководства тех же республиканцев во Франции могла лишь оказать обратный эффект на симпатии французских избирателей.⁶ Подобное влияние могло носить только косвенный, опосредованный характер. Однако с тем, чтобы манипуляции Бисмарка французским общественным мнением и французским руководством были успешны, пристрастия Берлина не должны были быть для них секретом.

Германский посол в Париже
(1874-1885) князь Хлодвиг
Гогенлоэ-Шиллингсфюрст

Достоинством гласности позицию Бисмарка сделал «процесс Арнима». Перманентный конфликт германского канцлера со своим послом в Париже привел к тому, что в конце февраля 1874 г. Гарри фон Арним был переведен в Константинополь, а его место занял князь Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингсфюрст. Однако в надежде отстоять свои позиции Арним вывез с собой из Парижа часть посольского архива, что побудило Бисмарка добиться предъявления в декабре 1874 г. дипломату обвинения в утайке секретных документов. В 1875 г. к этому прибавилось обвинение

в государственной измене, а сам Арним, скрывшийся к тому времени за границей, был лишен титула и всех наград.⁷

⁶ *Mitchell A.* The German influence in France after 1870... P. 147.

⁷ См. подробнее: *Rich N.* Holstein and the Arnim Affair // *The Journal of Modern history.* Vol. 28. 1956. № 1. P. 35–54.

Этот удивительный политический скандал развивался на протяжении двух лет на глазах у всей Европы. Но самое большое недоумение во французском обществе вызвала огласка в ходе судебного процесса значительного числа германских дипломатических документов: как раз той части переписки Арнима с Бисмарком, которая касалась их спора вокруг наиболее выгодной для Германии формы политического режима во Франции. С момента публикации материалов по «процессу Арнима» приоритеты германского канцлера в этом вопросе стали очевидны каждому. Республиканская газета «Le Petit Journal» не только выражала уверенность, что Бисмарк позволил «опубликовать только то, что следовало его желанию и ничего из того, что шло с этим желанием вразрез», но и показывала, как на основании этих публикаций французские промонархические издания спешили дискредитировать республику, поскольку «ей отдает предпочтение Бисмарк».⁸ Обозреватель же «Revue politique et littéraire» видел в этом шаге руководителя германской внешней политики очередной «булавочный укол», призванный рано или поздно привести Францию в такое состояние, «чтобы мы, наконец, оказались готовы слепо броситься на первую тряпку, которую перед нами растянут, когда наступит назначенный мудростью г-на канцлера час».⁹

Какими бы ни были мотивы Бисмарка, на протяжении 1875–1876 гг. он избегал какого-либо активного вмешательства в политическую борьбу в соседнем государстве. Рост популярности республиканской партии вполне отвечал его расчетам. Тем не менее, в 1876 г. Берлин пошел на снятие введенного годом ранее эмбарго на вывоз лошадей во Францию для того, чтобы облегчить переизбрание в Национальное Собрание герцога Деказа, которому в противном случае пришлось бы покинуть пост министра иностранных дел.¹⁰ Очевидно, что сам Бисмарк к тому моменту рассматривал существующий режим как «наименьшее из зол» — в противовес агитации бонапартистов справа и радикальному республиканизму слева. Его сохранение означало также продолжение тех самых «политических неурядиц» во Франции, которые должны были, по мысли канцлера, отвлечь внимание французского руководства

⁸ Les dépêches du procès d'Arnim // Le Petit Journal. 1874. Décembre 16. P. 1.

⁹ Y... Notes et impressions // Revue politique et littéraire. 2nd Série. Vol. VII. 2nd Sem. 1874. Nr 25. P. 596–598.

¹⁰ Mitchell A. The German influence in France after 1870... P. 137.

от каких-либо внешнеполитических авантюр. Пусть Габриэль Аното был не до конца справедлив, когда упрекал Деказа в излишней пассивности и ярко выраженной партийности в его внешнеполитической деятельности после развязки кризиса 1875 г.,¹¹ тому явно приходилось быть чрезвычайно осторожным в условиях политической нестабильности, которая подрывала авторитет Франции и на мировой арене.

С обострением ситуации весной 1877 г. Берлин сделал ставку на умеренные республиканские силы, группировавшиеся вокруг фигур А. Тьера и Л. Гамбетты. Как сообщал 20 августа 1877 г. в Париж комиссар Особой полиции Г. Шнебеле: «по ту сторону границы мнение остается неизменным, а именно в том, что германские интересы требуют, чтобы Франция оставалась республикой <...> Прусские газеты продолжают нападки на Маршала (Мак-Магона. — А. Б.) и его правительство и поют осанну Тьеру, Гамбетте и др., к которым ранее сами же относились с сарказмом».¹² После кончины Тьера Гамбетта приложил немало усилий, чтобы предстать — в том числе и в глазах Берлина — достаточно умеренным, а значит, приемлемым политиком. Он не только пошел на негласные контакты с доверенными лицами германского канцлера, но и поспешил всех уверить, что не претендует на пост президента, выдвинув кандидатуру известного своей умеренностью Жюля Греви.¹³

Несомненно, что знаменитый лозунг «клерикализм — вот враг!» был брошен в мае 1877 г. Гамбеттой с трибуны Национального Собрания тоже отнюдь не случайно.¹⁴ Тем самым он не только расширил раскол между «правыми» и «левыми» и заставил своих противников «пойти ва-банк» с назначением главой правительства герцога де Брольи. Фактически, Гамбетта размежевал политические силы страны вокруг именно того вопроса, в отношении которого симпатии и антипатии официальной Германии были predetermined.

Исход затяжного «кризиса 16 мая» повлиял на дальнейшее развитие франко-германских отношений еще и тем, что повлек за собой отставку

¹¹ *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine (1871–1900). Vol. IV. Paris, 1904. P. 314–316.*

¹² Цит. по: *Hsi-Huey Liang The rise of modern police and the European state system from Metternich to the Second World War. Cambridge, 1992. P. 98.*

¹³ *Mayeur J.-M. Les débuts de la IIIe République... P. 140.*

¹⁴ Речь Гамбетты «Об интригах ультрамонтанов» в Палате депутатов от 4 мая 1877 г. // *Reinach J. (Ed.) Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta. Paris. P. 237.*

с поста министра иностранных дел герцога Деказа. Изначальным желанием Гамбетты было выдвинуть ему на смену кандидатуру Шарля Сен-Валье, который в 1871–1873 гг. успешно исполнял роль французского представителя при ставке генерала Мантейфеля и был бы хорошо принят в новом качестве германским руководством. Однако Сен-Валье по личным мотивам отклонил эту честь, согласившись в итоге лишь стать новым послом в Берлине. Удаление из германской столицы Гонтго-Бирона, которого Бисмарк последовательно (и безуспешно) добивался от Деказа

Один из лидеров французских республиканцев Леон Гамбетта

на протяжении двух лет с момента окончания «военной тревоги», стало еще одним примирительным жестом нового французского руководства.¹⁵

Министерский же кабинет на набережной Орсе занял абсолютно нейтральный с точки зрения немцев Генри Ваддингтон, известный в большей мере как археолог, нежели как политик. Немаловажным в личности нового министра иностранных дел было то, что он был, словами А. З. Манфреда, натурализовавшимся во Франции англичанином «по национальности, воспитанию и образованию».¹⁶ То, что новый министр был вдобавок и протестантом по вероисповеданию, должно было стать еще одним сигналом Берлину, что новый кабинет ни в коей мере не ассоциирует себя с враждебным Бисмарку политическим католицизмом.

Сохраняя руководство внешней политикой вплоть до декабря 1879 г. (а с февраля по декабрь 1879 г. занимая также пост главы правительства), Ваддингтон последовательно проводил курс на сближение с Великобританией, заняв на Берлинском конгрессе 1878 г. нейтральную по отношению к России позицию. Тогда же французский кабинет заручился поддержкой Германии на усиление своих позиций в Тунисе.

¹⁵ Steinbach Ch. Die französische Diplomatie und das Deutsche Reich 1873 bis 1881. Bonn, 1976. S. 276–277.

¹⁶ Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 129.

се — начало долгого процесса, который приведет к превращению этой страны в 1881 г. во французскую колонию.

В новых условиях положение Мак-Магона становилось все более шатким. По мере того, как контроль над Парламентом все прочней переходил к республиканцам, президент все более ревностно отстаивал свои prerogatives. Так, в декабре 1877 г. при формировании второго кабинета Дюфора Мак-Магон привычно попытался сохранить за собой решающий голос при назначении кандидатов на ключевые посты военного и морского министров, а также министра иностранных дел.¹⁷ Однако добиться такого права ему удалось лишь при выборе военным министром генерала Жана-Луи Бореля. Фактически, за маршалом-президентом была сохранена определенная свобода действий лишь в сфере управления и реформирования армии.¹⁸

В 1878 г. затяжной политический кризис на время отошел в тень из-за проведения очередной Всемирной выставки в Париже. В течение этого года республиканцы стремились упрочить свою победу. Так, новым министром внутренних дел Эмилем Марсером была осуществлена вторая за последние два года тотальная чистка административного аппарата, когда со своих постов было последовательно смещены 82 из 86 префектов. Начало 1879 г. привело противостояние правительства и президента к окончательной развязке. В ходе состоявшегося 5 января переизбрания первой трети сенаторов республиканцам удалось провести 66 своих сторонников (из 82 мест) и завоевать прочное большинство в верхней палате Парламента. Эта победа позволила республиканцам посягнуть на ту сферу, которую Мак-Магон считал своей естественной вотчиной, потребовав от президента подписать декреты о смещении нескольких промонархически настроенных командующих военных округов. Фактически это означало бы переход контроля над военными делами к Национальному Собранию, сведя положение президента к юридической фикции. Мак-Магон счел невозможным, как он выразился, собственными руками нанести подобный удар по своим «товарищам по оружию», и 30 января 1879 г. он подал в отставку почти на два года раньше окончания срока полномочий. Третья республика вступила в новую эпоху своего развития.

¹⁷ Roth F. Mac-Mahon, le maréchal-président // *Militaires en république, 1870–1962: les officiers, le pouvoir et la vie publique en France...* P. 118–119.

¹⁸ См. подробнее: Broglie G., de Mac Mahon. Paris, 2000. P. 377–382.

«Военная тревога» 1877 года

Внешнеполитический фон франко-германских отношений этого периода также оставался весьма напряженным, пусть до поры до времени Берлин и избегал рассуждений о возможности превентивного удара по Франции. Германские публицисты и без этого неустанно напоминали об угрозах, исходящих с территории соседней державы. «Вестник Европы» суммировал свежие примеры крайней подозрительности и придиристичности германской официозной печати по отношению к Франции сравнением новорожденной Империи с персонажем одной из пьес Островского: «Германия в наше время похожа на Тит-Титыча, который везде видит себе обиду, но в действительности сам готов всякого обидеть».¹⁹

В начале марта 1877 г. российский военный министр Д. А. Милютин выразил в своем дневнике это расхожее представление еще конкретнее. По его сведениям, Бисмарк «сулил полную поддержку свою России в восточном вопросе, не только дипломатическую, но и материальную, войском и деньгами, если мы предоставим Германии беспрепятственно расправиться с Францией». Милютин при этом окончательно укрепился в мысли, что «Бисмарк точит зубы на эту ненавистную для него Францию; ему хочется доконать ее, пока она еще не окрепла и пока в Германии еще не остыл воинственный пыл».²⁰

Российский военный министр явно преувеличивал степень готовности Бисмарка ввязаться в «Восточный кризис». Как известно, Бисмарк, наоборот, всеми силами пытался сохранить свободу от каких-либо обязательств и не был готов гарантировать Петербургу даже благожелательный нейтралитет Германии в случае конфликта между Россией и Австро-Венгрией.²¹ Целью, к которой он стремился в 1877 г., как уже говорилось выше, было добиться от России признания новой франко-германской границы.²² Тем не менее, новая волна рассуждений выгоды для Германии новой войны с Францией широко распространилась и в прессе. «Вестник Европы», в частности, указывал на факт нарас-

¹⁹ Иностранная политика: увлечения и факты, 1 февраля 1877 // Вестник Европы. Т. 1. 1877. С 837.

²⁰ Милютин Д. А. Дневник. Т. II. М., 1949. С. 144.

²¹ См. подробнее: *Buch F. Rußland als militärische Bedrohung in der deutschen politischen Öffentlichkeit zwischen 1874 und 1880. Polemische Komplementärpositionen im Kontext kalkulierter Entfremdung* // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2001. Bd 60. Heft 1. S. 7–9.

²² Stone J. The Radowitz Mission: A Study in Bismarckian Foreign Policy // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1992. Bd 51. Heft 1. S. 69.

тания внутривнутриполитических проблем в Германской империи, «в виду которых новая война и война именно с Францией может казаться еще желательнее, чем два года тому назад, для отвлечения от внутренних дел и нового «сплочения» германского единства».²³ Русская пресса выражала надежду на то, что правительство будет действовать в этом вопросе столь же твердо, как и в 1875 году.

Но Россия все глубже увязала в Восточном кризисе, который увенчался 12/24 апреля объявлением войны Турции. Гельмут фон Мольтке откликнулся на это известие очередными рассуждениями в «академическом духе» о прогрессе французской военной реорганизации с трибуны германского Рейхстага, которые подлили масла в огонь тревожных слухов. Формально его выступление было посвящено защите законопроекта о «тринадцатом капитане» — проекте увеличения числа капитанов с 12 до 13 в каждом полку, который был провален в германском парламенте годом ранее. Поскольку глава Большого генерального штаба выступал публично крайне редко, его слова получили самый большой резонанс.

Побуждая парламентариев решиться на дополнительные расходы по военным статьям, Мольтке указал на тревожные факты наращивания военной мощи по ту сторону Вогезов: французская армия по штатам мирного времени уже достигла 487 тыс. человек в сравнении с чуть более 400 тыс. германской армии. Он обратил внимание и на то, что «сравнительно большая часть французской армии размещена между Парижем и нашей границей», — главным образом, кавалерия и артиллерия, — и это обстоятельство рано или поздно заставит Германию «принять со своей стороны меры, выравнивающие ситуацию». Фельдмаршал признавал, что французами движет страх неспровоцированного нападения Германии. Этим объясняется гигантская работа, совершенная Францией: «в каких-нибудь несколько лет она совершила преобразование своей армии с большим знанием дела и колоссальной энергией». Армия во Франции — это «любимица нации, ее гордость и ее надежда», на которую не жалеют средств.²⁴

Вопреки тому, что сведения о подобной дислокации французских сил уже давно озвучивались германской прессой, а сам Мольтке на сле-

²³ Иностранная политика: увлечения и факты, 1 февраля 1877 // Вестник Европы. Т. 1. 1877. С. 837.

²⁴ *Moltke H., von Reden des Abgeordneten Grafen von Moltke, 1867–78.* Berlin, 1879. S. 76–77.

дующем же заседании счел необходимым заверить, что его выступление не содержало никаких угроз в адрес соседнего государства, в ход был снова пущен тезис об угрозе «французских военных приготовлений». Примечательна мысль фельдмаршала о том, сколь превосходят французские военные расходы немецкие. Это бремя, как заметил Мольтке, вполне может указывать на «какую-то определенную поставленную перед собой, но не достигнутую пока цель, которая, к тому же, не очень далека».²⁵ Нельзя не узнать знакомую риторику весны 1875 г. Всеми наблюдателями был отмечен и факт неожиданного возвращения в Берлин Бисмарка, который пробыл в отпуске меньше месяца.

В практической плоскости «выравнивание» ситуации в отношении Франции, однако, нашло отражение лишь в незначительном усилении гарнизонов Эльзас-Лотарингии. Как было во всеуслышание объявлено официальной «*Provinzial Correspondenz*», к границе с Францией было переброшено дополнительно два кавалерийских и один пехотный полк, а также батальон стрелков и батальон полевой артиллерии (то есть три батареи).²⁶ Очевидно, что эти меры носили в большей мере пропагандистский характер, нежели хоть сколько-нибудь нейтрализовывали «французскую угрозу». Германская же печать пыталась убедить своих читателей, что Франции пришлось прекратить свои вовремя «обнаруженные» Мольтке «вооружения», и мир на какое-то время вновь обеспечен.

Нервная реакция Парижа на очередное обращение Берлина к теме французских вооружений объяснялась тем, что русско-турецкая война вновь до предела обострила у французов ощущение реальности германского удара. Еще до выступления Мольтке Жюль Симон (в то время — глава французского правительства) экстраординарным образом запретил французским функционерам любые прямые контакты со своими немецкими визави: «Меня весьма заботит то, что в этот момент может написать какой-нибудь бестактный субпрефект».²⁷ Это также во многом объясняет реакцию в августе 1877 г. французского населения на границе с Эльзас-Лотарингией на последние известия с русско-турецкого фронта, отраженные в донесении комиссара Особой полиции Г. Шнебеле: «Неудача русской армии (под Плевной. — А. Б.)

²⁵ Reden des Abgeordneten Grafen von Moltke. S. 75.

²⁶ Provinzial-Correspondenz. 15. Jahrgang. 1877. № 22. Mai 30.

²⁷ Цит. по: *Mitchell A.* The German influence in France after 1870... P. 148.

вызвала, в целом, повсеместное удовлетворение, поскольку это может окончить войну раньше и более гладко, чем это ожидалось. Всякий приветствует это в интересах нашей страны, которая, по общему мнению, еще недостаточно восстановила свои силы, чтобы извлечь выгоду из общеевропейской войны или избежать нового унижения».²⁸

Французские государственные деятели поспешили развеять все возможные опасения немцев. Как будет показано в следующей главе, справедливо указанное Мольтке диспропорционально большое сосредоточение французской армии в северо-восточной части страны, вопреки видимости, было скорее оборонительной мерой. Примечательно, что эта ситуация стала предметом обсуждения между А. Тьером и Гогенлоэ еще в начале марта 1877 г., почти за полтора месяца до нашумевшего выступления Мольтке. Очевидно, что объяснение подобного сосредоточения французской кавалерии лишь заботой об экономии, данное германскому послу экс-президентом Республики,²⁹ было ложным, и немцев не убедило. Кризис с формальной стороны прекратился лишь вместе с отправкой в начале мая Гонто-Бирона в Мец для встречи с императором Вильгельмом. Личная аудиенция, данная императором французскому послу, прошла во вполне умиротворенной обстановке³⁰.

Тем не менее, на протяжении всего года ситуация оставалась напряженной, чему способствовал и «кризис 16 мая», воспринятый Бисмарком враждебно. В августе 1877 г. маршал Мак-Магон даже направил в Германию своего личного адъютанта маркиза д'Абзака, чтобы лишний раз убедить немцев в том, что «направление нашей внешней политики остается прежним». Посланец президента уже не первый раз посещал Берлин, и был хорошо принят императором. Но дальнейшие переговоры с Радовицем в германском ведомстве иностранных дел увенчались полной неудачей.³¹ Это объясняет то, почему в начале ноября 1877 г. Гельмуту Мольтке-младшему пришлось успокаивать жену относительно распространившихся в берлинской свете слухов о близости новой войны с Францией: «Франция еще не настолько оправилась от своих

²⁸ Цит. по: *Hsi-Huey Liang* The rise of modern police... P. 98.

²⁹ Гогенлоэ — Бюлову, 3 марта 1877 г. // *Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd I. Berlin, 1922. № 203. S. 313.*

³⁰ Бюлов — Гогенлоэ, 14 мая 1877 г. // *Die grosse Politik...* Bd I. № 207. S. 317–318.

³¹ *Roth F. Mac-Mahon, le maréchal-président // Militaires en république, 1870–1962: les officiers, le pouvoir et la vie publique en France... P. 121.*

ран, чтобы желать приобрести новые», «я тебя уверяю, что никакой войны не будет <...> даже если политический горизонт затягивает грозовыми тучами и кажется, что буря вот-вот разразится, оканчивается зачастую все безвредными зарницами». Он уверял, что «здесь у нас (в Генеральном штабе. — А. Б.) никто ничего не знает о войне, наоборот все столь спокойно, насколько только может быть».³²

Ситуация нормализовалась лишь с развязкой внутривосточного кризиса во Франции (формированием правительства Дюфора) и окончанием русско-турецкой войны. Откликаясь на речь Бисмарка 19 февраля 1878 г. относительно предстоящего созыва Берлинского конгресса для урегулирования «Восточного вопроса», на который приглашалась и Франция, Гамбетта писал: «это именно то, чего я желал, чего ждал, не решаясь рассчитывать как на определенность <...> мир обеспечен на годы вперед, Выставке более ничего не угрожает, великие державы соревнуются в том, чтобы сблизиться с Францией...».³³ И пусть Гамбетта, как всегда, несколько увлекался в своих оценках, его предчувствие грядущих перемен во франко-германских отношениях было верным.

4.2. ПОЛИТИКА ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ЖЕСТОВ

Несмотря на то, что пик разрядки в отношениях между Францией и Германией ассоциируется с вышеупомянутой «эпохой Ферри», уже во второй половине 70-х гг. можно было заметить некоторые симптомы перехода от резкого антагонизма к осторожному взаимодействию в отдельных сферах.

В конце 1990-х гг. британский историк Джеймс Стоун в одной из своих статей предложил трактовать действия Бисмарка в отношении Франции в период торжества в ней монархических сил «морального порядка» (1873–1877 гг.) в логике «политики сдерживания» США в отношении СССР, сформулированной после Второй мировой войны в знаменитой «длинной телеграмме Кеннана».³⁴ При всей условности подобных широких исторических параллелей, ощущение того,

³² Письмо Г. Мольтке-младшего от 7 ноября 1877 г. // Helmut von Moltke: Dokumente zu seinem Leben und Wirken. Bd I. Briefe Helmut von Moltke an seine Frau, 1877–1915 / Hrsg. von A. Bracher und T. Meyer. Basel, 2005. N 5–6. S. 44.

³³ Цит. по: Deschanel P. Gambetta. N. Y., 1920. P. 246.

³⁴ См.: Stone J. Bismarck and the Containment of France: 1873–1877 // Canadian Journal of History. Vol. 29. 1994. № 2. P. 271–304.

что Бисмарк и после подписания Франкфуртского мирного договора неустанно ведет против Франции необъявленную «моральную войну» на грани угрозы открытого столкновения, у руководителя французской внешней политики тех лет герцога Деказа, как мы видели, действительно существовало.³⁵ Однако, придерживаясь все той же терминологии XX в., франко-германская «холодная война» — вместе со своей гонкой вооружений — не исключала возможности и устремления обеих сторон к разрядке.

Едва ли можно сомневаться в том, что дипломатия Бисмарка в отношении Франции была куда более гибкой, нежели чем это традиционно рисуется отечественной историографией. Как говорил сам Бисмарк, имея в виду именно отношения с французами (правда, в 1860-е гг.), «нельзя играть в шахматы, если изначально запрещено вступать на 16 полей из 64».³⁶ После 1871 г. германский канцлер, безусловно, был куда как более ограничен в свободе маневра, но он явно полагал, что сможет с успехом регулировать давление внутри, вспоминая образное выражение его посла в Париже графа Арнима, кипящего ненавистью к немцам «парового котла» под названием Франция.

Сам Бисмарк неоднократно подчеркивал, что не питает неприязни к французской нации как таковой, а его политика диктуется лишь логикой опасного соседства и историей французских устремлений к гегемонии в Европе. Уже на закате своей политической карьеры он заявил во всеуслышание в одной из своих речей в Рейхстаге: «У меня нет никакой антипатии к французам или французскому национальному характеру <...>. Не стань французы для нас неприятным соседом из-за произошедшего изменения границы, то, соединенная с Францией, Германия составила бы абсолютно неодолимую силу! Я убежден, что находись мы от них так далеко, как французы от русских, Германия и Франция стали бы лучшими друзьями».³⁷

Послушные канцлеру германские официозные издания раз за разом выступали против представления внешнеполитических конфликтов между французами и немцами проявлением глобального антагонизма

³⁵ См. примеч. к док. N 292 // Documents diplomatiques français. Ser. 1. Vol. I. Paris, 1929. P. 318.

³⁶ Цит. по: Власов Н. А. Великий Бисмарк: Железом и кровью. М., 2011. С. 308.

³⁷ См., например, речь Бисмарка от 21 декабря 1890 г. // Reden des Fürsten Bismarck aus den Jahren 1847–1895 / Hrsg. von Hans Kraemer. Halle, 1895. S. 316–317.

романской и германской «рас», хотя и уделяли немало внимания расхождению национальных характеров двух народов. Так, в октябре 1875 г. «Frankfurt Allgemeine Zeitung», известная своими связями с официальным Берлином, писала: «Напряженность отношений между Германией и Францией не может быть признана за неизбежность, продиктованную самой природой. Для обеих найдется место в системе европейской политики, место почетное, неоспоримое, если они решат жить друг с другом в мире и подчиниться взаимно праву <...> борьба рас, наследная враждебность, национальная ненависть — это <...> те побеги, которым не должно быть позволено впредь произрастать на европейской почве».³⁸

Эта статья в глазах современников стала ответом на призывы выстроить более доверительные отношения между Парижем и Берлином, которые прозвучали сразу же после развязки «военной тревоги» 1875 г. во Франции. Рупором этого направления во французском общественном мнении стал известный публицист и один из крупнейших печатных магнатов Франции Эмиль де Жирарден. Начиная с мая 1875 г., Жирарден начинает печатать на страницах подконтрольных ему «Le Petit Journal» и «La France» открытые письма в пользу франко-германского примирения.

Уже первое же его выступление с призывом к соотечественникам отказаться от пагубного пути реванша и взять пример с России, терпеливо дождавшейся возможности «добиться отмены Парижского трактата без единого выстрела», обратило на себя внимание европейских кабинетов.³⁹ Последовательно развивая эту мысль в дальнейших своих публикациях, Жирарден высказал необходимым для французского руководства опереться на «партию мира», которую в Германии олицетворяет император Вильгельм I, и прийти к «искреннему и нерушимому миру» на основе общеевропейского разоружения.⁴⁰ И пусть Жирарден признавал этот идеал без некоего «исправления» ситуации в отношении Эльзас-Лотарингии неосуществимым, он декларировал возмож-

³⁸ Цит. по: *Après la guerre: un appel berlinois à la paix entre l'Allemagne et la France* // *Revue politique et littéraire*. 2nd Série, Vol. IX. 1875. N 16. P. 361–363. — См. также, например: (Н.) *Politische Correspondenz* // *Preußische Jahrbücher*. 1873. Bd 32. Heft 3. S. 363.

³⁹ АВПИР. Ф. 139. 2-я газетная экспедиция. Оп. 476. Д. 261. Л. 211–212. № 104.

⁴⁰ *Girardin É. de Grandeur ou décadence de la France. Questions des années 1874 et 1875*. Paris, 1876. P. 608; *Girardin É., de A la presse européenne* // *Le Petit Journal*. 1876. Août 29.

ность достижения широкого «согласия» Франции, Германии, Италии и России.⁴¹ Поль Дешанель, характеризуя выступление Жирардена «сенсационной кампанией в прессе», указывал на роль Хенкеля фон Доннесмарка и князя Гогэнлоэ, поощрявших ход мыслей Жирадена в этом направлении.⁴²

Помимо отдельных выступлений в прессе, можно указать и на обмен в эти годы примирительными жестами во франко-германской «культурной дипломатии», которую также можно назвать «дипломатией картин» и «дипломатией монументов».

Руководство Франции, не желая обвинений в реваншизме, в первые послевоенные годы избегало того, чтобы выступить заказчиком крупных художественных работ по военной тематике.⁴³ Более того, в 1872 г. с официального ежегодного «Салона» в Париже по личному распоряжению президента Республики Адольфа Тьера были изъяты две картины, которые изображали германских солдат мародерами и которые, по его мнению, могли особенно сильно задеть германское самолюбие.⁴⁴ Не случайно также, что на Венской всемирной выставке 1873 г. в числе французских живописных работ не было ни одной батальной картины. Слухи о правительственном вмешательстве, имеющем целью избежать провокаций в отношении Германии, не раз сопровождали произведения искусства того времени, обращавшиеся даже завуалированно к теме будущности франко-германских отношений — от «Гетмана» Поля Деруледа до «Бельфорского льва» Фредерика Бартольди — которые будут подробнее рассмотрены ниже. Ситуацию, в которой оказались французы в эти годы, хорошо описывает весьма наблюдательное замечание «Вестника Европы»: «Не правительство одно, но вся французская нация единомысленно сознает, что Франция к войне не готова, а *потому* (курсив в оригинале. — А. Б.) вся нация не желает войны. Галльский петух нынче не только не дерется, но и не кричит, что весьма благоразумно».⁴⁵

Память о погибших в недавней войне служила еще одной сферой, где французское правительство стремилось достичь хотя бы внешнего при-

⁴¹ Girardin É., de L'intérêt des peuples // Le Petit Journal. 1875. Août 30.

⁴² Deschanel P. Gambetta. N. Y., 1920. P. 251.

⁴³ Becker Fr. Bilder von Krieg und Nation. Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands, 1864–1913. München, 2001. S. 403.

⁴⁴ Cherbuliez V. Etudes de littérature et de l'art. Paris, 1873. P. 281.

⁴⁵ Иностранная политика: увлечения и факты, 1 февраля 1877 // Вестник Европы. Т. 1. 1877. С. 831.

мирения с Германией. В соответствии со статьей 16-й Франкфуртского мирного договора, французское и германское правительство давали обязательство охранять и поддерживать в надлежащем порядке захоронения павших, оказавшиеся на территории каждого из государств.⁴⁶ Но поскольку боевые действия в недавнем конфликте разворачивались по большей части за пределами ныне германской Эльзас-Лотарингии, это положение договора прежде всего коснулось именно Франции.

4 апреля 1873 г. Национальное Собрание приняло закон «о военных захоронениях», в соответствии с которым к 1878 г. на территории Франции было создано 25 крупных оссуариев с останками 37,8 тыс. французских и 21,8 тыс. германских солдат и еще почти 27,6 тыс. тех, чью национальную принадлежность установить уже не представлялось возможным.⁴⁷ В качестве жеста примирения вчерашние противники сплошь и рядом находили свое последнее упокоение бок о бок, в рамках одного и того же погребального комплекса, как это было в случае грандиозной усыпальницы, возведенной в 1876–1877 гг. в Базейле.⁴⁸ Однако благие намерения французского правительства сталкивались с отдельными вспышками национальной ненависти, мишенью которой становились германские захоронения. Нередкие случаи вандализма даже в самых незначительных его проявлениях стали предметом неослабного внимания официального Берлина, не упускавшего без дипломатического протеста ни одного из столь пагубных для отношений двух стран инцидентов. Только в первое послевоенное десятилетие предметом для дипломатических демаршей стали подобные происшествия в Везелуа (сентябрь 1872 г.), Абувилле (январь 1875) и Жироманьи (февраль 1879) — по любопытному совпадению, все в окрестностях Бельфора.⁴⁹

Французские власти всерьез были озабочены тем, чтобы не провоцировать немцев и самим открытием памятников павшим. Это наглядным образом показывает пример монумента, возведенного в 1876 г. на месте битвы при Марс-Ла-Тур. Памятник, созданный французским скульптором Фредериком Божино, представлял собой аллегорическую

⁴⁶ Documents diplomatiques français. Ser. 1. Vol. I. Paris, 1929. № 2. P. 8.

⁴⁷ Varley K. Under the Shadow of Defeat: The War of 1870–71 in French Memory. N. Y., 2008. P. 60.

⁴⁸ См. подробнее: Becker A. War Memorials: A Legacy of Total War? // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871 / Ed. by Stig Förster, Jorg Nagler. Cambridge, 1997. P. 664.

⁴⁹ Varley K. Under the Shadow of Defeat... P. 62–63.

фигуру Франции, поддерживавшей тело смертельно раненного солдата и увенчивавшей его лавровым венком. У ног солдата были изображены два совсем маленьких ребенка, олицетворявших собой, по мысли создателя, тех, кто был призван в грядущем отомстить за смерть героя. Один из них подхватывал выскальзывающее из рук умирающего ружье, а второй держал символический якорь — аллегория спасения и надежды. Аннет Беккер склонна видеть в младенцах образ Ромула и Рема, что отождествляет их с новорожденной Французской республикой.⁵⁰

Предстоящее открытие памятника служило предметом беспокойства местных властей, которое дополнительно усиливалось вероятностью присутствия на торжествах жителей соседней Эльзас-Лотарингии. Префект департамента Мёрт-и-Мозель писал министру внутренних дел: «было бы нетактично в нынешнем состоянии наших отношений с Германией допускать столь заметную демонстрацию и произносить речи на открытии памятника на самой границе в присутствии жителей, взбудораженных тем, что их оторвали от Франции, и с легкостью готовых поверить любым слухам о войне в той вздорной надежде, что незамедлительная война вернет их своей Родине».⁵¹ В итоге, воспользовавшись тем, что в крипте под памятником должны были быть захоронены останки более 1200 французских солдат, по решению министра инаугурация прошла не 16 августа — в день битвы, а 2 ноября — в «день усопших», без торжественных речей, с одной лишь церковной службой.

В этой связи не покажется малозначимым и вопрос участия Германии в Парижской Всемирной выставке 1878 г. Бисмарк долгое время не давал своего согласия, что служило дополнительным рычагом давления на Париж. В ответ на официальное приглашение Мак-Магона в ноябре 1876 г. Бисмарк указал своим сотрудникам на ту враждебность, с которой продолжают сталкиваться немцы во Франции. Он считал неуместным в этой связи ехать в гости в «дом, где к нам относятся с презрением и ненавистью», а сам отказ Германии должен был стать лишним доказательством ее независимости и самоуважения на мировой арене.⁵²

⁵⁰ *Becker A. War Memorials...* P. 673.

⁵¹ *Chastril R. Organizing for war: France, 1870–1914.* Baton Rouge, 2010. P. 82–83.

⁵² Продиктовано Бисмарком в Варцине, 1 ноября 1876 г. // *Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914.* Bd I. Berlin, 1922. № 198. S. 306–308.

Вильгельм I хотя и одобрил соответствующее решение германского правительства и Бундесрата, высказался в пользу того, чтобы избежать при публичном обосновании отказа Германии каких-либо аргументов, которые могли бы ухудшить отношения двух правительств и двух народов.⁵³ Но даже несмотря на то, что пожелание императора было учтено, и на первый план была выдвинута экономическая нецелесообразность участия Германии в Парижской выставке, весь недружественный эффект этой акции был очевиден. Для «Вестника Европы» отказ Германии стал «беспримерным доселе случаем», в котором выразилась «крайняя раздражительность, даже какая-то странная зависть по отношению к Франции».⁵⁴

Сколь большое значение французы придавали этому бойкоту, видно по реакции Гамбетты, отраженной в его письмах.⁵⁵ Лишь в марте 1878 г. Бисмарк дал, наконец, свое согласие отправить на Парижскую выставку германских экспонентов, представив это жестом в пользу «умиротворения» двух народов. Германский художник Антон фон Вернер вспоминал впоследствии, что внеконкурсная германская экспозиция в Париже была организована Бисмарком в рекордные два месяца не «в интересах германского искусства», а лишь в качестве «политического хода».⁵⁶ Утвержденная кайзером Вильгельмом I специальная программа, регулирующая участие германских деятелей искусства на Всемирной выставке, исключала все сюжеты, которые могли обострить легковоспламеняемую обстановку, прежде всего — портреты и батальные полотна, обращенные теме недавней франко-германской войны. Французская сторона также поспешила извлечь максимальный пропагандистский эффект из этого международного форума. Гамбетта в том же примирительном духе в одной из своих речей по случаю Выставки 1878 г. назвал ее подлинным девизом, с которым, как он уверял, солидаризируется вся французская нация, два ключевых слова: «мир и труд».⁵⁷

⁵³ Ibid. Anm. zu № 198. S. 308.

⁵⁴ Иностранная политика — увлечения и факты, 1 февраля 1877 // Вестник Европы. Т. 1. 1877. С. 837.

⁵⁵ Gambetta L. Lettres, 1868–1882. Recueillis et annotées par D. Halevy et E. Pillias. Paris, 1938. N 244; и далее.

⁵⁶ Цит. по: Forster-Hahn Fr. «La Confraternité de l'art»: Deutsch-französische Ausstellungspolitik von 1871 bis 1914 // Zeitschrift für Kunstgeschichte. Bd 48. 1985. Heft. 4. P. 510.

⁵⁷ См.: Gambetta, 1869–1879. Paris: Librairie Sandoz et Fischbacher, 1879. P. 469.

В завершение этой темы стоит отметить, что сотрудничество между двумя странами развивалось и в более «приземленных» сферах — в частности, в деле полицейского сыска. Взаимодействие полиции двух стран приобрело более прочный характер в те же годы в связи с принятием Рейхстагом «Исключительного закона» против германских социал-демократов, ставшего ответом на совершенные в мае и июне 1878 г. покушения на жизнь Вильгельма I. Хотя французская полиция и испытывала некоторое удовлетворение от самого факта затруднений, в которых оказалась Германия, она с готовностью пошла на широкий обмен сведениями со своими германскими коллегами относительно подрывной деятельности социалистов двух стран. Таковой могла быть даже информация о сборе средств германскими рабочими в Париже в июле 1878 г. в поддержку преследуемых на Родине товарищей. Германский полицей-президент Мадай, в свою очередь, в декабре того же года направил в парижскую префектуру полиции список из сорока четырех высланных из Германии социал-демократов.⁵⁸

Иными словами, определенная нормализация франко-германских отношений, достигнутая к концу 1870-х гг., стала слагаемым не только целого ряда практических шагов навстречу с обеих сторон в сфере реальной политики, но также и расчетливых жестов.

* * *

Притом, что основное внимание европейской дипломатии и прессы, начиная с середины 1875 и до середины 1878 г. оказалось в значительной мере поглощено поворотами очередного «восточного кризиса», вопрос франко-германских отношений не терял своего значения. Наглядным отражением этого стали события второй половины 1870-х гг. Они хорошо показывают, что развязка «военной тревоги» 1875 г. не изменила кардинально ни характер франко-германских отношений, ни основных принципов политики Бисмарка в отношении Третьей республики. Таковыми оставалось поддержание внешнеполитической изоляции Франции, стремление контролировать и активно воздействовать на ее внутриполитическое развитие, а также неусыпное внимание исходящим с ее территории военной угрозе и угрозе клерикализма. Тем не менее, 1870-е гг. стали свидетелями первых примирительных жестов,

⁵⁸ Hsi-Huey Liang. The rise of modern police... P. 102.

которые внесут свою лепту в ощутимую разрядку первой половины следующего десятилетия.

Предшествующие главы были призваны познакомить читателя с канвой основных политических и дипломатических событий, напрямую затрагивавших отношения Франции и Германии в первое послевоенное десятилетие. Правомерно теперь более детально сосредоточиться на отдельных проявлениях того влияния, которое оказывал в рассматриваемый период «германский фактор» на общественное и политическое развитие Третьей республики.

Часть вторая

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Глава 5

В ПОГОНЕ ЗА ГЕРМАНСКИМ ПРЕВОСХОДСТВОМ: РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

На основе рассмотренных в предыдущих главах проблем франко-германских отношений в сфере высокой политики становится очевидным, что вопросы развития французских и германских вооруженных сил, безо всякого преувеличения, относились к числу важнейших. С учетом сохранявшейся враждебности в отношениях двух соседей, совсем не случайно, что германские руководители и послушные им публицисты спешили трактовать военные реформы во Франции как «военные приготовления». Подразумевалось, что они не имеют иной другой цели, как скорейшим образом подготовить реванш.

Другими словами, речь шла о том, что Франция не просто готовилась к потенциальным вызовам безопасности своих границ, а намеревалась сама нарушить существующий порядок вещей. Более того, подразумевалось, что ее подготовка достигла такой степени интенсивности, что развязывание войны ею было делом если не месяцев, то нескольких лет. Документы французского военного ведомства дают наиболее верное представление о характере преобразований во французской армии. В равной мере они служат дополнительным и очень важным мерилом политики Тьера и Мак-Магона в отношении Германии. Последняя, в свою очередь, оказала огромное влияние на сам ход военной реорганизации во Франции.

5.1. БОРЬБА ВОКРУГ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

Выбор пути

После катастрофически проигранной войны во Франции широко распространилось осознание того, что возрождение национальных вооруженных сил должно быть осуществлено на каких-то новых принципах. Крах прежнего политического режима, который теперь прямо ассоциировался с «Разгромом», делал этот разрыв еще более решительным и глубоким. Парадокс заключался в том, что в формально провозглашенной республике республиканцы с их призывом пересоздать нацию на основе новых добродетелей гражданственности находились в оппозиции. Судьбоносный выбор пути, по которому должна была пойти реорганизация армии, предстояло сделать консервативным силам, опиравшимся на монархическое большинство Национального Собрания.

Вопреки всем интригам и разногласиям, раздиравшим высший законодательный орган страны в вопросе ее политического будущего, депутатов всех фракций объединило патриотическое устремление к скорейшему возрождению армии, готовность санкционировать самые серьезные финансовые расходы, равно как и осознание необходимости сохранения при этом высокой степени секретности. В результате большинство проектов проходило обсуждение в закрытом режиме в соответствующих парламентских комиссиях, после чего готовые проекты утверждались Палатой без каких-либо публичных дебатов.¹

Залогом того, что военная реформа во Франции пошла с пугающей германских наблюдателей быстротой и эффективностью, наряду с четко выраженной политической волей, стало беспрецедентно широкое участие самой армии. Как отмечал французский исследователь Ж. Жоффрэ, «в первый и последний раз в своей истории <...> французская армия заговорила». В первой половине 1870-х годов во Франции были опубликованы десятки, если не сотни, проектов, посвященных вопросу реорганизации армии. Только дискуссия вокруг основополагающего принципа комплектования армии в 1871–1872 гг. вызвала к жизни 87 публикаций.²

¹ *Barail, general, du Mes Souvenirs* (1896). Т. III. 1864–1879. 17e éd. Paris, 1913. P. 475–476.

² *Histoire militaire de la France*. Vol. 3: 1871–1940 / Sous la dir. de Guy Pedroncini. Paris, 1997. P. 3–4.

Еще большее число предложений составило огромный массив материалов, которые легли в основу работы специальных государственных комиссий и ведомств. Так, в частности, парламентская «Комиссия сорока пяти», задачей которой и стала подготовка законопроектов по реорганизации армии для вынесения их на последующее обсуждение Национального Собрания, с марта 1871 г. по июль 1874 г. получила 159 соответствующих петиций.³ Высшие офицеры французской армии, вне зависимости от их политических пристрастий, составили несколько комиссий разной степени секретности и с поистине армейской дисциплиной взялись за рассмотрение всех аспектов реорганизации.

Помимо вышеупомянутой «Комиссии сорока пяти», известной также по имени своего докладчика как «Комиссия Шасслу-Лоба», и ряда ее специализированных «подкомиссий», в эти годы действовало еще два значимых совещания. Все вопросы, связанные с организацией обороны и строительством укреплений, рассматривались в «Комитете обороны», докладчиком которого стал талантливый военный инженер Раймон Серед де Ривьер. В октябре 1872 г. при президенте республики был создан также Высший военный совет — третий важный консультативный орган и фактически проводник воззрений на военную реформу сначала А. Тьера, а затем и маршала Мак-Магона. В рамках названных комиссий и развернулась основная борьба по вопросу о том, каким путем пойдет реорганизация армии во Франции. Очевидно также, что эта реорганизация не могла проходить без учета того, что предпринималось в этой области соседями. Выработка любого законопроекта фактически пошла по пути выявления того, что из передового иностранного опыта может быть реализовано на французской почве, а что следует отбросить.

Целый ряд крупных советских историков: Е. В. Тарле, А. М. Зайончковский, В. М. Хвостов, А. З. Манфред, так или иначе обращавшихся к теме русско-французского сближения после 1871 г., солидаризировались вокруг тезиса о том, что французы, поставив после 1871 г. задачей реформирование своих вооруженных сил, взяли себе примером и образцом для подражания русскую армию.⁴ А. З. Манфред, в частности, писал, что французам «учиться надо было и можно было у самой сильной

³ *Jauffret J.-Ch.* L'oeuvre des militaires de la commission de reorganization de l'armée, 1871–1875 // *Militaires en République, 1870–1962: les officiers le pouvoir et la vie publique en France: Actes du colloque.* Paris, 1999. P. 293–302.

⁴ См.: *Korobov Y.* Les relations militaires franco-russes de 1870 au lendemain de la guerre russo-japonaise // *Revue historique des armées.* 2006. № 245. P. 104–106.

военной державы континента — у России», а Германия не могла стать образцом «по причинам столь очевидным, что нет нужды их пояснять».⁵ Но тезис этот, при всей его категоричности, никогда не был подкреплён документально. Самые серьёзные усилия на этом пути предпринял А. З. Манфред, который постарался придать соответствующее судьбоносное значение деятельности в России военной миссии полковника Гайара (у Манфреда «Гейара». — *А. Б.*), направленной в Петербург летом 1871 г.

Однако даже беглое знакомство с материалами указанной выше миссии показывает, что характер собранных французскими офицерами в России сведений не подразумевал чего-то большего, чем просто широкий обмен военно-технической информацией. Как явствует из программного донесения посла в Петербурге Лефлю от 21 августа 1871 г., французским офицерам в России предстояло скорее оценить силы и возможности своего потенциального восточного союзника,⁶ нежели отыскать лекала для организации собственной армии.

Значительная доля полученной при этом технической документации была выполнена на русском языке и едва ли могла быть оперативно использована французами. Важность отправки в Россию офицеров, хорошо знающих русский, равно как и печальный факт катастрофической нехватки таковых во Франции, особо подчеркивался в январе 1875 г. в одном из донесений самого Гайара, занявшего к тому времени официальный пост французского военного представителя в Петербурге. Гайар указывал, в частности, что ни один из десяти офицеров, записавшихся на организованные Парижским гарнизоном в 1873 г. курсы русского языка, не достиг успеха в его изучении, и что в 1875 г. таковых смельчаков нашлось лишь трое.⁷

Никакими сколько-нибудь глубокими сведениями относительно русской армии не оперировали и члены названных выше комитетов и комиссий, призванных выработать принципы реорганизации французских вооружённых сил. О том, что «новая организация русской армии еще не завершена и недостаточно известна», чтобы служить доводом

⁵ Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 36.

⁶ Донесение Лефлю военному министру от 21 августа 1871 г. // SHD/DAT. 7 N 1465 (Russie, 1849–1875).

⁷ Донесение Гайара военному министру от 21 января 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465 (Russie, 1849–1875).

«за» или «против», обмолвился в ноябре 1872 г. на одном из заседаний Высшего военного совета и военный министр Эрнест Сиссэ.⁸ В этом он мог основываться на суждениях французских представителей в Петербурге. Генерал Леффло, в частности, в начале 1872 г. сетовал на то, как трудно дать связную картину состояния российских вооруженных сил «посреди горячки преобразований по следам нашей злополучной войны, охватившей Россию, возможно, более чем какую-либо другую нацию в Европе».⁹ Оценки русской армии помощника военного атташе полковника Барри были еще суровой: России на пути реорганизации приходится преодолевать больше трудностей, чем кому бы то ни было, «она более всех отстает на пути общего прогресса», и что касается самой русской армии, то ее «внешняя сторона красива, иной раз можно даже найти ее блестящей; но внутри — пустота (*le vide*), и утечет еще немало лет, прежде чем эта пустота заполнится».¹⁰

Россия с ее колоссальными людскими ресурсами не могла не интересоваться французов как значимый фактор войны и мира в Европе, но в вопросе, кому присудить звание первой армии континента, у французских военных не было сомнений. Как заявлял все тот же Барри, «русская армия — в том состоянии, в котором она находится сейчас — не может претендовать на победоносный исход борьбы с германской армией».¹¹ И надо признать, что оценки французов были во многом справедливы. Военная реформа продвигалась в Российской империи довольно медленно, а переход к призыву на основе всеобщей воинской повинности в итоге был осуществлен лишь с 1 января 1874 г. — на год позже, чем во Франции.

Стоит добавить, что сам факт русско-французского военного сотрудничества в форме обмена информацией не был в те годы чем-то уникальным и исключительным. Скажем, статус Великобритании как

⁸ Протокол двенадцатого заседания Высшего военного совета, 15 ноября 1872 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. by G. Pedroncini. Tome I: *Vaincre la Défaite, 1872–1881*, Vol. I: *Armée de terre: Documents à partir des archives de l'armée de terre*. Vincennes, 2000 (1988). Document N 12. P. 160.

⁹ Леффло — Сиссэ, 22 января/ 5 февраля 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465 (Russie, 1849–1875).

¹⁰ *Barry, colonel* *Aperçu d'ensemble de l'armée Russe*, avril 1872 // SHD/DAT. 7 N 1465: Russie, 1849–1875.

¹¹ *Ibid.*

главной колониальной соперницы России, отношения с которой только в 1870-х гг. дважды оказывались под угрозой разрыва — в 1870 г. в связи с отказом России от ограничительных статей Парижского трактата 1856 г. и в 1878 г. из-за возможности вступления русской армии в Константинополь — не препятствовал активной деятельности российского военно-морского агента по размещению военных заказов и обмену технической информацией в Лондоне. В той мере, в которой Дания и Голландия служили Англии источником сведений о германских морских вооружениях,¹² столь же полезным для Франции мог стать и упрощенный доступ российских военных представителей к опыту германской армии. Кроме того, напряженность отношений между Францией и Германией вовсе не препятствовала обмену подобными сведениями напрямую. Например, в июне 1875 г., то есть спустя всего месяц после формального окончания «военной тревоги», между соседями был успешно решен вопрос об обмене образцами недавно принятого ими на вооружение новейшего стрелкового оружия — винтовками Гра и Маузера соответственно.¹³

Наоборот, наиболее естественным для французов было обратиться к опыту того государства, эффективность военной машины которого они только что ощутили на себе. Не случайно поэтому основные дебаты вокруг реорганизации французской армии развернулись по вопросу о том, насколько далеко должна пойти страна по пути заимствования германского (прусского) опыта. И победа в этом противостоянии сторонниками «прусской модели» была достигнута далеко не сразу.

Тьер против Мак-Магона

Выше уже отмечалось, сколь большой резонанс в стране вызвала подготовка Национальным Собранием основополагающего закона о принципах комплектования армии. Подавляющее большинство авторов проектов по этому вопросу, опубликованных в 1871–1872 гг., решительно высказалось в пользу введения всеобщей воинской повинности, но только треть из них прямо указывала при этом образ-

¹² См.: Записка капитан-лейтенанта [Николая Александровича] Неваховича от 4 марта 1873 г. // Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 410. Канцелярия морского министра. Оп. 2. Д. 3952. Л. 64–65; Письмо капитан-лейтенанта Неваховича от 18 августа 1874 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 347. Л. 69.

¹³ См.: Defrasne J. L'armée français devant l'alert de 1875 // *Revue historique de l'armée*. Vol. 26. 1970. P. 40.

Военный министр Франции (1873–1874)
генерал Франсуа дю Барай

цом для подражания Пруссию.¹⁴ Не был сторонником копирования прусской модели и глава исполнительной власти Республики. При этом Тьер не только имел собственный взгляд на развитие французской армии, но и самым активным образом добивался претворения своих воззрений на практике. Активность президента и его уверенность в собственной полной компетентности в отношении чего бы то ни было сводила роль военного министра Сиссэ, как саркастически писал в своих воспоминаниях генерал

Дю Барай, до положения «старшего приказчика».¹⁵ С учетом того, что президентом всецело направлялась и внешняя политика, его мнение было если не определяющим, то весомым.

Тьер называл превосходство прусской модели «мнимым» и полагал, что причины поражения Франции в недавней войне крылись не в каком-то системном изъяне ее военной организации, а в отсутствии элементарного порядка, соответствующей подготовки, в просчетах ее политического и военного руководства. Как он заявлял впоследствии на одном из заседаний Высшего военного совета, «если бы мы обладали подобной прозорливостью, если бы накануне и в ходе войны 1870 года нами управляли такие люди, как г-н Бисмарк и г-н Мольтке (гений предвидения), то вместо того, чтобы потерять Эльзас и часть Лотарингии, мы бы оказались в Берлине».¹⁶ Система массового набора в армию казалась ему «скорее источником слабости, чем силы», так как жертвовала качеством подготовки солдат ради их количества.¹⁷

¹⁴ Histoire militaire de la France. Vol. 3: 1871–1940 / Sous la dir. de Guy Pedroncini. Paris, 1997. P. 3–4.

¹⁵ Barail, *general, du Mes Souvenirs...* P. 291.

¹⁶ Протокол пятнадцатого заседания Высшего военного совета, 26 декабря 1872 г. // La défense sous la Troisième République / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 15. P. 209.

¹⁷ Thiers A. Notes et souvenirs de M. Thiers (1870–1873). Paris: Calmann-Lévy, 1903. P. 276.

Последнее суждение Тьера во многом основывалось на неудачном опыте «поголовного вооружения» нации, предпринятого Леоном Гамбеттой на втором этапе войны — после того, как французская кадровая армия фактически перестала существовать. Собранная для анализа состояния вооруженных сил страны в феврале 1871 г. специальная правительственная комиссия военных экспертов, докладчиком которой был отличившийся в боях под Орлеаном адмирал Жан-Бернар Жорегиберри, признала большинство подразделений этой импровизированной «народной армии» лишь «обузой и источником беспорядка».¹⁸ После окончания войны рапорт этой секретной комиссии был официально обнародован (в мае 1871 г.) и, несомненно, повлиял на общие настроения.

Любопытно, что и сам Гамбетта не вернулся ни к лозунгу его Бельвильской предвыборной программы 1869 г. о замене профессиональной армии «милицией» граждан, ни к революционному принципу «вооруженного народа» военных лет. В 1870-е гг. он чем дальше, тем больше склонялся к идее о необходимости создания небольшой, очень хорошо обученной армии с большим офицерским корпусом и достаточными резервами, неуклонно приближаясь, тем самым, к тьеровскому идеалу.¹⁹ Пределом же амбиций самого президента Республики была постоянная армия в 400–500 тыс. человек с пятилетним сроком службы, увеличивающаяся в случае войны до 900 тыс.²⁰ На стороне Тьера при этом был серьезный аргумент экономии средств, так как никто лучше него не знал, сколь шатким был тогда баланс французского бюджета. Близость событий Парижской коммуны, безусловно, придавала весомость и соображениям охранения внутреннего порядка. Как сформулировал сам Тьер: «Я не хочу всеобщей воинской повинности, которая <...> повесит винтовку на плечо каждому социалисту»,²¹ и это заставляло американского историка С. Кантера даже делать поспешный вывод о том, что подобным «классовым интересам» в итоге оказалась принесена в жертву национальная безопасность страны.²²

¹⁸ Цит. по: *Jauffret J.-Ch.* L'oeuvre des militaires de la commission de reorganization de l'armée, 1871–1875 // *Militaires en République...* P. 294.

¹⁹ *Krumeich G.* The Myth of Gambetta and «People's War» in Germany and France, 1871–1914 // *On the Road to Total War...* P. 649–650.

²⁰ *Thiers A.* Notes et souvenirs de M. Thiers... P. 280.

²¹ Цит. по: *Mitchell A.* Victors and vanquished: The German influence on army and church in France after 1870. Chapel Hill, 1984. P. 26.

²² См.: *Kanter S.* Sacrificing National Defense to Class Interest: The French Military Service Law of 1872 // *Military affairs.* Vol. 49. 1985. N 1. P. 5–8.

Как отмечал впоследствии Тьер, вопрос о военной реорганизации занимал тогда не только «всю страну», но и «Европа также была внимательна к тому, что предполагалось во Франции по этому поводу», «вопрос об армии, таким образом, был одновременно и французским, и европейским».²³ Восприятие французской военной реформы в Германии было дополнительным значимым фактором, с которым тоже как-то приходилось считаться. Этот фактор в те годы было сложно даже назвать внешним, с учетом присутствия на французской территории германского оккупационного корпуса. Вполне естественно, что военные реформы во Франции привлекали наибольшее внимание именно германских политиков и прессы. Они как никакие другие ее внутрисполитические события обещали затронуть в будущем Германию с учетом общепринятого убеждения о непримиримости двух соседей.

В этой связи суждение А. З. Манфреда о том, что в начале 1872 г. германского канцлера и германских генералов «вопрос о французских вооруженных силах по существу еще относительно мало трогал. Они не придавали тогда ему значения»,²⁴ по крайней мере спорно. Согласиться с этим означало бы признать, что немцы всерьез думали лишь о настоящем и не заботились о будущем. На деле все было не так. Вся памфлетная литература, посвященная проектам предстоящей реорганизации французской армии, внимательно отслеживалась и собиралась германскими агентами во Франции, которые переправляли ее в Берлин для дальнейшего анализа.²⁵

Не отказывался Берлин и от демонстрации своих собственных предпочтений в вопросе о пути развития армии своего предполагаемого противника. Парадоксальным образом германская сторона энергично поддержала именно Тьера, выступившего против копирования прусской модели массовой армии. Еще в сентябре 1871 г. официальный «*Preussische Jahrbücher*» выступил с критикой проектов длительной воинской службы во Франции. Журнал выражал сомнение, что французский народ способен вынести 20-летний (в действующей армии и резерве) срок службы, и сочувственно приводил жалобы генералов Бурбаки и Шанзи на низкую дисциплину спешно сформированных

²³ *Thiers A. Notes et souvenirs de M. Thiers...* P. 275

²⁴ *Манфред А. З. Образование русско-французского союза...* С. 46.

²⁵ *Mitchell A. Victors and vanquished...* P. 24.

Гамбеттой на основе массового набора войск в осенне-зимнюю кампанию 1870 года.²⁶

Дополнительным каналом давления были оценки германского руководства, ретранслировавшиеся через ставку командующего германским оккупационным корпусом генерала Мантейфеля. Последний, как мы видели, регулярно озвучивал через французского представителя Сен-Валье свою поддержку позиции Тьера по военному закону и гневно обрушивался на сторонников массовой армии. К удивлению ряда германских наблюдателей, полагавших воззрения Тьера откровенно устарелыми и «химеричными»,²⁷ ему удалось привлечь на свою сторону немалую долю французских военных и депутатов. Большинство, однако, выступило за введение всеобщей воинской повинности.

27 июля 1872 г. Национальным Собранием был принят, наконец, закон о всеобщей воинской обязанности для лиц, достигших 20-летнего возраста. Закон вводил пятилетний срок службы в действующей армии и четырехлетний в резерве. После этого военнообязанные на пять лет переводились в состав «территориальной армии» и потом еще шесть лет оставались в ее резерве. В целом, это копировало прусскую модель за исключением того, что в германской действующей армии служили три года. Положение о пятилетнем сроке службы, вступавшее в противоречие со всей системой скорейшего создания подготовленных резервов, Тьер отстоял под угрозой своей отставки. Закон предусматривал, опять-таки по примеру Пруссии, возможность благодаря жребию служить полгода, а также категорию вольноопределяющихся для получивших образование и служивших один год с компенсацией государству расходов на свое содержание (1500 франков).²⁸ Амбициозность закона выражалась в прогнозируемом росте численности действующей армии к 1877 г. до 719 тыс. солдат и 76 тыс. офицеров, а в 1892 г., когда рекрут 1873 г. достигал предела призывного возраста, военная система Франции должна была охватить 2,5 млн человек.²⁹

Впрочем, сама практика и недостаток финансовых средств обусловили то, что ни один из призванных по новому закону французских солдат

²⁶ *W[ehrenpfennig]* Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1871. Bd 28. Heft 3. S. 330.

²⁷ *Mitchell A.* Victors and vanquished... P. 25.

²⁸ См.: *Kanter S.* Sacrificing National Defense to Class Interest: The French Military Service Law of 1872 // *Military affairs*. 1985. Vol. 49. N 1. P. 8.

²⁹ См. Таблицу 1 в: *Mitchell A.* Victors and vanquished... P. 30–31.

в итоге все пять лет не прослужил. Для первого же призыва 1873 г. фактический срок службы в действующей армии составил максимум 3 года и 8 месяцев, и в дальнейшем он лишь неуклонно сокращался, пока закон 1889 г. о трехгодичной службе не утвердил существующее положение законодательно.³⁰ Как наглядно показал британский историк Д. Порч, с конца 1870-х гг. республиканцы неуклонно сокращали и привилегированные категории служивших полгода и год. Все вместе это опровергает глобальные выводы С. Кантера о подрывном для национальной безопасности Франции характере закона 1872 года.

Таким образом, консервативные воззрения Тьера и все масштабные усилия Бисмарка в их поддержку оказали весьма незначительное воздействие на дальнейший ход реорганизации французской армии. Важно отметить, что при всей противоречивости военного закона 1872 г., он быстро обеспечил Францию внушительной армией мирного времени, которая, как мы увидели, уже весной 1875 г. вызвала большие тревоги германского Генштаба.

Тьер учел ненужный ажиотаж (в том числе и с германской стороны), который сопровождал обсуждение военного закона 1872 г.,³¹ и перенес дальнейшую разработку военного законодательства в тишину залов Елисейского и Версальского дворцов на заседания специально организованного в этих целях Высшего военного совета. В состав этого совета, помимо самого Тьера и военного министра (председателя) генерала Сиссэ, входили все высшие военачальники страны: оба маршала Франции, Мак-Магон и Канробер, военный губернатор Парижа генерал Ладмиро, а также высшие представители различных родов войск — генералы дю Барай (от кавалерии), Форжо (артиллерия) и Шабо-Латур (фортификация) — и военных служб. Герцог Омальский выступал в роли делегата Национального Собрания.

Упомянутый выше участник работы Совета, Франсуа-Шарль дю Барай справедливо отмечал, что его заседания недоставало регулярности и методичности, когда важные вопросы перемежались с частными. Присутствие Тьера также накладывало свой отпечаток: если президента охватывало вдохновение, то присутствующим генералам приходилось выслушивать продолжительные лекции на любые темы, кроме темы

³⁰ *Porch D.* The march to the Marne. The French army, 1871–1914. Cambridge, 1981. P. 28–29.

³¹ *Thiers A.* Notes et souvenirs de M. Thiers... P. 287.

обсуждения. Поэтому дю Барай видел мало практической пользы от деятельности в рамках этого совещания, обладавшего к тому же весьма неопределенными полномочиями.³² Но все вышесказанное не делало дебаты в рамках Высшего военного совета менее значимыми. Именно здесь развернулись основные баталии вокруг принципов дальнейшей реорганизации, оказавшие свое влияние и на развитие дальнейших политических событий.

В чем политическое руководство страны в лице Тьера и присутствовавшие генералы были едины, так это в стремлении иметь такую армию, которая смогла бы справиться с возможной германской угрозой, не просто сравняться с армией противника, но и в чем-то ее превзойти. Уже на одном из первых заседаний Высшего военного совета Тьер высказался за такую организацию армии, которая могла бы безболезненно включить в свои ряды 900 тыс. человек: 600 тыс. в рядах действующей армии и 300 тыс. в резерве для ее пополнения. Как он заявил присутствующим: «Пусть у нас будет 600 тыс. человек под ружьем с самого начала войны, и успех нам обеспечен. Даже если мы будем исходить из того неблагоприятного предположения, что нам придется вести оборонительную войну, какие сомнения у нас будут в ее исходе с армией в 900 тысяч, защищающей нашу территорию?»³³

В дальнейшем Советом был одобрен состав армии, который должен был насчитывать в военное время свыше 928 тыс. человек, включая 620 850 человек пехоты и 96 600 человек кавалерии. Вдобавок в случае войны в качестве источника пополнения личного состава гарнизонов крепостей предполагалось призвать несколько сроков резервистов еще не существующей территориальной армии (мужчины в возрасте 30–40 лет), что должно было дать еще 150–200 тыс. (по оценке Тьера) или даже 220–230 тыс. (по оценке герцога Омальского) человек. Фактически речь шла о том, что правительство должно быть готово к привлечению в случае необходимости под ружье около 1 млн 200 тыс. человек.³⁴ Тем самым задавался масштаб будущей французской армии.

³² *Barail, général du Mes souvenirs...* P. 302–303.

³³ Протокол десятого заседания Высшего военного совета, 5 ноября 1872 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. G. Pedroncini. Tome I: *Vaincre la Défaite, 1872–1881*, Vol. I: *Armée de terre: Documents à partir des archives de l'armée de terre*. Vincennes, 2000 (1988). Document N 10. P. 126.

³⁴ Протокол одиннадцатого заседания Высшего военного совета, 8 ноября 1872 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 11. P. 136.

Все выступавшие признавали, что речь пока шла о цифрах на бумаге, которые материализовались бы на практике с весьма значительными «потерями», но их масштаб нельзя назвать фантастическим. Известно, что в ходе франко-прусской войны Франция призвала под свои знамена даже больше людей, чем германские государства. В дополнение к приблизительно 500 тыс., мобилизованным Второй империей, на втором этапе войны Гамбеттой было собрано еще 635 838 человек, и на момент подписания перемирия в январе 1871 г. в тренировочных лагерях находилось еще около 250 тыс. призывников.³⁵

Очевидно также, что при определении численности подлежащих мобилизации в случае войны сил учитывалась и численность войск, которые, наряду с действующей армией, могла выставить Германия. Еще в феврале 1872 г. Вторым бюро французского Генерального штаба была подготовлена краткая аналитическая записка, по оценкам которой Германия в случае войны могла мобилизовать до 1 млн 517 тыс. человек; из них порядка 758 тыс. — в рядах действующей армии.³⁶

Тень Германии постоянно витала в Версальском дворце и в ходе дальнейших заседаний Высшего военного совета, чему можно привести бесчисленное число свидетельств. Касался ли вопрос численности личного состава батальонов, количества батарей полевой артиллерии в армейском корпусе, существования стрелковых подразделений — всегда определяющим доводом становилось то, что всего этого было необходимо иметь не меньше (а желательно больше), чем у немцев.³⁷ До поры до времени участники довольно легко приходили к единой позиции. Однако острая дискуссия вспыхнула вновь, стоило лишь коснуться вопроса о том, должна ли Франция двигаться дальше по пути копирования прусского опыта, и в вопросе количества армейских корпусов и организации резервов.

Адольф Тьер высказался в пользу формирования 12 больших армейских корпусов по три дивизии в каждом, численностью приблизительно

³⁵ *Taithe B.* Citizenship and Wars: France in Turmoil 1870–1871. N. Y.; London, 2001. P. 8; *Serman W.* French mobilization in 1870 // On the road to Total War... P. 294.

³⁶ *Forces mobilisables: Italie, Allemagne, Autriche, Russie., février 1872* // SHD/DAT. État-Major Général. 2e Bureau. 7 N 664.

³⁷ См., например: *La défense sous la Troisième République. Tome I: Vaincre la Défaite, 1872–1881* / Ed. G. Pedroncini. Vol. I: Armée de terre: Documents à partir des archives de l'armée de terre. Vincennes, 2000 (1988). Documents № 11, 13, 14, 20; P. 142, 167, 186–190, 279, 283–284.

по 50 тыс. человек. Он продолжал отстаивать тот факт, что по экономическим, политическим и даже регионально-историческим мотивам Франция не может следовать примеру Германии. Внедрение «прусской системы» пропорционального разделения страны на территориальные округа приведет к тому, утверждал президент, что во Франции появятся «армии бретонцев, провансальцев и пикардийцев». А это, в свою очередь, вернет страну к положению, существовавшему до 1789 г., и поставит под угрозу само единство нации, и без того омраченное недавней гражданской войной.³⁸

Главным и самым радикальным оппонентом президента выступил маршал Мак-Магон. Он открыто выражал свое восхищение прусской военной организацией и ради сокращения катастрофического отставания от Германии в сроках мобилизации призывал перенести ее систему на французскую почву. Вполне убедительно апеллируя к опыту последней войны, он доказывал, что ключевым соединением становится не дивизия, а корпус, а потому следует перенять германскую структуру с 18-ю армейскими корпусами по две дивизии в каждом (общее число дивизий оставалось неизменным — 36).³⁹ Мак-Магон предлагал исходить из той суровой реальности, что Германия не только существенно опережает по срокам мобилизации Францию, но и неуклонно наращивает свое превосходство. Если в последнюю кампанию все мобилизационные операции заняли у нее двадцать два дня, то «в настоящий момент» будет достаточно и семнадцати. Маршала Канробер шел еще дальше в мрачных предсказаниях, заявляя, что «пруссаки могут появиться на нашей границе в двенадцать или тринадцать дней».⁴⁰ Разделение страны по примеру Германии на 18 военных округов, в рамках которых и должен был осуществляться призыв резервистов, виделось Мак-Магону наилучшим решением проблемы.

Остальные двадцать членов Совета то поддерживали какую-либо из этих противоположных по сути точек зрения, то пытались отыскать компромисс между ними. В ключевых вопросах, однако, президенту

³⁸ См.: *La défense sous la Troisième République* / Ed. by G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Documents N 1, 3. P. 24, 45.

³⁹ Протокол двенадцатого заседания Высшего военного совета, 15 ноября 1872 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. by G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document N 12. P. 150.

⁴⁰ Протокол восемнадцатого заседания Высшего военного совета, 9 января 1873 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. by G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document N 18. P. 260.

удалось удержать большинство голосов за своим проектом, который и был представлен в марте 1873 г. в соответствующую парламентскую комиссию. Но 24 мая, как было сказано выше, Тьер был вынужден уйти в отставку, и его место занял Мак-Магон. Можно согласиться с предположением Алана Митчелла, что упорство Тьера в отстаивании своего консервативного видения французской армии и жесткое неприятие компромиссов в пользу «прусской системы» — в условиях, когда острое ощущение германской угрозы требовало безотлагательных действий, — могло служить дополнительным и достаточным для многих основанием необходимости его смещения.⁴¹

Несомненно, что это было именно так в случае с Мак-Магоном, что ярко и продемонстрировали действия маршала после избрания его президентом. Уже 9 июня Национальному Собранию был представлен проект предполагаемой реформы общей организации армии, составленный генералом Шаретоном, который открыто апеллировал к прусскому опыту. 21 июня Высший военный совет под председательством нового военного министра дю Барая на сей раз единодушно проголосовал в поддержку ключевых положений закона, а 24 июля 1873 г. военный закон был утвержден Национальным Собранием именно в том виде, каким его отстаивал в Высшем военном совете Мак-Магон.⁴² Если планам реставрации монархии «деятелей 24 мая» не суждено было сбыться, то в военной организации Франции «переворот» полностью удался.

Вслед за Германией

Своеобразным памятником дальнейшего реформирования французской армии по пруссо-германскому образцу стал закон «о кадрах» 1875 г., последний из серии законопроектов, определивших структуру новой армии Республики. Он подтверждал принцип обязательной военной службы, тождество организации армии в мирное и военное время и устанавливал численность постоянной армии в 412 тыс. человек. В военное время эта цифра должна была удваиваться, что примерно соответствовало тому количеству войск, которое, по оценкам французских генералов, в течение трех недель могла выставить против них

⁴¹ Mitchell A. Thiers, Mac Mahon and the *Conseil supérieur de la Guerre* // French historical studies. Vol. 6. 1969. N 2. P. 251. — См. также: Mitchell A. Victors and vanquished... P. 46.

⁴² La défense sous la Troisième République / Ed. by G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Documents № 20. P. 270–278 ; Mitchell A. Victors and vanquished... P. 46–47.

Германия.⁴³ Но самый большой резонанс вызвало решение о создании дополнительного четвертого батальона в каждом пехотном полку при сокращении числа рот с шести до четырех. Оно было воспринято немцами, как мы видели выше, как дополнительное свидетельство реваншистских устремлений французского руководства и дало повод к военной тревоге 1875 года.

Простой подсчет показывал, что закон о кадрах увеличивал численный состав полка мирного времени лишь на сто человек, с 1550 до 1650. В этом смысле утверждения Мольтке о том, что 144 новых батальона дадут Франции автоматически 144 тыс. человек в случае войны, были неверны. При ограниченном составе офицеров каждого из батальонов подобное раздувание численности грозило бы французской армии потерей управляемости на поле боя. И если немцы акцентировали свое внимание на дополнительных солдатах, которых Франция могла получить по новому закону, то основные заботы французов были сосредоточены на проблемах офицерского корпуса.

Новое деление полка предъявляло более высокие требования к дисциплине в войсках, к подготовке и опыту офицеров низшего звена, нехватка достойных среди которых после войны отмечалась практически всеми без исключения французскими аналитиками. По-видимому, первейшим стремлением разработчиков «закона о кадрах» было не превзойти в чем-то Германию, а сохранить примерно 1200 опытных офицеров, которых в противном случае пришлось бы отправить в запас.⁴⁴ Противники нового закона, однако, небезосновательно указывали, что в недалеком будущем в чин капитана будут произведены нынешние неопытные и слабо подготовленные лейтенанты и младшие лейтенанты, которые могут оказаться просто неспособны командовать ротами с таким большим составом солдат.⁴⁵ Ими же в дополнение ко всему указывалось, что подобная система — удел бедных государств, а Пруссия перешла на четырехротную организацию батальона еще в середине XVIII в. из банальных соображений экономии средств.⁴⁶

⁴³ *Defrasne J.* L'armée français devant l'alert de 1875 // *Revue historique de l'armée.* Vol. 26. 1970. N 1. P. 57.

⁴⁴ *Barail, général du Mes* souvenirs... P. 489–490.

⁴⁵ Протокол тридцать шестого заседания Высшего военного совета, 11 марта 1874 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. by G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 37. P. 546.

⁴⁶ *Ibid.* P. 549.

Неудивительно поэтому, что дебаты по вопросу о реорганизации батальона с 6 до 4 рот вновь раскололи французскую армию. Заседание Высшего военного совета от 11 марта 1874 г., посвященное рассмотрению правительственного проекта, показало, сколь велико было число сторонников сохранения прежней организации. За проект военного министра, представленный генералом Борелем, высказалось лишь пять членов совета против восьми, голоса 13 генеральных инспекторов армии распределились примерно так же: 5 в пользу батальона из четырех рот, 7 голосов за батальон, состоящий из шести рот. В пользу сохранения шести рот высказались все без исключения 19 командующих армейских корпусов.⁴⁷ В итоге Высший военный совет так и не смог прийти к единому мнению, которое можно было бы сообщить парламентской комиссии, и принятие закона было отложено почти на год.

Закон 1875 г. был самым неоднозначным из всех проектов реформирования французской армии, в поддержку которого в итоге высказано куда меньше аргументированных доводов, нежели против. Бывший военный министр дю Барай, будучи сторонником трехбатальонной системы, мог объяснить итоговое роковое решение о создании четвертого батальона только тем, что «мы были заморожены примером Германии».⁴⁸ Добившись принятия положения о создании четвертого батальона в каждом полку, французское командование впоследствии долгое время не могло решить, как его лучше реализовать на практике. Поскольку ни офицеров, ни солдат на эти дополнительные батальоны хронически не хватало, они должны были комплектоваться преимущественно из резервистов и выполнять второстепенные задачи. Реально сформированные в 1870–1880-е гг. четвертые батальоны отдельных полков несли в основном гарнизонную службу в пограничных крепостях.⁴⁹

Положение о «четвертом батальоне» стало не единственным примером того, сколь широкий характер приобрело дальнейшее заимствование прусского опыта с устранением препятствия в лице Тьера. Дело доходило до того, что даже спешно принятый закон о денежных компенсациях крестьянам за потраву полей во время военных маневров

⁴⁷ Протокол тридцать шестого заседания Высшего военного совета, 11 марта 1874 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 37. P. 542–550.

⁴⁸ *Barail, général du Mes souvenirs...* P. 490.

⁴⁹ *Histoire militaire de la France*. Vol. 3: 1871–1940 / Sous la dir. de Guy Pedroncini. Paris, 1997. P. 18–19.

фактически был переводом с аналогичного регламента, которым пользовались во Франции германские оккупационные войска.⁵⁰

Не будет преувеличением сказать, что изучение опыта армий соседних держав стало задачей всей французской армии. В ноябре 1871 г. был учрежден «*Revue militaire de l'étranger*» — официальный орган Второго бюро («военной статистики») французского Генерального штаба, призванный, как явствовало из самого его названия, познакомить офицерский корпус с развитием военного дела за рубежом. В июне 1872 г. военный министр Сиссэ своим циркуляром лишний раз обратил внимание армии на новый журнал и призвал всех командующих армейскими корпусами и функционеров военного аппарата взяться за пристальное изучение потенциального противника.

Министр объявил, что долг каждого французского офицера — быть в курсе прогресса армий других великих европейских держав и не дать превзойти себя в том, что касается улучшения вооруженных сил страны. В равной мере он призывал расширить интеллектуальные горизонты офицеров, повысить тем самым значение возложенных на них нацией обязанностей быть хранителями «ее чести и безопасности». Как отмечал Сиссэ, Франция благодаря возросшей мощи журналистики должна была наверстать отставание в том, что касалось распространения и популяризации военных знаний, «одного из лучших средств для нашей страны более не оказаться захваченной врасплох событиями».⁵¹

Обращение к опыту Германии потребовало столь же решительных мер в изучении языка своего вероятного противника. По воспоминаниям генерала Луи Анриона, после 1871 года освоение немецкого языка было объявлено обязательным для всех офицеров и унтер-офицеров французской армии, не исключая тех, кто вот-вот должен был выйти в отставку по возрасту.⁵² Не миновали новые веяния и программы военных образовательных учреждений. Знаменитая Сен-Сирская военная школа на своих вступительных испытаниях в 1870-е годы присваивала немецкому языку коэффициент «15», тогда как, скажем, физической

⁵⁰ Brogan D. W. France under the Republic. The development of modern France (1870–1939). London, 1949. P. 118.

⁵¹ Circulaire du Ministre de la guerre au sujet des études militaires et de la *Revue militaire de l'étranger*, 10 juin 1872 // SHD/DAT. État-Major Général. 2e Bureau. 7 N 664.

⁵² Hanrion L., général Saint-Cyr: neuf années de commandement, 1871–1880. Paris, 1888. P. 201.

подготовке лишь «б». Более того, военное министерство после 1871 г. изначально отвело курсу немецкого чуть ли не самое значимое место в обучении в стенах Сен-Сира, вынудив руководство школы добиваться ликвидации такого перекоса. Жертвой экспансии немецкого в учебных планах стал английский язык.⁵³

Можно сказать, что в первое послевоенное десятилетие для военного руководства Франции своеобразным императивом стали слова одного из допущенных осенью 1875 г. на военные маневры в Германию французских представителей, адресованные Вильгельму I: «Ваше Величество, единственная цель нашего приезда сюда — учиться».⁵⁴

Решив ключевые вопросы выбора пути реформирования и определения структуры армии, французские руководство могло в дальнейшем переключиться на решение не менее насущных проблем практического порядка: перевооружения, строительства новых железных дорог и укрепления новой границы с Германией.

5.2. УКРЕПЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ И НАЧАЛО ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ

«Система Сера де Ривьера»

Имя генерала Раймона Сера де Ривьера должно по праву занимать одно из почетных мест в истории развития французских вооруженных сил — в частности, истории ее фортификации. Во Франции за всю ее долгую историю существовало лишь три оборонительные системы в полном смысле этого слова: система крепостей, созданная в царствование Людовика XIV Себастьяном Ле Претром, маркизом Вобаном, вышеупомянутая «система Сера де Ривьера» и, наконец, «линия Мажино» конца 1920–30-х годов. Из этих трех, хотя и не уступая им по своим размахам, детище Сера де Ривьера, безусловно, является наименее известным.

Как уже было сказано выше, выработка принципов обороны страны в новых условиях была возложена на учрежденный в 1872 г. под председательством маршала Канробера Комитет обороны. Год спустя ключевой пост секретаря в его составе занял Сера де Ривьер. 28 января

⁵³ Ibid. — Об изучении во Франции немецкого после 1871 г. см. также: *Mombert M. L'enseignement de l'allemand en France 1880–1918: Entre «modèle allemand» et «langue de l'ennemi»*. Strasbourg, 2001.

⁵⁴ Цит. по: *Letters from Paris, 1870–1875, written by C. de B., a political informant to the head of the London House of Rothschild / Ed. by R. Henrey London, [1942]*.

1874 г. он стал директором инженерной службы (*directeur du génie*) в рамках военного министерства и был произведен в дивизионные генералы. Отсутствие какого-либо тесного взаимодействия французских военных инженеров с остальными родами войск было печально известно, и именно Сера де Ривьеру предстояло исправить это положение.⁵⁵

После 1871 г. фортификация Франции должна была претерпеть радикальные изменения. Утрата Эльзаса и значительной части Лотарингии лишила страну оборонительных рубежей — на северо-востоке образовалась брешь протяженностью более чем в 200 км. Как констатировал в своем докладе сам Сера де Ривьер: «Восточная граница, будучи полностью разруженной, более не в состоянии оказать и малейшего сопротивления; она должна быть полностью переустроена».⁵⁶ Опыт проигранной войны с Германией требовал изменений и в самом подходе к использованию крепостей. Только четыре французских крепости из двадцати восьми осаждавшихся смогли оказать серьезное сопротивление немцам — Страсбург, Мец, Париж и Бельфор. При этом оборона Меца, ставшего фактически ловушкой для армии Базена, показала полную несостоятельность взгляда на крепость как убежище для армии.⁵⁷

Генерал Раймон Сера де Ривьер

Настоятельная задача скорейшего укрепления границ после поражения в войне резко увеличила значение поста Сера де Ривьера. Как признавал в своих воспоминаниях тогдашний французский военный министр генерал дю Барай, в новых условиях инженерные части как род войск

⁵⁵ Porch D. The march to the Marne. The French army, 1871-1914. Cambridge, 1981. P. 48.

⁵⁶ *Séré de Rivières, général* Exposé du système défensif de la France, mai 1874 // Service historique de la défense / SHD/DAT. 7N 1740: Plan de mobilisation № I. F. 1. — Опубликовано с сокращениями в: La défense sous la Troisième République / Ed. G. Pedroncini. Tome I. № 47. P. 630.

⁵⁷ Шперк В. Ф. История фортификации / Издание Военно-инженерной краснознаменной академии имени В. В. Куйбышева. М., 1957. С. 125.

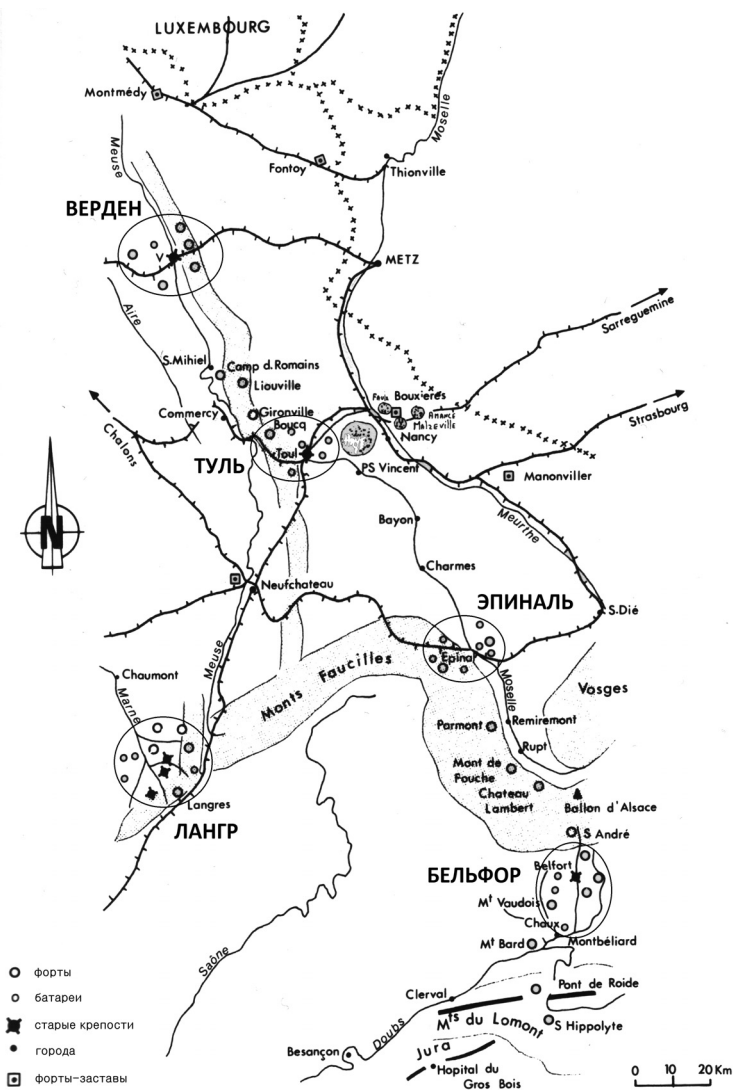
получили значимость, «равную артиллерии».⁵⁸ В первоочередную задачу Сера де Ривьера входило сведение воедино многочисленных отчетов и записок, составленных высшими офицерами французской армии по вопросам обороны новых границ. В итоге им была предложена система укреплений, размах которой не имел аналогов в военной истории Франции. «Доклад об оборонительной системе Франции», подписанный Сера де Ривьером 20 мая 1874 г., в день своего 59-летия, получил единогласное одобрение Национального Собрания и силу закона (17 июля 1874 г.).

Принципиальная новизна его предложений заключалась в системе «оборонительных завес» (*rideaux défensifs*), целью которых было направить вторжение противника туда, где его подготовились встретить. Основным элементом обороны стала крепость с достаточно широким поясом фортов («большая крепость»), способным избавить гражданское население от повторения бомбардировок минувшей войны. Наиболее важными из этих укрепленных лагерей — на вероятном направлении германского удара — стали Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор. Именно эти четыре узловых пункта обороны на востоке фланкировали две протяженные «завесы» связанных между собой огневой поддержкой фортов (*forts de liason*): Верден-Туль в долине Мёзы (Мааса) и Эпиналь-Бельфор в долине Мозеля. Они получили также название «маневренных крепостей», поскольку должны были обеспечивать огневой поддержкой маневренные действия полевых войск, противодействующих попыткам противника прорваться через открытые промежутки между «завесами».

Таких промежутков было оставлено два: один — шириной в 60 км между крепостями Эпиналь и Туль, так называемый Шармский проход, и другой — шириной в 30 км между Верденом и крепостью Монмеди на границе с Бельгией, проход у Стенэ. Таким образом, германским армиям оставалась альтернатива: либо прорываться через достаточно густые завесы фортов, либо обходить их с севера от Вердена или к югу от Эпиналя, открывая под удар свои фланги. Бельфор, замыкая собой еще одно узкое дефиле в Вогезах, обеспечивал надежность восточных рубежей Франции у границы с Швейцарией.⁵⁹

⁵⁸ См.: *Barail, général du Mes souvenirs...* P. 402–404.

⁵⁹ *Exposé du système défensif de la France...* // SHD/DAT. 7N 1740: Plan de mobilisation N I. F. 3–16. — См. также: Séré de Rivières, général *Considerations sur la reconstitution de la frontière de l'Est*, 10 novembre 1873 // SHD/DAT. 7N 1740. F. 3–21.

Оборонительная «система Сер де Ривьера» (1874–1885)

Верден при этом получал дополнительное значение противовеса Меца, который немцы быстро превращали в огромный укрепленный лагерь: «в равной мере как Мец является германским плацдармом на Мозеле, Верден должен стать плацдармом Франции на Мёзе и уравновесить исходящую от Меца угрозу».⁶⁰

В дополнение к этому возводилось множество изолированных опорных пунктов, так называемых фортов-застав (*forts d'arrêt*), защищающих узлы железных дорог и переправы, важнейшими среди которых были Манонвилье, Пон-Сен-Винсен и Фруар. Важно отметить, однако, что «завесы» Сера де Ривьера с самого начала не были непроходимой «стеной», и могли эффективно удерживаться только при развертывании за ними крупных соединений пехоты.⁶¹ Сам Сера де Ривьер уже в 1878 г. рассчитывал на то, что в случае войны с Германией Франции удастся мобилизовать 713 тыс. резервистов, из которых 260 тыс. человек займут свои места на укрепленных позициях, а еще 453 тыс. будут сформированы во вспомогательные полевые армии.⁶²

Главной стратегической задачей оборонительной системы было прикрытие Парижа. По сути, в 1870-е гг. французы и немцы готовились именно к «переигровке» последней войны. Памятные записки на случай войны «один на один» с Францией фельдмаршала Г. Мольтке-старшего предусматривали концентрацию трех больших немецких армий по линии развертывания Мец-Эльфринген (Аврикур), решающее сражение на границе и, в случае успеха, стремительное продвижение вглубь территории с установлением новой осады французской столицы.⁶³

Именно такое развитие событий пыталось предупредить французское командование. Еще в июле 1873 г., задолго до составления Плана I, рапорт Сера де Ривьера предусматривал все возможные направления германского удара (в том числе, вариант с ударом в Альпах Италии) и те рубежи, на которых он мог быть остановлен. Первой задачей системы «завес» было рассеять германские армии и заставить их действовать изолированно.

⁶⁰ Exposé du système défensif de la France... // SHD/DAT. 7N 1740: Plan de mobilisation N I. F. 6.

⁶¹ Jauffret J.-Ch. La défense des frontières françaises et l'organisation des forces de couverture (1874–1895) // Revue historique. T. 279. 1988. № 566. P. 367.

⁶² Considérations générales sur l'organisation défensive de la France, [1878?] // SHD/DAT. 7N 1740: Plan de mobilisation N I. F. 11.

⁶³ См.: Moltke H. Graf von Die deutschen Aufmarschpläne, 1871 bis 1890 / Hrsg. von F. Schmerfeld. Berlin, 1929. (Forschungen und Darstellungen aus dem Reichsarchiv, Heft 7). № 4, 8, 9, 10, 11, 13. S. 25; и далее.

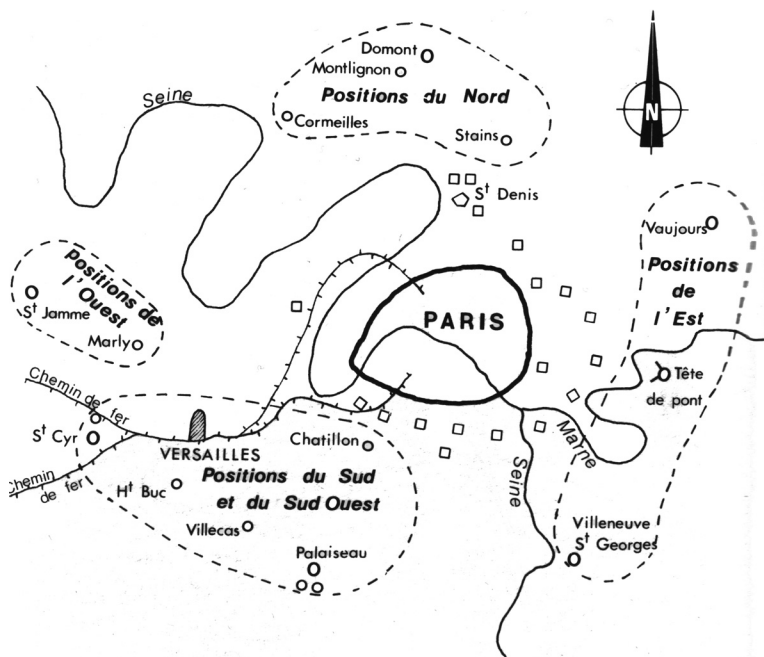

Схема новых оборонительных сооружений вокруг Парижа (1874–1885)

На случай прорыва описанной выше пограничной линии укреплений предусматривалось также создание второго оборонительного рубежа. В случае нарушения нейтралитета Бельгии германские армии должны были сначала оказаться перед третьей пограничной «оборонительной завесой» Лилль — Мобеж и далее, в случае ее прорыва и вторжения в Шампань, перед вторым рубежом крепостей Ла-Фер — Лаон — Реймс.

Реймс должен был быть превращен в укрепленный лагерь и исполнять также роль плацдарма для фронтального удара по противнику, прорвавшему к северу от Вердена через брешь у Стенэ. Точно такую же роль укрепленного лагеря второй линии получала крепость Лангр на Марне, захлопывающая аналогичным образом «Шармскую ловушку».⁶⁴ Кроме того, Лангр вместе с Дижоном и Безансоном составляли треугольник

⁶⁴ Reorganisation des frontieres entre la mer du Nord et la Mediterranee. Rapport de la sous-commission de defense, juillet 1873 // SHD/DAT, 7N 1740. F. 18–19. — См.: La defense sous la Troisième République / Ed. by G. Pedroncini. Tome. I. Vol. 1. № 46. P. 613.

больших крепостей, с опорой на который французская армия могла угрожать флангам и тылу германского наступления на Париж.

Ядром всей системы становилась французская столица. Опыт осады Парижа показал недостаточность его укреплений в связи с возросшей дальностью стрельбы осадной артиллерии. На тот момент город располагал оградой бастионного начертания длиной 33 км и поясом из 16 фортвов, выстроенных еще в 1841 г. и удаленных на расстояние от 2 до 5 км от ограды и в среднем на 3 км друг от друга. Тьер, ссылаясь на дефицит средств, успешно сопротивлялся планам строительства новых укреплений под столицей. Только с приходом на пост главы государства маршала Мак-Магона подготовленные проекты получили свое развитие и реализацию.

В итоге было принято решение создать новый пояс из еще 16 фортвов, вынесенных на значительное (до 20 км) расстояние от окраины города. Новые передовые укрепления образовывали три укрепленных района: северный (Сен-Дени), восточный (Марнский) и западный (Версальский), прикрывающие подступы к Парижу со всех сторон. Французская столица превращалась в грандиозный военный лагерь, общий обвод внешних укреплений которого достигал протяженности около 140 км.

Такой огромный плацдарм в то время представлялось невозможным обложить правильной осадой.⁶⁵ Как и в случае с пограничными «завесами», между укрепрайонами были оставлены промежутки до 14 километров шириной, позволявшие целым армиям из состава гарнизона крепости при необходимости совершать вылазки против врага. Эти специально оставленные бреши не были опасны ни для самих районов, фланги которых были загнуты, ни для города, который был защищен внутренним поясом фортвов.⁶⁶

Впрочем, внешнеполитическая обстановка, в которой оказалась Франция после войны, с самого начала накладывала свой отпечаток на ход работ. В условиях периодических острых дипломатических кризисов с соседней Германией первым фактором был дефицит времени. Доклад «Подкомиссии по обороне» от июля 1873 г. особо подчеркивал необходимость скорейшего перехода от проектов к реализации: «Кто может утверждать, в самом деле, что в ближайшем будущем война не разразится

⁶⁵ *Ténot E.* Les nouvelles défenses de la France. Paris et ses fortifications, 1870–1880. Paris, 1880. P. 193; и далее.

⁶⁶ *Яковлев В. В.* История крепостей: эволюция долговременной фортификации. М., 1995. С. 132–133.

вновь? Какой еще нации в Европе более всего грозит подвергнуться вторжению, как не Франции?»⁶⁷ В этой ситуации безусловный приоритет был отдан подготовке обороны новой границы с Германией, тогда как укрепление остальных секторов: на севере (от Атлантики до долины Мёзы), на востоке (от Безансона до Средиземноморского побережья), а также внутренних районов страны, в частности, Шампани и долины Соммы, с самого начала было отнесено ко «второй степени срочности».⁶⁸

Вторым примером такого влияния стал вопрос об укреплении Нанси. Столица французской Лотарингии была не только стратегически важным транспортным узлом, но после 1871 г. также и национальным символом. Однако близость германской границы, проходившей теперь всего в 15 км от города, делала его чрезвычайно уязвимым в случае новой войны. Превращение Нанси в крупный укрепленный лагерь вместо Туля было еще в 1872 г. предложено бригадным генералом Дюраном де Вильером, указавшим на недопустимость оставления города без боя. Важно отметить, что эта укрепленная позиция рассматривалась де Вильером не только в качестве прикрытия Нанси, но и как плацдарм для наступления в долину реки Саар.⁶⁹

Однако огромные финансовые расходы, связанные с реализацией предложений де Вильера, с самого начала вызвали широкую критику его коллег по «подкомиссии по обороне», вынесшей в итоге категоричный приговор: «в том, что касается обороны позиции Нанси, подкомиссия придерживается мнения, что она (оборона. — А. Б.) не подлежит обсуждению».⁷⁰ Превращение Нанси в укрепленный плацдарм на самой границе воспринималось тогда как провокация по отношению к Германии и было отвергнуто, в том числе, и по политическим соображениям.⁷¹ Сам Серж де Ривьер считал укрепление Нанси необходимым, и в мае

⁶⁷ Reorganisation des frontieres entre la mer du Nord et la Mediterranee... // SHD/DAT, 7N 1740. F. 3; La defense sous la Troisième République / Ed. by G. Pedroncini. Tome I. Vol. I. № 46. P. 602–603.

⁶⁸ Observations présentées par Mr. le Général de Rivières au classement, par ordre d'urgence des défenses intérieures entre la Meuse et Paris, juillet 1873 // SHD/DAT, 7N 1740: Plan de mobilisation № I. F. 1–5.

⁶⁹ См.: *Durand de Villers, général* Défense de la France: secteur compris entre la place de Toul et le Jura, 11 mars 1872 // SHD/DAT, 7N 1786: Défense de France (1872–1875). F. 33–34.

⁷⁰ Reorganisation des frontieres entre la mer du Nord et la Mediterranee... // SHD/DAT, 7N 1740: Plan de mobilisation N I. F. 14; La défense sous la Troisième République / Ed. by G. Pedroncini. T. I. Vol. I. № 46. P. 611.

⁷¹ *Ortholan H.* Le général de Séré de Rivières: Le Vauban de la Revanche. Paris, 2003. P. 362.

1876 г. на заседании Высшего совета обороны им был представлен целый пакет из четырех вариантов осуществления этой задачи. Но все представленные проекты (также «пакетом») были отвергнуты, а сооружение каких-либо укреплений вокруг Нанси было отнесено к работам «третьей степени срочности», финансирование которых не предусматривалось даже в отдаленной перспективе. Вопрос укрепления Нанси рассматривался практически каждым из быстро сменявших друг друга военных министров, но вокруг города в итоге были произведены лишь минимальные фортификационные работы.⁷²

Сами кирпично-земляные форты, возводившиеся при Сере де Ривьере, были весьма просты по своему устройству. Оба типа двухвального полигонального форта — «форт с кавальером» (*fort détaché à cavalier*) и «форт с центральным массивом» (*fort détaché à massif central*) отличались размещением орудий на открытых позициях, тогда как пороховые погреба, казармы и другие вспомогательные объекты располагались в укрепленных сооружениях.⁷³ При высокой интенсивности работ на строительство подобных укреплений, как видно на примере форта Пармон, могло потребоваться менее двух лет.

Масштаб предпринятых работ был огромен: к 1880 г. по всей стране было возведено или модернизировано не менее 530 оборонительных сооружений (фортов, редутов, батарей); к 1885 г. их число достигло 600, из которых одних фортов — свыше двухсот.⁷⁴ Сам Сера де Ривьер справедливо отмечал в своем «Отчете» за 1880 г., что подобное число укреплений и в такие сроки не возводилось «ни в одну эпоху, ни в одной стране».⁷⁵

Только на реализацию первоочередных фортов и батарей на границе с Германией было потрачено не менее полумиллиарда франков, не считая затрат на крепостное вооружение. Установить же точную величину расходов не представляется возможным. Как признавал в своих неопубликованных мемуарах тогдашний президент республики маршал Мак-Магон, «в то время вопрос о кредитах на нужды армии не прохо-

⁷² Question de Nancy. Historique au jour (au 20 avril 1899) // SHD/DAT. État-Major Général. 3e Bureau. 7N 1848. — См. также: *Gaber S.* Le problème des fortifications à Nancy (1874–1915) // Mémoires de l'Académie de Stanislas. 8ème Série. Tome XVIII. Année 2003/2004. P. 471–491.

⁷³ Подробнее см.: *Яковлев В. В.* История крепостей: эволюция долговременной фортификации. М., 1995. С. 134; *Ortholan H.* Le général de Séré de Rivières... P. 418–422.

⁷⁴ *Le Hallé G.* Op. cit. P. 5–16; *Ortholan H.* Le général de Séré de Rivières... P. 454–455.

⁷⁵ Цит. по: *Ortholan H.* Le général de Séré de Rivières... P. 13.

дил строкой отчетов».⁷⁶ Для того чтобы не провоцировать Германию, экстраординарные расходы на перевооружение и строительство укреплений были фактически выведены из-под парламентского контроля и с 1871 г. по 1878 г. «камуфлировались» в бюджете под наименованием «специального счета ликвидации последствий войны». Только в 1871 г. он составил около 554 млн франков.⁷⁷

Уже к концу 1870-х гг. германскому командованию пришлось признать, что преодолеть французскую линию фортов «в лоб» практически не представляется возможным. Г. фон Мольтке продолжал (ошибочно) уповать на то, что в случае повторной войны французская армия ради защиты Нанси и Люневиля сама выйдет навстречу немцам.⁷⁸ К 1885 г. программа строительства укреплений на северо-востоке Франции, вокруг Парижа и остальных «больших крепостей» была близка к завершению.

Фортификация оказалась одной из немногих сфер военного строительства Франции, сохранившей самодостаточность и новаторский дух. Притом, что сами французские форты и опорные пункты после 1870 г. не отличались особенно радикальными нововведениями и отражали идеи, витавшие тогда в воздухе, система укреплений, предложенная Сере де Ривьером, была весьма оригинальна.

Система завес Сера де Ривьера позволяла также отчасти нивелировать главные недостатки оборонительной стратегии, связанные с распылением сил и полной утратой стратегической инициативы в пользу противника. «Завесы» фортов и узловые пункты всей оборонительной системы определялись также с учетом развития сети железных дорог. Речь шла не только о защите всех железнодорожных узлов, которые могли попасть в руки немцев. Четко определенные линии развертывания войск под защитой проектирующихся фортов и развитие существующих стратегических магистралей позволяли также существенно упростить и ускорить мобилизацию. Важно также отметить, что система не сковывала маневр французской армии и подходила одновременно как для оборонительной, так и для наступательной стратегии и решала проблему безопасности страны в тот период, когда она чувствовала себя наиболее уязвимой перед Германией.

⁷⁶ Цит. по: *Semur F-Ch. Mac-Mahon ou la gloire confisquée*. Paris, 2005. P. 397.

⁷⁷ *Histoire militaire de la France*. Vol. 3: 1871–1940 / Sous la dir. de Guy Pedroncini. Paris, 1997. P. 16.

⁷⁸ См.: *Moltke H. Graf von Die deutschen Aufmarschpläne...* S. 77–81, 97–107, 114–117.

Перевооружение французской армии

Франция развернула также большую активность и в области вооружений. Первым делом началась переделка уже накопленных в больших количествах после войны винтовок Шасспо под металлический патрон — ответ на принятую на вооружение в 1871 г. немцами винтовку Маузера. Первые опыты с переделанной Шасспо, «вопрос жизни и смерти для нашей пехоты», по выражению капитана штаба XIII армейского корпуса Робера, были не вполне удачными: ее механизм не отличался необходимой надежностью, быстро засорялся при стрельбе и давал большое количество осечек.⁷⁹ Тем большее значение имело принятие на вооружение новой винтовки, предложенной артиллерийским капитаном Базилем Гра, которая получила название винтовки Гра образца 1874 г.

Винтовке Гра было суждено стать эволюционной вершиной французских однозарядных винтовок под унитарный патрон, и довольно скоро ей пришлось уступить место магазинным винтовкам (винтовка Гра-Кропачека образца 1874-78 г. и др.). По скорострельности она превосходила своего главного конкурента — 11 мм винтовку Маузера образца 1871 г., которой в те же годы полным ходом перевооружалась германская армия. Другим ее достоинством была простота затвора, состоявшего всего из 7 деталей без резьбовых соединений, что позволяло при необходимости разбирать его без применения инструментов буквально за несколько секунд даже в полевых условиях. Такой простой и надежный механизм идеально подходил для создаваемой массовой армии всеобщей воинской повинности. Уже к маю 1875 г. обращению с этой винтовкой были обучены кадеты Сен-Сира и отдельные армейские корпуса.⁸⁰

Однако на массовое производство новой винтовки требовался не один год, что объясняет срочные шаги, предпринятые военным министром Сиссэ по горячим следам «военной тревоги» 1875 г. в деле наращивания вооружений. По просьбе французского руководства, Австрия-Венгрия оперативно выкупила у Германии и перепродала Франции захваченные французские митральезы, которые пошли на спешное вооружение новых фортов на Восточной границе, а также

⁷⁹ См.: *Robert F.* La strategie et la tactique prussiennes pendant la Campagne de 1870–1871 // SHD/DAT, 7N 1786: Défense de France (1872–1875). F. 68.

⁸⁰ *Defrasne J.* L'armée française devant l'alert de 1875... P. 46.

сделала заказ на военном заводе в Меце на изготовление более 70 тыс. штыков и более 70 тыс. затворов для винтовки Гра. Точно так же было использовано посредничество Бельгии для возвращения из Германии 100 тыс. винтовок Шасспо.⁸¹

Неудачи в войне продемонстрировали также серьезное преимущество Германии в артиллерии. Франция сочла невозможным следовать существовавшей в то время общеевропейской практике масштабных закупок крупновесных пушек, предпочтя требовавший гораздо больших средств и времени путь создания собственных вооружений. Однако и здесь работы велись с оглядкой на Германию. Так, «Артиллерийским комитетом» при военном министерстве было отвергнуто предложение о закупке картечных американской системы Гартлинга и бельгийской системы Кристофа, даже несмотря на положительные отзывы французских экспертов. Единственным и достаточным основанием стало то, что «Пруссия от них отказалась».⁸² Создатель же французской митральезы, на которую возлагались такие большие надежды в минувшей войне, Жан-Батист Вершер де Реффи срочно переключился на разработку новой системы полевых орудий, призванных дать ответ на брошенный Круппом вызов.

В итоге на вооружение французской армии поступили 85-мм и 75-мм бронзовые пушки Реффи (известные как «модель 7» образца 1870 г. и «модель 5» образца 1873 г.), дальность стрельбы которых по сравнению со своими предшественницами возросла в 2 раза. Демонстрационные стрельбы «модели 5» были произведены в присутствии президента Тьера в августе 1872 г. Воодушевление, которое сопровождало в армии появление новых пушек, видно на примере слов генерала Рене, командующего артиллерийской бригадой III армейского корпуса: «Реффи вернул нам боевой дух и уверенность в собственных силах; когда вся наша армия будет под стать артиллерии, можно тотчас же выступать в поход!»⁸³

Для решения насущных потребностей скорейшего перевооружения армии маршалом Мак-Магоном в августе 1873 г. была создана Высшая артиллерийская комиссия, значение которой подчеркивалось тем, что

⁸¹ *Gugliotta G.* Un grand commis de la République: le général de Cissey (1810–1882), réorganisateur de l'armée française // *Militaires en République, 1870–1962: les officiers, le pouvoir et la vie publique en France: Actes du colloque.* Paris, 1999. P. 222.

⁸² *Defrasne J.* L'armée française devant l'alert de 1875... P. 46.

⁸³ Цит. по: *Defrasne J.* L'armée française devant l'alert de 1875... P. 47.

президент занял в ней пост председателя. Несколько недель спустя было обнародовано решение о создании 144 батарей новейших пушек Реффи. Для ведения эффективного контрбатарейного огня против крупновских пушек на частных заводах в Крёзо и на Луаре, располагавших достаточным количеством мартеновских печей, было также начато производство и более тяжелого стального полевого орудия калибром 95 мм., которое должно было поступить в состав «артиллерийского резерва» каждого из корпусов.⁸⁴

Однако логика соперничества с Германией привела к тому, что «система Реффи» была объявлена устаревшей, едва только полки начали получать дорогостоящие бронзовые пушки. Уже в ноябре 1873 г. сменивший Форжо на посту председателя Артиллерийского комитета генерал Рошбуэ указал на общеевропейскую тенденцию к увеличению калибра полевой артиллерии и то, что у немцев таковой уже существенно выше французского. В свою очередь, сменивший Рошбуэ в начале 1874 г. генерал Кану выразил ту же мысль в еще более категоричной форме: «поскольку Пруссия приняла на вооружение калибры 78,5 и 88 миллиметров, ныне представляется невозможным придерживаться калибров 75 и 85 мм. даже при равном весе снарядов. Чтобы добиться превосходства над немецкой артиллерией <...> комитет предлагает взять на вооружение калибры 80 и 90 мм.»⁸⁵

Реализацией этого решения стали стальные орудия соответствующего калибра с новым затвором, разработанным Шарлем Рагоном де Банжем, первые испытания которых начались в январе 1875 г. Уже в июле того же года предложенная им система («система Банжа») была одобрена Высшей артиллерийской комиссией под председательством Мак-Магона, но официально французская армия получила эти пушки, превосходившие германские аналоги, лишь в январе 1877 г. В итоге «система Банжа» стала базовой, удовлетворив на какое-то время все потребности французской армии в полевой и крепостной артиллерии. Последнюю категорию составили орудие калибром 120 мм и дальностью стрельбы в 9 км, (модель 1878 г.), а также 155 мм гаубица и 220 мм крепостная мортира образца 1880 года.

С самого начала французские генералы поставили необходимым условием достижение также и количественного превосходства над

⁸⁴ Histoire militaire de la France... Vol. 3. P. 23.

⁸⁵ Цит. по: Mitchell A. Victors and vanquished... P. 67.

немцами. Главой Артиллерийского комитета генералом Жюлем Форжо было предложено установить такую квоту полевой артиллерии для каждого армейского корпуса, которая позволяла бы ему иметь на одну батарею больше, чем у его германского оппонента — в абсолютных цифрах 108 орудий против 102.⁸⁶ Проект получил самую горячую поддержку Высшего военного совета и был утвержден военным законом 1875 г. Однако такое резкое количественное расширение, безусловно, не могло не натолкнуться на недостаток производственных мощностей французских военных заводов и главное — нехватку такого числа подготовленных кадров.⁸⁷

Однако, несмотря на все трудности, к концу 1870-х годов Франция обеспечила свои самые насущные потребности в современных ружьях и пушках и встретила новый виток гонки вооружений следующего десятилетия на позициях одной из самых передовых в военном отношении держав.

5.3. ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Оборона территории

В разгар «военной тревоги» весны 1875 г. во время одной из бесед с Гогенлоэ герцог Деказ заверил посла, что в случае германского вторжения посоветует президенту сдать Париж и без единого выстрела отвести войска за Луару: «Делайте, что хотите. Возьмите Бельгию, Люксембург, Голландию, нам все равно».⁸⁸ В твердой решимости французского руководства поступить именно таким образом Деказ уверял также британского и российского представителей, как и — частным порядком — собственного посла в Берлине. Он пояснял, что его страна будет избегать борьбы, «пока справедливость Европы не выскажется в пользу Франции».⁸⁹ В тон этих высказываний Фридрих Гольштейн, тогда еще секретарь германского посольства в Париже, передавал слова французского военного министра Сиссэ, который якобы восклицал, что

⁸⁶ Протокол двадцатого заседания Высшего военного совета, 21 июня 1873 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 20. P. 279.

⁸⁷ См.: *Mitchell A.* Victors and vanquished... P. 51, 66.

⁸⁸ Гогенлоэ — Бисмарку, 29 апреля 1875 г. // *Die Grosse Politik...* N 169. S. 265.

⁸⁹ *Newton T. W. L.* Lord Lyons... P. 73; *Daudet E.* Souvenirs de la présidence du Maréchal de Mac-Mahon... P. 118; *Hanotaux G.* Histoire de la France contemporaine... Vol. III. P. 258.

в случае нападения Германии выйдет «с капралом и четырьмя солдатами» на границу и покончит с собой в виду неприятеля.⁹⁰

Несомненно, что патетические заявления французского министра иностранных дел об отказе Франции от борьбы, совпавшие по времени с его циркуляром, в котором упоминалось о воинственных заявлениях Радовица, были лишь дипломатической игрой. Как стало известно российскому послу Орлову, президент Мак-Магон, наоборот, высказывался в случае новой войны за сопротивление «до последней крайности и до полного истощения».⁹¹ Легенда о якобы планировавшемся в 1875 г. отходе за Луару, ставшая символом послевоенной слабости Франции, оказалась очень живуча. Ее воскрешала полвека спустя даже одна из публикаций Плана XVII, с которым Франция вступила в Первую мировую войну.⁹²

На деле, вопреки всем громким заявлениям, Франция активно занималась подготовкой обороны на случай нападения Германии. Как только германские оккупационные войска покинули северо-восточные департаменты страны, лучшие умы французской армии взялись за детальное изучение условий, в которых она могла оказаться принуждена воевать вновь. Эта работа включала в себя всестороннее изучение военной географии, пропускной способности путей сообщения и ресурсов приграничных районов. С возвращением Эрнеста Сиссэ на пост военного министра эта подготовка приобрела еще более отчетливый вид.

Насколько можно судить по разрозненным документальным свидетельствам, на уровне командиров отдельных подразделений первые предложения по защите границы в первые дни войны начали поступать с февраля 1874 г. Их анализ и отбор осуществлялся офицерами штаба приграничного VI армейского корпуса. По-видимому, именно здесь была составлена первая обобщающая записка, перечисляющая конкретные меры и называющая ответственных за их осуществление лиц.⁹³

Окончательное рождение так называемым «силам прикрытия» (*les forces de couverture*), призванным принять на себя первый удар

⁹⁰ Цит по: Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins... S. 116.

⁹¹ Орлов — Горчакову, 26 апреля /8 мая 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 129.

⁹² Le Plan XVII: étude stratégique. Paris, 1920. P. 18.

⁹³ Opérations pour s'éclairer, couvrir la frontière et évacuer successivement le terrain devant un ennemi supérieur et mobilisé avant l'armée française (1874) // SHD/DAT. 7 N 1786: Défense de France (1872–1875).

противника, дала записка командующего VI армейского корпуса генерала Феликса Дуэ, датированная 12-м сентября 1874 г. Создание этих специальных сил должно было защитить механизм французской мобилизации от рейдов германских передовых отрядов. На них также возлагалась задача эвакуации стратегически важных ресурсов и уничтожение коммуникаций при организованном отступлении на основные позиции.⁹⁴ Постоянная напряженность в отношениях с Германией заставляла французское руководство уделять организации «сил прикрытия» особое внимание. Ситуация усугублялась также тем, что организация 18 армейских корпусов по территориальному принципу еще не была завершена, многие части по-прежнему были перемешаны между различными округами.⁹⁵

Такое положение, однако, дало удобный предлог для генерала дю Барая уже в качестве командующего IX армейским корпусом выполнить в феврале 1875 г. ответственное поручение президента Мак-Магона. Под видом инспекции частей своего корпуса, все еще остававшихся в приграничных с Германией районах VI военного округа, дю Барай должен был исследовать восточную границу на предмет использования здесь больших соединений кавалерии. Как комментировал это поручение в своих мемуарах сам бывший военный министр, «на дворе был 1875 год, и положение в Европе оправдывало любые опасения».⁹⁶ По итогам своей поездки дю Барай предложил в качестве оборонительной меры развернуть на границе с Германией максимально возможное число кавалерийских соединений, высокая степень готовности и мобильность которых должны были помочь остальным «силам прикрытия» задержать возможное наступление германских войск.⁹⁷

Предложения дю Барая получили одобрение, и серия специальных постановлений к 17 февраля 1875 г. довела число кавалерийских полков «в прикрытии» до сорока шести, общей численностью около 30 тыс. сабель. После принятия французским Национальным Собранием военного закона «о кадрах», в условиях нарастания очередного кризиса

⁹⁴ *Jauffret J-Ch.* La défense des frontières françaises et l'organisation des forces de couverture (1874–1895) // *Revue historique*. Т. 279. 1988. № 566. P. 371.

⁹⁵ *Barail, général du Mes souvenirs...* P. 526.

⁹⁶ *Barail, général du Mes souvenirs...* P. 532.

⁹⁷ *Ibid.* P. 533. — Текст памятной записки: *Barail, du general* Mémoire à propos du rôle que la cavalerie indépendante pourrait être amenée à jouer dans le cas de guerre contre l'Allemagne (février 1875) // SHD/DAT, 7N 1787: Défense de France (1875–1876).

в отношениях с Германией, 25 марта военный министр Сиссэ распорядился стянуть к границе еще 12 полков пехоты и 3 батальона стрелков с максимально возможным в мирное время личным составом (свыше 20 тыс. человек).⁹⁸

События «военной тревоги» придали дополнительное значение изучению мер, которые должны были быть предприняты для замедления продвижения немцев в приграничной зоне. Именно этому была посвящена заключительная часть обстоятельной записки капитана французского Генерального штаба Авона, датированная апрелем 1875 г. Она показывает, что к этому времени в Париже осознали необходимость перехода, словами Авона, «к систематической организации страны с точки зрения задач обороны».⁹⁹

Рекомендации Авона предусматривали своевременное разрушение мостов на Мёрте, Мозеле и Мёзе (Маасе) и вывоз всех материалов, пригодных к их быстрому восстановлению, эвакуацию из зоны неминуемой оккупации всех стратегических материалов, подвижного состава железных дорог, лошадей, переправочных средств. То, что своевременно вывезти не представлялось возможным, следовало либо укрыть в окрестных лесах, либо уничтожить силами специально командированных военных инженеров. Предполагалось, что список ключевых объектов, которые требовалось своевременно взорвать, будет подготовлен правительством заранее, равно как и все необходимые секретные устные предписания на уровне префектов приграничных департаментов.¹⁰⁰

Силы прикрытия — батальоны стрелков и кавалерийские соединения, развернутые на границе, — не давая увлечь себя в серьезные сражения, должны были цепляться за каждую естественную преграду и препятствовать свободному продвижению неприятеля по всем крупным трассам. Хотя бы на несколько дней требовалось задержать противника под Фруаром и Нанси, и своевременно вывести оттуда войска, как только возникнет угроза окружения.¹⁰¹

⁹⁸ *Jauffret J.-Ch.* La défense des frontières françaises et l'organisation des forces de couverture (1874–1895) // *Revue historique*. T. 279. 1988. № 566. P. 371.

⁹⁹ *Avon, capitaine* Mémoire sur les bases d'operations et de repartition des armées françaises dans le cas d'une invasion allemande et sur l'organisation de la Défense du territoire, décembre 1874 — avril 1875 // SHD/DAT. EMA. 3ème Bureau. 7 N 1787: Défense de France (1875–1876). F. 60.

¹⁰⁰ *Avon, capitaine* Mémoire sur les bases d'operations... F. 65–66.

¹⁰¹ *Ibid.* F. 62.

Более того, нужно было исключить повторение опыта минувшей войны, когда под угрозой репрессий мэры французских городов и сельские коммуны обеспечивали германские войска всем необходимым: от снабжения продовольствием до восстановления разрушенного. В этой связи Авон предлагал обратиться к примеру самой Германии, в которой с 1813 г. действовал закон, аннулировавший все полномочия местных органов власти в случае вступления на территорию их ответственности противника. Как подчеркивал Авон, в случае вторжения во Францию, немцы тоже должны на этот раз встретить на оккупированных территориях не четко функционирующую властную иерархию, «а массу равных меж собой граждан, в которой ни у одного нет прав выступать от имени остальных».¹⁰²

Авон выражал убеждение, что предложенный комплекс мер позволит замедлить продвижение немцев до 10–12 км в сутки, а это означало, что противник должен был потратить от 6 до 8 дней, чтобы достичь линии Марны, на которой его должен был встретить контрудар французских войск. Пометки на полях записки Авона свидетельствуют, что именно представленный им четкий перечень действий для замедления германского продвижения по французской территории лег в основу доклада, направленного на рассмотрение военного министра. Однако произошло это лишь в октябре 1876 г. — время, которым датируются и первые реальные шаги в деле комплектования «сил прикрытия» на границе.¹⁰³

Записка Авона шла в русле тех усилий, которые предпринимались военным министерством на протяжении предшествующих двух лет. Министерский циркуляр от 16 апреля 1873 г. предписывал инженерной службе произвести ревизию всех путей сообщения, дабы определить те точки, в которых передвижение по ним может быть эффективно прервано во избежание использования противником. На практике исполнение этой задачи предполагалось возложить на таможенных служащих и лесничих. Но, как явствует из неподписанной записки на бланке военного министерства от 27 ноября 1875 г., предполагаемые работы на этом пути на момент ее составления еще не были завершены: взрывчатые материалы в нужные места не доставлены, ответственные за подрывы мостов, железнодорожных путей и завалы дорог лица не назначены.¹⁰⁴

¹⁰² Ibid. F. 69–71.

¹⁰³ Defrasne J. L'armée française devant l'alert de 1875... P. 54.

¹⁰⁴ SHD/DAT, 7 N 1740: Plan de mobilisation № I.

Весной 1875 г., если бы дело дошло до войны, французам в большей степени пришлось бы импровизировать.

Неудивительно, что в этой ситуации некоторые военные теоретики возлагали надежды на развитие полувоенных объединений, которые должны были подготовить в случае необходимости к «защите своих очагов» те категории населения приграничных областей, что не были охвачены собственно военной организацией: юношей допризывного возраста 17–20 лет и мужчин старше сорока лет. Одним из самых простых рецептов подготовки населения к партизанской войне на манер испанской или мексиканской «герильи» была признана организация стрелковых тиров и гимнастических обществ, которые нетрудно было организовать в каждой деревне.¹⁰⁵

Усилиями энтузиастов подобные гимнастические и стрелковые ассоциации, названия которых: «Упорство», «Пробуждение», «Возрождение», «Вперед!», «Смирно!», «Надежда», «Эльзас-Лотарингия», «Реванш», сами по себе составляли их политическую программу, стали быстро множиться в Париже и приграничных с Германией французских департаментах. И если в 1870 г. по всей Франции насчитывалось не более сорока подобных полувоенных обществ, то к 1885 г. их число достигло полутора тысяч.¹⁰⁶ Уже в 1873 г. эти ассоциации были объединены Эженом Пасом во «Французский союз гимнастических обществ», получивший десятилетие спустя горячую поддержку реваншистской «Лиги патриотов» Поля Деруледа.¹⁰⁷ Важно отметить, однако, что в годы президентства А. Тьера и маршала Мак-Магона правые консервативные правительства, памятуя о недавней Парижской коммуне, не спешили оказывать этому движению государственную поддержку. Лишь с завоеванием власти республиканской партией Третья республика на какое-то время увлечется безудержной милитаризацией общества, организацией «школьных батальонов» и введением обязательных уроков «гимнастики», пока буланжистский кризис не явит всю опасность подобных процессов для самого государства.¹⁰⁸

¹⁰⁵ См., например: [Un officier supérieur]. *La Défense du foyer*. Paris: Bartier, 1874. P. 9–13.

¹⁰⁶ *Lecoq B.* Les sociétés de gymnastique et de tir dans la France républicaine (1870–1914) // *Revue historique*. T. 276. 1986. P. 158–159.

¹⁰⁷ *Chrastil R.* Organizing for war: France, 1870–1914. Baton Rouge, 2010. P. 121.

¹⁰⁸ *Ingenlath M.* Mentale Aufrüstung: Militarisierungstendenzen in Frankreich und Deutschland vor dem Ersten Weltkrieg. Frankfurt/ Main, 1998. S. 119–120.

Поиск рецептов победы

Французские военные самым внимательным образом отнеслись к опыту неудачной войны с Германией и в том, что касалось стратегии и тактики. Образ действий их противника, принесший германской армии столь головокружительный успех, был признан передовым. Авторитет Мольтке как величайшего стратега современности лишь укрепился после начавшегося в 1874 г. издания подготовленной военно-историческим отделом германского Большого Генерального штаба монументальной истории франко-германской войны 1870–1871 гг. Не будет особо большим преувеличением сказать, что в числе наиболее внимательных читателей этого издания были французские генштабисты.

Опыт последних победоносных войн Пруссии привел французских военных теоретиков к выводу, что успех по-прежнему стоит за наступательной стратегией, что будущая военная кампания будет столь же молниеносна, а ее судьба будет определена в первых же крупных сражениях. Однако при этом следовало учитывать значительно возросшую силу огня, равно как и тот факт, что догоняющее положение Франции по отношению к германской армии скорее всего не позволит ей владеть инициативой с первых дней войны. Это привело французский Генеральный штаб к мысли о необходимости сочетания оборонительной стратегии с наступательной тактикой.

Впрочем, уже в первые годы после войны появились сторонники исключительно наступательного образа действий, который станет общепринятым во Франции в 1880-е гг. Самым ярким примером может быть назван план наступательной кампании против Германии, изложенный в памятной записке капитана штаба XIII армейского корпуса Ф. Робера и датированный 1 сентября 1874 г.

С прямотой военного Робер указывал: «Очевидно, что война между Францией и Германией, война-реванш, как ее называют, является лишь вопросом времени. До тех пор, пока нам не будут возвращены Эльзас и Лотарингия (а у нас нет никаких иллюзий относительно великодушия наших победителей), нашей единственной целью будет — целью единственно патриотической и национальной <...> реорганизовать наши вооруженные силы таким образом, чтобы в подходящий момент оказаться способными объявить войну Германии».¹⁰⁹ Робер отлично понимал, что

¹⁰⁹ Robert F. La strategie et la tactique prussiennes pendant la Campagne de 1870–1871 (Pt. III: Plan de Campagne contre l'Allemagne), 1 Sept. 1874 // SHD/DAT, 7N 1786: Défense de France (1872–1875). F. 67.

две потенциальные противницы находятся в разных условиях: Германия «давным-давно готова и готова прекрасно», во Франции же полным ходом идет процесс перестройки. Сторонник происходящих «великих реформ» во французской армии — «все движется, и в прекрасном направлении» (здесь и далее подчеркнуто Робером. — *А. Б.*)» — Робер, тем не менее, полагал, что пройдет еще немало времени, прежде чем страна будет готова бросить вызов соседке: «в этом смертельном поединке, в котором на кону стоит само наше существование, мы не должны подвергнуть себя опасности поражения; именно поэтому мы должны быть осторожны и терпеливы». ¹¹⁰

Тем не менее, Робер полагал, что стратегия Франции, сама ее военная доктрина, должна быть сугубо наступательной. Подобная стратегия казалась ему единственно верной не только потому, что давала все преимущества инициативы и сбережения национальных ресурсов с переносом боевых действий на территорию противника. К этому выбору Францию, по мнению Робера, парадоксальным образом подталкивала сама слабость ее положения. В условиях, когда новая граница с Германией лишена малейших укреплений и проходит в считанных километрах от Нанси и Люневиля, когда уступка инициативы противнику сопряжена с утратой целых провинций и неминуемым падением морального духа нации, уповать на оборону — означает обречь себя на поражение. Именно поэтому французская армия должна с самого начала перейти в наступление, защитив тем самым «то, что нам осталось от несчастной Лотарингии», и, что не менее значимо, сохранив в неприкосновенности у себя за спиной еще не до конца отлаженный механизм мобилизации. ¹¹¹

По плану Робера, практически все французские силы в количестве 16 армейских корпусов (то есть до полумиллиона солдат) должны были быть собраны в один кулак чуть ли не в буквальном смысле этого слова: на 6 корпусов главной 1-й армии, развернутых перед Нанси и Люневилем на правом берегу Мёрты, приходилось бы лишь 36 км фронта, то есть по 5 человек на каждый метр. Самой важной целью при этом становилось выиграть первое и во много решающее с точки зрения инициативы сражение, после чего предполагалось развернуть наступление в долину реки Саар, блокировав Мец на левом фланге. ¹¹²

¹¹⁰ Ibid. F. 71.

¹¹¹ Ibid. F. 76–77.

¹¹² Ibid. F. 85–86.

По расчетам Робера, задача сосредоточения 16 армейских корпусов на самой границе с Германией требовала приблизительно двух недель. На 17-й день войны французская армия должна была двинуться в наступление, а ее решающая встреча с противником прогнозировалась на 21-й день на берегах небольшой речки Сей — одного из левых притоков Соны. С учетом уже упомянутого преимущества немцев в сроках мобилизации, Робер без обиняков указывал, что Франция должна ударить первой.¹¹³

Можно сказать, что это был план войны-реванша в полном смысле этого слова, вдохновляемый мыслью о невозможности отдать немцам без боя и пяди французской земли, равно как и уверенностью в определяющем значении морального духа. Но даже Робер призывал прежде всего сосредоточиться на возвращении утраченного и не увлекаться завоеваниями: «Наши самые смелые мечты не должны простираться далее линии Рейна и, вдобавок, не ради обладания рейнскими провинциями, а лишь для того, чтобы защитить территории, которые мы вернем у Германии».¹¹⁴ При отношении к будущей схватке с Германией как к моменту истины для судеб нации и страны неудивительно, что противник у Франции должен быть только один. Робер считал недопустимой даже выжидательную ситуацию в отношении других соседей: «мы не можем ринуться в войну с Германией иначе как уверенными, уверенными совершенно, в нейтралитете Италии».¹¹⁵

Как мы увидим далее, предложения Робера не имели ничего общего с официальными оборонительными планами войны против Германии, которые разрабатывались французским Генштабом в эти годы. Однако значение плана Робера в том, что именно описанного образа действий вплоть до мелочей ожидал от французов глава германского Большого Генерального штаба Мольтке. Полная нереалистичность военного планирования Мольтке во второй половине 1870-х гг. и вплоть до середины 1880-х гг. в отношении предполагаемых действий против Германии французской армии, ее численности и скорости мобилизации действительно ставит в тупик. Теренс Цубер пытался, в частности, объяснить подобное пренебрежение фактами прославленного фельдмаршала тем, что тот вплоть до начала 1880-х гг. не опасался всерьез войны один на один с Францией, а степень готовности французов действовать на-

¹¹³ Ibid. F. 92–95.

¹¹⁴ Ibid. F. 77.

¹¹⁵ Ibid. F. 78.

ступательно преувеличивал по политическим расчетам.¹¹⁶ Не пытаясь разгадать здесь эту загадку, лишь добавим, что информаторы Мольтке по какой-то причине могли быть дезориентированы инициативами, подобными записке Робера.

На деле же французские стратеги, основываясь на опыте прусских побед, были увлечены поиском такого «идеального маневра» при обороне собственной территории, который позволил бы получить количественный перевес над превосходящей их качественно германской армией на отдельно взятом участке фронта. Наглядным свидетельством этого служит объемная (в общей сложности, 77 страниц!) «Памятная записка об операционных базах и расположении французских армий в случае германского вторжения и об организации обороны территории» уже упоминавшегося выше капитана Авона.

Авон считал недопустимым слишком глубокое развертывание французской армии в случае войны с Германией. Продвигаясь вперед без сопротивления, противник приближался бы к своей конечной цели, захватывая ресурсы и приобретая моральное превосходство. Могло получиться, что слишком далекое отступление от границы «в каком-то смысле окажется равноценно проигранной кампании».¹¹⁷ Не получится ли так, спрашивал Авон, что противник удовлетворится приобретенным пространством и перейдет к стратегической обороне, вынудив французов наступать в невыгодных условиях?

Авон исходил из того, что успех пруссакам в 1866 г. и 1870 г. приносило сочетание «яростной фронтальной атаки» и «концентрического охвата одного или сразу двух флангов», осуществленного против уступающих по численности или по качеству войск. В сражениях при Форбахе, Вёрте и Сен-Прива сами по себе фронтальные атаки пруссаков провалились вследствие возросшей скорости и точности стрельбы современного нарезного оружия. Поэтому надеяться завоевать победу атакой в лоб — «иллюзия». От «войны прямого столкновения», которая во Франции имела традиции со времен Наполеона, современное развитие военного дела шло, как полагал Авон, к «маневренной войне»,

¹¹⁶ См.: Zuber T. *Inventing the Schlieffen Plan: German War Planning, 1871–1914*. Oxford, 2002. P. 64, 68, 86, 93.

¹¹⁷ *Avon, capitaine Mémoire sur les bases d'operations et de repartition des armées françaises dans le cas d'une invasion allemande et sur l'organisation de la Défense du territoire, décembre 1874 — avril 1875 // SHD/DAT. EMA. 3ème Bureau. 7 N 1787: Défense de France (1875–1876). F. 2–3.*

в которой самое большое внимание должно было уделяться не фронту, а флангам, как при атаке, так и при обороне. Фланги должны быть прикрыты достаточно большими препятствиями, чтобы их обход требовал от противника максимально широкого охвата, однако эти препятствия должны были позволить в любой момент развернуть наступление.¹¹⁸

Исходя из этих предпосылок, Авон предлагал осуществить маневр, который фактически помог бы заманить немцев в ловушку. Он исходил из того, что немцы отомобилизуются на границе намного быстрее и не замедлят вторгнуться на французскую территорию. Самым важным в этой связи он считал подготовиться к удару по кратчайшему пути к Парижу — в долину Сены. Авон совершенно справедливо исходил из того, что немцы не будут отказываться от проверенных рецептов побед и традиционно разделять собственные силы на три армии. 1-я и 2-я армии нанесут удар на главном направлении, тогда как 3-я будет действовать на изолированном театре боевых действий в Вогезах против Бельфора.

Двум немецким армиям должны быть соответственно противопоставлены две французские армии по 4 армейских корпуса (около 130 тыс. человек) каждая: Вогезская, опирающаяся правым флангом на одноименный горный массив, и Марнская, развернутая левее. Решающее значение при этом предлагалось отвести Резервной армии (5–6 армейских корпусов на расстоянии однодневного перехода позади первой линии), которая должна была быть переброшена, исходя из оперативной обстановки, в помощь либо левому, либо правому флангу для последующего охвата и разгрома подавляющими силами одной из немецких армий.

Авон выделял ключевой участок фронта, представлявший собой естественный барьер для проникновения крупных масс противника. Это была сильно изрезанная и холмистая область между Нанси, Фруаром, Тулем, Пани, Вуа, Вокулёром и Пон-Сен-Винсен, разделяющая бассейны Мёрта и Мёзы (Мааса). Здесь по берегам Мёрта и Мёзы раскинулись два огромных лесных массива: лесной массив Э между Нанси и Тулем, часть которого на левом берегу Мёзы носила название Вокулёрского леса. Дополнительную крупную водную преграду образовывал Марнский канал.

В центре этого района протяженностью 40 км и глубиной от 12 до 18 км располагались укрепления вокруг г. Туль, пушки которых

¹¹⁸ Ibid. F. 8–10.

контролировали все немногочисленные дороги, пригодные для переброски сколько-нибудь крупных масс войск. На момент составления плана работы по возведению фортов и батарей этой одной из ключевых французских крепостей на новой границе с Германией еще только начинались, поэтому заменой им должны были стать временные полевые укрепления.¹¹⁹ Именно здесь была точка расхождения 1-й и 2-й германских армий, которые, захватив Нанси и устремляясь дальше в долину Марны, на несколько дней должны были потерять прямое соприкосновение друг с другом и, соответственно, возможность оказать взаимную поддержку. Именно в этот момент возникала самая удобная возможность для нанесения контрудара превосходящими силами по одному из германских флангов.

Однако реализация этого плана требовала от французов почти столь же молниеносной мобилизации, как и немецкая. В идеальных условиях всего лишь 6-дневного отставания Вогезская армия разворачивалась на операционной линии Бюльвилль — Ольнуа — Нёфшато — Куссэ — Вутон-ан-Ба, а Марнская — по линии Валь д'Орнэн — Удленкур — Линьи-ан-Барруа — Бар-ле-Дюк. Максимальным допустимым «отставанием» в сроках сосредоточения французских армий было 9–10 дней, еще позволявших занять вторую операционную линию на удалении 50 км от первой. В случае поражения армий первой линии левое крыло отступало к высотам Шампани, правое — в южном направлении, к Фосильскому хребту и крепости Лангр на соединение с силами, действующими в Франш-Конте против немецкой 3-й армии. Подобный маневр угрожал с севера и с юга флангам германского наступления к Марне. Резервная армия в случае неблагоприятного развития событий «откатывалась» назад на защиту Парижа.¹²⁰

Резюмируя, Авон полагал, что подобное «сочетание стратегической обороны с тактическим наступлением кажется тем образом действий, к которому следует прибегнуть в случае нового вторжения, поскольку оно позволяет компенсировать неблагоприятную ситуацию, созданную самим фактом вторжения, извлекая все лучшее из того порыва (*élan*), что составляет суть [французского] национального характера».¹²¹

В каком-то смысле предложения Робера и Авона опережали возможности французской мобилизации и могли быть реализованы лишь по

¹¹⁹ Ibid. F. 15.

¹²⁰ Ibid. F. 28–29, 41–43.

¹²¹ Ibid. F. 11.

прошествии ряда лет. Однако общий рецепт успеха — сосредоточение сил в глубине территории, а затем бросок навстречу силам вторжения с охватом одного из флангов — в полной мере воспринят и итоговыми планами войны, подготовленными французским Генеральным штабом.

Официальные планы войны с Германией

Военные планы традиционно разрабатывались к весне, когда климатические условия были наиболее благоприятны для ведения боевых действий. Французам также приходилось учитывать то, что с 1 апреля по 30 октября германская армия включала в свои ряды наибольшее число военнослужащих, и именно с апреля по ноябрь возникновение войны было наиболее вероятно. Необходимость обеспечивать фуражом сотни тысяч лошадей делала этот «зазор» еще более узким.

Согласно военному закону 1874 г., буквально «вырванному» Бисмарком и Мольтке у депутатов Рейхстага, постоянная численность германской действующей армии на ближайшие семь лет устанавливалась на уровне 401 659 человек.¹²² Однако общее число вооруженных сил, на которые Германская империя могла рассчитывать в случае войны, было намного выше. По оценкам Третьего бюро французского Генерального штаба, осенью 1875 г. германская армия насчитывала (вместе с Ландвером и Ландштурмом) 1 млн 318 тыс. 200 человек. Всего военную подготовку в стране получали приблизительно 2,5 млн мужчин в возрасте от 21 до 40 лет.¹²³

Французское командование также предполагало, что после вступления в действие нового германского мобилизационного плана от 23 сентября 1875 г. скорость развертывания германской армии в случае войны с Францией ускорялась на два дня по сравнению с кампанией 1870 г. Это означало, что к месту своего сосредоточения на удалении от границы за пределами 75-километровой «мертвой зоны», германские пехотные части прибывали уже на 5–6-й день после объявления мобилизации, кавалерия — на 8-й день, артиллерия — на 9-й.¹²⁴ На десятый день германская армия (какая-то ее часть) могла начать свое движение

¹²² Подробнее см.: *Власов Н. А.* У истоков германского парламентаризма. Проблема имперского военного закона. 1871–1874. СПб., 2006.

¹²³ *Recapitulation des forces de l'Allemagne, 1875* // SHD/DAT, 7M 1544: Reconnaissance — Allemagne (1873–1879).

¹²⁴ *Ibid.*

на Париж. В течение трех недель Германия могла выставить под ружье что-то около 800 тыс. человек, из которых 650 тыс. — в составе боевых частей 18 армейских корпусов и 6 дивизий Ландвера.¹²⁵ Львиная доля этих сил могла быть сразу направлена против Франции.

Документы французского Генерального штаба показывают, что первые проекты развертывания французских сил в случае войны с Германией можно датировать летом-осенью 1874 г. К 28 декабря того же года был подготовлен черновой вариант, который отличался от итогового тем, что предусматривал формирование целых двух резервных армий позади первой линии, а также XX армейского корпуса из морской пехоты четырех французских военно-морских баз: Тулона, Рошфора, Бреста и Шербура.¹²⁶

Итоговый План сосредоточения французских сил (План I) был датирован 6 марта 1875 г.¹²⁷ Исходя из предполагаемых действий противника, французское командование планировало развернуть четыре примерно равные по численности армии: 1-ю — в районе Везуля и Комбофонтена, 2-ю — у Лангра и Шомона, 3-ю — у Труа и Бар-Сюр-Об и, наконец, 4-ю — у Реймса и Сюипа. 5-я (резервная) армия сосредотачивалась у Шатийон-Сюр-Сен. Изначально в ее состав входили лишь IX и XIX (Алжирский) армейские корпуса. В отсутствие угрозы нападения Италии, в ее ряды должны были влиться альпийские XIV и XV корпуса. Ее активные действия, в силу необходимости самой длительной по срокам переброски войск должны были развернуться только после первых сражений и подробно в плане не рассматривались.

Как видно, французское командование предпочло максимально глубокое развертывание войск. 4-я французская армия на левом фланге должна была занять позиции ровно на полпути от границы к Парижу, в 110–120 км от столицы, и оставив перед собой примерно такое же пространство. 2-я и 3-я армии располагались юго-восточнее, угрожая левому флангу германского наступления. 1-я армия должна была действовать на изолированном театре боевых действий в Франш-Конте с опорой на Бельфор. Развертывание четырех французских армий пер-

¹²⁵ *Defrasne J.* L'armée française devant l'alerte de 1875... P. 57.

¹²⁶ *Projet de concentration*, 28 décembre 1874 // SHD/DAT, 7N 1740: Plan de mobilisation № I.

¹²⁷ *Haillot, Lieutenant-Colonel, Chef du 3e Bureau* Note à l'appui de l'étude relative au Dispositif de nos forces en cas de guerre. Plan de concentration pour 1875, 6 mars 1875 // SHD/DAT, 7N 1740: Plan de mobilisation № I.

вой линии в указанных точках требовало 17–18 дней с момента начала мобилизации.

Выбор фронтом развертывания Реймс — Труа — Шомон — Везуль задавался тем, что именно здесь ветки двухпутных железных дорог легче всего было связать в так называемую «линию маневра» (*ligne de manoeuvres*), идущую вдоль фронта предполагаемой операционной базы и перпендикулярно «линиям сосредоточения» (*lignes de concentration*). Именно ее в первую очередь коснулись работы по развитию железнодорожной сети страны, признанные необходимыми с учетом задач ее обороны.¹²⁸ Аналогичная параллельная фронту линия, соединяющая Верден, Шомон и Везуль, для того уровня боеготовности армии располагалась пока слишком близко к границе, а потому могла быть перерезана германскими авангардами.

Рассчитывая на неприкосновенность бельгийского и швейцарского нейтралитета, план предусматривал два основных варианта развития германского вторжения. В первом случае германская армия наносила удар с операционной линии Мец-Страсбург в направлении города Шалон-ан-Шампань на Марне по кратчайшему пути к Парижу. В ответ на эту угрозу сосредоточение французских сил должно было разворачиваться между реками Марной и Орнен. 4-я армия (Реймс-Сюип) поднималась вверх по долине Марны к Шалону, 2-я и 3-я продвигались на восток по направлению к Бурмону. На 22-й или 23-й день кампании эти две армии должны были нанести удар по левому крылу германской армии, прежде чем та успевала «сжаться» и, выдвинув правый фланг вперед, повернуть фронт к югу: «Оставив, таким образом, всякую попытку фронтальной обороны, именно на левый фланг немецкой армии должны быть направлены все наши усилия».¹²⁹

Второй вариант предполагал удар немцев в Вогезах по департаментам Верхней Марне и Верхней Соне с целью захвата обеих долин и господствующих над ними склонов Фоссильского горного хребта. В дальнейшем германские армии должны были развернуть фронт на Шомон и Лангр, по широкой дуге выходя с юго-востока к Парижу. Этот

¹²⁸ Note sur les travaux à exécuter sur le réseau français en prévision des transports stratégiques (1er Partie. Travaux urgents), 1875 // SHD/DAT, 7 N 1740: Plan de mobilisation № I.

¹²⁹ Haillot, *Lieutenant-Colonel, Chef du 3e Bureau* Note à l'appui de l'étude relative au Dispositif de nos forces en cas de guerre. Plan de concentration pour 1875, 6 mars 1875 // SHD/DAT, 7 N 1740: Plan de mobilisation № I.

вариант развития событий считался даже более опасным, поскольку начиная с 20-го дня кампании 1-я французская армия на правом фланге оказывалась под угрозой превосходящих сил противника. План резюмировал: «с тем, чтобы не терять преимуществ наступления, мы должны вести сосредоточение на нашем центре и перенести наши усилия на край правого фланга противника — единственную точку, куда мы сможем перебросить крупные силы на 21-й день».¹³⁰

В осуществление этого замысла 3-я и 1-я армии придвигались поближе ко 2-й, которая, вдобавок, усиливалась одним или двумя корпусами из состава резервной армии, оставив тем самым надежды на непосредственную оборону долины реки Соны. 1-й армии поэтому предстояло совершить рискованный отступательный маневр на соединение с остальными силами на позиции Лангр — Бурмон параллельно верховью Мёзы (Мааса). С этой позиции на 21-й день кампании французская армия силами 11–13 армейских корпусов должна была «попытаться отбросить противника в долину Соны».¹³¹

В дополнение к плану Генеральным штабом была подготовлена памятная записка, посвященная вопросам расквартирования каждой из армий, таблицы расквартировки для каждого армейского корпуса и каждой дивизии, а также заранее подготовленные приказы о перемещениях французской армии на первые два дня марша для обоих возможных направлений. Для защиты мобилизации предполагалось обратиться к рекомендациям генерала дю Барая и генерала Дуэ и расположить на Восточной границе 6 дивизий кавалерии по три бригады каждая, которым предписывалось находиться в постоянном соприкосновении с противником с 3-го дня кампании и в течение последующих двух недель до соединения с основными силами.

Именно таким образом действовали бы французы, если бы дипломатический кризис весны 1875 г. обернулся новой войной с Германией. Развертывание французских войск в глубине территории отражало реалистичное осознание того, что французская мобилизация по срокам сильно уступала немецкой. Глубокое развертывание позволяло также отчасти нивелировать утрату инициативы, продиктованную необходимостью придерживаться оборонительной стратегии. За несколько дней

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ Ibid.

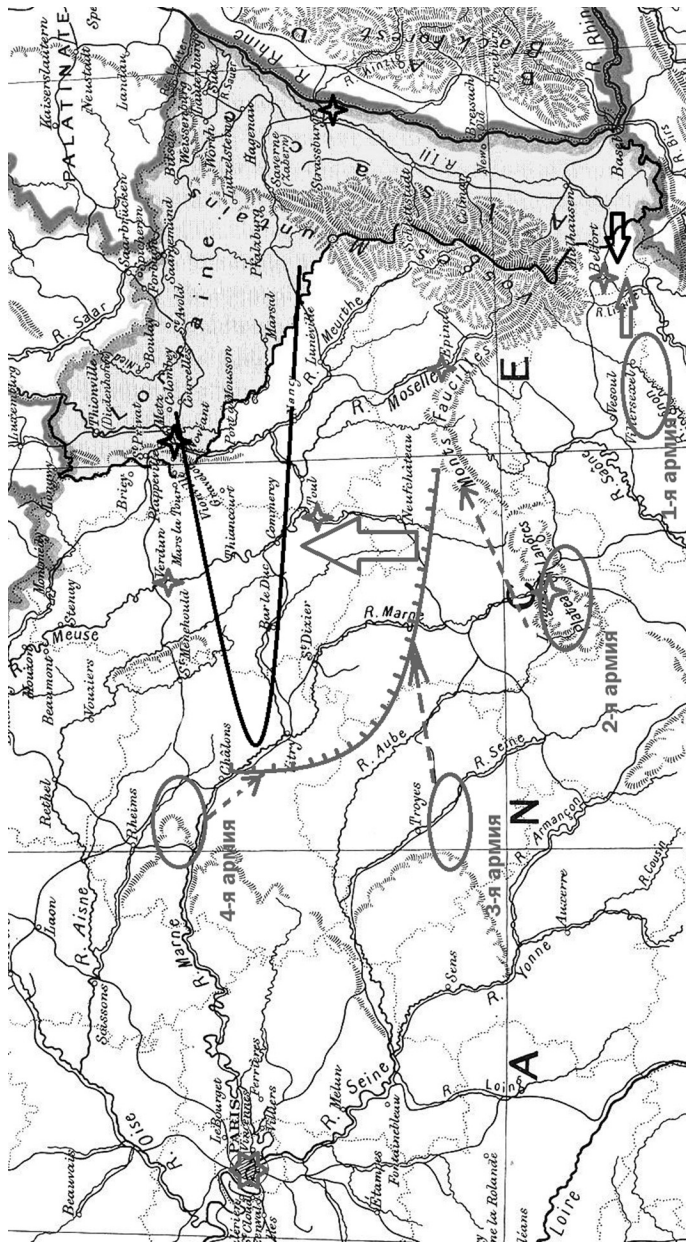

Схема действий французских войск по Плану I (1875).
Вариант германского наступления на Шалон-ан-Шампань

до решающего столкновения французская армия должна была перегруппироваться, создать численный перевес в избранном месте удара и сокрушить один из флангов противника.

На протяжении последующих трех лет Франция занималась лихорадочным возведением фортов и батарей на предполагаемом направлении германского удара в рамках «системы Сера де Ривьера» и прокладкой новых железнодорожных линий к границе с Германией. Заявления Мольтке о том, что у Германии нет «хорошей границы» с Бельгией, в ходе военной тревоги 1875 г. заставили французский Генеральный штаб также взяться за изучение варианта нарушения противником бельгийского нейтралитета.

В 1878 г. Мак-Магоном был учрежден особый Совет, призванный сосредоточить обсуждение всех вопросов, касавшихся подготовки к войне, в рамках узкого круга высших офицеров армии. Совет включал в себя всего 10 членов: помимо президента и военного министра (генерала Бореля), в него входили маршал Канробер, герцог Омальский, генералы Дуэ, Дюкро, Кану, дю Барай и Сера де Ривьер. Докладчиком Совета стал новый глава Генерального штаба генерал Мирибель.¹³²

Один из первых документов, подготовленных этим Советом, суммировал варианты развертывания в случае войны «один на один» с Германией. Этот документ констатировал серьезный прогресс в развитии стратегических линий железных дорог, идущих к восточной границе Франции, что позволяло существенно сократить сроки мобилизации. В зависимости от направления сосредоточения основной массы войск, французское командование планировало задействовать от 12 до 14 железнодорожных линий, пропускная способность каждой из которых составляла от 15 до 18 составов в сутки (в одну сторону). Это означало, что переброска армейского корпуса должна была занять в среднем одну неделю. Сроком мобилизации армейского корпуса в границах своего военного округа устанавливалось еще 5 дней. Другими словами, Франция должна была сосредоточить первые пятнадцать армейских корпусов на северо-восточной границе уже

¹³² Conseil constitué en vue d'examiner les questions qui rattachent à la préparation de la guerre // La défense sous la Troisième République / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 39. P. 555–556.

на 12–14-й день войны, что было равноценно тому времени, которое должно было занять развертывание германских 15 корпусов по линии Мец-Аврикур-Страсбург.¹³³

Возросшие возможности французской системы железных дорог позволяли осуществить развертывание полевых армий намного ближе к границе, нежели это предусматривалось прежними планами. По плану 1878 г. (План III) 1-я армия выдвигалась к Эпиналю, 2-я в сторону Нёфшато, 3-я — к реке Орнен, а 4-я к Аргонским высотам. Таким образом, прежде чем немцы успели бы перейти границу, французы уже должны были ждать их на 15-16-й день мобилизации во всеоружии на линии Бар-ле-Дюк — Нёфшато — Эпиналь. 5-я армия, составленная изначально из альпийских (IX, XIV, XV) корпусов, должна была закончить свое сосредоточение вокруг Шомона на 18–20-й день мобилизации. Последним к ней на 22 день должен был присоединиться XIX (Алжирский) корпус. К этому моменту уже должно было проясниться, на какой именно участок границы немцы перенесли свой основной удар, и задачей 5-й армии становилось своевременно усилить один из флангов французской первой линии.

Кроме того, планировалось формирование еще двух резервных армий, по два армейских корпуса каждая, в Сезанне и Шаньи. Один из корпусов этих резервных армий образовывала дивизия, составленная из территориальных полков и пресловутых четвертых батальонов каждого из полков действующей армии, формирование которых в 1875 г. так обеспокоило Мольтке. Вторую дивизию в каждом из корпусов составляли территориальные войска. Таким образом, у каждого из полков-«доноров» (один на бригаду), по предложению генерала Мирибея, отнимался один батальон, из которого формировался полк-двойник с двойной нумерацией (например, на базе четвертого батальона 19-го линейного полка появлялся полк под номером «19-бис»). Подобное «разукрупнение» четвертых батальонов позволяло с наименьшими сложностями решить проблему обеспечения этих резервных форми-

¹³³ Protection de la mobilisation dans les pays de montagnes au debut de la guerre // La défense sous la Troisième République / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 40. P. 557–562. — О развитии стратегических линий железных дорог см. также: *Tomyar Ch. Aperçu de l'organisation militaire des chemins de fer en France et en Allemagne*; Le Rachat. Paris, 1880.

рований квалифицированными командными кадрами, артиллерией и средствами обеспечения.¹³⁴

Это решение стало попыткой ответить на новый рывок вперед Германии, которая, начиная с 1879 г. добавляла к каждому из 18-ти армейских корпусов по одной дивизии Ландвера, революционным образом выведя резервистов в первый эшелон своих войск. Французские территориальные войска, по оценке самих же французских генералов, существенно уступали в выучке германскому Ландверу, поэтому резервные армии должны были либо обеспечить дополнительными кадрами гарнизоны крепостей, либо развернуться позади полевых укреплений. В частности, именно эти резервные армии могли быть развернуты на высотах Шампани у Лаона или Реймса или же южнее, между Сезанном и Сеной, в зависимости от того, обнаружил ли противник намерение прорываться севернее Вердена через брешь у Стенэ, или южнее Туля — в направлении Труа через «Шармскую ловушку».

В некоторых случаях один из резервных полков мог влиться в состав бригады, на основе четвертых батальонов которой он был сформирован. Подобным образом могли быть увеличены каждая из бригад XIV и XV армейских корпусов том в случае, если бы в союзе с Германией выступила Италия. Пополненные примерно 30 тыс. резервистов (включая батальоны стрелков из Африки), эти два армейских корпуса, по оценке французского командования, надолго могли сковать на альпийской границе действия итальянской армии, обеспечивая «приемлемые условия» борьбы семнадцати французским корпусам, противостоящим восемнадцати немецким на основном театре боевых действий.¹³⁵

Военная доктрина Франции оставалась сугубо оборонительной вплоть до начала 1880-х гг., но с каждым годом титаническая работа по строительству новых укреплений и стратегических линий железных дорог приближала французскую армию к идеалу завоевания стратегической инициативы. План сосредоточения сил на случай войны (План VI), впервые предусматривавший «осторожные» наступательные действия

¹³⁴ Записка, прилагаемая к протоколу заседания Высшего военного совета от 23 апреля 1878 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 41. P. 563–570.

¹³⁵ Протокол заседания Высшего военного совета от 6 мая 1878 г. // *La défense sous la Troisième République* / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 42. P. 573–575.

против Германии, появился на свет в 1883 г., как только работы по созданию системы укреплений Сера де Ривьера на востоке приблизились к своему завершению.

5.4. ОТ ПЛАНОВ К РЕАЛЬНОСТИ: ИТОГИ РЕОРГАНИЗАЦИИ К КОНЦУ 1870-х ГОДОВ

Оценивая достигнутое французами к концу 1870-х годов в погоне за ускользающей от них целью восстановления паритета сил со своей ближайшей «соседкой», необходимо помнить, что точкой отсчета многих практических шагов по реорганизации армии был не мирный договор мая 1871 г., а лето-осень 1873 г., когда немецкие войска покинули, наконец, французскую территорию. Однако и первые два послевоенных года не прошли даром: с принятием закона 1872 г. о введении всеобщей воинской повинности был сделан важнейший шаг на пути к созданию массовой армии, началось ее перевооружение и разработка принципов обороны страны в изменившихся стратегических условиях.

Первые президенты Третьей республики уделяли огромное внимание армии, стремясь лично определять ключевые аспекты военной реорганизации и отодвигая фигуры военных министров на второй план. Безусловно, Тьер проявлял при этом излишнюю приверженность опыту наполеоновского времени, главным специалистом по которому президент-историк себя полагал. Проекты Тьера были вполне реалистичны и лучше учитывали текущие сложности политического и финансового положения Франции, но его доктринерство ставило пределы ее прогрессу — в случае их реализации, французская армия неминуемо отставала бы от Германии в количественном и качественном отношении. Однако, как отмечал генерал дю Барай, президент действительно «любил армию» и «управлял армией, как если бы был монархом, солдатом с рождения».¹³⁶ Оценка тем значимей, что генерал не относился к числу политических приверженцев Тьера.

Еще большее значение играла армия для маршала Мак-Магона. Именно в военной среде он чувствовал свою полную уверенность, именно здесь он демонстрировал свою компетентность. Пост генералиссимуса, который предусматривался французскими военными планами во второй половине 1870-х годов и подразумевал не только верховное командование, но и сосредоточение в одних руках всей

¹³⁶ Barail, *général du Mes souvenirs...* Т. III. Р. 306.

полноты гражданской и военной власти, предназначался именно Мак-Магону. Новейший биограф маршала Габриэль Брольи, несомненно, прав в том, что решение президента остаться на своем посту после окончательного поражения консервативных сил на выборах 14 октября 1877 г. в Национальное Собрание было продиктовано именно его желанием довести до конца дело возрождения военной мощи страны. Предпринятая Мак-Магоном в 1878 г. попытка ускорить этот процесс, выразившаяся в создании сразу несколько высших комиссий под председательством президента, служат лишним подтверждением этого вывода.¹³⁷

С избранием в мае 1873 г. Мак-Магона на пост президента Республики был окончательно решен и вопрос в пользу копирования прусского опыта. Что же обусловило этот выбор при том, что он, разумеется, задавал самолюбие французских генералов? Во-первых, сама серьезность германской угрозы делала необходимым восстановление боеспособности армии в кратчайшие сроки и исключала возможность долгих экспериментов. Военный министр дю Барай признавал впоследствии, что «мы гораздо больше скопировали, чем создали», но оправдывал это тем, что военная реорганизация проходила «в обстоятельствах, когда прежде всего требовалась быстрота».¹³⁸ Во-вторых, Германия рассматривалась французами в качестве сильнейшей военной державы, обладавшей передовой организацией и готовой эффективной моделью: как свидетельствовал капитан Робер, «с изрядной долей здравого смысла мы постарались усвоить прусскую систему, себя уже зарекомендовавшую».¹³⁹ В-третьих, нет никаких сомнений в том, что конечной целью всех преобразований французской армии после 1871 г. стало достижение паритета, а затем и превосходства над Германией. В этой связи германская армия стала не только удобной точкой отсчета и задавала вектор развития французских вооруженных сил, она быстро превратилась в своеобразную систему координат, предопределившую основные параметры этого развития и позволявшую с тем большей легкостью сопоставить свои силы с противником.

Одним словом, Жозеф Монтейет не так уж сильно преувеличивал, когда писал в 1930-е годы о том, что «с 1871 по 1914 год в своих учреж-

¹³⁷ См.: *Broglie G. Mac Mahon*. Paris, 2000. P. 433.

¹³⁸ *Barail, général du Mes souvenirs...* P. 459–460.

¹³⁹ *Robert F. La strategie et la tactique prussiennes pendant la Campagne de 1870–1871 // SHD/DAT, 7 N 1786: Défense de France (1872–1875). F. 67.*

дениях, в своей доктрине, в своих уставах вся французская армия жила, мыслила, действовала вслед за прусской армией». ¹⁴⁰ Представление о серьезном отставании от Германии в самых разных сферах было господствующим, и, исходя из этого, А. Митчелл делал вывод, что в сознании французских офицеров доминировал страх, а не реванш. ¹⁴¹ Однако этот тезис вызвал заслуженную критику французских военных историков. Как представляется, Ж. Жоффрэ был ближе к истине, когда писал, что «после 1871 года у военных, в целом, было ощущение неожиданного срыва», «армия не страдала комплексом хронического превосходства противника». ¹⁴²

То, что французский генералитет вовсе не был склонен абсолютизировать германское превосходство, показывают и высказывания маршала Мак-Магона. На одном из заседаний Высшего военного совета он, надо признать, весьма запальчиво заявил, что «если мы и были побеждены Пруссией, то это было не потому, что она направлялась гениальными людьми. В реальности она нам противопоставила лишь профессоров без практики, воплотивших с настойчивым упорством и железной дисциплиной наши же собственные принципы». ¹⁴³

Германская угроза порождала не страх, а лишь подстегивала усилия. Едва ли возможно говорить о каком-либо «комплексе неполноценности», некой «ментальной слабости», которая парализовывала бы волю и мысль. Наоборот, рассмотренные выше проекты французских офицеров были преисполнены оптимизма и веры в военный гений своей нации. Лучшим аргументом в пользу миролюбивости французов в эти годы был не отказ от мысли о самой возможности успеха в столкновении с Германией, а незавершенность реформирования. По прошествии десяти лет после войны французские офицеры, все так же признавая силу и мощь Германии, во многом вернули себе уверенность в собственных силах. Вот как, в частности, резюмировал свой отчет посетивший Германию летом 1881 г. капитан Лефорт:

¹⁴⁰ Цит. по: *Mitchell A. Victors and vanquished...* P. 261 (n. 35).

¹⁴¹ *Mitchell A. «A situation of Inferiority»: French Military Reorganization after the Defeat of 1870 // American Historical Review. Vol. 86. 1981. № 1. P. 62.*

¹⁴² *Jauffret J-Ch. Etudes sur l'armée française de 1870 a 1914 // Revue historique. T. 269. 1983. № 546. P. 404–405.*

¹⁴³ *La défense sous la Troisième République / Ed. G. Pedroncini. T. I. Vol. I. Document № 12. P. 160.*

«Германская армия прекрасна, сильна и превосходно обучена. Вероятно, это единственная армия в Европе, достойная помериться силами с французской армией...».¹⁴⁴

Францией были потрачены колоссальные усилия и средства для того, чтобы ее вооруженные силы вернулись на передовые позиции в Европе. Французы готовились к возможной войне с Германией совершенно по-новому, в полном осознании решающего значения для судеб страны этого столкновения. В этом противостоянии более не было малозначимых мелочей. В 1870-м году офицеры Второй империи готовились к блестящему походу по территории противника и не имели даже подходящих карт собственной территории, когда военная фортуна от них отвернулась. Теперь в первое же послевоенное десятилетие вся Северная Франция была досконально изучена в качестве возможного театра боевых действий. В 1874 г. была учреждена также специальная «военно-географическая служба», задачей которой стала топографическая съемка территории страны. Доктрина маневренной войны, принятая на вооружение французским Генеральным штабом после 1871 г., потребовала создания более подробных карт и атласов. Значение военной географии было полностью пересмотрено.

Обширная приграничная зона превратилась, по сути, в один гигантский укрепленный лагерь. Военное министерство добились в марте 1874 г. принятия Национальным Собранием декрета, который требовал отныне согласия военных не только при ведении строительства здесь дорог, мостов, каналов, железнодорожных линий и вокзалов, но даже и для получения разрешений на вырубку лесов, которыми была богата эта часть страны и которые рассматривались отныне как естественные барьеры на пути германского вторжения. Реализовалось это требование в рамках специальной «Смешанной комиссии» при Министерстве общественных работ, в которую вошли представители Военного министерства.¹⁴⁵ На границе Франции были развернуты специальные «силы прикрытия» и разработан комплекс мер, призванный замедлить германское вторжение. Германская армия должна была преодолеть

¹⁴⁴ Rapport du capitain Lefort, juillet 1881 // SHD/DAT, 1 M 1545: Reconnaissances-Allemagne, 1880–1881.

¹⁴⁵ См. подробнее: *Amat J-P*. France du Nord-Est, 1871–1914: Forêt et defense du territoire // *Revue stratégique*. Vol. 4. 1992. № 56. — Режим доступа: http://www.stratisc.org/strat_056_Amat.html. Дата посещения: 1.08.2011.

немало трудностей, прежде чем выйти собственно к оборонительной линии батарей, фортов и крепостей Сере де Ривьера.

На сей раз были предусмотрены все варианты действий противника, подготовлена вторая линия обороны с опорой на Лангр — крупную «фланговую крепость», мощная артиллерия которой должна была не только спасти французские войска от разгрома в случае отступления, но и стать удобным плацдармом контрудара, угрожающего германскому наступлению на Париж. Проведенные в 1881 г. во Франции штабные учения по «взятию» Вердена показали, что на том уровне развития осадной артиллерии подобная крепость была способна продержаться под огнем противника 3–4 месяца.¹⁴⁶

Рассматривая военные планы сторон, исправно разрабатывавшиеся французским и германским генеральными штабами в 1870-е годы, можно прийти к парадоксальному выводу, что французские стратеги в ряде случаев готовились вести будущую войну в большей мере по заветам Мольтке, чем сам Мольтке. Если Мольтке, как показывают его памятные записки 1875 г., был готов отказаться от своего знаменитого тезиса «двигаться порознь, бить вместе» и допускал возможность сосредоточения основных сил в кулак на узком фронте, позволяющем одержать победу силой одного огня, то французское командование верило в действенность рецепта маневренной войны, сознательно развертывая армию на достаточном удалении от границы для получения возможности нанесения встречного удара.

Вообще, стратегия и тактика французской армии, претерпевшие существенные изменения под германским влиянием, как никогда полно и реалистично учитывали возросшую силу огня и маневра в условиях действий многотысячных армий. В дальнейшем французская военная мысль труднообъяснимым образом вернется к приверженности идее наступления, основанного на «моральной силе», надгробным памятником которой станут первые месяцы Великой войны.

К концу 1870-х годов французская армия существенно выросла и в численном отношении. В 1872 г. Адольф Тьер предлагал исходить из максимума в 1 млн 200 тыс. человек, которых Франция в случае крайней надобности должна была вооружить и обеспечить всем необходимым. Строго секретная записка, официально утвержденная военным мини-

¹⁴⁶ Zuber T. *Inventing the Schlieffen Plan: German War Planning, 1871–1914*. Oxford, 2002. P. 110.

стром Жаном-Огюстом Берто 30 декабря 1876 г., доводила это число уже до 1 млн 979 тыс. солдат и офицеров, из которых к действующей армии было отнесено одной только пехоты 862 тыс. человек, а кавалерии — около 90 тыс.¹⁴⁷

К 1877 г. французские военные были близки к осуществлению своей первой цели — достижению паритета с германскими силами первой линии, с которыми и предстояло сойтись в решающем приграничном сражении. Согласно их прогнозам, пятнадцать французских армейских корпусов вместе с «силами прикрытия» общей численностью 569 тыс. человек должны были столкнуться с пятнадцатью же германскими корпусами действующей армии (около 580 тыс. человек), усиленными несколькими дивизиями Ландвера. При этом французы имели в пяти днях пути позади первой линии еще 4 корпуса «резервной армии» (более 130 тыс. человек), а немцы, соответственно, лишь около 108 тыс.¹⁴⁸ За прошедшее с момента принятия закона о всеобщей воинской повинности время были накоплены и весьма значительные резервы. К 1878 г. таковых насчитывалось 713 тыс. человек, которые могли пополнить убыль в действующей армии, равно как и свободно действовать в рядах нескольких резервных армий второй линии.¹⁴⁹

Но все эти достижения не позволяли Франции остановиться и, образно выражаясь, перевести дух. Не успела она реализовать свою оборонительную программу, как возведенные ею сооружения в значительной мере были обесценены кризисом, который пережила европейская фортификация в 1883–1885 гг. в связи с последовательным внедрением шрапнели, бездымного пороха, изобретением «мелинита», «снарядов-торпед» (фугасных бомб) и резким увеличением разрушительной силы тяжелой артиллерии. Франко-германская граница вновь стала проницаемой с обеих сторон. Столь же неустойчивым был и количественный паритет с германской армией «первой линии», достигнутый французами в конце 1870-х годов. Ответом германского командования стала революционная идея выдвижения в эту самую первую линию

¹⁴⁷ Tableau donnant par arme et en nombre arrondis l'effectif general devant servir de base de constitution de matériel des approvisionnements de guerre, approuvé le 30 décembre 1876 // SHD/DAT. 7N 1740: Plan de mobilisation № I.

¹⁴⁸ Concentration des Forces françaises [Plan de 1877], 28 février 1877 // SHD/DAT. 7N 1740.

¹⁴⁹ Considerations générales sur l'organisation défensive de la France, 1878 // SHD/DAT. 7N 1740. F. 11.

части дивизий Ландвера, которые были призваны действовать наряду с регулярной армией. Это вновь опасным образом смещало баланс сил, и должно было пройти еще немало лет, прежде чем Франция смогла ответить на этот новый вызов.

Все вместе это самым наглядным образом показывает, сколь большой путь был пройден французской армией за считанные годы своего реформирования, но также и сколь призрачен был любой успех в гонке с Германией в условиях не стоящего на месте технического прогресса.

Глава 6

ПРОБЛЕМА «ГЕРМАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ» ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ 1871 года

6.1. Шпиономания, германофобия и реалии французской разведки и контрразведки

Немцы во Франции и миф о «прусском шпионе»

Тема «прусского шпиона», которая в годы войны приобрела признаки подлинной истерии и подозрительности ко всем иностранцам в Париже и его окрестностях, не потеряла своего громкого звучания и впоследствии. Как справедливо было замечено в этой связи Бертрамом Тэтом, эта навязчивая идея была тем более парадоксальна, что подлинных секретов в тот век было не так уж много, а карты, планы и статистические данные с имеющими стратегическую ценность сведениями совершенно свободно публиковались.¹

Важно учитывать, однако, то, что всплеск германофобии питался и более широкими, демографическими процессами. Франция первой из европейских стран столкнулась с проблемой массовой иммиграции иностранцев. С 1850 г. по 1870 г. число иностранных рабочих и членов их семей в стране утроилось и достигло 1 млн человек. Для сравнения, если в Великобритании на тысячу жителей приходилось 5 иммигрантов, то во Франции — 23. Самая большая доля при этом приходилась на немцев. Проблема усугублялась еще и тем, что если весьма многочисленные бельгийцы, итальянцы и испанцы селились компактно в прилегающих к их родине окраинных регионах Франции, то немцы расселялись повсюду, составляя внушительную колонию не только в Париже, но и в ряде других крупных городов.²

¹ *Taithe B.* Citizenship and Wars: France in Turmoil 1870–1871. N. Y.; London, 2001. P. 82.

² *Mitchell A.* A Stranger in Paris: Germany's role in republican France, 1870–1940. N. Y.; Oxford, 2006. P. 56.

Внезапная развязка июльского кризиса 1870 г. застала в Париже, по оценкам американского посланника, около 30 тыс. немцев. Французское правительство не спешило выдавать разрешение на выезд столь большому количеству потенциальных призывников в ряды армии противника, поэтому в обстановке нарастающей враждебности многие из проживавших во Франции немцев быстро оказались в критическом положении, без работы и средств к существованию. С самого начала войны американскому (Вашбёрн), швейцарскому (Керн) и российскому (Окунев) посланникам в Париже пришлось принять на себя опеку над бедствующими во Франции немцами, помогая покинуть воюющую страну и предоставляя различного рода финансовую помощь.³

И после окончания войны призывы подвергнуть своего рода ostracism оставшихся на французской земле немцев продолжали звучать со страниц даже самых авторитетных изданий. Орган французской университетской элиты «*Revue politique et litteraire*», признавая, что проявлениям «национальной ненависти» не место на трибуне того же Национального Собрания, тем не менее полагал, что индивидуально «каждый француз имеет полную свободу кого-то ненавидеть, а кого-то любить как ему этого захочется», и ни в какой мирный договор Пруссии не удастся вставить пункт, по которому «наши торговцы, наши промышленники должны были бы брать на работу немцев».⁴ С подозрением и неприязнью сталкивались не только натурализовавшиеся и десятилетиями живущие во Франции немцы, но и переселившиеся сюда после войны десятки тысяч эльзасцев, чей французский отдавал жестким немецким акцентом.

Всплеск германофобии первых послевоенных лет хорошо отражает судьба короля парижской оперетты, столь обласканного некогда вниманием публики, Жака Оффенбаха. Уроженец Кёльна, проживший большую часть своей жизни в Париже и получивший французское гражданство, Оффенбах воспринял войну как личную трагедию. Бежав от войны за границу и находясь в Италии в состоянии крайней душевной подавленности, он писал в марте 1871 г.: «Ах, какие ужасные люди эти

³ См.: *Washburne E. B. Recollections of a Minister to France, 1869–1877. Vol. I. London, 1887. P. 83.* — Документы об американском участии см. в: *America's aid to Germany in 1870–71. An abstract from the official correspondence of E. B. Washburne, U. S. ambassador to Paris / Ed. by A. Hepner. St. Louis, 1905.*

⁴ Les haines nationales à la tribune de l'Assemblée // *Revue politique et litteraire*. 1871. N 2. P. 32.

пруссаки и какое отчаяние охватывает меня при мысли, что я родился на берегах Рейна и какой-то нитью связан с этими ужасными дикарями! Ах, моя бедная Франция, как горячо благодарен я ей за то, что она приняла меня в число своих детей!»⁵

Свою солидарность с судьбой своей приемной Родины Оффенбах засвидетельствовал открытым письмом в «Le Figaro», однако в глазах значительной части французской публики, национальные чувства которой были разгорячены войной, Оффенбах превратился прежде всего в «пруссака», демонстрация произведений которого в только что пережившем германскую осаду Париже была возмутительна. Республиканская «Siècle», ополчаясь на приверженность композитора бонапартизму, в оскорбительном тоне заявляла, что тот «остаётся верным кислой капусте своей родины» и «имеет полное право быть грубым, потому что он немец».⁶

Ростки ксенофобии, почву которым дали тяготы войны, были отмечены и в публичном выступлении генерального прокурора Ренуара 3 ноября 1874 г.: «Франция призвана дать миру непредвзятый и благотворный пример национального терпения. Несчастья, которые обрушились на нашу Родину, легко объясняют, хотя и не оправдывают, возмущение и ненависть. Не поддадимся искушениям нашей ущемленной гордости <...> Единственное лекарство, подлинный реванш, достойный Франции, заключаются в открытой и искренней правовой практике, нерушимой по отношению ко всем национальностям и иностранцам...».⁷

Когда осенью 1874 г. германский публицист Макс Нордау впервые приехал в Париж, «эпоха войны была еще настолько свежа в народной памяти, что нельзя было удивляться общему проявлению самого сильного раздражения и глубокой ненависти к Германии <...> германская речь вызывала неприязнь».⁸ Однако к чести французов, параллельно с нормализацией официальных франко-германских отношений происходило успокоение и национальных чувств. То, что вопреки всем воинственным призывам, Франция вновь обретала терпимость по отношению к немцам, показывают и данные статистики. В 1872 г., не смотря ни на что, в стране проживало почти 40 тыс. немцев, не считая

⁵ Цит. по: Кракауэр З. Жак Оффенбах и Париж его времени / Пер. с нем. М., 2000. С. 348.

⁶ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки: В 2-х т. / Пер. с нем. Т. 2. СПб, 1879. — См. также: Кракауэр З. Жак Оффенбах... С. 347.

⁷ Journal des Debats. 1874. Nov. 5. P. 3.

⁸ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Т. II. С. 187.

германоязычных переселенцев из Эльзас-Лотарингии. Через десять лет таковых насчитывалось уже около 82 тыс., а «круглой» отметки в 100 тыс. германских иммигрантов Франция достигла к 1886 г.

Первым делом нормализовались деловые отношения между предпринимателями двух стран. Один из таких осевших во Франции германских торговцев Август Лаур, обладавший широким кругом связей во французской деловой и политической элите и с 1874 г. по 1877 г. выступавший также в роли одного из осведомителей Бисмарка, свидетельствовал в одном из своих отчетов канцлеру: «Чувство враждебности в Париже по отношению к нам, немцам, сменилось куда большей терпимостью. Теперь здесь можно говорить по-немецки, и не вызвать ни с чьей стороны нападков. Люди в провинции более враждебны, Париж и провинции равным образом стараются исключить нас из своей общественной жизни. Но деловые связи между нами ныне столь же оживленны и взаимовыгодны, как и до войны».⁹

Тем не менее, если немцы теперь и появлялись во французских романах и на французской сцене, то неизменно в весьма невыгодном свете. Одной из излюбленных тем оставалась все та же тема прусского шпионажа. В октябре 1871 г. «*Revue politique et litteraire*» с большим успехом печатал на своих страницах перевод с английского новейшего романа «Прусский шпион».¹⁰ Этой же теме оказалась посвящена пьеса «Дора» Викторьена Сарду. Чуткий к общим настроениям Сарду кристаллизовал их в образе великосветских авантюристок, выуживающих по заданию соперничающих кабинетов секретные сведения из влюбчивых французских дипломатов и министров. При этом парижская публика пребывала в полной уверенности, что Сарду в завуалированной форме указал на реальных лиц, и с готовностью принялась угадывать прототипов героев.¹¹ Столь же сочувственно был встречен роман Альфреда Ассолана «Доктор Иудакон», рисовавший новые примеры той черной неблагодарности и предательства, которыми отплатили немцы гостеприимно открывшей им свои дома Франции.¹² Роман Ассолана был

⁹ Цит. по: *Hsi-Huey Liang* The rise of modern police and the European state system from Metternich to the Second World War. Cambridge, 1992. P. 93.

¹⁰ См.: *L'espion prussien* // *Revue politique et litteraire*. 1871. № 16–20.

¹¹ См.: *Нордэу М.* Из действительной страны миллиардов... Т. II. С. 187.

¹² *Gaucher M.* *Causerie littéraire* (Le docteur Judakohn de M. Alfred Assolant) // *Revue politique et litteraire*. Т. 3. 1873. № 34. P. 828.

примечателен и по-своему опасен еще и тем, что от образа «велико-светского шпиона» переходил к теме «шпиона-маленького человека», незаметного, живущего самым заурядным обывателем.

В такой постоянно подпитываемой атмосфере недоверия и подозрений неудивительно, что печальная участь «прусского шпиона» во Франции могла поджидать любого излишне любопытного туриста-иностранца. Роберт Льюис Стивенсон, совершивший в 1874 г. путешествие на лодке по рекам Северной Франции, оставил немало любопытных зарисовок этого еще живущего «преданиями недавней войны» края в своей небольшой книге «Путешествие вглубь страны». При этом сам будущий автор «Острова сокровищ» едва не был арестован бдительным сотрудником французской жандармерии на основании найденной в его багаже книги.¹³ То, что угроза этого была вполне реальна, показывает случай другого, менее удачливого путешественника, брата русского писателя И. В. Вельсиева, решившего в ожидании поезда зарисовать в свой альбом готический собор Гиени в долине Луары. Эта попытка была немедленно пресечена бдительными жандармами, а сам А. М. Вельсiev был арестован как «пруссский шпион». Ночной допрос убедил французскую полицию лишь в том, что перед ними представитель иной национальности, но само по себе это не стало основанием для освобождения из местной тюрьмы.¹⁴

Но говоря о восприятии во французского массовом сознании «немецкого присутствия» и особенно стойкого убеждения в засилье немецких шпионов, нельзя не попытаться очертить реальную ситуацию с противостоянием французской и германской разведок и контрразведок в первое послевоенное десятилетие.

Реалии французской разведки и контрразведки

Вопреки распространившемуся во французском массовом сознании после войны убеждению в том, что германские победы были обеспечены наводнившими страну прусскими шпионами и изменниками, немцы черпали львиную долю информации из открытых источников. Одну из центральных ролей в сборе сведений во Франции, как показывает немецкий исследователь Стефан Вайс, сыграл австриец на прусской

¹³ См.: *Стивенсон Р. Л.* Путешествие внутрь страны. Клуб самоубийц / Пер. с англ. СПб., 1994. С. 238–245.

¹⁴ *Actes et documents officiels / Journal des Debats.* 1875. Mars 10. P. 4.

службе Август Шлюга фон Растенфельд. Именно на счету Растенфельда была самая успешная «операция» немецких «секретных служб» в ходе франко-прусской войны, когда ему удалось своевременно передать германскому командованию информацию о продвижении армии Мак-Магона на помощь блокированному в Меце Базену, позволившую немцам оттеснить ее к границе с Бельгией и разгромить под Седаном. Однако эти совершенно бесценные для Мольтке сведения были почерпнуты из свежей французской же прессы, которая с немислимой свободой разглашала намерения собственного правительства.¹⁵

Главной проблемой в ходе войны было не столько добыть сведения, сколько успеть при неразвитости тогдашних средств связи ими воспользоваться, и это объясняло то, почему главным центром прусского шпионажа стала миссия в Берне, к деятельности которой также приложил руку небезызвестный Вильгельм Штибер, занимавшийся обеспечением безопасности первых лиц государства и выполнением различного рода деликатных поручений Бисмарка. Бисмарк всегда уделял огромное внимание этой стороне политики, и средств на обеспечение работы действовавшей на оккупированной французской территории «полевой полиции» (*Feldpolizei*) Штибера не жалел: фонд отпущенных Штиберу средств превышал то, чтобы было выделено на содержание штаба самого Бисмарка.¹⁶ Данные Штибера были тем ценней, если принять во внимание упорное нежелание германских военных во главе с Мольтке делиться оперативными сведениями с министром-президентом.

Поэтому из войны с Францией Германия вышла фактически с двумя разведывательными службами, каждая из которых была призвана обеспечить потребности в информации двух крайне независимых по духу отцов-основателей Империи: главу Большого генерального штаба и германского канцлера. Однако в обстановке первых мирных лет детище Штибера, Центральное информационное бюро, действовало уже не столь успешно, и в январе 1874 г. оно было расформировано. Отчасти это стало возможным потому, что германское ведомство иностранных дел располагало полным доступом к важнейшим сведениям, которые

¹⁵ Weiss S. Wilhelm Stieber, August Schluga von Rastenfeld und Otto von Bismarck: Zu den Anfängen des deutschen Geheimdienstes // Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Bd 31. 2004. S. 87–112. — О Растенфельде см. также: Österreichisches Biographisches Lexikon, 1815–1950 / Hrsg. von der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd X. Wien, 1992. S. 221–222.

¹⁶ Weiss S. Wilhelm Stieber... S. 94.

по каналам германских военных представителей в той же Франции направлялись в Информационное бюро (*Nachrichtenbüro*) германского Генштаба, на основе которого впоследствии сформируется его подраздел IIIb (разведка и контрразведка).

По-видимому, Августу фон Растенфельду, опиравшемуся на довольно широкую сеть осведомителей, в 1870-е гг. вполне удавалось обеспечивать нужного рода сведениями как Бисмарка (через Штибера), так и Мольтке (через военного атташе Вальдерзее). К сожалению, сотни донесений, направленные в Берлин Растенфельдом в качестве «агента 17» на протяжении своей полувековой деятельности во Франции под видом журналиста, были уничтожены и не сохранились для исследователя. Но несмотря на факт этой отдельно взятой исключительно удачной карьеры, большинство агентов «Информационного бюро», по-видимому, были хорошо известны французской полиции.

Аналогичная шпионская деятельность Парижа (наряду с контршпионажем) в первой половине 1870-х годов осуществлялась как и в Германии, главным образом, двумя ведомствами. «Политическая разведка» сосредотачивалась в недрах парижской префектуры полиции и была налажена Леоном Рено (префект в 1870–1876 гг.) по личному указанию президента А. Тьера. Ведомство Рено время от времени вполне успешно сотрудничало с военной разведкой, и, располагая десятками информаторов, представляло министру внутренних дел ежедневные отчеты. Позиции префектуры полиции, как и самого Рено, в эти годы неуклонно укреплялись: маршал Мак-Магон не только отклонил прошение последнего об отставке после «свержения» Тьера, но и наделил (с февраля 1874 г.) дополнительно постами директора полиции общественной безопасности («Сюртэ женераль») и государственного советника по особым поручениям.¹⁷

В центре внимания префектуры полиции, разумеется, находилось и германское посольство в полном составе: послы Арним и Гогенлоэ, равно как и их секретари, германские военные представители, круг их общения и контакты во французской столице. Картотеки префектуры зафиксировали и весьма известные имена, в частности, датского журналиста Хансена и парижского корреспондента «The Times», уже

¹⁷ См.: Dictionnaire des parlementaires français...: depuis le 1er mai 1789 jusqu'au 1er mai 1889 / Sous la dir. de A. Robert, E. Bourloton et G. Cougny. Tome V. Paris, 1891. P. 117.

упоминавшегося в связи с «военной тревогой» Генри Бловица. Оба фактически выступали в роли двойных агентов, оказывавших важные услуги как Парижу, так и Берлину. Всего «Список лиц, о ком сообщено как об осуществляющих шпионаж в пользу Пруссии», подготовленный «Сюртэ» к середине 1870-х гг., насчитывал уже 176 имен.¹⁸ В свою очередь, не менее десятка засекреченных агентов ведомства Рено, чьи послания подписывались только инициалами, действовал в эти годы непосредственно в самой Германии.¹⁹

Не меньшую активность развернуло после войны и военное министерство. Распоряжением Тьера уже в июне 1871 г. при военном министре создается Генеральный штаб в составе двух бюро. Второе бюро должно было сосредоточиться на «подготовке военных операций» и связанным с этим изучением армий соседних стран. Во главе его встал подполковник Эмиль Вансон, специалист по Германии, осуществлявший аналогичную работу в Главном военном управлении (*Dépôt de la Guerre*) в годы Второй империи и совершивший в конце 1860-х гг. целый ряд разведывательных поездок на левом и правом берегах Рейна.²⁰ В структурных рамках ведомства Вансона сразу же выделился Отдел статистики (*Section de statistique*), первой задачей которого было определено «информировать французское командование относительно германских войск, оккупирующих нашу территорию».²¹ Отдел статистики сосредоточился на секретной и нелегальной деятельности: направлял работу добровольных и оплачиваемых агентов за границей и противодействовал подобной деятельности внутри страны, другими словами, напрямую занимался шпионажем и контршпионажем.

С 1871 г. Отдел возглавлял Авраам Самюэль, получавший ежегодно из секретных фондов министерства 7 тыс. франков и учредивший тогда же первый пост в Нанси, где располагалась ставка командующего германским оккупационным корпусом генерала Мантейфеля. В 1873 г. Самюэля сменил амбициозный Эмиль Кампюन्नэ, последовательно

¹⁸ Mitchell A. The Xenophobic Style: French Counterespionage and the Emergence of the Dreyfus Affair // The Journal of Modern History. Vol. 52. 1980. № 3. P. 418.

¹⁹ Mitchell A. The Xenophobic Style... P. 416.

²⁰ Laurent S. Aux origines de la «guerre des polices»: militaires et policiers du renseignement dans la République (1870–1914) // Revue historique. Vol. 4. 2005. № 636. P. 770.

²¹ Forcade O. La République secrète: Histoire des services spéciaux français de 1918 à 1939. Paris, 2008. P. 23–24.

добивавшийся расширения штатов службы, переименованной в 1878 г. в Особую службу разведки с ежегодным бюджетом уже в 186 тыс. франков, позволявшим получать регулярные сведения из Берлина, Дрездена, Мангейма, Кёльна, Франкфурта. Отдел статистики насчитывал в те годы лишь десяток сотрудников, пять из которых были офицеры, и может быть назван прообразом будущих французских спецслужб.²²

12 марта 1874 г. специальным декретом Генеральный штаб при военном министре был реорганизован в соответствии с требованиями времени, получив развернутую структуру из шести бюро. Второе бюро («Военная статистика») окончательно сосредоточилось на разведке и аналитической деятельности, а Отдел статистики, начиная с 1874 г., обрел значительную долю автономности. Он по-прежнему напрямую подчинялся одному из заместителей начальника Генерального штаба, но был выведен из состава Второго бюро. Тем самым нелегальная шпионская деятельность Отдела, финансируемая из секретных фондов, в случае каких-либо разоблачений не ставила под удар ни Генеральный штаб, ни фигуру военного министра, что последних вполне устраивало.²³

В июле того же 1874 г. распоряжением военного министра Сиссэ были дополнительно инициированы специальные меры против шпионской деятельности и на уровне армейских корпусов, при штабе каждого из которых была создана собственная «служба разведки». Каждая из этих служб должна была активно развернуть свою работу сразу же по началу боевых действий, а координация их усилий была возложена на все то же Второе бюро. Увенчает эту инициативу в январе 1887 г. создание соответствующих «территориальных служб армейских корпусов» (*services territoriaux du corps d'armée*).²⁴

Второе бюро получало свои сведения преимущественно из открытых источников и его главная задача сводилась к анализу поступающих сведений. Ежедневная деятельность приблизительно двадцати со-

²² Laurent S. Aux origines de la «guerre des polices»... P. 772–773; Forcade O. Considération sur le renseignement, la défense nationale et l'État secret en France aux XIXe et XXe siècles // Revue historique des armées. 2007. N 247. P. 4–12. — Режим доступа: <http://rha.revues.org/index2013.html>. Дата посещения: 1.08. 2011.

²³ Laurent S. Aux origines de la «guerre des polices»... P. 773.

²⁴ Forcade O. La République secrète: Histoire des services spéciaux français de 1918 à 1939. Paris, 2008. P. 26.

трудников бюро во многом была связана с прочтением иностранной прессы, как узковоенной, так и политической. Информация о ближайшем соседе стекалась сюда сразу по нескольким каналам. Одним из них были донесения французских дипломатических и военных представителей как в самой Германии, так и сопредельных с ней государств, в особенности Бельгии и Швейцарии. Как многозначительно писал, в частности, Вансону 24 мая 1875 г. французский военный атташе в Берлине князь Полиньяк: «Уверяю Вас, моя должность в нынешнем году не была синекурой!». ²⁵ Сам Вансон регулярно организовывал встречи для свободного обмена мнениями с иностранными военными атташе, не исключая германских представителей.

Французское военное министерство в полной мере задействовало также практику отправки офицеров в Германию со специальными миссиями. В то время любой офицер, имевший на руках письменное разрешение министерства отбыть «в отпуск», мог совершенно свободно путешествовать за границей. С 1866 г. для посещения Германии французским гражданам не требовалось иметь и заграничный паспорт, что, должно быть, заставляло немало сожалеть германское руководство в 1870-е гг. Единственным ограничением, за соблюдение которого ухватились немцы, стало требование заявить о себе местной полиции въезжающим на территорию Эльзас-Лотарингии. Французские офицеры, широко пользовавшиеся правом поездок «в отпуск» к родным, оставшимся на отторгнутых территориях, впрочем, зачастую пренебрегали этим правилом во избежание неминуемого полицейского надзора.

Начиная с 1876 г., местные германские власти, как военные, так и гражданские, с тревогой фиксируют неуклонное увеличение числа французских офицеров, которые «частным порядком» путешествовали по территории Эльзас-Лотарингии и остальной Германии. Значимость этой проблеме придавали не только из соображений сокрытия военных тайн, но и из-за развития сопутствующего визитам французских офицеров представления у местного населения о том, что положение вещей не окончательно, и Франция не оставила надежд на реванш. Рапорт окружных властей Мольсхайма прямо увязывал случаи открытого

²⁵ Цит. по: *Defrasne J. L'armée française devant l'alert de 1875 // Revue historique de l'armée. Vol. 26. 1970. P. 56.*

проявления нелояльности местной молодежи в виде демонстративного распевания французских песен со все более частым присутствием французских офицеров.²⁶

Тревоги немцев были в немалой мере оправданы. То, с какой методичностью в эти годы велось изучение своего противника французами военными, показывают записки, которые направлялись тогдашнему главе французского Генерального штаба генералу Бло начальниками Четвертого бюро, занимавшегося вопросами транспорта. Принимая во внимания хорошую изученность территории Эльзас-Лотарингии, шеф Четвертого бюро просил в июне 1880 г. ликвидировать ряд остающихся лакун в изучении германской транспортной системы на левом берегу Рейна, в Люксембурге и прирейнской части Баварии, что имело прямую взаимосвязь со скоростью германской мобилизации.²⁷

В июне 1881 г. Четвертым бюро констатировалось, что по итогам произведенных изысканий можно считать «левый берег Рейна изученным достаточно, и кажется логичным произвести ту же работу на правом берегу, начиная со среднего течения этой реки в зоне, которая будет наиболее интересна в случае наступления».²⁸ В числе тех офицеров, кто в 1870-е годы совершил длительные командировки разведывательного характера в Германии, был и будущий глава Отдела статистики, один из инициаторов дела Дрейфуса, тогда еще капитан Жан-Конрад Сандер, изучивший по заданию военного министерства все переправы через Рейн от Базеля до Кёльна.²⁹

При том, что специальные службы Франции и Германии в те годы еще находились в состоянии «младенчества», сильно ограниченные в кадровом отношении и технически, нет никаких сомнений, что новая граница между двумя соседями быстро превратилась в зону скрытого противостояния, и именно здесь фактор иностранного присутствия ощущался особенно остро.

²⁶ *Barbey-Say H.* Le voyage de France en Allemagne de 1871 à 1914. Nancy, 1994. P. 198.

²⁷ *Franc A. de, colonel* Reconnaissance des chemins de fer étrangers: Note pour monsieur le Général Chef d'Etat-major Général, 11 juni 1880 // SHD/DAT. 1 M 1545: Reconnaissances-Allemagne, 1880–1881.

²⁸ *Leruy, colonel* Reconnaissance des chemins de fer étrangers à exécuter en 1881: Note pour monsieur le Général Chef d'Etat-major Général, 18 juni 1881 // SHD/DAT. 1 M 1545. — См. также: *Barbey-Say H.* Le voyage de France en Allemagne... P. 185–186.

²⁹ *Defrasne J.* L'armée française devant l'alert de 1875... P. 56.

6.2. БЕСПОКОЙНАЯ ГРАНИЦА

Силы и средства негласного противостояния

В поле зрения префектуры полиции, несмотря на формальное ограничение сферы ее компетенции Парижем и столичным департаментом Сена, были и приграничные с Германией области. В сотрудничестве с Отделом статистики военного министерства только в 1874 г. ею было зафиксировано 36 германских офицеров, под видом туристов путешествовавших по Франции «в целях сбора информации о нашей (военной. — А. Б.) организации и сооружениях».³⁰ Любопытно, что схожую цифру «трех десятков германских офицеров-шпионов» озвучивал в октябре 1872 г. на заседании Высшего военного совета и маршал Мак-Магон.³¹ По большей части эта информация оставалась скрыта от широкой публики, и когда летом 1875 г. французские газеты придали шумную огласку факту задержания германского агента, изучавшего крепость Бельфор, это явно стало нарушением правил тайного противоборства и курьезным образом заставило именно Деказа, а не Гогенлоз приносить свои извинения.³²

Министерство внутренних дел располагало также еще одной полицейской структурой, прямо «Сюртэ женераль» или парижской префектуре полиции не подчинявшейся, а именно — «особой полицией на железных дорогах» (*police spéciale des chemins de fer*).³³ «Особая полиция на железных дорогах», унаследованная Республикой у Второй империи, обладала рядом черт органа политического сыска: в ее функции входила слежка за потенциальными врагами государства, перлюстрация писем и т. д. Ряд комиссариатов, развернутых на границе, занимался дополнительно надзором за въезжающими иностранцами для выявления потенциальных врагов государства и шпионов. Именно

³⁰ Цит. по: Mitchell A. The Xenophobic Style... P. 417.

³¹ Протокол третьего заседания Высшего военного совета, 14 октября 1872 г. // La défense sous la Troisième République / Ed. by G. Pedroncini. Tome I: Vaincre la Défaite, 1872–1881. Vol. I: Armée de terre: Documents à partir des archives de l'armée de terre. Vincennes, 2000 (1988). Document N 3. P. 50.

³² Mitchell A. The Xenophobic Style... P. 417.

³³ О запутанной системе полицейских служб Третьей республики см.: Berlière J.-M. Ordre et sécurité. Les nouveaux corps de police de la Troisième République // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1993. N 39. Jul. - Sep. P. 23–27; Berlière J.-M., Vogel M. Aux origines de la police politique républicaine // Criminocorpus, revue hypermedia. — Режим доступа: <http://criminocorpus.revues.org/257>. Дата посещения: 1.08.2011.

в этом отношении деятельность Особой полиции последовательно расширялась, и к 1879 г. число ее сотрудников достигло 200 человек.

В течение 1870-80-х гг. вдоль новой границы с Германией, в департаментах Мёрт-и-Мозель, Вогезы и вокруг Бельфора возникла густая сеть из двух десятков соответствующих постов.³⁴ Один из таких комиссариатов Особой полиции в городке Пани-сюр-Мозель с 1872 г. по 1887 г. возглавлял небезызвестный Гийом (Вильгельм) Шнебеле, захват которого его германскими коллегами на самой границе в апреле 1887 г. спровоцирует острый франко-германский кризис и станет одной из самых ярких страниц необъявленного противостояния специальных служб двух соседних стран в последней трети XIX в.

В задачи Шнебеле, как и десятков его коллег, входило не только противодействовать иностранной разведывательной деятельности, но и давать оценку ситуации на отошедших к Германии территориях. Комиссары Особой полиции проникали в приграничные селения Эльзас-Лотарингии, чтобы прозондировать общественные настроения и определить реакцию населения на решения германской администрации. Основывались их оценки, как видно из отчета одного из комиссаров о ситуации в пограничном Аврикюре, датированного 14 ноября 1877 г., на весьма тривиальных разговорах с местными жителями и прочтении местных газет. Но даже полученные столь бесхитростным образом сведения удостаивались самого пристального внимания не только Первого бюро «Сюртэ», но и министра иностранных дел.³⁵ Комиссары Особой полиции поддерживали также тесный контакт с теми жителями Эльзас-Лотарингии, которые были готовы, так или иначе, сослужить службу своей бывшей Родине. В ряде случаев речь шла и о представителях местной политической и промышленной элиты.³⁶

Дополнительную помощь комиссарам Особой полиции оказывали развернутые на северо-восточной границе 6 бригад жандармерии (всего 30 человек) и служители лесной и водной стражи (*services des Eaux et Forêts*). Координация деятельности агентов парижской префектуры полиции, «Сюртэ женераль» и Особой полиции, подчинявшихся министру внутренних дел, с Отделом статистики Генерального штаба

³⁴ Forcade O. La République secrete... P. 26.

³⁵ Hsi-Huey Liang The rise of modern police... P. 98.

³⁶ Forcade O. Considération sur le renseignement, la défense nationale et l'État secret en France aux XIXe et XXe siècles // Revue historique des armées. 2007. № 247. P. 9. — Режим доступа: <http://rha.revues.org/index2013.html>. Дата посещения: 1.08. 2011.

и жандармерией, подотчетных военному ведомству, вплоть до середины 1880-х гг. была слабой. В 1878 г. глава Второго бюро Генерального штаба Эмиль Вансон предпринял решительную попытку добиться монополии на получение всей информации Военного министерства, МВД и МИД, которая так или иначе касалась бы угроз безопасности страны извне, но потерпел неудачу. Проблема подобной централизации усилий самых различных французских специальных служб так и осталась неразрешимой для Третьей республики.³⁷

Обостренному ощущению «враждебного» присутствия во Франции и Германии способствовало то, что граница между ними была свободно проницаемой для жителей обеих стран. Французской жандармерией регулярно фиксировались пограничные инциденты разной степени серьезности. Самый большой резонанс по вполне понятным причинам получали случаи нарушения границы, совершенные «при исполнении» — лицами, состоявшими на гражданской или военной службе. С учетом того, что франко-германская граница в те годы была буквально перенасыщена войсками, не было ничего удивительного в весьма регулярных мелких происшествиях с участием солдат двух стран. И пусть многие из них имели скорее курьезный оттенок, они неизменно становились предметом обсуждения на официальном дипломатическом уровне.

Один из первых пограничных инцидентов, случившийся после окончательного освобождения французской территории от германских оккупационных войск, произошел в феврале 1874 г. Трое французских драгун — сержант и двое рядовых — беспрепятственно с оружием в руках проникли на германскую территорию, пока не достигли железнодорожной станции в деревушке Шамбрей, где и были остановлены местным налоговым служащим. В ответ на благодушное замечание немца, что господа французы, должно быть, ошиблись дорогой, предводительствовавший компанию сержант заявил, что они едут именно туда, куда хотят, и что больше это никого не касается. На последовавшее замечание о неизбежности в таком случае ареста драгунский сержант ответил «неприличным жестом», после чего вся троица галопом умчалась по направлению к Нанси.

Инцидент не остался без внимания германских властей, и 20 марта герцог Деказ передал военному министру дю Бараю их настоятельную

³⁷ *Laurent S.* Aux origines de la «guerre des polices»... P. 774–775; *Forcade O.* La République secrète... P. 24–25.

требование разыскать виновных в нарушении границы. Почти сразу же таковой, сержант 9-го драгунского полка Брисоннэ из состава гарнизона Нанси, был установлен и препровожден в полковую тюрьму для отбытия недельного дисциплинарного ареста. «Дело Брисоннэ» было закрыто, не успев разгореться, а действенной мерой против повторения подобных демаршей на какое-то время стала угроза министра о личной ответственности вышестоящих офицеров — выходки их подчиненных грозили ввергнуть страну в очередной дипломатический кризис.³⁸

В апреле 1877 г. уже небольшие группы германских солдат из состава гарнизона Меца дважды совершали невольные вторжения на территорию французской коммуны Сен-Эй.³⁹ После этого незамедлительно, в мае того же года, в Меце была сформирована специальная франко-германская комиссия, призванная завершить процесс демаркации «военной границы» между двумя соседями на спорном участке, которая, по-видимому, и была осуществлена к июлю того же года. Однако проблему подобных инцидентов, грозящих возможным осложнением и без того непростых отношений двух соседей, это не решило.

Однако наибольшее внимание правительств двух стран привлекали не эти случайные происшествия, а энергичные усилия соседа на «невидимом фронте». Бисмарк не только сам охотно прибегал к информации разведывательного рода, но и обращал внимание на аналогичную активность ближайшего соседа. Тема тайной и враждебной Германии деятельности французов поднималась им и на официальном дипломатическом уровне. Так, в беседе с британским послом лордом Одо Расселом в декабре 1873 г. Бисмарк, «понизив голос», как отметил посол, сообщил, что «французы посылают в Германию агентов в *штатском платье* (курсив в оригинале. — А. Б.) исследовать местность в видах будущей кампании», что они даже «промеряли глубины вдоль побережья Гольштейна для определения лучших мест для высадки войск», но их деятельность, утверждал канцлер, не осталась незамеченной.⁴⁰

³⁸ Ministre des Affaires étrangères à Ministre de la Guerre, 20 mars; Général commandant le 6e Corps d'armée à Ministre de la Guerre, 3 avril; Ministre de la Guerre à Ministre des Affaires étrangères, 11 avril 1874 г. // SHD/DAT. 1 M 2157 (Reconnaisances — Allemagne, 1871–1892): Incidents de frontière.

³⁹ Ministre de la Guerre à Ministre des Affaires étrangères, 13 avril, 4 juin 1877 // SHD/DAT. 1 M 2157.

⁴⁰ Рассел — Гренвилу (Секретно), 22 декабря 1873 года // Цит. по: *Taffs W. Ambassador to Bismarck: Lord Odo Russell. London, 1938. P. 65–66.*

За театральностью этого демарша, впрочем, крылась реальная обеспокоенность.

В марте 1878 г. в записке своему непосредственному представителю в Эльзас-Лотарингии, главе германской администрации обер-президенту Эдуарду фон Мёллеру, канцлер распорядился установить постоянный надзор за иностранцами, проникающими в зону германских укрепленных районов, равно как и путешествующими по железной дороге через Страсбург, Мец и Тьонвиль — особенно из Франции. Тех иностранных офицеров, которые в течение 24 часов не объявляли о своем прибытии в местных военных комендатурах, Бисмарк указывал немедленно высылать из страны под угрозой более суровых наказаний.

Канцлер отмечал, в частности, что «заслуживающие доверия сведения дают основания полагать, что весьма значительное число французских офицеров приезжает, находится и уезжает, не объявив о себе, близ крепостей в Эльзас-Лотарингии. Для Страсбурга это число столь велико, что если оценки соответствуют действительности, его безопасность окажется под серьезной угрозой в случае временного отсутствия или сокращения гарнизона, или же изменений политической ситуации, которые могут произойти внезапно и в любой момент».⁴¹

Любопытно, что своеобразный всплеск «шпиономании» во внешне спокойный для франко-германских отношений 1878 год произошел и по другую сторону границы. Реагируя на рапорт командира 12-й пехотной дивизии, в том же марте 1878 г. военный министр Жан-Луи Борель приказал командующему VI армейским корпусом и службе военных инженеров принять дополнительные меры безопасности в приграничных крепостях. По мнению Бореля, «беспрестанный шпионаж, который немцы, по всей видимости, осуществляют в различных местах нашей границы, дает основание предполагать, что в случае войны, враг попытается захватить врасплох» французские передовые укрепления в Лонгви, Монмеди и Шарлемон.

В итоге комендантам всех трех старинных крепостей, созданных или перестроенных еще Вобаном в царствование Людовика XIV, было предписано под персональную ответственность обеспечить исправную работу всех защитных механизмов и задействовать их в целях безопасности в ночное время: поднимать мосты и барьеры, опускать

⁴¹ Цит. по: *Barbey-Say H. Le voyage de France en Allemagne...* P. 199, 207 (n. 53).

на воротах решетки и т. д.⁴² Это означало, что указанные городки фактически переходили на военное положение, ибо французский устав 1863 г. этих особых мер предосторожностей в мирное время не предусматривал.

В ноябре того же года Борель решил предпринять в этом направлении дополнительные шаги. Ссылаясь на то «большое число личностей германского происхождения, которых ежедневно обнаруживают на территории департамента Мёрт-и-Мозель, в особенности на подходах к укреплениям», он обратился за содействием к министру внутренних дел и министру финансов. Первого он просил дать указания комиссару особой полиции на вокзале Одэн-ле-Роман следить за всем, что происходит в близлежащих Тьонвиле и Фонтуа на германской стороне, чтобы иметь возможность по телеграфу немедленно известить коменданта Лонгви обо всех «необычных перемещениях к границе» германских войск. Второго своего коллегу он просил обязать тем же «серьезным наблюдением на границе» и своевременным оповещением военных властей служащих таможенных постов в Мон-Сен-Мартен, Лонлавиле, Солюз, Усиньи и Вилер-ла-Монтань.⁴³

Впрочем, весьма вероятно, что высокая активность как французских, так и германских агентов в приграничных районах в конце 70-х годов объяснялась лихорадочным строительством по обе стороны границы новых укреплений и стратегических линий железных дорог. В равной мере, по-видимому, сказывалось и обострение внутривнутриполитической ситуации в самой Германии, где после совершения покушений на Вильгельма I и развернутого Бисмарком масштабного преследования социал-демократов все правоохранительные силы страны демонстрировали особое рвение. Именно на это обстоятельство указывал тогда же в ноябре 1878 г. комиссар особой полиции Шнебеле, известивший Париж о том, что германская полиция по ту сторону границы удвоила свою бдительность и самым решительным образом пресекает критику правительства. В связи с этим Шнебеле считал необходимым предостеречь французских офицеров не совершать поездки в отпуск к своим

⁴² *Ministre de la Guerre à Général commandant le 6e Corps d'armée*, 30 mars 1878 // SHD/DAT. 1 M 2157.

⁴³ *Ministre de la Guerre à Monsieur le Ministre d'Interieur*, 27 novembre 1878; *Ministre de la Guerre à Monsieur le Ministre des Finances*, décembre 1878 et janvier 1879 // SHD/DAT. 1 M 2157.

родственникам в Эльзас-Лотарингию, равно как и французских железнодорожных служащих — не пересекать границы в униформе.⁴⁴

К концу 70-х гг. Франция и Германия значительно продвинулись в деле укрепления своей обороны на новых рубежах, но парадоксальным образом представление о том, что сосед в любой момент может нанести удар, как мы видим, с годами только укреплялось.

Германское присутствие и поиск внутреннего врага: случай Раон-сюр-Плен

Особенно показательные с точки зрения взаимодействия французских ведомств в противодействии «германской угрозе», равно как и оценки самой опасности германского присутствия события развернулись в течение 1876 года.

В декабре 1875 г. французская жандармерия зафиксировала тревожный факт частого появления германских «лесных стражников» в мундирах и при оружии в пограничных коммунах Раон-сюр-Плен и Раон-ле-Ло французского департамента Вогезы. Этот сигнал был тем серьезней воспринят в Париже, что именно эти коммуны, первоначально отошедшие по Франкфуртскому договору Германии, Франции удалось вернуть назад при подписании в октябре 1871 г. дополнительного протокола об исправлении границы. Поэтому этот, казалось бы, незначительный эпизод стал отправной точкой для оживленной и весьма любопытной переписки сразу трех французских министерств.

В ответ на запрос министерства внутренних дел префект департамента Вогезы подтвердил, что сведения жандармерии точны, и что «инспекторы лесной стражи или простые стражники очень часто появляются в униформе и при оружии в Раон-сюр-Плен, Лювиньи и других коммунах долины реки Селле, относящейся к департаменту Мёрт-и-Мозель». Он объяснял эти регулярные вторжения исполнением немецкими стражниками своих обязанностей по контролю за примыкающими к этой долине лесами, отошедшими после войны Германии. Сами жители этих пограничных французских деревень занимались преимущественно теми же лесными промыслами, а потому искали работу на аннексированных немцами территориях. Именно это обуславливало то, писал префект, что они «живут в полном согласии

⁴⁴ Hsi-Huey Liang The rise of modern police... P. 109.

с германскими служащими и даже стараются им угодить», а те, в свою очередь, запросто появляются в «общественных местах» окрестных французских селений.⁴⁵

Префект поспешил откrestиться от подобного образа действий некоторых своих соотечественников и не преминул отметить, что жители окрестных коммун долины Селле «с болью смотрят на переходы немцев через французскую территорию и живо желают прекращения настоящего положения вещей, но они не осмеливаются проявить свое недовольство из тех опасения, что в случае ссоры трудовой люд Раон-сюр-Плен и Раон-ле-Ло, работающий на немцев, встанет на их (немцев. — *А. Б.*) сторону». В прочих же пограничных коммунах, заверял префект, немецкие лесные стражники показываются куда реже, поскольку «чувствуют враждебность к себе населения и опасаются дурного приема».⁴⁶

Министр внутренних дел Луи Буффе не был склонен драматизировать ситуацию и счел, что тревожные сообщения жандармерии «немного преувеличили значение» факта появления немецких служащих в некоторых удаленных горных деревнях, стремящихся «лишь попасть в вверенные их надзору леса». Тем не менее, в случае заинтересованности Военного министерства в более глубоком изучении ситуации, Буффе предлагал направить на место агента Особой полиции.⁴⁷

Военный министр Сиссэ запросил мнение командующего VI армейского корпуса генерала Дуэ, к военному округу которого относилась территория указанных коммун, и тот не только счел желательным изучить «то влияние, которое могли оказать на настроения местного населения эти вторжения», но и прямо указал на некоего месье Валентэна, которого «похоже, опасаются в его деревне» и который является «немецким шпионом и дорожным инженером». Появление агента Особой полиции в подозрительно дружественных немцам деревнях должно было, как надеялся Дуэ, парализовать деятельность германской агентуры.⁴⁸

Ситуация была подробнейшим образом исследована комиссаром особой полиции Кемпфом. Прибыв на место, комиссар убедился, что

⁴⁵ Le Préfet des Vosges à Monsieur le Ministre d'Interieur, 5 janvier 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157 (Reconnaissances — Allemagne, 1871–1892): Incidents de frontière.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ministre d'Interieur à Monsieur le Ministre de la Guerre, 19 février 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.

⁴⁸ Général commandant le 6e Corps d'armée Douay à Ministre de la Guerre, 19 février 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.

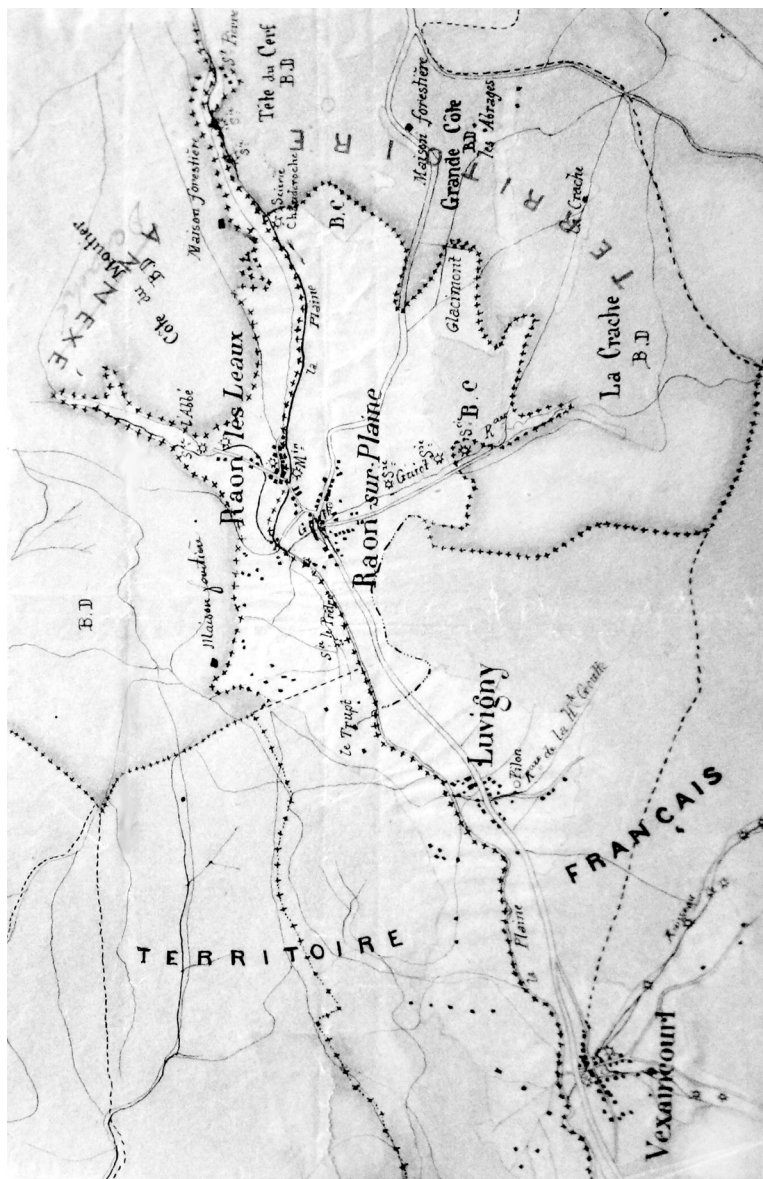
Раон-сюр-Плен и Раон-ле-Ло лежат в узкой долине реки Плен, окруженные с трех сторон густо поросшими лесами горными склонами. При проведении новой границы с Германией долина с франкоговорящим населением осталась за Францией, а все окрестные леса, составлявшие основной источник заработка жителей долины, отошли победителю. Местным лесорубам и ломовым возчикам, традиционно сбывавшим лес с окрестных гор через посредников на лесопилки в долине Селле, ничего не оставалось, как обращаться за разрешением на вырубку к местному главе германской лесной инспекции.

Как отмечал Кемпф, немцы вполне благосклонно шли навстречу этим просьбам, предоставляя за незначительную плату разрешения на сбор хвороста и валежника. С учетом того, что лесные кордоны располагались по всем трем сторонам от Раон-сюр-Плен на удалении всего 1–3 км, ежедневные контакты местных жителей с германской лесной стражей и почтальоном из ныне германского Ширмека становились неминуемы. Поэтому, с точки зрения местных жителей не было ничего необычного в том, что главы германской районной лесной инспекции и лесной стражи несколько раз в год устраивали при помощи французов в окрестных лесах загонную охоту на кабана и косулю, а затем спускались с охотничьими ружьями в Раон-сюр-Плен отдохнуть и пропустить пару стаканчиков у вдовы Матьё.⁴⁹

Кемпфу не удалось обнаружить также ничего, что бы изобличало в деятельности г-на Валентэна — работавшего на немцев, как и некоторые его соседи, путевым сторожем за 75 франков в месяц — государственную измену. Комиссар делал вывод, что жители Раон-сюр-Плен и Раон-ла-Ло, «так сказать, вынуждены жить в добрых отношениях с германскими лесными стражниками, и присутствие последних ни малейшим образом не отражается на умонастроениях местного населения <...> они не могут жить иначе как той работой, что предоставляют им [немцы]».

Однако такие тесные контакты с немцами явно представлялись комиссару чем-то противоестественным. Он лишний раз подчеркивал, что «эти постоянные и ежедневные контакты с германским элементом равным образом не производят никакого дурного влияния на нрав жителей, которые искренне преданы Франции. Они испытывают вполне

⁴⁹ Le commissaire spécial Kempff. Enquête sur les incursions sur le territoire français les agents forestiers et gendarmes allemands, 9 avril 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.

Инцидент в Раон-сюр-Плен (1876). Схема к рапорту комиссара особой полиции Кемпфа

законное сожаление при виде того, как наши завоеватели пользуются самыми лучшими лесами Вогезов, и, несмотря на предоставляемую работу, <...> они не питают к ним (немцам. — А. Б.) никакой симпатии».⁵⁰ Поскольку сами немцы, как показалось Кемпфу, не предпринимали попыток «каким-либо образом повлиять на национальный дух здешних обитателей», то в экономических интересах самого французского населения следовало примириться с ситуацией такого тесного соседства.

Но при всем стремлении трактовать результаты своего расследования в пользу жителей долины реки Плен и показать, что они остаются добрыми французами даже будучи при этом добрыми соседями немцев, Кемпф ясно давал понять, что самые суровые подозрения со стороны властей в отношении них все равно оправданы. Бессильный выявить изменнические настроения конкретных лиц, он переводил в разряд «неблагонадежных» обе деревни целиком. «В случае войны эти две деревни должны стать объектом особого надзора, чтобы избежать измены, на которую не особо щепетильных могут толкнуть деньги: они могут быть использованы в качестве шпионов или проводников в окрестных горах, тропинки в которых известны только местным жителям», — подытоживал свой пространственный отчет господин комиссар Особой полиции.⁵¹

Выводы Кемпфа были поддержаны как министром внутренних дел, так и военным министром, признавшими, что в сложившейся ситуации, «кроме как в условиях войны», сил и средств воспрепятствовать появлению служащих германской лесной стражи, которые к тому же не оказывают никакого влияния на «национальные чувства» французского населения, в долине реки Плен нет.⁵² Тема германского присутствия, однако, получила свое дальнейшее развитие в связи с рассмотрением вопроса о заключении специальной конвенции, позволявшей двум соседям взаимодействовать в преследовании преступлений и нарушений, совершенных в сфере охраны лесных и водных ресурсов в приграничной зоне.

Вопрос о конвенции был официально поставлен в апреле 1876 г. герцогом Деказом в связи с обращениями Генерального совета депар-

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ministre d'Interieur à Monsieur le Ministre de la Guerre, 11 avril 1876; Ministre de la Guerre à Monsieur le Ministre d'Interieur, 18 avril 1876; Général commandant le 6e Corps d'armée à Ministre des Affaires étrangères, 18 avril 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.

тамента Мёрт-и-Мозель, принятыми им на своих заседаниях еще 20 марта и 15 августа 1875 г. Основным мотивом принятых постановлений стала сложившаяся ситуация полной безнаказанности для германских подданных, промышлявших браконьерством в частных французских владениях, примыкавших к новой границе, что вызывало праведный гнев землевладельцев департамента.⁵³ В качестве образца Генеральным советом указывалась конвенция, заключенная между Французской империей и Королевством Бавария в феврале 1869 г. Статья третья этого соглашения, в частности, допускала в случае преследования преступников французскими и баварскими силами правопорядка пересечение границы между двумя государствами с оружием в руках.⁵⁴

Тогда, весной-летом 1875 г., состояние франко-германских отношений, с точки зрения Кэ д'Орсэ, по-видимому, не благоприятствовало инициативам заключения каких-либо соглашений. К концу 1875 г., однако, обстановка существенно разрядилась. Дополнительным доводом мог стать инцидент, произошедший 20 декабря 1875 г. во французской пограничной деревушке Санси близ Одэн-ле-Роман. Сотрудник германской полиции, преследуя обвиняемого в совершении убийства на территории германской Эльзас-Лотарингии, пересек границу и достиг подозреваемого уже на французской территории. Однако самым примечательным стало то, что представители муниципалитета Санси не только помогли полицейскому произвести арест преступника, но и позволили беспрепятственно забрать того обратно на территорию Германии.⁵⁵ На фоне ситуации в Раон-сюр-Плен, Раон-ле-Ло и ряде других мест, этот шаг мог стать опасным прецедентом, и идея с заключением специальной конвенции, несомненно, позволила бы в каком-то смысле урегулировать эту практику.

⁵³ Voeu pour la répression des délits forestiers et rureaux dans les propriétés situées près de la nouvelle frontière // Rapports et délibérations — Conseil général du Département de la Meurthe et Moselle. Session de mars 1875. Nancy, 1875. P. 186–187; Voeu tendant à la répression des délits sur la frontière // Rapports et délibérations — Conseil général du Département de la Meurthe et Moselle. Session d'août 1875. Nancy, 1875. P. 646–651.

⁵⁴ Convention conclue à Paris le 22 Fevrier 1869 entre la France et la Bavière, concernant la répression des délits et contraventions en matières forestière, rurale, de pêche et de chasse // SHD/DAT. 1 M 2157.

⁵⁵ Général commandant le 6e Corps d'armée Douay à Ministre de la Guerre, 21 décembre 1875 // SHD/DAT. 1 M 2157.

Однако против возможности заключения подобного соглашения высказалось Военное министерство и, в первую очередь, командующие приграничных армейских корпусов. Генерал Дуэ, в частности, отметил, что даже в случае ограничения определенной зоной деятельности германских служащих на французской территории ничто не могло предотвратить их появления в нежелательной близости от оборонительных сооружений. Помимо этого, генерал призывал не забывать, что память о недавней войне была еще слишком свежа у населения северо-восточных департаментов, которое «долгое время несло тяготы войны и иностранной оккупации: их патриотизм легко задеть и воспламенить, и следует тогда опасаться, как бы возмущение, которое вызовет присутствие среди них германских служащих, не привело бы к самым печальным конфликтам».⁵⁶

Командующий VII корпуса герцог Омальский и комендант Бельфора генерал Мунье, в свою очередь, обращали внимание военного министра на то, сколь велико число живущих близ новой границы эльзасцев, всего несколько лет назад вынужденных оставить свои дома после германской аннексии. Реализация положений конвенции неминуемо должна была породить «самые серьезные конфликты и серьезные международные осложнения». Ситуация дополнительно усугублялась тем, что значительное число немецких служащих составляли все те же эльзасцы: «присутствие на нашей земле людей, одетых в немецкую форму, изрядное число которых составляют эльзасцы, станет лишь источником раздражения для наших крестьян, полных патриотизма и ненависти к чужакам и считающих ренегатами своих бывших соотечественников, принявших германскую национальность».⁵⁷

В итоге, франко-германская конвенция так и не была заключена, а пограничные инциденты, ставшие дополнительным поводом к ее рассмотрению, были урегулированы в индивидуальном порядке. Инцидент в Сенси был разрешен декретом президента Республики Мак-Магона от 13 мая 1876 г. Идя навстречу просьбе германского правительства, президент признал в виде исключения законность опрометчивых действий германского служащего и французских местных властей и оставил бе-

⁵⁶ Général commandant le 6e Corps d'armée Douay à Ministre de la Guerre, 6 juin 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.

⁵⁷ Général commandant le 7e Corps d'armée Henri d'Orléans [duc d'Aumale] à Ministre de la Guerre, 19 mai 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.

глица в руках германского правосудия. Ситуация, сложившаяся в долине Плен, была санкционирована схожим образом в ответ на официальное обращение, переданное германским послом Гогенлоэ в июне 1876 г.⁵⁸

Тогда же, в мае и августе 1876 г., ситуация с проникновением германских служащих на французскую территорию стала предметом обсуждения Деказа с послом Гогенлоэ. По итогам обращения французского правительства германский посол заверил Деказа в том, что канцлером «категорическим образом» предписано всем пограничным служащим воздержаться от нарушения границы сопредельного государства при осуществлении своих полномочий. Поскольку Гогенлоэ одновременно с этим указал на жалобы властей Эльзас-Лотарингии относительно аналогичных нарушений со стороны французской жандармерии, французское Военное министерство, со своей стороны, дважды передало через командующих приграничных округов указание «избегать всех действий, которые могли бы дать основание для представлений со стороны германского правительства».⁵⁹

* * *

Правомерно сделать вывод о том, что проблема германского присутствия во Франции не потеряла своего острого звучания и после окончания войны. Она не только укоренилась во французском массовом сознании, не только была востребована французскими публицистами, но и стала важным фактором в расчетах французских политиков, дипломатов и военных. Желание проникнуть в планы и намерения ближайшего соседа, энергичные меры по противодействию подобных усилий с его стороны составили теневую сторону политики Парижа и Берлина. Парадоксальным образом движение к разрядке франко-германских официальных дипломатических отношений не снижало ни остроты тайного противостояния, ни связанных с ним самых мрачных опасений.

Можно констатировать, что масштабы усилий французской разведки и контрразведки были весьма значительны, однако отсутствие координации и взаимодействия между соответствующими различными

⁵⁸ *Ministre des Affaires étrangères à Ministre de la Guerre, 9 juin 1876; Ministre de la Guerre à Général commandant le 6e Corps d'armée Douay, 9 juin 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.*

⁵⁹ *Ministre des Affaires étrangères à Ministre de la Guerre, 29 mai, 29 août 1876; Ministre de la Guerre à Général commandant le 6e Corps d'armée Douay, 10 juin, 8 septembre 1876; Ministre de la Guerre à Ministre des Affaires étrangères, 11 juin, 5 septembre 1876 // SHD/DAT. 1 M 2157.*

гражданскими и военными службами было серьезным изъяном всей системы. Тем не менее, эти службы едва ли чем-то уступали своим германским оппонентам и уже в 1870-е гг. достигли определенных успехов как в выявлении германских информаторов во Франции, так и в получении сведений из самой Германии. Ценность значительной доли донесений французских и германских тайных агентов, как показывает ряд опубликованных документов, вызывала и вызывает оправданные сомнения, но меньшим их число год от года не становилось. Обилие информации о германской армии, предпринимаемых Берлином мерах в Эльзас-Лотарингии в архивах того же Второго бюро позволяет говорить о высокой степени осведомленности и французской военной разведки.

Случай с Раон-сюр-Плен наглядным образом показывает все нюансы восприятия германского присутствия на французской территории как жителей пограничья, так и самих французских властей. Безусловно, с момента подписания пограничной конвенции с Баварией времена кардинальным образом изменились, исключив минимальное доверие даже в тех вопросах, где отсутствие взаимодействия наносило существенный ущерб интересам жителей обеих стран. Но враждебность двух народов, уровень патриотической экзальтации по отношению к немцам со стороны рядового французского населения, которую рисовали порой отчеты французских военных и гражданских властей разных уровней, вероятно, все же не следует преувеличивать.

Франко-германскую границу ежегодно беспрепятственно пересекали тысячи французов и немцев, но само по себе это не порождало серьезных межнациональных конфликтов. Примером можно назвать ежегодные паломничества немецких ветеранов франко-прусской войны к французским военным мемориалам и кладбищам, дабы отдать дань памяти своим товарищам, оставшимся лежать во французской земле. Эти акции не вызывали никакой враждебности со стороны местных жителей, да и сами вчерашние «завоеватели», со своей стороны, вели себя подчеркнуто сдержанно и неприметно, избегая каких либо речей и церемоний.⁶⁰

С точки зрения Особой полиции, перевод целых пограничных районов, вовлеченных в повседневные контакты с немцами, в разряд

⁶⁰ Varley K. Under the Shadow of Defeat: The War of 1870–71 in French Memory. N. Y., 2008. P. 193.

«подозрительных» и заслуживающих особого надзора был понятным и в какой-то мере объяснимым. Однако важно отметить, что эта логика постепенно привела некоторых борцов с «германским проникновением» к паранойе почти тотального недоверия. С 1886 г., после принятия соответствующего закона о наказаниях за шпионаж, в недрах бюро Статистики и военной разведки свое рождение получают проскрипционные списки с тысячами фамилий: «Список А» и «Список Б». И если «Список А» включал в себя всех иностранцев призывного возраста, проживавших на территории Франции, то «Список Б» на три пятых уже составляли французы — все те, в ком предполагали явных или мнимых германских агентов, антимилитаристов, анархистов.⁶¹

Апогей этой деятельности придется на время пребывания на посту главы французской контрразведки печально известного Жана Сандера (1891–1895 гг.), значительно расширившего при содействии военного командования список врагов государства. Стоит ли удивляться на примере Раон-сюр-Плен и Раон-ле-Ло, что к середине 1890-х гг. в этот грандиозный список Сандер хотел включить уже около 100 тыс. (!) человек: более 30 тыс. парижан, 12,5 тыс. лионцев и более 10 тыс. жителей пограничного Нанси. Предполагалось, что в случае войны с Германией попавшие в эти списки подозрительных будут без суда и следствия свозиться в специальные охраняемые лагеря.⁶² Непропорционально большим в «Списке Б» было число имен немецкоязычных эльзасцев. Трагедия их положения заключалась в том, что они в равной мере подозревались в нелояльности как германскими, так и французскими властями, остались ли они жить на территории «имперской провинции», или эмигрировали во Францию — что станет одним из оснований возникновения «дела Дрейфуса».

⁶¹ *Laurent S. (dir.) Politiques du renseignement. Bordeaux, 2009. P. 207–208; Forcade O. La République secrète... P. 26.*

⁶² *Mitchell A. The Xenophobic Style... P. 425.*

Глава 7

ПРОБЛЕМА ФРАНЦУЗСКОГО РЕВАНШИЗМА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ

Для живших в последнюю треть XIX в. европейцев было очевидно, что «мысль о возмездии» оставалась в умах и сердцах огромного большинства французской нации, о чем писали не только вдохновляемые дополнительно официальным Берлином германские газеты. Даже официальный отчет российского МИД рисовал весной 1872 г. Францию «побежденной, ослабленной, но трепещущей и жаждущей возмездия» страной.¹

Сама идея реванша виделась при этом огромной объединяющей идеей, направляющей целую страну, только что пережившую гражданскую войну. По свидетельству профессора В. И. Модестова, неоднократно бывавшего здесь в 1870-х годах, мысль о будущем отмщении «была самой глубокою и самою национальною мыслью во Франции».² Другой проникательный российский наблюдатель, Ф. М. Достоевский, видел в этой мысли свидетельство того, что французская нация по-прежнему «хочет жить изо всех сил и во что бы то ни стало», хотя и задавался риторическим вопросом «не миражна ли, не фантастична ли в высшей степени эта “жизнь возмездия”, на которую так единодушно соглашается гениальная нация, заплатившая пять миллиардов штрафа и, несмотря на то, с таким единодушием готовая на новые миллиарды расходов, лишь бы отомстить нахальному врагу за свое нравственное и военное унижение?».³

¹ Отчет о деятельности МИД за 1871 год, 11 апреля 1872 г. // АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 62. Л. 26.

² Модестов В. И. О Франции: Сб. статей. СПб., 1889. С. 27.

³ Достоевский Ф. М. Иностранные события // Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 236–237.

Сам миф реванша, как справедливо полагает Стефан Одуэн-Рузо, зародился еще во время войны с Германией, на рубеже декабря 1870 г. — января 1871 г., когда были развеяны последние надежды деблокировать Париж. Именно тогда выкристаллизовался основной парадокс этого мифа: готовность примириться с поражением в «непосредственном настоящем» и нежелание, тем не менее, признавать это поражение окончательным.⁴ Однако этот новый и «модный», по выражению одной тогдашней французской газеты, термин включил в себя в последующие за войной десятилетия массу смыслов и оттенков и не сводился к одному лишь призыву к скорейшему отвоеванию Эльзас-Лотарингии.

Поэтому в попытке обрисовать этот феномен, правильным было бы придерживаться комплексного подхода. Оценивая все значение Реванша на заре становления Третьей республики, необходимо учитывать ее военную доктрину, то место, которое занимала эта идея в дипломатии руководителей страны и в сознании политической элиты, насколько она укоренилась в общественном сознании и в каких формах, образах и символах выразилась во французском искусстве и литературе.

7.1. РЕВАНШ В ПЛОСКОСТИ ПОЛИТИКИ

Проблема признания новой франко-германской границы на примере России

Положения Франкфуртского мира не были санкционированы никаким международным конгрессом, а значит, вопрос о признании легитимности германских завоеваний великими державами оставался открытым. Это, безусловно, делало более реальным вопрос ревизии отдельных его положений. В историографии этому обстоятельству никогда не уделялось должного внимания, а между тем, этот вопрос был весьма актуален в рассматриваемые годы как для французской, так и для германской дипломатии. Безусловно, этот сюжет достоин отдельного и более подробного изложения. Ограничимся здесь самой постановкой проблемы и несколькими яркими примерами.

⁴ *Audoin-Rouzeau S.* French Public Opinion in 1870–71 and the Emergence of Total War // *On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871* / Ed. by Stig Förster, Jorg Nagler. Cambridge, 1997. P. 407.

Опасения Тьера относительно того, что Бисмарк может попытаться добиться подтверждения французских территориальных потерь другими европейскими странами, ярко проявились осенью 1872 г. Французское правительство с большой тревогой отнеслось к перспективе заключения какого-либо соглашения, которое могло бы быть обращено против Франции по итогам сентябрьской встречи в Берлине императоров Вильгельма I, Франца-Иосифа и Александра II.⁵ Но, как известно, эти опасения оказались напрасными: российская дипломатия вовсе не собиралась играть на руку Бисмарку в его антифранцузских маневрах, а само Берлинское свидание, как это метко подметил А. Дж. П. Тейлор, скорее продемонстрировало неспособность трех императоров договориться о чем-либо конкретном.⁶ Правда, в следующем 1873 г. сближение между тремя державами будет оформлено договором, вошедшим в историю под громким названием «Союза трех императоров». Но на деле это соглашение носило характер лишь консультативного пакта, в результате заключения которого Германия не получала никаких преимуществ в своем противостоянии с Францией.

Россия, однако, с самого начала фактически отмежеввалась от германских захватов, что предельно четко было выражено в отчете МИД за 1871 г., представленном Горчаковым Александру II в апреле 1872 г. Этот любопытнейший документ позволяет прояснить ту четкую логическую линию, которая была проведена в этом вопросе в здании у Певческого моста.

Горчаков отмечал, что Россия «способствовала» заключению перемирия и началу переговоров между Францией и Германией, но «мы не принимали в них никакого участия». Российский самодержец с самого начала высказался в пользу того, что условия мира должны быть умеренными, «чтобы быть прочными», он приветствовал окончание кровопролития, но он «сохраняет полную свободу действий». ⁷ Горчаков отзывался о германских требованиях по мирному договору в весьма критическом духе: победитель, «безжалостно воспользовавшись правом сильного и продиктовав неслыханные условия [мира], по которым к отторжению территории прибавилось денежное разорение», опрокинул

⁵ См. об этом: нота Ремюза от 18 августа 1872 г., № 149; Тьер — Лефлю, 22 августа 1872 г., № 151 // DDF. Vol. I. P. 175–182.

⁶ Тейлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе, 1848–1918. М., 1958. С. 245.

⁷ Отчет за 1871 г. // АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 62. Л. 9–9 об.

«крушением одного народа и чрезмерным усилением другого» общее равновесие, «кропотливый труд минувших столетий».⁸

Несколько лет спустя Горчаков открыто признал, что исход франко-прусского противостояния в 1870 г. оказался неожиданным и неблагоприятным для России именно в силу «чрезмерного» усиления Пруссии.⁹ Объединенная Германия не просто заставляла считаться с собой как с многократно возросшей политической силой, ее армия в считанные месяцы снискала лавры общего признания в качестве лучшей армии в Европе. Россия не стала исключением среди тех, кто, став свидетелями успехов прусского оружия, поспешил ускорить переход к комплектованию массовой армии на основе всеобщей воинской повинности. Все новые свидетельства поразительного развития промышленности в Северной Германии, по удачному выражению российского военноморского агента в Вене контр-адмирала И. А. Шестакова, еще «не далее предела одной человеческой жизни производившей только рекрутов», еще более усиливали опасения соседних держав. С прямотой военного это предельно ясно выразил сам И. А. Шестаков: «Как бы ни были нам полезны мирные пособия Германии, самое промышленное могущество ее наводит на мысль о возможности столкновения».¹⁰

Эту возможность, по-видимому, никогда не исключал и прагматик Горчаков. Уже в отчете царю за 1872 г. он позволил себе высказаться о той роли, которую Франция в состоянии сыграть в случае осложнения отношений между Германией и Россией (или Австро-Венгрией и Россией): «единственная услуга, которую Франция сможет нам оказать, — это содействовать тому, чтобы удержать Германию угрозой возможной диверсии».¹¹

Политика Бисмарка в первые годы после объединения, непременноми спутниками которой стали шумные газетные кампании и «военные тревоги», похоже, только укрепляли Горчакова во мнении относительности пагубности Франкфуртского договора. В составленном им «Проекте депеши князю Орлову в Париж» от 1 августа 1874 г., который был

⁸ Там же. Л. 14–14 об.

⁹ См.: Серова О. В. Русско-французские отношения в оценке князя А. М. Горчакова // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2000. Вып. 3. С. 147–148.

¹⁰ Письмо контр-адмирала Шестакова от 16/28 февраля 1874 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Канцелярия морского министра. Оп. 2. Д. 3347. Л. 52–54.

¹¹ Отчет за 1872 г. // АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 64. Л. 2.

введен в научный оборот А. З. Манфредом, канцлер вновь возвращался к итогам недавней войны. Этот документ, скрепленный царской резолюцией «быть по сему», содержал следующее чрезвычайно важное суждение: «К сожалению, постоянные зародыши будущей войны были уже заложены в тех территориальных уступках, которые князь Бисмарк, вопреки нашим советам, счел нужным вырвать у Франции под давлением военных элементов, опьяненных тогда победой». ¹² Следует согласиться с выводом А. З. Манфреда о том, что «в этих трех словах “вопреки нашим советам” <...> была заложена обладавшая огромной динамической силой внешнеполитическая концепция, осуждавшая условия Франкфурта». ¹³

Характерна и беседа между российским канцлером А. М. Горчаковым и французским послом в Петербурге Леффо, состоявшаяся 12 апреля 1875 г., в разгар «военной тревоги». В ходе этого разговора Леффо выразил надежду, что «капитальный вопрос» об Эльзас-Лотарингии когда-нибудь решится между Францией и Германией «в интересах Европы дипломатическим и мирным путем». Горчаков согласился, что это является «делом времени и удобной возможности <...> по крайней мере в том, что касается Лотарингии; Эльзас, который заключает в себе столько немецких элементов, может представить больше сложностей». ¹⁴ Рассуждения о возможности мирного пересмотра границ в воцарившемся «веке наций» были обречены на чисто академический характер, и значение этого примечательного разговора не в этом. Суть — в самой готовности российского канцлера фактически признать вопрос об утраченных Францией провинциях «не решенным». Горчаков был слишком искусственным дипломатом и царедворцем, чтобы не отдавать себе отчет в этом. В равной мере он должен был понимать, что франкоязычное население Лотарингии досталось Германии в качестве «довеска» к стратегически важной крепости Мец, и трудно себе представить, что могло заставить победителя отказаться от этого не только удобного плацдарма для угрозы Парижу, но и отныне краеугольного элемента безопасности границ Империи на западе.

Летом 1875 г. поднятая Леффо тема мирного возвращения Эльзас-Лотарингии в состав Франции получила свое продолжение во время

¹² Цит. по: *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 75.

¹³ Там же.

¹⁴ Леффо — Декаду, 20 апреля 1875 г. // DDF. Ser. 1. Vol. I. № 393. P. 412.

встречи экс-президента Тьера и князя Горчакова в Швейцарии, где государственный канцлер проводил отпуск. Содержание бесед двух государственных деятелей было сообщено немецкому руководству германским корреспондентом «*Kölnische Zeitung*» в конце того же года. Помимо прочего, Тьер высказал надежду на возможность каким-либо образом «выкупить» Эльзас-Лотарингию у Германии в качестве условия «установления длительных дружеских отношений» между двумя соседними странами. Узнав об этом, статс-секретарь Бюлов передал послу Гогенлоэ категоричное мнение германского канцлера о том, что сохранение Эльзас-Лотарингии в составе Германской империи — вопрос не «самолюбия», а безопасности от соседа «столь беспокойного характера».¹⁵ Германия самым ясным образом давала понять, что не рассматривает никаких вариантов добровольного отказа от завоеванного.

Логика высказываний и действий официального Петербурга подсказывает, что беседы Горчакова с Леффо и Тьером не были просто каким-то дипломатическим курьезом. Российская дипломатия оказывала поддержку французскому руководству не только потому, что не желала дальнейшего ослабления французского противовеса германской мощи — в равной мере ею двигило неприятие существующей «полугегемонии» Германии на континенте. Это было той общей почвой, на которой впоследствии возник официальным образом оформленный русско-французский союз.

При этом Бисмарк, по-видимому, никогда не исключал возможности обсуждения с Францией некой «компенсации» за Эльзас-Лотарингию, будь то свобода в приобретении ею новых колоний или даже приглашение компенсировать свои потери за счет Бельгии.¹⁶ Последнюю идею, однако, трудно расценивать иначе как ту же самую дипломатическую ловушку, в которую в 1867 г. угодил Наполеон III, увлекшись обсуждением с Берлином вопроса о компенсациях за французский нейтралитет в ходе австро-прусской войны. Но Бисмарк действительно побуждал французов (как, впрочем, и все прочие великие державы) к колониальным приобретениям, надеясь превратиться в этих условиях в незаменимого

¹⁵ Бюлов — Гогенлоэ (Совершенно секретно), 28 декабря 1875 г. // *Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd I. Berlin, 1922. № 195. S. 304.*

¹⁶ См.: *Wolter H. Bismarcks Außenpolitik, 1871–1881. Berlin, 1983. S. 184; Lappenküper U. Die Mission Radowitz: zur russland Politik Otto von Bismarcks (1871–1875). Göttingen, 1990. S. 468.*

посредника. Еще в начале 1875 г. Бисмарк отдал указание своим дипломатическим агентам прекратить противодействие имперским амбициям Франции в Тунисе и других частях Османской империи, которые отвлекали внимание французов от Вогезов и неминуемо обостряли их противоречия с Лондоном.¹⁷

В Берлине, похоже, осознавали все значение «неопределенности» правового статуса своих западных границ. Летом-осенью 1876 г. Германия вновь будет добиваться от России все той же цели: признать ее территориальные приращения, что само по себе должно было бы стать сильнейшим ударом по французскому реваншизму.¹⁸ Россия, не поддерживая, как многократно заявлялось Горчаковым, французский реваншизм в понимании его как плохо контролируемого «национального чувства», закрывать для себя «эльзас-лотарингский вопрос», тем не менее, не спешила.

Реванш и французское руководство

Первое время после своего поражения Франция перед лицом мощной Германии подчеркивала свое миролюбие, которое на время стало залогом ее безопасности. Кристоф Штайнбах авторитетно утверждал, что ни один из значимых французских правых политических деятелей, находившихся в эти годы у власти в стране, ни разу не позволил себе поднять тему будущего реванша и возврата утраченных Эльзаса и Лотарингии.¹⁹ Но в полной ли мере эта оценка точна?

Отказ от воинственной риторики французских руководителей был полным прежде всего в том, что касалось позиционирования французского руководства перед Германией и дипломатической Европой. Адольф Тьер неустанно пытался убедить германского посла Арнима, что французы не помышляют о реванше: «Я повторяю, что я хочу мира, мира и еще раз мира. Страна, вопреки видимости, его желает тоже. Она проклинает своих судей (то есть немцев. — *А. Б.*), но она

¹⁷ Бисмарк — Горенлоэ, 10 января 1875 г. // *Die Grosse Politik...* Bd I. N 195. S. 303; *Stone J. The Radowitz Mission: A Study in Bismarckian Foreign Policy // Militärgeschichtliche Mitteilungen.* 1992. Bd 51. Heft 1. S. 57.

¹⁸ См.: *Die Grosse Politik...* Bd III. N 455. S. 28; и далее.

¹⁹ *Steinbach Ch. Die französische Diplomatie und das Deutsche Reich 1873 bis 1881.* Bonn, 1976. S. 261.

принимает их приговор».²⁰ Арним же полагал, что заверения Тьера не имеют никакой цены в свете проводимой им ускоренной реорганизации французской армии. Не сомневался посол и в «воинственности французской нации», уподобляя ее кипящему котлу, готовому разорваться вопреки воле машиниста: накапливающаяся «масса ненависти <...> когда-нибудь каким-нибудь образом должна взорваться, поскольку постепенное снижение предельно высокой температуры до сих пор не видится возможным».²¹

Тьер, впрочем, отрекся от реванша не только в разговорах с германскими представителями. С одной стороны, Тьер самым жестким образом отреагировал на антимилиитаристские выступления наиболее радикально настроенных жителей Нарбонна в августе 1872 г., увенчавшиеся кровавой стычкой с недавно расквартированными в городе солдатами. С другой стороны, глава исполнительной власти не одобрил выступление прокурора Эмиля Вердена, отстаивавшего честь солдат на последующем процессе как «достойных представителей армии реванша», которое могло возбудить экзальтацию иного рода. «Что мы должны беречь от любых посягательств, — наставлял Тьер министра внутренних дел Виктора Лефранка, — так это Палату и Мир. Поэтому ни слова о роспуске (Национального собрания. — А. Б.), о реванше и прочих вольностях... Умиротворение — это наш главный шедевр, и его надо постараться довести до конца».²²

Однако в действительности сам Тьер порой мыслил вполне реваншистскими категориями.

Как и многие его современники, Тьер верил в возрождение величия Франции с воспитанием нового поколения. Именно эта мысль объединяла визиты военного министра Эрнеста Сиссэ и президента в знаменитую Сен-Сирскую военную школу осенью 1871 г. В те годы прежний девиз школы: «Учатся, чтобы побеждать» был показательно изменен на «Учатся, чтобы защищать Родину», но было понятно, что вдохновлять ее учеников должен был более блестящий идеал.

²⁰ Цит. по: [Arnim H. von] Pro Nihilo! Vorgeschichte des Arnimischen Prozesses. Zurich, 1876. Heft 1. S. 43.

²¹ Ibid. S. 44.

²² Цит. по: Debant R. Ecrits d'Adolphe Thiers sur les manifestations antimilitaristes de Narbonne en 1872 // Extrait du Bulletin de la Société d'Etudes scientifiques de l'Aude. T. LXXII. 1972. P. 258.

Сиссэ, сам выпускник Сен-Сира, на устроенном в честь первого послевоенного набора торжественном обеде в присутствии около 400 учащихся провозгласил тост «за выпуск реванша», а в письме к главе школы, генералу Анриону, еще раз подчеркнул, что знания и патриотизм именно этого поколения учеников позволят «однажды вновь поднять и высоко и крепко удержать французское знамя».²³ Анрион признавал впоследствии, что выступление военного министра прозвучало несколько провокационно, и что слова Сиссэ «подверглись критике в некоторых канцеляриях», но призывал учитывать дух того времени. Но самое примечательное, что полтора месяца спустя по итогам собственного визита Тьер в послании Анриону повторил, по сути, ту же мысль: «более счастливые, чем мы, они (ученики Сен-Сира. — *А. Б.*) увидят, как фортуна вновь повернется к Франции — благодаря им и для них».²⁴ Позднее в письме к Сен-Валье Тьер развил свою мысль, называя тех, кто во всеуслышание призывает к реваншу, «шарлатанами патриотизма». Он подчеркивал: «...подлинные патриоты желают мира, предоставив решить нашу судьбу отдаленному будущему».²⁵

И все же, Тьер не всегда мог справиться с искушением именно в себе увидеть того, кто превратит реванш из далекой цели для будущих поколений в вопрос реальной политики. Бумаги Шарля де Ремюза сохранили следующее признание Тьера, относящееся к февралю-марту 1872 г.: «Я открываю это только вам: через два года у Франции будет армия, и я буду стремиться к реваншу».²⁶ Следует ли удивляться тому, что этот отрывок рукописи «Воспоминаний» тогдашнего министра иностранных дел, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, был изъят из текста при публикации. Год спустя, в беседе с российским послом Н. А. Орловым Тьер уже более осторожно отводил на реорганизацию армии «три года, максимум пять лет». «Тогда, — передавал Орлов, — восьмидесятилетний президент дождется удобного момента, чтобы вернуть Франции престиж, который она потеряла в 1870 году».²⁷ Сразу же после этих слов

²³ *Hanrion L., général Saint-Cyr: neuf années de commandement, 1871–1880. Paris, 1888. P. 14.*

²⁴ *Hanrion L. Saint Cyr. P. 18–19.*

²⁵ Цит. по: *Joly B. La France et la Revanche, 1871–1914 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Vol. 46. 1999. № 2. P. 327.*

²⁶ Цит. по: *Mitchell A. Victors and vanquished... P. 257 (n. 85).*

²⁷ Орлов — Горчакову, 20 января/ 1 февраля 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101. Л. 28–28 об.

Тьер перешел к тому, как он рассчитывает «однажды» заключить союз с Россией. Любопытно, что Орлова поразил вовсе не сам факт недвусмысленных планов президента Франции, а то, что Тьер видит в качестве реализатора этой «комбинации» только самого себя.²⁸

Сомнения посла, похоже, были связаны с возрастом и состоянием здоровья Тьера — «восемьдесят лет», о которых писал Орлов, президенту исполнялось в 1877 г. Так было угодно судьбе, что именно в этом году уже экс-президент Франции скончался. Таким образом, вполне вероятно, что Тьер допускал возможность новой войны с Германией в ближайшие несколько лет, как только военный закон 1872 г. обеспечивал ей искомые 600 тыс. солдат в рядах действующей армии военного времени и еще достаточное количество только-только отправленных в запас резервистов.

Проблема, однако, была в том, что Тьер, по-видимому, не до конца осознавал произошедшие революционные изменения в военном искусстве.

Стенограммы заседаний «Высшего военного совета» позволяют представить, какой в январе 1873 г. виделась Тьеру будущая война с Германией. Он отказывался верить в молниеносную войну: «война за неделю не делается; прежде чем ее начать, о ней говорят» и рассчитывал, что скатывание Франции и Германии к вооруженному столкновению будет происходить постепенно. Формальному объявлению войны будет предшествовать период дипломатических переговоров, и Франция может его использовать для военных приготовлений. С известной долей доктринерства Тьером заявлялось, что «у осмотрительного и мудрого правительства всегда будет [в запасе] месяц для осуществления военных приготовлений».²⁹ Тьер полагал, что и двух недель хватит для того, чтобы выдвинуть один (Шалонский) армейский корпус к Вердену, а три корпуса Парижского региона сосредоточить в Шалонском лагере в ожидании скорого прибытия еще двух из Буржа и Тура. Памятуя о том, что речь шла о «тьеровских» больших корпусах по 50 тыс. человек каждый, получалось, что для сосредоточения половины французской действующей армии (300 тыс.) даже на существенном отдалении от границы с Германией, потребовалось бы не меньше трех недель.

Безусловно, указанные Тьером сроки не устраивали французских генералов, мысливших во многом категориями соревнования с Герма-

²⁸ Там же. Л. 29.

²⁹ Протокол восемнадцатого заседания Высшего военного совета, 9 января 1873 г. // *La défense sous la Troisième République...* / Ed. By G. Pedroncini. T. I. Vol. 1. Document № 18. P. 260.

нией. Тьер же, по-видимому, не слишком беспокоился об отставании от противника по срокам мобилизации. Как он поспешил заверить присутствовавших высших военачальников, Франция «не возобновит борьбы, не запасаясь предварительно союзами, и не объявит войны, пока ее союзники, как и она сама, не будут готовы войну начать».³⁰ Другими словами, Франции незачем было спешить перебрасывать войска на самую границу с Германией, коль скоро потенциальные союзники Республики неминуемо будут от нее отставать. Логика войны на два фронта подсказывала, что излишняя спешка могла лишь помочь Германии разбить противников поодиночке. Если же Германия сама обзаведется союзниками, рассуждал Тьер, то уже ей, в свою очередь, придется ждать их готовности. С учетом того, что дистанция между Парижем, местом главного сосредоточения французских сил и основным перевалочным пунктом французской мобилизации, и пограничными Верденом и Нанси была меньше, чем расстояние, соответственно, между Берлином и Мецем, отставание в сроках мобилизации, полагал Тьер, можно было отыграть еще на несколько дней за счет более быстрого развертывания.³¹

Итак, пусть Тьер и не сбрасывал войну со счетов, его идеал Реванша отдавал благоразумным консерватизмом и был начисто лишен какого-либо духа авантюры. Не известно ни одного высказывания Тьера, где бы он выступил за наступательную войну против Германии «один на один». Оборонительную войну, в которой за счет лучшей организации на стороне Германии изначально оказывалась инициатива, Тьер полагал наихудшим сценарием для Франции. Тьер резко выступал против реваншистской агитации в стране, которая могла спровоцировать Германию на превентивный удар, и делал основной акцент на дипломатическую подготовку: не провоцировать противника раньше времени, обзавестись надежными союзниками. В этом смысле Бисмарк был абсолютно прав, когда неоднократно выражал уверенность, что без союзников Франция войны не начнет.

Маршал Мак-Магон, на блестящей военной карьере которого несмываемым пятном оставался седанский разгром, по-видимому, также не был чужд желанию за него отыграться. При всем при том, что Мак-

³⁰ Ibid. P. 261.

³¹ Ibid.

Магон, как писал российский посол Орлов, вечно безмолвствует и никто «за исключением его министров не слышит его высказывающимся о делах», одну его навязчивую мысль можно было отметить со всей определенностью: это «мысль о реванше в отношении Пруссии. Ничто не сможет вырвать это чувство из его сердца». ³² Это его единственное чувство по отношению к тем, кто, как он некогда выразился, «покорил и унизил Францию», и он якобы сам выдвигал это как аргумент в пользу невозможности занять пост президента страны. Эти слова маршала, «по счастью», оказались неизвестны широкой публике и, по оценке Орлова, «не имеют немедленного политического значения», поскольку сила обстоятельств вынуждает его следовать благоразумной политике Тьера: «под гнетом необходимости старый солдат вздыхает и мечтает о блестящем реванше». ³³

Признания Орлова тем ценней, что его симпатии к Франции общеизвестны. Эти симпатии побуждали российского посла не раз и не два в своих донесениях отводить от нее различные обвинения Бисмарка. Следовательно, Орлов был уверен в своих сведениях и предпочитал, чтобы российский самодержец узнал о них от него, нежели от тех, кто захочет бросить тень на новое французское руководство. Насколько российский дипломат был близок к истине? В годы своего президентства Мак-Магон никак не проявлял политически своего «реваншизма», однако очевидно, что он придавал очень большое значение скорейшему возрождению вооруженных сил страны. Самый горячий сторонник реорганизации французской армии по прусскому образцу, он, как мы уже видели, не считал Германию непобедимой. Но планы возможной войны с Германией, разрабатывавшиеся французским Генеральным штабом в годы его руководства армией и страной, носили сугубо оборонительный характер.

Тьер всегда был подчеркнуто любезен к германским политикам и дипломатам и не скрывал своего дружеского расположения к тому же генералу Эдвину фон Мантейфелю или историку Леопольду фон Ранке. Ничего подобного, в самом деле, за новым президентом заметить было нельзя. Впрочем, избегал он также и открытой враждебности, и какого-либо явственного антигерманского влияния на французскую внешнюю политику не оказывал. Более того, неопубликованные мемуары президента упоминают об эпизодах, когда Мак-Магону приходилось лично

³² Орлов — Александру II, 25 июня/ 7 июля 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101. Л. 368–269, 374.

³³ Там же. Л. 375–376 об.

заглаживать скандальные проявления враждебности к германскому послу со стороны парижского света.³⁴ Во многом определявшие внешнюю политику страны в период президентства последнего, де Брольи и Деказ также были далеки от мыслей о войне. «Война для консервативной партии — самоубийство, какова бы ни была ее причина, каково бы ни было ее знамя», — писал в своем письме Гонто-Бирону герцог Деказ, указывая на то обстоятельство, что внешние войны слишком часто заканчивались для Франции войнами внутренними.³⁵

Приверженность реваншу как к возрождению величия Франции и мысль о невозможности в сложившихся условиях публично говорить о войне объединяли в те годы также политических противников двух президентов как «справа», так и «слева».

Вопрос о будущем реванше неизбежно затрагивала и переписка Эрнеста Лависса со своим бывшим воспитанником Луи-Наполеоном, единственным сыном Наполеона III. Молодой принц-наследник называл своим единственным желанием внести вклад в достижение того, чтобы «Франция вновь стала великой нацией», ради чего «каждый француз должен быть готов <...> пролить свою кровь до последней капли». «У вас достаточно оснований верить в то, что моим самым дорогим желанием является реванш нашей страны», — повторял он в следующем письме.³⁶ После событий «военной тревоги» 1875 г. Луи-Наполеон высказал Лависсу свои опасения, что «война с Германией в скором, увы, времени — вещь неизбежная», и «чем дальше мы продвигаемся, тем больше г-н Бисмарк хочет войны, тем более она необходима для единства Германии. Российский император до сих пор держался хорошо, но его обманут так же, как были обмануты многие другие».³⁷

Очевидно, что к этому времени претендент смотрел на реванш с гораздо большей долей пессимизма. Лависс укреплял в своем воспитаннике сдержанность, называя «огромной и немыслимой неосторожностью» провозглашение на одном из банкетов бывшим государственным министром Второй империи и одним из лидеров бонапартистов во Франции Эженом Руэром тоста «за будущее уничтожение Пруссии». Такие демарши, похоже, не пользовались уже популярностью в стране:

³⁴ См.: *Semur Fr.* Mac-Mahon ou La gloire confisquée. Paris, 2005. P. 405.

³⁵ Деказ — Гонто-Бирону, 26 августа 1877 // DDF. Vol. II. № 197. P. 251.

³⁶ Письма от 22 марта и 6 декабря 1872 г. // *Une correspondance inédite: le Prince Impérial et Ernest Lavisse, 1871–1879* // *Revue des Deux Mondes*. 1929. Avril 1. P. 558–559.

³⁷ Письмо без даты, полученное Лависсом 27 мая 1875 года. // *Ibid.* P. 565.

«Если бы я не был империалистом (то есть сторонником наполеоновской империи. — А. Б.), этот спектакль не привел бы меня к вам», — уверял Лависс принца-претендента.³⁸

Что касается лидера республиканцев, то именно Гамбетта с его гениальной способностью улавливать требования времени и емко их формулировать лучше всего передал общее настроение своим знаменитым призывом «всегда думать об этом, никогда не говорить».³⁹ Однако, как показывает в своем блестящем исследовании «культуры поражения» Вольфганг Шивельбуш, реванш самого Гамбетты в эти годы был смесью демонстративной, почти театральной приверженности памяти об утраченных провинциях с осознанием того, что «только безумец может думать об отвоевании Эльзас-Лотарингии».⁴⁰

Посетив Германию в 1876 г., Гамбетта вынес неподдельное восхищение ее военной мощью и четкое понимание того, что Франция пока не может с ней соперничать. Пропорционально этому росли и его опасения. В отличие от Тьера, Гамбетта боялся, что Францию могут застать врасплох. В одном из своих писем он писал: «...Германия захочет нас опередить, и если мы не сумеем распознать назначенный час нападения, мы будем раздавлены на глазах дрожащей, безвольной, равнодушной Европы».⁴¹ С первыми симптомами политической разрядки после «военной тревоги» весны 1877 г. его неутомимый ум бросился в другую крайность, обнадеживаясь миражами расчетов достижения с Германией широкого политического согласия, соблазнив последнюю захватывающими колониальными перспективами.⁴²

Однако для очень многих своих сторонников и противников именно Гамбетта, с его непризнанием поражения и призывом к сопротивлению до последней возможности в годы недавней войны, оставался олицетворением реванша. Откликаясь на грандиозные похороны Гамбетты в январе 1883 г., никто иной как Жюль Ферри, которого враги называли «лакеем Бисмарка» и обвиняли в заискивании перед Германией, писал в одном из своих частных писем: «Пусть наши завоеватели (немцы. — А. Б.) убеждают себя в том, что Гамбетта унес с собой в могилу послед-

³⁸ Письмо Лависса от 12 декабря 1876 г. // Ibid. P. 570.

³⁹ Цит по: Манфред А. З. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира (1871–1872) / Очерки истории Франции XVIII–XX вв. М., 1961. С. 271 (сн.)

⁴⁰ Schivelbusch W. Die Kultur der Niederlage. Aufl. 2. Berlin, 2007. S. 178–179.

⁴¹ Цит. по: Манфред А. З. Образование русско-французского союза... С. 115.

⁴² См.: Tint H. The Patriotism of Gambetta: From Jacobinism to Combinazione // The Review of Politics. Vol. 24. 1962. № 3. P. 375–378.

ний вздох реванша: это хорошо, это полезно, что они так думают, но ни один из тех, кто видел и понял великое утешительное зрелище последних бесподобных дней, не осмелится оскорбить сердце Франции». ⁴³ В словах и делах Ферри, буквально в те же годы обратившегося к колониальным захватам в полном согласии с Германией, раскрывается вся противоречивость отношения к реваншу французской политической элиты.

В 1877 г., когда отношения с Германией вновь обострились, Тьер доказывал германскому послу Гогенлоэ, что во Франции никто не хочет войны: «Есть ли во Франции военная партия? Маршал только хочет остаться на своем месте. Ни о чем другом он не думает. Гамбетта стремится стать президентом. Я не думаю о войне». Передавая эти слова Бисмарку, Гогенлоэ не удержался от иронического замечания: «По г-ну Тьеру, вся Франция сконцентрирована в этих трех персонах». ⁴⁴ Безусловно, искушенный дипломат был прав в том, что сама по себе проблема реваншизма, равно как и его опасность для Германии, не решалась одной умеренностью позиции французского руководства. Это была лишь верхушка айсберга национальных настроений, большая часть которого была скрыта под поверхностью сиюминутной политики.

Трудно выразить эту мысль лучше слов одного из французских публицистов: «Он (Бисмарк. — *А. Б.*) прекрасно знает, что мирные договоры, которыми себя связывают правительства, не сковывают души <...> Он знает, наконец, что не от нас зависит забыть и о наших страданиях, и о наших обязательствах, и что раз уж мы соблюдаем во всей их тяжести фактические положения Франкфуртского пакта, раз уж мы соблюдаем все международные приличия, от нас невозможно требовать отчета в наших кровавых чувствах, наших желаниях и наших мечтах». ⁴⁵

7.2. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО РЕВАНШИЗМА В 1870-Е ГОДЫ

Реванш французского искусства и героизация поражения

Итак, призывы к войне-реваншу были решительно исключены из французского политического лексикона. Но идея реванша не только

⁴³ Jules Ferry à Edouard Ferry, 8 janvier 1883 // Ferry J. *Lettres de Jules Ferry* (1846–1893). Paris, 1914. N 134. P. 330.

⁴⁴ Гогенлоэ — Бисмарку, 27 января 1877 // *Die Grosse Politik...* Bd I. № 201. S. 311.

⁴⁵ Y... *Nos amis les allemands* // *Revue politique et littéraire*. 1875. 2nd Série, Vol. VIII. 2nd Sem. № 28. P. 662.

жила в умах и сердцах французов в первое мирное десятилетие, но и получила свое активное развитие в художественных и символических формах.

Это развитие имело тем больший импульс, что французы продолжали ощущать свое первенство в литературе и искусствах. Уверенности в этом им, безусловно, придавала широкая констатация того факта, что последняя победа Германии, в отличие от Отечественной войны 1813 г., не породила в ней новой плеяды национальных творцов. Французская писательница Тереза Блан на страницах «*Revue des Deux Mondes*» (под псевдонимом Теодор Бензон) в этой связи прямо указывала своим соотечественникам на литературу и искусство как способ национального самоутверждения. «За неимением другого оружия», французы уже сейчас должны сделать ставку на свой «острый ум и вкус» — достоинства, которые, утверждала она, никогда не были на высоте в Германии. Утверждение французского превосходства на «открытом ристалище» с другими нациями в сфере культуры «будет нашим первым, нашим самым славным реваншем».⁴⁶

Не будет поэтому неожиданной попытка ряда депутатов добиться (впрочем, без особого успеха) от Национального Собрания принятия решения об «экстраординарном» награждении орденами Почетного легиона тех французских промышленников и деятелей искусств, что отметились призами на Венской промышленной выставке 1873 г. Принеся Франции наибольшее число медалей выставки, они, по выражению сочувствующей выдвинутой инициативе «*Journal des Debats*», «мужественно отстаивали французское знамя в этих мирных состязаниях, в которых мы после наших недавних бедствий находим своего рода компенсацию и реванш за наши военные неудачи», и оказали «огромные услуги нашей французской родине в тот самый момент, когда так необходимо вновь поднять ее престиж в глазах Европы».⁴⁷

Впрочем, в сознании французских художественных кругов речь шла скорее не о завоевании господства на пространстве искусства и литературы, а о его сохранении. Превосходство над немцами в области художественного вкуса уже в начале 1870-х годов превратилось для многих

⁴⁶ Bentzon Th. [*Theresa Blanc*] Un roman politique en Allemagne // *Revue des Deux Mondes*. 1873. Avril 15. P. 975–976.

⁴⁷ *Journal des Debats*. 1874. Juni 24. P. 1.

из них в своеобразную аксиому.⁴⁸ Таким образом, вынесенное для более позднего периода суждение К. Шарля о том, что во Франции «комплекс неполноценности, лежащий в основе всех рассуждений о необходимости реформ, во многих случаях сочетался с подчеркнуто высокомерным утверждением безоговорочного французского превосходства в сферах, не поставленных под вопрос войной 1870 года»,⁴⁹ может быть признано справедливым и для первых лет после Седана.

Угроза своеобразного «реванша» Франции в сфере культуры и искусства была по достоинству признана и в Германии. Дело не сводилось к простой зависти к соседней стране или патриотическому устремлению немцев превзойти отныне весь мир, на что иногда указывали современники.⁵⁰ Проблема заключалась в воздействии силой искусства на европейское общественное мнение, на утверждение собственного видения произошедших событий.

Именно в таком значении вопроса еще в ходе войны, в ноябре 1870 г., на страницах «Augsburger Allgemeine Zeitung» выступил известный в Баварии искусствовед Фридрих Пехт. По его мнению, германские художники совершенно недостаточно использовали тот огромный материал, который им предоставили победы германского оружия на полях сражения. Важно не только одержать победу, небезосновательно утверждал Пехт, но и добиться, чтобы ее воспринимали таковой. По итогам Наполеоновских войн Франция потерпела поражение, но ее художники-баталисты заставили весь мир смотреть на те события начала XIX столетия глазами французов. За полвека идея величия французской нации и французской армии, сформированная тогда, настолько укоренилась в массовом сознании, что не только сами французы, замечал Пехт, — «но и другие народы и сегодня не вполне еще верят в их (французов. — А. Б.) поражение и нашу победу <...> мы и сами еще не можем прийти в себя от удивления по этому поводу...».⁵¹ Он призывал представителей германской культуры нарушить монополию французов

⁴⁸ См. например: *Clarétie J.* L'art et les artistes français contemporains. Paris, 1876. P. 1–2; *Tucco B.* Путешествие в страну миллиардов / Пер. с фр. СПб., 1876. С. 135–136; *Coppée Fr.* Lettres à sa mère et à sa soeur, 1862–1908. Paris, 1914. P. 76, 84, 120.

⁴⁹ *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / Пер. с фр. М., 2005. С. 109.

⁵⁰ См. например: *Coppée Fr.* Lettres à sa mère et à sa soeur... P. 84.

⁵¹ Цит. по: *Becker Fr.* Bilder von Krieg und Nation. Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands, 1864–1913. München, 2001. S. 398.

на интерпретацию событий войны и послужить делу укрепления национального самосознания немцев.

В равной степени повод для критики по ту сторону Рейна давали поэты новой Германской империи, чьи патриотические намерения были достойны большей похвалы, нежели собственно их стихи. Германскому журналу «*Im neuen Reich*», подобно Пехту, оставалось только сетовать на то, как мало современную германскую поэзию вдохновили великие события войны.⁵² Объяснение может быть найдено не только в таком факторе, как угнетающая творческую активность масштабная официальная пропаганда в германской прессе. Германские поэты оказывались также заложниками своего сюжета, причем не в том смысле, что сам сюжет был плох, как полагал Шербюлье,⁵³ а скорее потому, что он был слишком хорош. Эпический характер германских побед требовал не менее высокого стиля произведения. В этом отношении показательна литературная неудача Эрнста фон Вильденбруха, с годами достигшего положения официального поэта Германской империи, когда он попытался воспеть триумф германского оружия в своих поэмах «Виюнвиль» (1874) и «Седан» (1875) языком «Иллиады» и «Одиссеи» Гомера.⁵⁴

В противоположность Германии, французская интерпретация войны отличалась куда большей художественной оригинальностью и убедительностью.

В 1873 г. на ежегодном «Салоне» в Париже восторженное одобрение публики получила картина известного уже во Франции художника Альфонса де Невиля, которая называлась «Последние патроны».

На небольшой картине был увековечен один из ключевых эпизодов битвы при Седане — сражение за стратегически важную деревушку Базейль. В ходе кровопролитных боев французская морская пехота четыре раза захватывала это селение, но каждый раз оставляла его под натиском баварцев. Борьба шла за каждый дом и прекратилась лишь с общим решением Наполеона III капитулировать. Неวิลล์ изобразил реальный эпизод этого противостояния, когда в ходе очередного штурма противника самые отчаянные защитники под командованием майора

⁵² Цит. по: *Cherbuliez V. Etudes de littérature et de l'art.* Paris, 1873. P. 217.

⁵³ Как выразился Шербюлье, «не талантов не хватает сюжету, а самому сюжету недостает таланта» // *Ibid.* P. 218.

⁵⁴ *Wildenbruch E., von Vionville; Sedan // Gesammelte Werke / Hrsg. von B. Litzmann.* Berlin, 1924. Bd 15. S. 324–416.

Ламбера засели в таверне на севере Базейля. Баварцы окружили здание и подожгли его при помощи артиллерии, но немногие уцелевшие в нем сдались лишь после того, как у них закончились боеприпасы. На полотне был запечатлен тот драматический момент, когда капитану Оберу, лучшему стрелку среди своих товарищей, была оказана честь выпустить последний патрон в неприятеля.

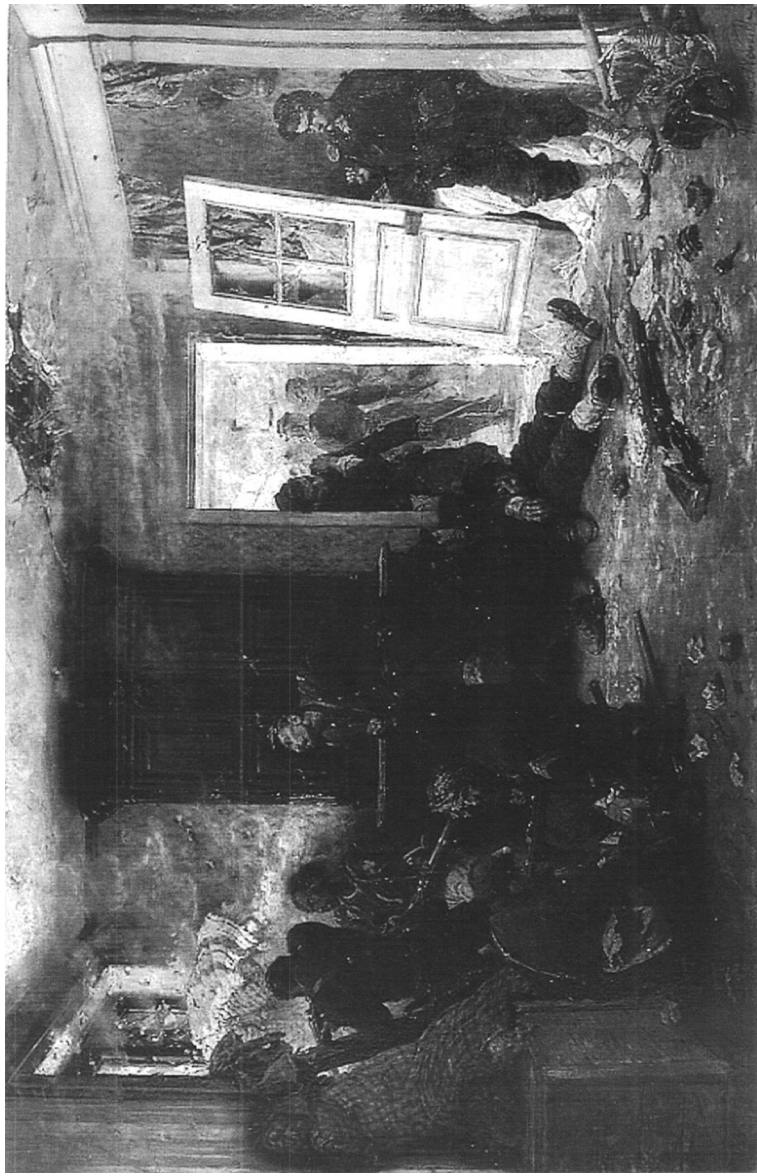
Изображенная Невилем группа израненных и утомленных пехотинцев в затянутой пороховым дымом комнате, по-видимому, должна была символизировать мужество и героизм простого французского солдата, уступившего лишь из-за численного превосходства врага и преступных ошибок собственных полководцев. Такая интерпретация событий при Базейле стала приобретать характер французского национального мифа. Ярко запечатленные в картине Невиле, они стали широко известны в мире, а на французской театральной сцене даже появилась одноименная пьеса. Сама картина на протяжении последующих десятилетий многократно тиражировалась в виде почтовых марок и открыток, и стала настоящей «иконкой» своего времени. Впоследствии, по призыву поэта Франсуа Коппэ были собраны деньги, на которые историческое здание было выкуплено у его владельцев и превращено в музей — Дом «Последних патронов».⁵⁵

В целом, картины де Невиле, как отмечает немецкий исследователь Франк Беккер, стали лучшим выражением той «эстетической революции», которая произошла во французской батальной живописи после франко-прусской войны. Художник отныне был не прилежным хронистом, а эмоциональным очевидцем драматических событий. На смену военным вождям в качестве главного героя этих картин приходит весь французский народ.⁵⁶

В Германской империи изображение войны осталось почти исключительно в рамках выхолощенной академической традиции, которая, конечно же, не могла сравниться с французскими образцами по своему воздействию на зрителя. Ставя в пример французскую батальную живопись, Гельмут Мольтке-младший, сам участник франко-прусской войны, раскрыл эту разницу в одном из своих писем лучше любого художественного критика: «Батальные картины, созданные нашими живописцами, в большинстве своем остаются холодны и безжизненны <...>

⁵⁵ La maison des Dernières Cartouches à Baseilles // *Le Petit Journal*. 1899. № 443. Mai 14.

⁵⁶ *Becker Fr. Bilder von Krieg und Nation...* S. 405–406.

«Последние патроны» (1873). Художник Альфонс де Невиль

по ним понимаешь, как происходило сражение, но они не способны выразить на холсте дух боя!». ⁵⁷ На той же Всемирной выставке в Вене в 1873 г. не было недостатка в полотнах, прославлявших недавние подвиги пруссаков, вюртембергцев, гессенцев и баварцев. Но все эти картины, исполненные часто в спешке, на заказ, оставляли очевидцев равнодушными, а их огромное число лишь вызывало иронию. ⁵⁸ Гер-

Базейль. Дом «Последних патронов», превращенный в музей

манский же художественный критик Фридрих Шааршмидт констатировал в 1902 г., что война 1870–1871 гг. подвигла на создание значительных картин только проигравших. ⁵⁹

К 1878 г. по всей Франции было возведено также не менее 457 мемориалов минувшей войны, ⁶⁰ некоторые из которых обрели широкую известность. Одной из самых замечательных скульптурных работ, увековечивших во Франции войну 1870–1871 гг., стал «Бельфорский лев» эльзасца Фредерика Бартольди, автора знаменитой

статуи Свободы. Оборона Бельфора заняла примерно то же положение во французской героизированной интерпретации войны, что и сражение за Базейль. Эта крепость выдержала 103 дня осады пруссаков и сдалась только по требованию собственного правительства через пятнадцать дней после подписания перемирия. Заметно поредевший гарнизон, в котором только пятую часть составляли регулярные войска, под командованием молодого полковника Аристида Данфер-Рошро отказался

⁵⁷ Helmut von Moltke: Dokumente zu seinem Leben und Wirken. Bd I. Briefe Helmut von Moltke an seine Frau, 1877–1915 / Hrsg. von A. Bracher und T. Meyer. Basel, 2005. Nr. 26. S. 56–57.

⁵⁸ Триго Е. Венская всемирная выставка // Дело. 1873. № 9. С. 124; № 10. С. 56–57.

⁵⁹ Цит по: Becker Fr. Bilder von Krieg und Nation... 1864–1913. S. 399.

⁶⁰ Varley K. Under the Shadow of Defeat: The War of 1870–71 in French Memory. N. Y., 2008. P. 1.

«Бельфорский лев» (1880) – памятник защитникам Бельфора
в годы франко-прусской войны 1870–1871 гг.
Скульптор — Фредерик-Огюст Бартольди

принять воинские почести от противника, заявив, что не считает себя побежденным.⁶¹

Подвиг Бельфора вдохновил Бартольди на создание гигантской барельефной скульптуры льва в скале у подножия цитадели. Работы по его монтажу растянулись с июня 1875 г. до официального открытия монумента в 1880 г., приуроченного к 10-летию юбилею исторического события. Уменьшенная бронзовая копия Бельфорского льва украсила и одну из центральных площадей Парижа, переименованную в честь полковника Данфер-Рошро. Значение работы было таково, что не могло не приобрести характер национального символа. Сам Бартольди так описывал свой замысел в письме к мэру Бельфора: «памятник представляет собой огромную фигуру измученного льва, загнанного в угол и еще ужасного в своей ярости...».⁶² Вопрос о том, куда должно было быть обращено туловище животного, приобрел политический характер. Бартольди предполагал обратить раскрытую пасть льва на восток,

⁶¹ См.: *Howard M.* The Franco-Prussian War: the German Invasion of France, 1870–1871. London; N. Y., 2001 [1961]. P. 353.

⁶² *Belot R.* Les paradoxes de la perception politique d'un monument patriotique: le Lion de Belfort // *Cahiers de RECITS*. (Université de Technologie de Belfort-Montbéliard — UTBM). 2006. N 4. P. 23. — Режим доступа: www.utbm.fr/upload/gestionFichiers/cahier_recits_4_1292.pdf. Дата посещения: 14. 03. 2007.

но французские власти, опасавшиеся дипломатических осложнений с Германией, добились «разворота» скульптуры в противоположную сторону.

Бельфор при этом был не только славной страницей минувшей войны, он быстро превратился также в символ ожидаемого реванша. «Пистолет, направленный на сердце Пруссии», — как определил его значение епископ Анжера.⁶³ Кардинал Матьё уже 29 мая 1871 г., спустя три неполных недели после подписания Франкфуртского договора, оставившего Бельфор за Францией, подчеркивал важность превращения его в крупный гражданский и военный административный центр департамента Верхний Рейн. «Попробуйте убедить наших правителей, — писал он в письме депутату Келлеру, — что в высшей степени в интересах Франции <...> сконцентрировать здесь столько органов власти, сколько это только будет возможно. Вопрос денег тут не имеет никакого значения, это вопрос чести и будущего...»⁶⁴

Творение Бартольди, вопреки воле своего создателя, для многих французов стало прямо ассоциироваться с этим «будущим». Одним из первых поэтических посвящений «Бельфорскому льву» стало стихотворение уже упоминавшегося французского поэта и драматурга Франсуа Коппэ. Оно появилось в поэтическом сборнике автора «Красные тетради» (1874) даже до начала сооружения памятника, об облике которого можно было судить еще только по моделям. Коппэ завидовал каменному исполину, который сейчас «Один может показывать клыки и хмурить брови». До последнего

Уменьшенная копия
«Бельфорского льва», установленная
на пл. Данфер-Рошро в Париже.
Скульптор — Фредерик-Огюст
Бартольди

⁶³ Цит. по: *Gadille J. La pensée et l'action politiques des évêques français...* Vol. I. Paris, 1967. P. 211.

⁶⁴ Цит. по: *Gadille J. La pensée et l'action politiques des évêques français au début de la Troisième République, 1870–1883.* Vol. I. P. 211–12.

часа этот лев-Бельфор отражал «Натиск сотни шакалов, вцепившихся в его гриву...», и теперь Коппэ просил гиганта: «Жди сам, как все, терпеливый и немой; / Но коль уменьшится в нас гнев святой, / Взреви, напомнить чтобы Франции свой долг!»⁶⁵

Это небольшое стихотворение самым наглядным образом показывает то, как выстраивалась логическая цепочка от героизации поражения французского солдата, сражавшегося до «последнего часа», к мысли о будущем реванше. Коль скоро моральный дух народа не был сломлен, он мог надеяться на будущую победу. Коппэ, впрочем, не без упрека замечал, что по мере того, как страна зализывала раны войны, ненависть к немцам в сердцах ослабевала. Освежить в памяти французов «клятву против этих проклятых» и напомнить, что «Франция еще рождает своих героев», и были призваны строки его лирических и одновременно весьма воинственных сочинений.⁶⁶

Бельфор оказался отныне также тесно связан с именем А. Тьера, «героическими мольбами» удержавшего крепость за Францией во время переговоров с Бисмарком о мире. Поэтому не было удивительным почетное место депутации из Бельфора на похоронах первого президента Третьей республики в 1877 г. Описание похоронной процессии Эмилем Золя в одном из его «Парижских писем», написанных для «Вестника Европы», хорошо передавало уровень патриотической экзальтации: «...на всем пути толпа содрогалась как от электрического удара при виде черного бархатного знамени, на котором стояло только одно слово: *Бельфор*, начертанное серебряными буквами...».⁶⁷

Наряду с известным эпизодом самоубийственной попытки прорыва французской кавалерии под командованием генерала Маргерита под Флоэн и легендарной характеристики — «храбрые люди» — со стороны Вильгельма I, образ Базейля был призван вернуть славу французскому поражению под Седаном. Точно такое же значение для почти столь же бесславного второго этапа войны получил образ обороны Бельфора. Притом, что они далеко не исчерпывали при-

⁶⁵ Au Lion de Belfort // Oeuvres de François Coppée. Vol. II. Poésies, 1869–74. Paris, 1875. P. 228–229.

⁶⁶ См.: Aux Amputés des la Guerre; Le canon; A un Sous-Lieutenant и др. // Ibid. P. 135–138; 204–209; 215–216.

⁶⁷ Золя Э. Тьер, основатель Третьей республики (Парижские письма) // Вестник Европы. Кн. X. 1877. Октябрь. С. 863.

меры героизации эпизодов войны с Германией и закрепления их в культурных образах, творения де Невиля и Бартольди могут служить самым ярким примером.

Литература реванша

С наибольшей открытостью тема будущего реванша представала в произведениях французских писателей и поэтов. «Литература реванша» во Франции даже для первого послевоенного десятилетия поистине необозрима, особенно если принять во внимание все те стихи и небольшие рассказы, что печатались тогда на страницах не только парижских, но и провинциальных периодических изданий. Как и в случае с вопросом художественной интерпретации минувшей войны, остановимся лишь на нескольких ярких примерах.

Итоги войны с Германией произвели переворот в сознании даже такого давнего сторонника братства всех народов, «первосвященника идеального мира», словами Золя, как Виктор Гюго. Гюго признавал, что теперь понятие мир отошло к категории неопределенного будущего: «нынешнее состояние — это мрачная и глухая ненависть».⁶⁸ На известие о том, что 16 сентября 1873 г. последний германский солдат досрочно покинул французскую землю, Гюго откликнулся стихотворением «Освобождение территории». В нем он объявлял, что Франция не может считаться освобожденной, пока прусский орел — «ужасный орел тьмы» — держит в своих когтях Мец и Страсбург. Все надежды поэта оказывались связаны с «преданными героями» — французской армией, которая, возродившись, «вернет Галлии ее границу».⁶⁹

Сам Золя был солидарен с Гюго в том, что новая война с Германией неизбежна, и будет при этом войной подлинно национальной: «Что за дело: будет ли тогда стоять во главе Франции король, император или президент республики! Правительство останется тут не причем: вся нация поднимется, чтобы отомстить за прежние поражения <...> Война на нашей почве зреет помимо нашей воли и выйдет из каждой борозды богатой жатвой, когда наступит ей время».⁷⁰

⁶⁸ *Hugo V. Oeuvres complètes. T. 45. Actes et paroles. Depuis l'exil, 1870–1876. Paris, 1884. P. 322.*

⁶⁹ *Hugo V. Op. cit. T. 45. P. 299–305.*

⁷⁰ *Золя Э. Мои воспоминания из военных лет (Парижские письма) // Вестник Европы. Кн. VI. 1877. Июнь. С. 835.*

Однако не все хотели ждать: будущая война между Германией и Францией захватила умы и в качестве художественного сюжета. Каноны франко-германских воображаемых войн во французской литературе и публицистике задал англичанин Джордж Чесни и его повесть «Битва при Доркинге» (1871), отметившая своим появлением рождение целого направления фантастической литературы — «воображаемой войны-вторжения» в жанре военной антиутопии.

Сюжет повести — завоевание Британии высадившейся с моря вскоре после разгрома Франции германской армией — произвел настоящую сенсацию и оказал грандиозное воздействие на сознание англичан и европейцев в целом. Чесни, будучи военным инженером по профессии, изобразил слабость обороны Британских островов в столь убедительных деталях, что это стало предметом дебатов в английском парламенте, настроение которых лучше всего передают слова лорда Элчо: «Хорошо, что мы получили «Битву при Доркинге» во время мира, а не во время войны». ⁷¹ Игнатий Ф. Кларк даже утверждал, что именно книга Чесни заставила британских военных провести первые в истории страны маневры и укрепить береговые фортификации. ⁷²

Молтке в своей знаменитой речи, где прозвучала мысль о том, что своими недавними успехами «Германия повсюду добилась уважения, но нигде любви», в перечислении доказательств этого тезиса применительно к общественным настроениям в Англии напомнил, как «в одной брошюре, опубликованной в Англии, описывают последствия морского десанта, и осуществит его не Франция, а именно Германия», — и современникам было ясно, что речь идет о «Битве при Доркинге». ⁷³

Во Франции книга Чесни стала настоящим литературным событием, ее перевод моментально был перепечатан журналами. В течение

⁷¹ *Manœuvres Bill* (House of Commons, 2nd Reading), 1 August 1871 // *Hansards Parliamentary Debates*. 3rd Ser. Vol. 208. London, s. a. Col. 1358.

⁷² *Кларк И. Ф.* Пророчества о грядущих сражениях. Воображаемые войны 1763–1749 годов (Реферат) // *Отечественные записки*. 2005. № 5 (25). С. 73–75. — См. также: *Гонман В. Л.* Повесть Дж. Чесни «Битва при Доркинге» на страницах журнала «Блэквудс мэгэзин» // *Вестник РГГУ. Сер. Журналистика и литературная критика*. 2008. № 11. С. 183–203; *Clarke I. F.* 1) *The Battle of Dorking, 1871–1914* // *Victorian Studies*. Vol. 8. (1965). № 4. P. 309–328; 2) *Before and After The Battle of Dorking* // *Science Fiction Studies*. Vol. 24. Pt 1. 1997. № 71. March. P. 34–46.

⁷³ См.: *Loiret Ch.* Bismarck // *Revue politique et litteraire*. Tome V. 1874. № 38. Mars 21. P. 890.

короткого времени по всей Европе появляется масса подражаний. Не удивительно, что именно во Франции подобного рода литература получила большое развитие, ибо она была востребована послевоенным сознанием французов и прекрасно укладывалась в постулаты ожидания «пришествия реванша». В том же 1871 г. Эдуард Данген публикует «Битву при Берлине в 1875 г.»,⁷⁴ которая играла роль продолжения событий после «Битвы при Доркинге» и была выдержана в абсолютно той же стилистике псевдоисторического повествования — незамысловатого рассказа очевидца событий полувековой давности.

Творение Дангена не отличалось сколь-нибудь увлекательными поворотами сюжета и глубиной его проработки. После побед над Францией и Великобританией Германия владычествует на европейском континенте как в военном, так и в промышленном отношении. Роковым для ее судеб становится внезапная смерть канцлера Бисмарка и скоропалительные решения нового правительства, которые приводят к войне с Россией, на стороне которой немедленно выступает Франция.

В итоге, как и следовало ожидать, Германия оказывается бессильна в войне на два фронта, финальная битва разворачивается под стенами Берлина, и в ней германская армия терпит окончательное поражение. Новый Франкфуртский договор объявляет о возвращении независимости всем входившим в состав Империи германским государствам, а победители принимают решительные меры, чтобы не допустить возрождения прусского милитаризма. Примечательно, что, победив Германию, французы, по мысли Дангена, должны были свести счеты и с ее историей — вернуть из немецких музеев захваченные когда-то французские знамена, а прах Карла Великого упокоить в усыпальнице французских королей в Сен-Дени.⁷⁵

В Германии появление в свет этой книги получило самый ядовитый отклик. Небольшая анонимная брошюра, вкратце излагавшая немецкому читателю содержание сочинения Дангена под характерным предисловием «Французская галиматья», педантично разносила все фантастические несуразности текста строго по 78 (!) пунктам и резюмировала: «французы воистину счастливейшая нация даже в своих несчастьях»,

⁷⁴ *Dangin Éd. La bataille de Berlin en 1875. Souvenirs d'un vieux soldat de Landwehr. 2ème éd. Paris, 1871.*

⁷⁵ *Dangin Éd. La bataille de Berlin en 1875... P. 47–48.*

Французский писатель Жюль Кларети

ибо «они живут в постоянном опимном дурмане, который рисует им блестящую будущность».⁷⁶

Другим прекрасным примером «литературы реванша», окутанной тем же мистическим ореолом, может служить сочинение Жюль Кларети под названием «Роман о солдатах» (1872). Большая часть этого сборника исторических новелл из недавнего прошлого Франции, объединенных идеей прославления армии и свободы, была написана автором еще до войны.⁷⁷ Но последовавшие затем события, по-видимому, существенно повлияли

на первоначальный замысел Кларети. Обширное авторское вступление и последний рассказ «Видение» оказались обращены к современному положению и будущему страны, а книга получила посвящение: «армии реванша».

Во вступлении книги нашли свое отражение все основные тезисы сторонников реванша. Именно солдаты Франции, по мнению автора, всегда — независимо от того, были ли они победителями или побежденными — являли всей нации образец преданности долгу и Родине. Так случилось, отмечал автор, что под пагубным воздействием империи Наполеона III эти гражданские добродетели ослабли во французском обществе и сделали поражение Франции неизбежным. Однако сколь бы ни был ее противник сильнее «материально», морально он не заслужил своей победы, утверждал Кларети. И если Германия не выпустит свою добычу, «если сила станет правом», тогда следует, чтобы «миролюбивая французская нация воззвала еще раз к участи сражений <...> и те, кто надеется найти в похищении ложную безопасность и мир, найдут лишь более или менее длительное перемирие и перерыв в возмездии».⁷⁸

⁷⁶ Schlacht bei Berlin im Jahre 1875. Eine französische Träumerei. Aufl. 2. Leipzig, s. a. S. 3.

⁷⁷ *Clarétie J. Le roman des soldats*. Paris, 1872. P. 39.

⁷⁸ *Ibid.* P. 38.

Основное действие новеллы «Видение» Кларети разворачивается в госпитале в осажденном Париже, где соседом главного героя, тяжело раненого майора Мерлье, оказывается пленный прусский лейтенант. При первой встрече Мерлье миролюбиво объявляет, что «двое раненых более не являются врагами», на что пруссак возражает (с ученой книжкой в здоровой руке): «Раненые или здоровые, немцы и французы никогда не могут быть друзьями!» Мерлье решительно отвергает подобное толкование своих слов: вовсе не дружественные чувства одолевают его по отношению «к поджигателям Базейля и убийцам женщин».⁷⁹

Раны Мерлье в итоге оказываются смертельными, и его последние слова обращены сыну: «будь солдатом униженной Родины, за которую нужно отомстить, и Франции, которую нужно пересоздать. <...> И когда ты и твои сверстники вернете знанием, работой, силой права отечеству его величие, вернись тогда ударить своей маленькой ручкой, ставшей сильной, по камню, под которым я усну, и скажи мне <...> *реванш взят!* (курсив автора. — А. Б.)».⁸⁰ Перед раненым прусским офицером по воле Кларети при этом предстает видение, (значимость которого подчеркивается названием самого рассказа), как сын Мерлье растет и превращается в грозного воина, который со шпагой в руке решительно шествует к берегам Рейна. «Галлюцинация, без сомнения!», — прибавляет с иронией автор.

Чтобы ни у кого из читателей не осталось последних сомнений в толковании этого мистического эпизода, Кларети уточнял, что «для нас, людей эпохи перемен, искупления и принесенного в жертву поколения», Мерлье представлял собой «вчерашнюю Францию», а ребенок, «этот уже взрослеющий мститель, олицетворял завтрашнюю Францию».⁸¹ Другими словами, «поколение 1870-го года» в глазах Кларети было «потерянным поколением» именно потому, что реванш был немислим в ближайшей перспективе, это удел не отцов, но детей 1870-го года. При этом становится окончательно ясно, что туманная «сила права» из предисловия книги как средство возвращения Франции величия означала для Кларети, как и для подавляющего большинства его соотечественников, лишь моральную основу отмщения силой оружия.

⁷⁹ Ibid. P. 394.

⁸⁰ Ibid. P. 399.

⁸¹ Ibid. P. 400.

Пример Жюль Кларети показателен еще и тем, что в других своих ипостасях исследователя новейшей истории Франции и художественного критика, он практически в то же самое время мог призывать своих читателей к сдержанности в проявлении своих национальных чувств.⁸²

Но звание подлинного «поэта реванша» в наибольшей степени, конечно же, заслуживает Поль Дерулед. К 1870 г. он уже имел за плечами некоторый литературный опыт.⁸³ Яркие картины крайне неудачной для Франции войны с Германией, участником которой он стал, легли в основу его новых стихотворений. В январе 1872 г. в издательстве Мишеля Леви вышел первый сборник его стихов, посвященных недавним событиям, под названием «Солдатские песни», а в феврале 1875 г. последовало своеобразное поэтическое продолжение — «Новые солдатские песни».⁸⁴

Как же были восприняты эти стихотворные творения современниками? При всей своей едкой иронии к различным проявлениям парижской жизни, Макс Нордау оценивал литературный талант Деруледа чрезвычайно высоко: «Поль Дерулед — истинный поэт, простой, глубокий, сильный, правдивый...»⁸⁵ Особое одобрение Нордау заслужило отсутствие в стихах крикливого пафоса и бахвальства, свойственного, по его мнению, многим французским сочинениям о войне 1870–1871 гг. Он видел в Деруледе родоначальника нового направления французской литературы, схожего с плеядой германских поэтов Освободительной войны 1813 года.

Р. Л. Стивенсон также оставил любопытный отзыв о поэтическом творчестве Деруледа. С 1873 г. по 1879 г. английский писатель подолгу жил во Франции, и потому его мнение заслуживает внимания. Стивенсон отмечал, как в те годы «патриотическая песенка» книжного разносчика на улице небольшого французского селения была способна вызвать

⁸² См.: *Clarétie J.* 1) Histoire de la Révolution de 1870–71. Pt. 1–4. Paris, 1874. Pt. 3: Présidence de M.Thiers (septembre 1871 — septembre 1872); 2) L'art et les artistes français contemporains. Paris, 1876.

⁸³ *Joly B.* Derouled. L'inventeur du nationalisme français. Paris, 1998. P. 32–34.

⁸⁴ *Déroulède P.* 1) Chants du soldat (1872). 31-ème éd. Paris, 1876; 2) Nouveaux chants du soldat (1875). 27-ème éd. Paris, 1876.

⁸⁵ *Nordau M.* Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки / Пер. с нем. Т. II. СПб., 1879. С. 153.

из домов всех ее обитателей.⁸⁶ Отмечал он и доверие, которое вызывали у читателя строчки «мужественных военных стихов» Деруледа, способных, по его мнению, вернуть французам веру в будущее: «в них не гремят фанфары, способные зажечь сердце в человеческой груди, им не хватает лирического порыва <...> но они исполнены торжественного, благородного стоицизма, который может послужить надежной опорой солдатам, борющимся за правое дело».⁸⁷

О популярности военной поэзии Деруледа говорят и сухие цифры: в каталогах Французской Национальной Библиотеки, по сведениям З. Стернхела, к 1878 г. уже значилось 49 изданий «Солдатских песен», а к 1883 г. – 91 издание «Новых солдатских песен».⁸⁸ И это притом, что жанр поэзии традиционно был менее всего востребован, и в те годы достичь тиража хотя бы в 3 или 4 тыс. экземпляров в писательской среде считалось подвигом.⁸⁹ Сборники стихов Деруледа до 1887 г. брали эту планку каждые 5 лет.⁹⁰ В целом, они так и остались самыми покупаемыми произведениями Поля Деруледа: с 1872 г. по 1916 г. было продано не менее 100 тыс. экземпляров «Солдатских песен», выдержавших 164 издания; «Новых солдатских песен» к 1916 г. было продано около 67,5 тыс.⁹¹ Подобное признание современников требует своего объяснения.

Читая сегодня лаконичные строки «песен» с их простыми, почти примитивными рифмами, порой трудно поверить в их былой успех. Но именно эта простота слов и реализм сюжетов, очевидно, и делали мысли Деруледа понятными и близкими каждому из его соотечественников: Франция была побеждена превосходящими силами лучше подготовленного к войне врага, будущий расчет с Германией немислим без возрождения армии и авторитетной власти. В условиях, когда в стране шла упорная борьба различных политических групп монархистов и республиканцев, призыв Деруледа к единению был особенно

⁸⁶ Стивенсон Р. Л. Путешествие внутрь страны. Клуб самоубийц: Сб. / Пер. с англ. СПб., 1994. С. 185.

⁸⁷ Там же. С. 186.

⁸⁸ Sternhell Z. Paul Deroulede and the origins of modern French nationalism // Journal of Contemporary History. Vol. 6. 1971. № 4. P. 52 (n. 5).

⁸⁹ См. об этом: Шарль К. Расширение и кризисы литературного производства (вторая половина XIX века) / Пер. с фр. // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 69.

⁹⁰ См. Приложение II в: Joly B. Deroulede... P. 385.

⁹¹ Что составило в общей сложности 65 % от общего тиража всех художественных произведений Деруледа. См.: Joly B. Deroulede... P. 37, 39, 385 (Приложение I).

актуален. В охваченной раздорами Франции только солдат, утверждал поэт, следует девизу: «один за всех, все за страну», и хранит во всеобщем оцепенении надежду (стихотворение «Песня»)⁹² Как явствует из автобиографичного, по сути, стихотворения «Пробуждение», только взяв в руки оружие для защиты страны, можно ощутить себя настоящим патриотом:

«Я жил, я пел, я любил. / С безумною радостью, упоенный надеждою, / Не спрашивая себя, что такое Франция, / Не понимая, что я француз / <...> Став солдатом для ее избавления, / Я узнал, что Франция — моя Франция, / Я уже уверен, что я француз. / Я жил, я страдал, я ненавижу...»⁹³

Но если сборник 1872 г. был преимущественно наполнен героическими картинами минувшей войны, то в «Новых солдатских песнях», опубликованных тремя годами позже, все чаще встречаются намеки на грядущий реванш. Примерами могут быть названы стихотворения «Вперед!», «Покровительница завоеванных» (ода в честь Жанны Д'Арк) и баллада на библейскую тему «Отниэль», проводящая параллели между положением Франции и борьбой иудеев с царем Месопотамии.⁹⁴

2 февраля 1877 г. на сцене театра «Одеон» состоялась шумная премьера пятиактовой трагедии Поля Деруледа «Гетман».⁹⁵ Хорошо уже зная направление мыслей Деруледа по его «солдатским песням», публика превратила первое представление в своеобразную патриотическую демонстрацию. Политический характер постановки подчеркивалась прибытием в почти полном составе офицеров Парижского гарнизона, всего высшего генералитета и самого военного министра, а также почтенной супруги президента Мак-Магона, которая, по наблюдению Нордау, «весь вечер аплодировала без умолку с увлечением еще совсем юного клакёра».⁹⁶ Был даже пущен слух, что автору чуть ли не в день премьеры пришлось вносить в свою пьесу поправки, чтобы не взбодоражить «обидчивых соседей» по ту сторону Вогезов.⁹⁷

⁹² *Déroulède P.* Chanson // Chants du soldat... P. 33–34.

⁹³ *Déroulède P.* Reveil // Nouveaux chants du soldat... P. 73–74.

⁹⁴ *Déroulède P.* Nouveaux chants du soldat... P. 9–11; 15–19; 61–70.

⁹⁵ *Déroulède P.* L'Hetman. Drame en cinq actes en vers. 19-eme éd. Paris: Calmann Lévy, 1877.

⁹⁶ *Nordau M.* Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки. С. 176.

⁹⁷ *Joly B.* Derouledé... P. 56.

Сюжет драмы был выбран для парижской сцены довольно необычный: восстание украинских казаков под властью польского короля Владислава IV. Именно в этом произведении Дерулед в аллегорической форме осмелился прямо поставить вопрос о будущей войне с Германией. В центре действия всего произведения — колебания старого гетмана Фрола Герасимова, которого после прежней неудачи убеждают вновь подняться против поляков. Очевидно, что его устами Дерулед обсуждает главную мысль своего действия: готова ли страна к решающему сражению за свое «освобождение» или нет. В развитии этой темы автор примечательно сдержан, но находит изящный выход из дилеммы: трезвые расчеты Фрола спутывает измена ренегата Роговиана и любовь к его дочери Микле молодого казака Стенко. Последний толчок к восстанию дает слух о подходящей помощи «десяти тысяч донских казаков». После первых неудач казаки одерживают победу, но Стенко и Микла приносят себя в жертву общему успеху. Ключевой фразой драмы становится стоическое восклицание Фрола: «Что значат мертвые? Свобода жива!»⁹⁸

Собственно литературных достоинств у эпического произведения Деруледа было немного. По всей видимости, автор и не ставил перед собой цели соперничать с Мольером. Но слабость формы и ожидаемость содержания не помешала публике устроить актерам овацию. В патриотическом порыве зрители изначально были готовы встречать громом рукоплесканий само слово «отчизна» или «борьба».⁹⁹ Основная мысль Деруледа оставалась той же, что и проводилась в его стихах: будущая война Франции должна быть хорошо подготовлена и воспламенена всеобщей готовностью к самопожертвованию. В этой борьбе французы должны прежде всего рассчитывать на самих себя. Впрочем, вполне вероятно, что в той надежде на помощь «с Дона», которая становится катализатором «казацкого реванша», содержится аллюзия на тогдашнюю Россию.

Можно согласиться с Берtrandом Жоли, что успех стихов Деруледа не означал полного согласия и взаимопонимания страны с поэтом. Публика восприняла их прежде всего как своеобразный «символ веры» — торжественное и почти религиозное обязательство, которое относилось к

⁹⁸ *Déroulède P. L'Hetman*. P. 150.

⁹⁹ *Нордау М.* Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки. С. 180.

неопределенному будущему. Франция хранила память об утраченных провинциях и павших, но пока явно не чувствовала себя готовой вновь взяться за оружие. Дерулед же хотел «тотчас перевернуть страницу поминовения и сразу перейти к Реваншу»,¹⁰⁰ что и покажет его обращение к политике и активное участие в создании в 1882 г. небезызвестной «Лиги патриотов».

Многогранный реванш

Экзотические для французской сцены исторические декорации «Гетмана» Деруледа во многом объяснялись тем, что на всем протяжении 1870-х годов во Франции царил настоящий литературный «руссобум». Как вспоминал позднее один современник: «Россия была удивительно популярна, ее хвалили в книгах, ее пытались описать в рассказах, люди аплодировали ей в театрах...».¹⁰¹ Практически вся обширная литература о России, которая выходила в свет в эти годы во Франции, была ей благожелательна. Возникла даже ситуация, когда издатели не брались печатать то, что могло пойти вразрез с этим установившимся пристрастием французской публики.¹⁰²

Писательница Жюльетта Адан со всей откровенностью признавалась: «Неистовая и страстная антинемка, логически я была славянофилкой», «Бисмарку хотелось бы, чтобы мы ненавидели Россию; поэтому-то я ее и люблю».¹⁰³ Луи Леже, очень много сделавший для продвижения интереса к славянским народам во Франции, следовал той же логике, когда указывал своим соотечественникам на «как никогда огромную важность иметь о них (славянах. — А. Б.) полное и точное понятие». Поскольку славяне, по мнению Леже, находятся в постоянной борьбе с германцами за свое существование, «они призваны стать когда-нибудь нашими самыми преданными союзниками».¹⁰⁴

Тот же подтекст имела пьеса «Данишевы» Пьера Невского и Александра Дюма-сына, премьеры которой с огромным успехом состоялась

¹⁰⁰ Joly B. Derouledé... P. 374.

¹⁰¹ Цит. по: Carroll E. M. French public opinion and foreign affairs... P. 136.

¹⁰² Deiningner H. Frankreich — Russland — Deutschland, 1871–1891: Die Interdependenz von Ausspolitik, Wirtschaftsinteresse und Kulturbeziehungen im Vorfeld der russ. — fr. Bundnisses. Munchen, 1983. S. 10.

¹⁰³ Цит. по: Манфред А. З. Образование русско-французского союза... С. 35.

¹⁰⁴ Leger L. Le monde slave: voyages et littérature. Paris: Didier et Cie, 1873. P. VII.

на сцене театра «Одеон» в 1876 г. Особое одобрение у публики получила сцена охоты, когда на одно из действующих лиц пьесы, французского атташе де Тальде, нападает медведь. Его выручает главный герой — русский князь Владимир Данишев, который убивает животное со словами: «Это самое простое <...> и пока существуют французы, русские и хищные звери, надеемся, что так и будет».¹⁰⁵ В этой реплике было легко увидеть прозрачный намек на события недавней «военной тревоги», где в роли хищного зверя выступала Германия. Де Тальде и Владимир Данишев же отныне становятся друзьями.

Несмотря на явную поддержку французского правительства,¹⁰⁶ нельзя, конечно же, утверждать, что движение общественного мнения в пользу России, весь благожелательный интерес к нашей стране и ее культуре во Франции диктовался исключительно политическими расчетами и предвидением реванша. Но несомненно, что подобные соображения способствовали взрывному характеру проявления этого интереса.

Сформулированные Дерулемом постулаты также четко укладывались в традиции французского шовинизма, блестяще описанного Жераром де Пюимежем. Шовинизм, возникший в 1830–1840-х годах на основе литературного образа солдата-землепашца Николя Шовена, следует понимать прежде всего как «нулевой уровень» французского национализма. В нем, помимо всего прочего, выразилась реальная потребность французского общества во всеобщем примирении после исторических потрясений рубежа XVIII–XIX веков.¹⁰⁷

Поражение 1870 г. облагородило образ Шовена. Этот не знающий меры патриот воскрес — вопреки итогу сюжета — на улицах Парижа во время последней войны в небольшом рассказе Альфонса Додэ «Смерть Шовена».¹⁰⁸ Его гротескный карикатурный образ приобретает в конце рассказа величие, когда в дни Парижской Коммуны Шовен бросается между противоборствующими сторонами с криком «Да здравствует Франция!» и гибнет. Додэ завершал рассказ следующими

¹⁰⁵ Цит. по: *Deininger H.* Frankreich — Russland — Deutschland... S. 35–36. — См. также: *Zola E.* Les oeuvres complètes. T. 47. Nos auteurs dramatiques. Paris, 1929. P. 112.

¹⁰⁶ См. письмо герцога Деказа: *Férussac A.* de France et Russie: estime et sympathie (question d'alliance). Bordeaux, 1880. P. 3–6.

¹⁰⁷ См.: *Пюимеж Ж., де Шовен*, солдат-землепашец: эпизод из истории национализма / Пер с фр. М., 1999. С. 307–309, 362–363.

¹⁰⁸ *Daudet A.* Contes du lundi. Paris, 1873. P. 97–100.

словами: «Так погиб Шовен, жертва наших гражданских войн. То был последний француз».¹⁰⁹ Необходимость для французов если уж не терпеть, то хотя бы перестать проклинать друг друга как первое условие «возрождения и будущих реваншей» страны, отмечалась и в одной из рецензий «Journal des Debats» на очередной образчик патриотической литературы.¹¹⁰

Пересмотреть свое отношение к проповеди Шовена заставляли не только внутривосточные катаклизмы, но и столкновение с германским национализмом. В этой связи в высшей степени показательно, как под пером упоминавшейся уже Терезы Блан французский шовинизм представлял «наивным и открытым, полным порыва и бессознательного инстинкта», тогда как «в Германии, — считала писательница, — он непримиримый, как фанатизм, продуманный, ученый, вышедший из гегельянских мозгов, которые не поддаются никакой эмоции, как только встает вопрос о принципе и *идее* (курсив в оригинале. — А. Б.)».¹¹¹

Мысль о реванше в широком смысле — как возрождение нации, которое только и могло дать основания надеяться на возвращение утраченного — была тесно связана, как об этом уже говорилось выше, с задачей воспитания нового поколения. Развернувшиеся во Франции дебаты о необходимости глубокой реформы образования и о том, в какой степени она должна последовать при этом за германским примером, ничуть не уступали своими масштабами и ожесточенности, скажем, той же дискуссии вокруг реорганизации армии. Крылатые слова профессора географии Лейпцигского университета Оскара Пешеля (впоследствии приписываемые то Бисмарку, то Мольтке) о решающей роли в войне народного образования: «когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского школьного учителя над австрийским учителем»,¹¹² в равной мере были отнесены во Франции и к прусской победе 1870 года.

Подготовка к будущему противостоянию с Германией поэтому не ограничивалась военными учреждениями. В сфере народного просве-

¹⁰⁹ Ibid. P. 100.

¹¹⁰ *Ratisbonne L.* Une curiosité littéraire (Epilogue de la Divine Comédie, par comte Sèguier) // *Journal des Debats*. 1873. Juillet 11. P. 3.

¹¹¹ [*Blanc Th.*]: *Bentzon Th.* Un roman politique en Allemagne... P. 951.

¹¹² *Büchmann G.* Geflügelte Worte: Der Citatenschatz des deutschen Volkes / Aufl. 18. Berlin, 1895. S. 483.

щения наглядным образом это показывала деятельность во Франции так называемой «Лиги образования» (1866), насчитывавшей к 1877 г. в своих рядах не менее 60 тыс. членов. Ее девиз: «За родину, книгой и шпагой» наглядно показывал, что грань между гражданским и военным воспитанием становилась все более тонкой.

Как уже было сказано, во Франции только в 1870-е годы вышло немало работ, призывавших к реформе образования и прямо апеллировавших к германскому опыту, в числе авторов которых были такие видные представители французской науки, как Жюль Симон, Габриэль Моно, Феликс Дельтур, Гастон Буассье, Селестин Иппо, Альфонс Рабьер, Альфред Вайль и др. Все они так или иначе обращались к вопросам о месте религии в образовании, нравственного и отвечающего духу современности воспитания, возрождающего идеалы гражданственности и патриотизма.¹¹³

Отдельно, пожалуй, в этом ряду стоит выделить Мишеля Бреаль, французского лингвиста и филолога, автора 400-страничных «Несколько слов о народном просвещении во Франции» (1872), летом 1873 г. совершившего специальное путешествие в Германию с целью изучения ее образовательных учреждений. Он был согласен с мыслью о том, что германская школа разделяла лавры победы над Францией в недавней войне, и открыто выражал свое восхищение немецкой педагогикой. В одной из своих статей в «*Revue des Deux Mondes*» он констатировал, что германская наука «спустилась на землю», а «германское образование <...> вооружает не только для жизненных баталий, но и для исторической борьбы наций и рас».¹¹⁴ Исходя из этого, Бреаль считал настоятельной необходимостью для французского образования увеличить долю современных иностранных языков за счет языков древних, расширить преподавание отечественной истории и истории нового времени зарубежных стран.¹¹⁵

¹¹³ См. подробнее: *Trouillet B.* «Der Sieg des deutschen Schulmeisters» und seine Folgen für Frankreich, 1870–1914. Köln, 1991. S. 39–59.

¹¹⁴ *Bréal M.* Souvenirs d'un voyage scolaire en Allemagne. Le patriotisme dans l'enseignement // *Revue des Deux Mondes* (далее — RDM). T. 7. 1875. Janv. 1. 3ème Période. P. 54. — См. также: *Ibidem.* Le baccalauréat allemande // RDM. T. 108. 1873. Nov. 15. 2ème Période. P. 440–452; *Ibidem.* La reorganization de l'enseignement supérieur // RDM. 1877. Febr. 15. 3ème Période. T. 19. P. 892–920.

¹¹⁵ См. подробнее о Бреале: *Trouillet B.* «Der Sieg des deutschen Schulmeisters»... S. 35–39, 42.

Однако, несмотря на все призывы, перемены во французской системе образования происходили довольно медленно, равно как потребовала времени и задача создания новой учебной и воспитательной литературы. Одним из немногих подобных сочинений, не просто ставшим настольной книгой нескольких поколений, но и успешно переиздающимся в наши дни, стало «Путешествие по Франции двух детей» Огюстины Фуйе (под псевдонимом Дж. Бруно), известный каждому французу «Тур де Франс».

Эта книга, изданная в 1877 г., рассказывала о приключениях двух сирот – Андрэ и Жульена Вольден, которые, повинаясь последней воле своего отца, покидают в 1871 г. захваченную немцами Лотарингию и направляются через всю страну к своему дяде в Марсель.¹¹⁶ Тяжесть разлуки и постоянные воспоминания двух мальчиков о своей малой родине служили «моральным оружием» выраженной лишь полунамеками надежды на реванш. Главным же мотивом книги стало воспитать в школьниках, перефразируя Деруледа, представление о том, что «Франция — это их Франция», обладающая высшей ценностью во всем многообразии своих регионов. Уже к 1881 г. тираж «Тур де Франс» достиг 600 тыс. экземпляров, став обязательным для чтения на уроках и сформировав историческую память миллионов юных французов в те времена, когда министр народного образования мог заявить, взглянув в 8.05 на свои карманные часы: «Сейчас все наши дети переходят через Альпы».¹¹⁷

Необходимость пересмотра в новых условиях отношения французов к родной истории и истории Германии стала также лейтмотивом выступления осенью 1872 г. на страницах «*Revue des Deux Mondes*» и известного исследователя Средневековья Нумы Фюстель де Куланжа. Он возложил на французских историков ответственность за то, что в 1870 г. «французская история сражалась на стороне Германии и против Франции».¹¹⁸ Именно французские историки противопоставля-

¹¹⁶ См. подробнее: *Watrelot M.* Aux sources du «Tour de la France par deux enfants» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1999. P. 311–325; *Trouillet B.* «Der Sieg des deutschen Schulmeisters»... S. 232–233. — О французской школьной литературе той эпохи см. также: *Christadler M.* Kriegserziehung im Jugendbuch: Literarische Mobilmachung in Deutschland und Frankreich vor 1914. Frankfurt/Main, 1978.

¹¹⁷ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 42.

¹¹⁸ *Fustel de Coulanges N.* De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans. (Essais et notices) // *Revue des Deux Mondes*. 1872. Septembre 1. P. 244.

ли германские добродетели завоевательским устремлениям прошлого своей страны и «вооружали» Бисмарка тезисом о том, что французская нация является вечной угрозой безопасности других народов.¹¹⁹ История, провозглашал Фюстель де Куланж, не должна знать «ненависти расы», равно как и «учить реваншу», но ей почти невозможно сохранить прежнее беспристрастие: «мы живем сегодня в эпоху войны <...> Все борется вокруг нас и против нас». По мнению Куланжа, «вот уже пятьдесят лет, как Франция атакована армией эрудитов», и французским историкам позволительно ответить наконец на «эту непрекращающуюся агрессию», «это вторжение нового типа в границы нашего национального сознания и пределы нашего патриотизма».¹²⁰

Развернувшаяся в последующие десятилетия борьба между немцами и французами за утверждение собственного национального взгляда в области истории, географии и антропологии зачастую была не менее острой, чем в литературе и искусстве.¹²¹ Германский историк Маркус Фолькель делал вывод о попытке французских историков взять своеобразный «научный реванш в форме критики» и одновременно обосновать ответственность противника за будущее «возмездие».¹²²

Вообще же, реакция значительной части французских интеллектуалов на поражение страны лучше всего раскрывается в фигуре известного французского химика и микробиолога Луи Пастера. Для него, как и многих других, поражение Франции в войне стало прямым следствием того, что государство предало забвению задачу поддержки и развития теоретической науки, позволив перехватить знамя «научного превосходства» университетам Германии, о чем Пастер и писал в своей единственной публицистической работе — «Несколько размышлений о науке во Франции» (1871).

¹¹⁹ Ibid. P. 241, 244.

¹²⁰ Ibid. P. 251.

¹²¹ Подробнее см.: *Gödde-Baumanns B.* Ansichten eines Krieges. Die «Kriegsschuldfrage» von 1870 in zeitgenössischem Bewußtsein, Publizistik und wissenschaftlicher Diskussion 1870–1914 / Europa vor dem Krieg von 1870 / Hrsg. von Eberhard Kolb. München, 1987. S. 175–201; *Gödde-Baumanns B.* La Prusse et les Allemands dans l'historiographie française des années 1871 à 1914: Une visage inversée de la France // *Revue historique*. Vol. 279. 1988. № 1. P. 51–73; *Völkel M.* Geschichte als Vergeltung. Zur Grundlegung des Revanchegedankens in der deutsch-französischen Historikerdiskussion von 1870/71 // *Historische Zeitschrift*. 1993. Bd 257. Heft 1. S. 63–107.

¹²² *Völkel M.* Geschichte als Vergeltung... S. 86, 107.

Ставя в пример Германию, Пастер демонстрировал при этом свое полное неприятие новой Империи. Он уподоблял «надменную, честолюбивую и лукавую» германскую нацию злокачественной опухоли, которая, располагаясь, развивается за счет соседей. Он отослал назад в Бонн диплом почетного профессора местного университета в знак протеста против бомбардировки Парижа и территориальных захватов — лжи о том, что «будущий мир Германии зависит от расчленения Франции, хотя каждый разумный человек знает, что завоевание Эльзаса и Лотарингии — это просто военная добыча».¹²³ При всем своем трепетном отношении к наградам, даже по прошествии нескольких десятилетий, в 1894 г., он категорически отказался от гражданского аналога германского ордена «За заслуги».

При этом Пастер считал своим долгом помочь стране возродиться и пытался взять собственный реванш у Германии, на какое-то время посвятив себя сугубо прикладным областям науки. Утрата вместе с Эльзас-Лотарингией крупного региона промышленного выращивания хмеля подтолкнула его на долгие эксперименты с механизмом брожения, увенчавшиеся созданием в 1876 г., по его собственному выражению, «пива реванша», которое должно было захватить первенство в той отрасли, «в которой Германия превосходила нас».¹²⁴ Открытия Пастера в последующие десятилетия принесли не один миллиард франков не только французскому пивоварению, но также и виноделию, шелкоткачеству и животноводству, заставив современников говорить о том, что Пастер в одиночку расплатился с половиной контрибуции, наложенной на страну Германией.

7.3. ГЕРМАНСКИЙ ОТКЛИК НА ПРОБЛЕМУ РЕВАНША

Отдельный интерес вызывает реакция на французский реваншизм в Германии. Вполне объяснимо, что в германской прессе и публицистике того времени уделялось немало места угрозе реваншистских настроений во Франции. При этом Альбер Сорель подметил одну характерную черту в высказываниях о Франции немцев: резкий контраст с общим

¹²³ См.: *Энгельгардт М. А.* Луи Пастер. Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1897. С. 56–60; *Dubos R. J.* Louis Pasteur: free lance of science. Boston, 1950. P. 77–79, 84.

¹²⁴ Цит. по: *Debre P.* Louis Pasteur. Baltimore, 2000. P. 249.

ироничным тоном в отношении нее тогда, когда они обращались к теме ее военной реорганизации и «реванша».¹²⁵

Наиболее близкие к германскому канцлеру Бисмарку издания пытались при этом обосновать возможность попытки реванша со стороны Франции в самом скором времени, и не вопреки, а благодаря ее очевидным внутривнутриполитическим затруднениям. Издававшийся Генрихом фон Трейчке и Вильгельмом Веренпфеннигом «*Preussischen Jahrbücher*» подчеркивал, что «ненависть к Германии превратилась в часть жизни французской нации <...> Эта ненависть заняла во Франции то место, которое заполняли в Германии устремления к единству».¹²⁶ Эта ненависть объявлялась той последней и единственной общностью, что связывала пропасть между различными партиями во Франции, и те в своих целях в равной степени разжигали ее пламя. При этом уважаемое издание постоянно напоминало своим читателям, что французы — это «безрассудная», «легкомысленная», «увлекающаяся» нация, которой не свойственно логично думать головой. И угроза таится именно в этой «наполовину смышленной» Франции, которая способна начать войну без союзников и вновь попытать счастья в этой «дуэли», и которая непременно восторжествует при этом над «смышленной» половиной страны.¹²⁷

К теме «французской угрозы» постоянно апеллировал и сам Бисмарк. Как уже отмечалось, Бисмарку для обоснования необходимости политической изоляции Франции было выгодно поддерживать представления о ней как об источнике нестабильности и возмущений. Как он однажды высказался, всей Европе пора было, наконец, признать, что «эти краснокожие в лакированных сапогах (французы. — А. Б.) — неисправимые нарушители спокойствия и, пожалуй, таковыми и останутся».¹²⁸

В умах немцев создавался образ коварного врага, перед лицом которого они должны стоять спина к спине, постоянно готовые к борьбе. Такое «военное положение» позволяло Бисмарку прибегать к чрезвычайным мерам и оправдывать многие издержки своей политики. Тем самым германский канцлер нес немалую долю ответственности за поддержание в стране острых антифранцузских настроений. Однако

¹²⁵ *Sorel A. La presse allemande en 1873 à propos de la France // Revue des Deux Mondes. 1873. Avril 1. P. 727–729.*

¹²⁶ *Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1872. Bd 30. Heft 4. S. 475.*

¹²⁷ *(H.) Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1873. Bd 32. Heft 4. S. 488.*

¹²⁸ Цит. по: *Krockow Ch., von Bismarck. Stuttgart, 1998. S. 328.* — Это высказывание Бисмарка относится к маю 1873 г.

на деле он был уверен в том, что Германия встретит эту угрозу во всеоружии. В декабре 1875 г. он говорил Гогенлоэ, что «мы всегда будем превосходить даже сильную Францию. Опасность заключается исключительно в коалиции, а Французская республика будет не в состоянии гарантировать себе ее против нас».¹²⁹

Любопытно и то, как германские мыслители объясняли само зарождение реванша во французском сознании.

Еще в самом начале франко-германской войны, в августе 1870 г., известнейший германский историк Теодор Моммзен в своих открытых письмах к итальянской нации признавал возникновение французского реваншизма неизбежным: «Тот, кто знает французов, гордость их элиты, тщеславие их массы, не усомнится в том, что само поражение, а не условия мира породит ненависть».¹³⁰ Можно отметить, что это пропитанное значительной долей фатализма суждение германского историка не только не было оспорено, но и получило самое широкое распространение. После окончания войны реваншистские устремления французов уже не требовали даже таких туманных обоснований, как их чрезмерная «гордость» или «тщеславие». Ненависть французов к немцам превратилась на страницах германских газет и журналов в аксиому, и отныне было достаточно указывать на ее все новые проявления.

Герман Гримм, сын одного из знаменитых братьев-сказочников, Вильгельма Гримма, ученик Леопольда фон Ранке и с 1873 г. профессор истории современного искусства Берлинского университета, для лучшего понимания современного ему французского сознания обращался к картинам падения Древнего Рима. Оба исторических примера, по мнению Гримма, были столь близки, что могли помочь глубже понять каждый из них. Обращаясь к проблеме возникновения реванша, он указывал на то, что события могут обрушиться на народ «столь неожиданно и в столь чудовищных масштабах», что он утрачивает связь с реальностью. Как римлянин не мог признать варваров под стенами «вечного города» победителями, и вместо того, чтобы покориться, грозил им, так и «побежденная и низвергнутая» французская нация не может пойти дальше понятия «измена». «Француз не так духовно организован, — писал Гримм на страницах „Preußische Jahrbücher“, —

¹²⁹ Запись Гогенлоэ от 19 декабря 1875 г. // Hohenlohe-Schillingsfürst Ch. Denkwürdigkeiten / Hrsg. von F. Curtius. Bd II. Stuttgart; Leipzig, 1907. S. 177.

¹³⁰ Цит. по: *Völkler M. Geschichte als Vergeltung...* S. 81.

чтобы быть способным помыслить себя побежденным. Изможденный, безнадежный и жалкий, стоящий перед своей судьбой, он ее не признает, называет свое поражение победой, надеется еще оружием удержать Эльзас и Лотарингию и грозит требованием границы по Рейну».¹³¹

Германский ученый сомневался в способности французов воспринимать свое нынешнее положение иначе как временное и призрачное: «Три поколения на каждом шагу повторяли как заученные догматы: непобедимость стоящей во главе всех народов французской нации и завоевание границы по Рейну как священный исторический завет. <...> Франция, побежденная германцами, во французских глазах есть демонический призрак».¹³² Гримм явно опасался того, что французы предпочтут ничего не забыть и ничему не научиться. Подобно афинянам, утверждал он, запретившим когда-то себе вспоминать о поражении при Саломее, французы тоже могут воздвигнуть камень с надписью: «Здесь погребен 1870-й год, и горе тому, кто скажет о нем».¹³³

Рассматривая «идею возмездия» в ее развитии, яркие немецкие публицисты Макс Нордау и Йозеф Шлютер трактовали французский реваншизм как истерическую реакцию целой нации, своего рода коллективное безумие. Оба при этом указывали на всеохватность этого феномена, находя его проявления чуть ли не во всех сферах жизни соседнего народа. Как писал Шлютер, «От казармы до церковной кафедры – все состоит на службе у идеи Реванша; она пронизывает красной нитью все помыслы и настроения. Она направляет тайно или явно политику, следующую этому национальному инстинкту; она находит свое выражение в прессе, равно как и на подвластной ей сцене, и даже отлита в металле памятников павшим...»¹³⁴

В книге Шлютера приводились отрывки из произведений более полусотни французских поэтов, писателей, ученых, которые напрямую обращались к теме реванша или выступали с пламенным отрицанием итогов войны. Он считал крайне прискорбным и опасным, что «эта страстная, разгоряченная национальная ненависть оказалась перенесена и на нейтральную и межнациональную почву искусства и науки», с уче-

¹³¹ *Grimm H. und Frankreich. Ein Versuch // Preussische Jahrbücher. 1871. Bd 27. Heft 1. S. 1–25; Heft 5. S. 1–2.*

¹³² *Ibid. S. 3.*

¹³³ *Ibid.*

¹³⁴ *Schlüter J. Die Französische Kriegs- und Revanche-Dichtung. Heilbronn, 1878. S. 85.*

том их огромного воздействия на целые поколения.¹³⁵ Тревогу Шлютера особо вызывало то, что «реванш» французского искусства и литературы смещал вопрос из политической плоскости войны и мира в плоскость неприятия всего германского, включая сюда и пересмотр отношения, например, к немецким музыкантам и поэтам прошлого.

Нордау, пытаясь в свою очередь объяснить возникновение реванша, указывал на тот перелом в сознании французов, который произвела проигранная война: «С высокомерием, граничившим почти с манией величия, французы считали себя первым в мире народом, и вдруг они оказались униженными, раздавленными. Все то, во что они верили, рушилось разом. Каждый француз понес материальные потери, лишился близких ему людей и смотрел на поражение отечества как на личное несчастье и позор <...> Тысячи людей помешались...».¹³⁶

Масштабы катастрофы объясняют то, почему идея реванша во Франции, по наблюдению Нордау, очень быстро приняла форму «религиозного верования», окруженного той же долей «таинственности и непостижимости», «как у евреев ожидание пришествия Мессии».¹³⁷ Оттенок неведомости «пришествию реванша» придавало то, что в ближайшем будущем победа Франции над Германией была невозможна. Говоря об обвинениях немцев в адрес Франции о ее готовности воевать вновь, французская писательница Жюльетта Адан восклицала: «Отчего это не так на самом деле! Увы, мы еще слишком истерзаны, чтобы думать о возвращении к нам всех наших сил».¹³⁸

Впрочем, Нордау пытался доказать, что «идея возмездия» за неполные десять лет претерпела немало изменений. Когда он в первый раз приехал в Париж осенью 1874 года, французская столица была охвачена тем, что можно было бы назвать «скорбным патриотизмом». Программа столь любимых парижанами кафе-шантанов была сплошь посвящена утратам недавней войны, скорби об участии Эльзаса и Лотарингии и прославляющим Францию патриотическим декламациям. Публика сопереживала даже комической сценке похищения пруссаком столовых часов.¹³⁹ Любопытно, что точность описания Нордау полностью под-

¹³⁵ Ibid. S. 72.

¹³⁶ Нордау М. Вырождение (1892–93); Современные французы (1901) / Пер. с нем. М., 1995. С. 48.

¹³⁷ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Т. II. С. 148.

¹³⁸ Adam J. Mes souvenirs. Vol. V. P. 280.

¹³⁹ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Т. II. С. 161–162.

тверждалась отчетами французской полиции о репертуаре парижских увеселительных заведений.¹⁴⁰ Последние, всегда чрезвычайно чуткие к запросам публики, превратились, таким образом, в «места национальных сетований», бередящих душевные раны посетителей.

Тем удивительней была перемена, которую отметил в парижанах Нордау уже в 1876 г. В глаза бросалось исчезновение демонстративного патриотизма и какая-то «сосредоточенность в себе», переход от слов к делу. От его взгляда не ускользнуло ни безропотное выделение средств на армию Национальным Собранием, ни внедрение во французские учебные заведения обучения ружейным приемам, гимнастики и немецкого языка. Он отмечал тот прилив энтузиазма, который вызвал первый призыв резервистов на осенние маневры в 1876 году.¹⁴¹

Эти подмеченные Нордау перемены стоит приписать и сознательной политике французского правительства, которое подчеркивало буквально каждое достижение страны. Оно способствовало распространению в сознании французов убеждения, что худшие времена миновали, что страна начинает подниматься. «Если война нас и сокрушила, но в то же время она стала стимулом, который подстегнул усилия по возрождению», — свидетельствовала Жюльетта Адан.¹⁴²

Пусть Нордау в стремлении дать в некотором смысле законченный «очерк реванша» торопился за считанные годы зафиксировать смену глобальных тенденций, чего, вероятно, на деле не происходило, он справедливо отметил все более широкое во французском обществе осознание того, что реванш требует значительной и негласной подготовки. В. И. Модестов подтверждал, со своей стороны, что в конце 1870-х гг. на смену неперемому вопросу к русским путешественникам: «не правда ли, мы будем вместе воевать с пруссаками?» пришла куда большая сдержанность, и тема войны с Германией в беседах с французами уже почти не возникала.¹⁴³

Внешне Париж вернулся к прежней разгульной жизни, а намеки на недавнюю войну, облачившись в аллегорические формы, переко-

¹⁴⁰ Ср. с анализом Алана Митчелла: *Mitchell A. The German Influence on Subversion and Repression in France during the Early Third Republic // Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte.* 1985. Bd 13. P. 416–417.

¹⁴¹ Там же. С. 166.

¹⁴² *Adam J. Mes souvenirs.* Vol. V. P. 221.

¹⁴³ *Модестов В. И. О Франции:* Сб. статей. СПб., 1889. С. 31–33.

чевали на театральные подмостки. Именно в пьесах с политическим подтекстом французские драматурги пытались, как выразился Нордау, «расшевелить утомившееся и уснувшее патриотическое негодование публики».¹⁴⁴ Эти драматические постановки демонстрировали, по мнению Нордау, разные стороны «патриотической религии» французов. Даже обращаясь к теме поражения Павла Эмилия при Каннах, приведшего армию Ганнибала под стены «вечного города», как это было в случае с трагедией «Побежденный Рим» Александра Пароди, драматурги вкладывали в уста своих героев те слова, которыми французы привыкли описывать свое поражение.

На примере этих постановок Нордау очень тонко подметил стремление французской «литературы реванша» представить последние победы немцев постыдными и утвердить за собой моральное превосходство в том достоинстве, с которым Франция встретила свое поражение.¹⁴⁵ Отсюда же и это постоянно встречающееся во французской публицистике, поэзии и прозе словосочетание «наши несчастья» (*nos malheurs*) — своеобразная фигура умолчания, позволявшая обойти неудобный вопрос о виновности за возникновение войны и выставить на первый план ее трагические для страны итоги.

Нордау не остался в стороне и от общих для германской публицистики тем. В частности, его замечания предельно ясно объясняют то возмущение, которое вызвали у немцев обвинительные приговоры французского военного трибунала в отношении маршала Базена (10 декабря 1873 г.), сдавшего в Меце, и генерала Вимпфена (15 февраля 1875 г.), подписавшего капитуляцию при Седане. Эти приговоры, по мнению Нордау, должны были лишь способствовать укоренению во французском обществе мысли о том, что немцы одержали верх в результате простого численного превосходства и благодаря изменам французских полководцев, вычеркивая тем самым «строка за строкою мораль великой военной трагедии». В памяти французов от войны должно было остаться, таким образом, только «воспоминание о непобедимости французского солдата», а от пятимиллиардной контрибуции — «лишь чувство торжества и гордости неистощимостью французского государственного кредита».¹⁴⁶ А это, в свою очередь, приводило к тому,

¹⁴⁴ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Т. II. С. 168.

¹⁴⁵ См.: Там же. С. 170.

¹⁴⁶ Там же. С. 150.

что перспективы новой войны с Германией должны были рисоваться каждому простому французу не такими уж устрашающими.

Нордау оказался среди тех публицистов, кто призывал французскую нацию отказаться от идеи реванша за счет Германии и переключиться на исполнение своей «цивилизаторской миссии» по освобождению от «варварства» африканского континента. Нордау не видел никаких выгод от возможного реванша для Франции, за исключением «бесплодного удовлетворения оскорбленного национального чувства», тогда как повторное поражение вело бы к ее окончательному падению.¹⁴⁷ Тем самым он вполне солидаризировался с курсом Бисмарка, подталкивавшего Францию к «реваншу» за счет приобретения новых колоний.

В числе наблюдений Нордау было и то, что «в теперешней Франции считается неуместным заявление космополитических идей; всякий, понимающий чувство любви к ближнему в широких размерах, <...> ко всему человечеству вообще, возбудит здесь против себя насмешку, если не положительное негодование».¹⁴⁸ И все же, картина франко-германских отношений была намного сложнее, и описывать сложившуюся тогда ситуацию в логике одной национальной вражды было бы неправильным. Находились и те, кто пытался найти альтернативу войне и гонке вооружений, вдохновляясь идеалами подлинного примирения двух народов.

7.4. АЛЬТЕРНАТИВА РЕВАНШУ: ИДЕЯ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОГО ПРИМИРЕНИЯ

История пацифизма как общественного движения имела во Франции давние традиции, восходившие к началу XIX в. Именно во Франции действовало наибольшее число подобных организаций. В 1867 г., под воздействием франко-германского Люксембургского кризиса, Фредерик Пасси основал «Международную и постоянную лигу мира» в Париже, которая выступала прежде всего за международный арбитраж и мирное урегулирование конфликтов. Одновременно в Женеве по призыву Джузеппе Гарибальди правовед Шарль Лемонье организует более ради-

¹⁴⁷ Там же. С. 193–194.

¹⁴⁸ Там же. С. 172.

кальную «Международную лигу мира и свободы», выдвинувшую целью также изменение самого государственного устройства Европы.¹⁴⁹

Поражение Франции в войне серьезнейшим образом повлияло на французских сторонников арбитража и разоружения. Французскую интеллектуальную элиту самых разных политических оттенков объединило неприятие территориальных захватов «по праву силы» в нарушение международного права, пример чего, по общему мнению, явила Гер-

мания в 1871 г. Отторжение Эльзас-Лотарингии, по единодушному признанию, стало камнем преткновения на пути к гармонизации отношений во всей Европе.¹⁵⁰

Фредерик Пасси, французский политический деятель, создатель «Международной и постоянной лиги мира» (1867–1870) и «Французского общества друзей мира»

Здесь будет уместно вспомнить рационалистическую теорию нации, выдвинутую французским мыслителем Эрнестом Ренаном. В своем знаменитом эссе «Что такое нация?» (1882) он отверг те этнические и языковые теории нации, которыми германская наука вооружила германскую политику в 1870-м году. По мысли Ренана, нация — это каждодневный плебисцит, общая воля и согласие жить единым организмом. Его теория, по сути, прямо описывала опыт, пережитый французами после 1871 г., в представлении которых итог войны

означал не просто утрату части территории, но трагедию разделения самой нации. Именно поэтому нация в глазах Ренана есть также «великая

¹⁴⁹ Lorrain S. Des pacifistes français et allemands pionniers de l'entente franco-allemande, 1871–1925. Paris, 1999. P. 31–32. — См. также: Гросси В. Пацифизм: долгий путь к созданию доктрины (1867–1902) // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1998. С. 94–113; Сдвижков Д. Против «железа и крови»: Пацифизм в Германской империи. М., 1999.

¹⁵⁰ См., в частности: Cooper S. E. Patriotic Pacifism: Waging War on War in Europe, 1815–1914. N. Y.; Oxford, 1991; Nord P. Republicanism and Utopian Vision: French Freemasonry in the 1860s and 1870s // The Journal of Modern History. Vol. 63. 1991. № 2: A Special Issue on Modern France. June. P. 213–229.

солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые готовы сделать в будущем», это память, в которой «траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия». ¹⁵¹ Эти слова в ключевых категориях описывали эмоциональную составляющую проблемы Эльзас-Лотарингии в сознании нескольких поколений французов.

Теорию национализма Ренана, по большому счету, можно назвать основой, на которой базировались устремления Франции к ревизии Франкфуртского договора, их легитимизация. Протест жителей Эльзас-Лотарингии против действий германских властей и отдельные проявления сопротивления устанавливаемым порядкам означали, что речь шла о разделении нации, и отсюда черпали свои надежды на решение международного арбитража французские пацифисты.

Ренан поддерживал идею возможного урегулирования франко-германских противоречий на основе прямого волеизъявления жителей спорных территорий: «раз возникают сомнения относительно границ, советуйтесь со спорящими народами. Они имеют право иметь своё мнение по этому вопросу». Ренан признавал, что в современной ему политической реальности призывы к арбитражу едва ли могут иметь успех, но, тем не менее, выражал уверенность в том, что «в известные эпохи средство иметь право в будущем — это уметь в настоящем решиться быть несовременным». ¹⁵² Это еще одна важнейшая мысль, объяснявшая активность многих сторонников урегулирования франко-германских противоречий. Их деятельность зачастую была не столько направлена на поиск конкретных рецептов для современной им французской политики, сколь призвана найти моральную и правовую основу для подобного урегулирования в будущем.

Таким образом, именно в неопределенное будущее парадоксальным образом одинаково оказались опрокинуты надежды сторонников как реванша, так и примирения в отношении Германии. Само обсуждение подобных вопросов стало очень затруднено: Ф. Пасси вспоминал впоследствии, что «во Франции на следующий день после поражения было очень трудно и, по мнению некоторых, даже невозможно, признать себя

¹⁵¹ Ренан Э. Что такое нация? // Собр. соч.: В 12 т. / Пер. с франц. Т. 6. Киев, 1902. С. 101.

¹⁵² Там же.

врагом войны и сторонником мира. Все мысли были о Реванше». ¹⁵³ Призывы к примирению с Германией многими воспринимались как предательство памяти всех жертв, понесенных Францией в войне, и это объясняло высказывание одной из статей «*Revue politique et litteraire*»: «Если шовинизм и отталкивает, то еще более — противоположная ему крайность». ¹⁵⁴

Альтернатива между «реваншем» или «примирением» была предельно четко изложена Фредериком Пасси, руководителем Общества друзей мира уже в 1872 г.

Две указанные антитезы тесно соседствовали в сознании «поколения 1870-го года». Показательно, с какой легкостью Пасси извинял логику тех, кто оценивал территориальные потери Франции как утрату части самой плоти нации. В их глазах подписанный договор был предательством по отношению эльзасцам и лотарингцам, когда Франция фактически распорядилась свободой части своих сограждан в обмен на прекращение войны. ¹⁵⁵ Но даже если мыслить в логике возмездия в отношении Германии, писал он, страна должна восстановить свои силы, на смену «униженному и уничтоженному войной» поколению должно прийти «новое и лучшее поколение», говорить о реванше преждевременно. ¹⁵⁶ Альтернативой новой войне может быть союз народов поверх существующих границ, который только и может положить конец череде завоеваний и подвергнуть ревизии все несправедливые соглашения. Пасси подчеркивал при этом, что «мы ни от чего не отрекаемся, ничего не уступаем, ничего не прощаем, ни о чем не забываем». ¹⁵⁷ Французский пацифизм приобрел ярко выраженные патриотические черты.

Именно изменение статуса Эльзас-Лотарингии отныне становится ключевым пунктом программ всех французских пацифистов. В итоге выявилось два пути мирного урегулирования территориальных противоречий Франции и Германии.

¹⁵³ *Passy Fr. Historique du mouvement de la paix*. Paris, 1904. P. 39.

¹⁵⁴ *Causerie litteraire // Revue politique et litteraire*. 2nd Série, Vol. V. 1873. Nr 7. P. 167.

¹⁵⁵ *Passy Fr. Revanche et relèvement*. Exposé de situation fait aux adhérents de la Ligue internationale et permanente de la paix, par le comité directeur (1872). Paris, 1872. P. 9. — См. также: *Clinton M. «Revanche ou Relèvement»: The French Peace Movement Confronts Alsace and Lorraine, 1871–1918 // Canadian Journal of History*. Vol. 40. 2005. № 3. December. P. 431–448.

¹⁵⁶ *Passy Fr. Revanche et relèvement*. P. 11.

¹⁵⁷ *Passy Fr. Revanche et relèvement*. P. 15.

Первым было слияние двух стран в рамках одной более широкой общности, вдохновленной историческим примером империи Карла Великого, создание такой «федерации» народов, в рамках которой вопрос обладания Эльзас-Лотарингией потерял бы свой смысл. Об этом в 1870-х – начале 1880-х годов писали Мишель Лапорт, Шарль Лемонье, Эммануэль Шовэ, Проспер Деллафутри и др.¹⁵⁸ Иными словами, это был путь «интернационализации» спорных провинций.

Одним из самых ярких и громких выступлений в пользу этой точки зрения стало выступление Виктора Гюго с трибуны Национального Собрания во время дебатов 1 марта 1871 г., посвященных ратификации предварительных условий мира с Германией. Гюго участвовал в европейском пацифистском движении с середины века, но сейчас он доказывал, что итоги войны вызовут в душе каждого француза ненависть к деспотии, которую олицетворяет Пруссия. Франция поставит задачу во всей своей политике, во всем своем обществе подготовку к борьбе против этой деспотии, чтобы освободить от нее самих немцев. И вот однажды произойдет неизбежное, Эльзас и Лотарингия будут отвоеваны. «Все ли на этом? — вопрошал Гюго, — нет, нет и еще раз нет. Дальше последуют — слушайте внимательно — Трир, Майнц, Кёльн, Кобленц, весь левый берег Рейна [пометка стенограммы: “возгласы Нет! Нет!”] И вот тогда Франция должна обратиться к Германии не как к своей противнице, а как к своей сестре, что вернет ей все захваченное, если французы и немцы станут одним народом, одной семьей, одной республикой. Я уничтожаю свои крепости — ты свои. Моя форма отщипления — это братство [пометка стенограммы: “крики слева: Bravo! Bravo!”]. Долой границы, Рейн для всех!»¹⁵⁹

В этой речи, ставшей, по замечанию Вольфганга Шивельбуша, отражением «борьбы националистического и универсалистского начал в душе Гюго»,¹⁶⁰ на самом деле кроется вся та двойственность восприятия, которая была характерна для французского сознания

¹⁵⁸ См.: *Laporte M.-E. L'Alsace reconquise*. Paris, 1873; *Lemonnier Ch. Formule d'un traité d'arbitrage entre nations: mémoire présenté à la Ligue internationale de la paix et de la liberté*. Paris, 1878; *Chauvet E. Sur la paix perpétuelle: discours prononcé à la séance solennelle de rentrée des Facultés de l'Académie de Caen, le 17 novembre 1881*. Caen, 1881; *Delafutry P. La paix universelle, ou Le droit prime la force*. Paris, 1883.

¹⁵⁹ *Hugo V. Oeuvres complètes*. T. 45. P. 103–104. — См. также: *Schivelbusch W. Die Kultur der Niederlage*. S. 152–153.

¹⁶⁰ *Schivelbusch W. Die Kultur der Niederlage*. S. 153.

в осмыслении нового положения в мире Франции и соседней Германии. Братство как форма отмщения, образование единой «континентальной федерации» стало для многих еще одной формой неприятия действительности.

Но поскольку поверить в те годы в возможность достижения в обозримом будущем идеала франко-германского братства было поистине нелегко, свое рождение получила и другая альтернатива. Вторым путем мирного разрешения территориального спора между Францией и Германией могла стать нейтрализация Эльзас-Лотарингии. Вместо того чтобы «раствориться» в федерации народов или превратиться в связующее двух соседей звено, провинции должны были получить функции буферной зоны между потенциальными противниками.

Первым во Франции еще в годы войны идею «нейтрального Эльзаса» выдвинул писатель и теолог, граф Агенор де Гаспарэн. Гаспарэну было суждено скончаться за два дня до подписания Франкфуртского договора, но его многочисленные статьи неоднократно переиздавались в 1870-е годы и после его смерти. Его основная идея заключалась в том, чтобы сформировать на основе Эльзаса и нескольких немецкоязычных кантонов Лотарингии небольшое нейтральное государство по примеру Бельгии и Швейцарии. Франкоязычная часть Лотарингии вместе с Мецем и Тьонвилем должна была вернуться в состав Франции. Гаспарэн также высказывался за ликвидацию крепостей по всей франко-германской границе вплоть до Рейна, включая срытие оборонительных сооружений Меца, Страсбурга и Бельфора с французской стороны.¹⁶¹

Свое развитие и законченный вид эта идея получит с обнародованием проекта, который достоин краткого рассмотрения даже при том, что несколько выходит за хронологические рамки данного исследования. Его автор Август Демулен, член центрального совета «Международной лиги мира и свободы», вполне справедливо исходил из того, что ни Франция, ни Германия никогда не пойдут на разоружение до тех пор, пока будут иметь общую границу. Выход из этого тупика ему виделся в создании Конфедерации нейтральных стран в составе Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Швейцарии, к которым следовало при-

¹⁶¹ *Gasparin A., de L'Alcase neutre // Trois paroles de paix. 2nd éd. Paris, 1883. P. 19–27. — См. также: Gasparin A., de La France: nos fautes, nos périls, notre avenir. 3rd éd. Paris: Michel Lévy Frères, 1873.*

соединить и Эльзас-Лотарингию.¹⁶² Тем самым Франция и Германия оказывались разъединены цепью нейтральных государств, чей статус охранялся международными соглашениями, и угроза их столкновения существенно ослабевала.

Демулен также призывал своих соотечественников отречься от «реванша силой оружия», который даже в случае победы толкнет Францию на путь авторитаризма и обречет на «законную ненависть побежденных». Укрепления Меца и Страсбурга должны были быть срыты, а жители Эльзас-Лотарингии — сами выбрать себе подходящий образ правления. Демулен доказывал, что жители этих областей никогда не находили счастья ни в составе Франции, ни в составе Германии, а потому должны получить независимость.¹⁶³

Путь «нейтрализации» Эльзас-Лотарингии был хорош тем, что не выдвигал фантастического требования к Франции и Германии отказаться полностью или частично от национального суверенитета, а наоборот, исходил из их враждебности, что было тогда куда ближе к реальности. Слабой стороной этой альтернативы было беспрецедентное требование к Германии фактически добровольно отказаться от части своей территории, ставшей знаменем, под которым завершилось объединение страны, и наградой за выигранную войну. Вторым уязвимым местом концепции была сама ставка на незыблемость постулатов международного права, уважение нейтралитета и действенность механизма его гарантий со стороны великих держав. Наконец, третьим доводом против автономизации Эльзас-Лотарингии было пренебрежение, характерное для столь многих проектов идеального мироустройства, экономическими реалиями.¹⁶⁴ Все проекты политических выкроек, по которым разрывались традиционно тесные узы Эльзас-Лотарингии либо с германским, либо с французским рынком, делали такое новообразование экономически нежизнеспособным, подобно проектам создания «угольных республик» (Саара, Силезии) после Первой мировой войны.

¹⁶² *Desmoulin A.* Neutralisation de l'Alsace et de la Lorraine: Mémoire, présenté le 7 Septembre 1884 à l'Assemblée générale de la Ligue Internationale de la Paix et de la Liberté. Paris, 1887. P. 10.

¹⁶³ *Desmoulin A.* Neutralisation de l'Alsace et de la Lorraine... P. 25–26, 29–30.

¹⁶⁴ См.: *Nystrom A.* Elsaß-Lothringen und Möglichkeit einer deutsch-französischen Allianz. Berlin, 1904. S. 54.

Попытки реализации на практике идей арбитража и разоружения как способа разрешения франко-германских противоречий в эти годы были связаны с именем Леона Гамбетты, который счел необходимым вступить через посредников в тайные контакты с германским канцлером Бисмарком ради обретения германской поддержки республиканской партии. Одной из идей Гамбетты, как уже упоминалось, было предложить Германии обменять Эльзас-Лотарингию на какие-либо французские колониальные владения. Помимо этого в августе 1877 г. Гамбетта через Франческо Криспи передал Бисмарку предложение о всеобщем разоружении как способе снизить опасность войны в Европе. Бисмарк в ответ заявил, что «разоружение практически невозможно» и дал понять, что этот вопрос неуместен в логике «реальной политики».¹⁶⁵

Все робкие инициативы французов разбивались о жесткую позицию Германии в вопросе самой возможности пересмотра положений Франкфуртского договора. Официозным «*Preußische Jahrbücher*» прямо указывалась вся тщетность расчетов на «добровольное отречение» Германии от завоеванного ею по итогам войны: «Мы ищем гарантии мира в совсем других сферах, нежели в доброй воле и расположении Франции».¹⁶⁶ Ту же мысль с предельной ясностью выразила и «*Vossische Zeitung*»: «С точки зрения Германии, никакого “эльзас-лотарингского вопроса” не существует».¹⁶⁷ Вплоть до начала 1880-х гг. в Германии отсутствовали даже слабые ростки пацифистского движения, являя, по выражению французской исследовательницы Софи Лорен, «подлинную пустыню».¹⁶⁸ Тем не менее, в последующие десятилетия движение сторонников мира, арбитража и разоружения найдет все более многочисленных сторонников по обе стороны границы, бессильных, впрочем, уберечь Францию и Германию от нового столкновения.

* * *

Уже в 1870-е годы мысль о необходимости подготовки к будущему пересмотру итогов франко-прусской войны — дипломатическим или, что более вероятно, военным путем — была очень широко распро-

¹⁶⁵ Цит. по: Манфред А. 3. Образование русско-французского союза... С. 121.

¹⁶⁶ Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1872. Bd 30. Heft 4. S. 476.

¹⁶⁷ Цит. по: Nystrom A. Elsaß-Lothringen... S. 59.

¹⁶⁸ Lorrain S. Des pacifistes français et allemands pionniers de l'entente franco-allemande... P. 36.

странена во французском обществе. Ни одна партия в стране не могла игнорировать эти настроения. Но тогда, в отличие от 80–90-х годов XIX в., когда укрепление внутри- и внешнеполитических позиций Французской республики сделало возможным создание организаций, подобных «Лиге патриотов», развитие уже вполне «научного» национализма Барреса, Морраса, политического «буланжистского» движения, реваншистские настроения не могли афишироваться на официальном уровне.

Тем не менее, мысль о реванше в его широком смысле не была чужда ни Тьеру, ни маршалу Мак-Магону. В сознании французских руководителей преобладало представление о том, что пересмотр итогов франко-прусской войны будет делом грядущего поколения. Однако эта далекая цель никогда не покидала расчетов их текущей политики, многое определяя как в вопросе воспитания этого поколения, так и в сфере дипломатии и реорганизации вооруженных сил. Тем не менее, следует помнить, что в первое послевоенное десятилетие французское руководство даже на уровне военных планов не рассматривало вариант нападения на Германию с целью отвоевания Эльзас-Лотарингии.

В этой ситуации именно французские литераторы и деятели искусств почувствовали своим долгом освежить в памяти страны, выражаясь словами из стихотворения Ф. Коппэ, «клятву против этих проклятых». Успех подобной воинственной риторики у французской публики, однако, не означал решимость французов воевать как можно скорее вновь, в чем были так уверены европейцы того времени. «Реванш» на уровне обыденного сознания оказался отнесен в неопределенное будущее. Необходимо также учитывать важный вывод К. Шарля о том, что именно «героико-ирреалистическая» литература о войне 1870 г. (примерами которой могут быть названы, в частности, творения П. Деруледа, Ж. Кларети и Ф. Коппэ) стала в итоге «учебником и катехизисом» для последующих поколений французов. Следствием этого стала «высокая степень интеллектуальной безоружности», которую проявят французские писатели перед обеими мировыми войнами. Поражение 1940 г. возродит идею об упадке латинской расы, фатализм и миф об искупительном опыте.¹⁶⁹

¹⁶⁹ Шарль К. Интеллектуалы во Франции... С. 230–231.

Реванш как феномен французского послевоенного сознания был многогранен. Он всегда отталкивался от неприятия поражения Франции и мог принимать формы мирного состязания в области «художественного вкуса», в науке, промышленности, а в последующие десятилетия и в спорте. Сюда можно включить также попытки утвердить собственную интерпретацию событий войны, завоевать моральное превосходство над недавним противником и приобрести сочувствие европейского общественного мнения. Предварительным условием реванша было достижение внутринационального согласия, он был тесно связан с ростом французского национализма. Реванш, наконец, требовал пересмотра отношения к собственной истории и проблеме народного образования.

Реваншизм «мыслящей Франции» особенно важен по той простой причине, что именно она закладывала мощные идейные основы эпохи «вооруженного мира» 1871–1914 гг. Но повествуя о настроениях элит, важно помнить, что на другой чаше весов покоилась обладавшая огромной инерционной силой масса миллионов рядовых французов и немцев. С учетом последней, порой действительно возникает ощущение того, что Жюльетта Адан и Поль Дерулед, по меткому замечанию Бертрана Тэта, «проповедовали в пустыне».¹⁷⁰

Проверка знаний того самого нового «поколения реванша» показывала, сколь слабым было проникновение в его сознание ключевых фигур, дат и символов французской истории, на которых замыкался республиканский и националистический дискурс. Более половины призывников в V армейском округе (Лион) не могли ничего сказать о том, кто была такая Жанна Д'Арк, три четверти не могли объяснить значения Дня взятия Бастилии, а почти две трети ничего не знали о войне 1870 года.¹⁷¹

Даже националистически настроенные немецкие ветераны франко-прусской войны осуждали тех, кто с легким сердцем говорил о необходимости превентивного удара по Франции, пока та не восстановила свои силы. Как писал один из них: «Если бы вы видели, как хоронили мертвых в Дижоне <...> если бы вы видели хоть раз, как мучительно

¹⁷⁰ Taithe B. *Citizenship and Wars: France in Turmoil, 1870–1871*. N. Y.; London, 2001. P. 130.

¹⁷¹ Ibid.

умирают от ран, вы бы сочли греховным произносить подобное <...> нация, которая беспрестанно развязывает войны, заслуживает того, чтобы быть побитой».¹⁷²

Страх перед войной преобладал в сознании как французов, так и немцев, пусть он и не делал из них пацифистов. Картины разорения и жертв минувшей войны были еще слишком свежи в памяти, чтобы торопить новую.

¹⁷² Цит. по: *Bohkrämer Th. Daily Life at the Front and the Concept of Total War // On the Road to Total War...* P. 516.

Глава 8

ПО ТУ СТОРОНУ ВОГЕЗОВ: БОРЬБА СТЕРЕОТИПОВ В ОТНОШЕНИИ СОСЕДА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ГЕРМАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Рассмотрение франко-германских взаимоотношений было бы неполным, если бы был отброшен целый пласт рассуждений, образов и стереотипов о себе и о своем соседе, которыми оперировали французы и немцы в 70-е годы XIX в., когда выходили за рамки сугубой реакции на конкретные внутри- и внешнеполитические события. Анализ этой стороны франко-германских отношений позволяет установить то, какое влияние они оказывали на общественное сознание двух стран и какие функции были призваны исполнить. Рассмотрение откликов конкретных творцов общественного мнения тех лет – ученых, писателей, публицистов — поможет лучше понять происхождение и эмоциональную составляющую этих логических конструкций.

8.1. Особенности восприятия Германской империи во Франции

Две Германии

Война внесла серьезный перелом в сознание французского и немецкого общества. Она заставила французов и немцев по-новому взглянуть на место своей страны в Европе, оценить то новое положение дел, которое установилось после 1871 года.

Французам, прежде всего, предстояло заново познакомиться с тем загадочным государством, которое так стремительно окрепло по ту сторону Рейна, с той новой силой, влияние которой теперь чувствовалось во всем. Еще за год до войны, в августе 1869 г. Ипполит Тэн с удивлением описывал свои впечатления от поездки по Северной Германии. Французский историк открыл для себя новый тип немцев: «трезво расчетливых, высокомерных и бесцеремонных торговцев, банкиров,

промышленников, земледельцев, офицеров и политиков. <...> Прежде немец мечтал, мыслил, не более; теперь он действует».¹

События вскоре последовавшей войны и провозглашение Германской империи заставили сделать для себя то же «открытие» всех без исключения. Война, в частности, произвела показательный переворот в суждениях о немцах того же Виктора Гюго. Еще в сентябре 1870 г. он говорил о том, что Германия и Франция вместе создали Европу, и относился к немцам как к равноправному и достойному противнику: «немцы – нация мыслителей, в случае необходимости превращающаяся в легион героев», – писал он.² Но уже месяц спустя, с началом осады Парижа, наблюдательно подмечал видный российский либерал и адвокат К. К. Арсеньев, «нет уже и речи о германцах и Германии; место их заступили пруссаки, Пруссия, представительница ночи и тьмы...».³ Устоявшиеся представления и клише вступали в явное противоречие с новой реальностью.

Неслучайно поэтому известный французский историк литературы Альфред Мезьер, открывая в конце 1870 г. на филологическом факультете Парижского университета свой курс лекций, посвященный творчеству Гёте, говорил о «двух Германиях». Одна — «умеренная, миролюбивая Германия», которую он провозглашал великой и подлинной Германией. Другая — «отложившая про запас всю щепетильность и всю умеренность языка, амбициозная, жадная, захватническая Германия», Германия, вышедшая из-под руки Бисмарка.⁴

Современник Мезьера, философ Элме Мари Каро также посвятил этой проблеме одну из своих статей. По его мнению, представлению о Германии как о глубоко чуждой духу войны стране «поэтов и философов» французы во многом были обязаны мадам де Сталь.⁵ Именно она создала в своей книге «О Германии» идеал-противопоставление Франции периода консульства. Особенно большое чувство отрицания

¹ Цит. по: *Haupts L.* Karl Hillebrand als Publizist und Politiker. Köln, 1959. S. 88.

² *Hugo V.* Actes et paroles. III. Depuis l'exil, 1870–1876 // *Oeuvres complètes*. Tome 45. Paris 1884. P. 53.

³ *Арсеньев К. К.* Виктор Гюго по возвращению его во Францию // *Вестник Европы*. Кн. VIII. 1877. Август. С. 649.

⁴ Цит. по: *Digeon C.* La crise allemande de la pensée française (1870–1914). Paris, 1959. P. 162.

⁵ *Caro E.* Les deux Allemagnes. Madame de Stael et Henri Heine // *Revue des Deux Mondes* (далее — RDM). T. 96. 1871. Nov. 1. 2nd Période. P. 6.

у французов после 1871 г. вызывали ее рассуждения о том, что Германия и даже сама Пруссия лишены «воинственного духа», зато полны «просвещения, духа справедливости и чувства независимости». ⁶ Теперь же французы пожинали плоды своей наивной веры в эти «химеры». Эта «Германия чувства», утверждал Каро, когда-то в древние времена, «до эры пушек Круппа», на самом деле существовала. Ее «незаметную уже тень», предполагал он, с трудом еще можно было отыскать лишь в каком-нибудь удаленном уголке Швабии или Баварии. На смену ей пришла деятельная и неутомимая «Германия разума и силы». ⁷

Книга де Сталь «О Германии» в самом деле оказала большое влияние на французского читателя: с 1810 г. только во Франции она переиздавалась двадцать пять раз, и, как отмечает Джон Избел, даже запреты Наполеона III и франко-прусская война не смогли положить конец ее продажам. ⁸ Однако после 1871 г. критика вновь ставшего злободневным сочинения де Сталь становилась все более жесткой. В ноябре 1871 г. Элме Каро еще указывал на объективные трудности, мешавшие де Сталь дать достоверную картину соседней страны, и был готов признать долю истины в ее суждениях. Он не сомневался при этом в любви де Сталь к своей Родине, хотя и называл эту любовь «болезненной». ⁹ Но уже через десять лет после Седана окончательный поворот общественного мнения привел к тому, что переиздания «О Германии» во Франции прекратились. В 1914 г. идеалистическое сочинение де Сталь столетней давности окончательно превратило писательницу в глазах соотечественников в «пруссачку» («la prussolâtre»). ¹⁰

Последнее обвинение, конечно, не было справедливым. Книга мадам де Сталь создавалась не в качестве путеводителя, это был манифест утверждавшегося тогда романтизма, полный сознательных искажений и вымысла. Главным, что изменилось с момента выхода книги в 1810 г., стало рождение в Освободительной войне 1813 г. германского национализма. Де Сталь отлично понимала значение произошедшей перемены, о чем и писала в предисловии: «Я говорила в своей работе, что немцы

⁶ Ibid. P. 12–13.

⁷ Ibid. P. 19–20.

⁸ Isbell J. C. The birth of European Romanticism. Truth and propaganda in Stael's *De l'Allemagne*. Cambridge, 1994. P. 220.

⁹ Caro E. Les deux Allemagnes... P. 11.

¹⁰ Isbell J. C. The birth of European Romanticism... P. 45, 220.

не являются нацией; и конечно теперь они опровергли перед всем миром это опасение». В августе 1815 г. в письме к одному своему постоянному корреспонденту она добавляла: «Я видела Германию лишь спящей, вы ее видите пробужденной...».¹¹

Явление миру «пробужденной» единой Германии оказало сильное воздействие на умы европейцев, и образ этой Германии был во многом отрицательным. Даже те из французов, которые некогда искренне восхищались германской культурой и искали по ту сторону Рейна образец для подражания, не могли принять ее нового облика. Эрнест Ренан, мечтой всей жизни которого был альянс Франции, Германии и Великобритании, теперь с болью в сердце признавал его

Французский писатель и философ
Эрнест Ренан

заклучение невозможным. Отторжение Эльзаса и Лотарингии стало гарантией вечной ненависти по обе стороны Рейна. Он не мог сдержать своего негодования в адрес Германии, «выставляющей перед миром долг смешным, защиту родины преступной», и восклицал: «Какое печальное разочарование для тех, кому виделось в германской культуре будущее всеобщей цивилизации!»¹²

В утрате космополитических иллюзий признавался не только Ренан. Проспер Мериме за десять дней до своей кончины написал следующие эмоциональные строки: «Всю свою жизнь стремился я быть свободным от предрассудков, быть сперва гражданином вселенной, а потом уже французом, но все эти философические покровы оказались тщетными. Ныне я кровоточу ранами этих глупых французов, плачу от их унижения...».¹³

¹¹ Цит. по: *Isbell J. C.* The birth of European Romanticism... P. 12–13.

¹² *Renan E.* Préface à la réform intellectuelle et morale (1871) // *Ernest Renan et L'Allemagne*, textes recueillis et commentés par Émile Buré. N. Y., s. a. P. 133.

¹³ Письмо госпоже де Боленкур от 13 сентября 1870 г. // *Мериме П.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Письма. М., 1963. № 123. С. 266.

Идея некой двойственности Германии витала тогда в воздухе и очень быстро стала общепринятой. Следует согласиться с авторитетным мнением Клода Дижона о том, что она превратилась в своеобразную формулу, которая устраивала всех: принять образ «хорошей» Германии означало забыть о недавней войне, увековечить «плохую» — явственно выступить за реванш.¹⁴ Поэтому французские политики, мыслители и публицисты приняли на вооружение ту теорию, которая позволяла избежать неприятной необходимости выбирать одну из этих крайностей и оставляла необходимое пространство для маневра. Концепция «двух Германий» также сыграла в эти годы наивысшего подъема национальных страстей благотворную для французской интеллектуальной среды роль предохранительного клапана, «инструмента, который был призван ограничить или хотя бы наполовину обуздать враждебность», словами Беаты Гёдэ-Бауманс.¹⁵

Незавершенная империя

Но новорожденная Германская империя, и это было очевидно даже ее создателям, пока явно не представляла собой единого целого. Формального объединения двух дюжин разных по развитию и укладу государств под скипетром Гогенцоллернов не было достаточно для создания новой мировой державы.

На этом и основывались, в частности, надежды Ренана. Немцы были готовы терпеть прусскую гегемонию, пока она обуславливалась борьбой с Францией. Ему виделось, что с прекращением борьбы союз потеряет свой смысл. Консолидация германской нации, как он полагал, predetermined исторически, и ее осуществление под руководством Пруссии законно. Но он верил, что Пруссия, в которой сконцентрировались все худшие черты новой Германии, должна неминуемо раствориться в объединенном государстве: «Пруссия уйдет, Германия останется», — писал Ренан.¹⁶

И по прошествии ряда лет Ренан оставался верен своим надеждам: «Мы уверены, что вы (немцы. — А. Б.) вновь обретете себя». Любая

¹⁴ Digeon C. La crise allemande de la pensée française (1870–1914). Paris, 1959. P. 163.

¹⁵ Götde-Baumanns B. L'idée des Deux Allemagnes dans l'historiographie française des années 1871–1914 // Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 1984. Bd 12. P. 618.

¹⁶ Renan E. La guerre entre la France et l'Allemagne // RDM. T. 89. 1870. Sept. 15. 2nd Période. P. 275, 280–281.

победа, по его мнению, должна быть оправдана благодеяниями, тогда как для него было очевидно, что германский народ не стал «более счастливым, нравственным и довольным своей судьбой». Новая империя, резюмировал он, не реализовала то, что «должно было ожидать от правительства, сконцентрировавшего вокруг себя все силы германского гения».¹⁷

Столетия истории раздробленности Германии, стремительность объединения страны под главенством Пруссии заставляли публицистов ставить под сомнение лояльность тех германских государств, где еще свежа была память о недавней самостоятельности. М. Е. Салтыков-Щедрин, посетивший германскую столицу в начале 1870-х гг., писал, что «для доброй половины Германии Берлин не только не симпатичен, но даже прямо неприятен. Он у всех что-нибудь отнял и ничем за отнятое не вознаградил».¹⁸ Обозреватель российского журнала «Дело», справедливо отмечая затруднения с внедрением общегерманского законодательства, был еще более категоричен: «Народ в мелких государствах — партикулярист от головы до пяток <...>. За объединение стоит только городское население — по крайней мере, большинство его».¹⁹

В описании швейцарца по рождению и француза по самосознанию Виктора Тиссо, автора нашумевшего «Путешествия в страну миллиардов», контраст между Пруссией и югом Германии, сохранившим интерес к французской культуре, в самом деле разителен. Тиссо не скрывал своих симпатий: «Штутгарт — это улыбка Германии, Берлин — ее гримаса».²⁰ Но он не преувеличивал также значения факта существования этих двух полюсов, равно как и не разделял иллюзий того же Ренана о том, какой из них в итоге одержит верх в объединенном государстве.

То, что вся Южная Германия якобы охвачена партикуляристскими и антипрускими настроениями, Тиссо называл мифом, приводя в качестве доказательства свои беседы с южногерманскими деятелями и данные последних выборов. Единственным исключением Тиссо называл баварскую католическую партию: «она чисто партикуляристская

¹⁷ *Renan E. Lettre à un ami d'Allemagne (Journal des Debats, 16 avril 1879) // Ernest Renan et L'Allemagne... P. 150–154.*

¹⁸ Цит. по: *Шнеерсон Л. М.* На перепутье европейской политики: австро-руско-германские отношения (1871–1875). Минск, 1984. С. 10.

¹⁹ Политическая и общественная хроника // *Дело*. 1873. № 7. С. 87.

²⁰ *Тиссо В.* Путешествие в страну миллиардов / Пер. с фр. СПб., 1876. С. 37.

в истинном значении этого слова, не только антипрусская, но и антиимпериалистская и противница объединения».²¹ В этом мнение Тиссо совпадало с оценкой французского историка Эрнеста Лависса, констатировавшего на основе всеобщих выборов в рейхстаг в январе 1874 г., что движения в пользу местных династий в южногерманских государствах окончательно заглохли, и даже среди пятнадцати депутатов от Ганновера только четверых можно было отнести к «гвельфам» — сторонникам свергнутого короля Георга.²²

Именно наблюдения за новой Германией Лависса, по сути, логически подытожили развитие концепции о некой «двойственности Германии», переключив внимание с партикуляризма династий на отсутствие внутреннего единства самого германского общества.

Поражение Франции в войне с Германией и падение Второй империи повлекли за собой крах всех прежних амбиций Лависса, связанных с положением наставника наследника престола. Он принимает неожиданное решение отправиться в только что объединенную Германию и приступить там на ближайшие три года к работе над диссертацией, посвященной истории Бранденбургского княжества во времена правления династии Асканиев.²³ Выбор темы, однако, с самого начала подразумевал то, что Лависсом двигали не только научные цели. В гораздо большей степени его интересовала современная ему Германия, секрет ее успехов. Публичное выражение его наблюдения нашли в обширных статьях, на протяжении 1870-х гг. регулярно появлявшихся во влиятельнейшем «*Revue des Deux Mondes*». Позднее они были объединены в сборник под названием «Очерки имперской Германии» (1888).²⁴

Замысел своих статей Лависс раскрывал читателям весьма откровенно: «Полезно, чтобы мы знали раны нашего врага, чтобы наш рассудок, скорый впадать в крайности, не представлял Германию спокойным и процветающим Эдемом, в котором не приходится бороться с теми социальными и политическими трудностями, с которыми боремся мы».²⁵

²¹ Там же. С. 102–103.

²² *Lavisse E.* Les élections au parlement d'Allemagne // RDM (далее — RDM). 1874. Mars 1. P. 174.

²³ *Lavisse E.* Etude sur l'une des origines de la monarchie prussienne ou la marche de Brandebourg sous la dynastie ascanienne. Paris, 1875.

²⁴ *Lavisse E.* Essais sur L'Allemagne imperiale. Paris, 1888.

²⁵ *Lavisse E.* L'émigration allemande // RDM. 1874. Janv. 1. P. 215.

Лависс при этом создавал такой образ Германии, который помогал его соотечественникам нащупать точку опоры среди разрушенных мифов и представлений о своем соседе. Прежние клише «нации философов и поэтов» были решительно отброшены Лависсом в сторону, они практически не использовались им даже для противопоставления новой ситуации. На смену миражей эпохи романтизма пришел практичный подход изучения реальных слабых и сильных сторон жизни соперника.

В этом смысле Лависс стремился наполнить свои статьи максимально объективными данными и фактами. Но в то же время, нет никаких сомнений, что это очень «французский» взгляд на Германию. Сам выбор тем для своих очерков Лависса был отнюдь не случаен. Он концентрировал свое внимание, выражаясь образно, на трещинах уже в самом фундаменте Германской империи, перекосах ее внутренней политики и экономического развития.

Одной из таких проблем оставалась массовая эмиграция ее жителей в США, составлявшая, по мнению Лависса, «самое страшное социальное зло» Германии. Она означала потерю рабочих рук и гигантскую утечку средств, исчисляющуюся миллиардами франков. Лависс утверждал также, что эмиграция не решала, а скорее усугубляла социальные и политические проблемы новой империи, поскольку эмигрировали, в массе своей, консервативные по своим взглядам крестьяне — опора престола.²⁶

Отнюдь не случаен был интерес французских публицистов и к усилению в Германии влияния социал-демократии. В предисловии Лависса к упомянутым выше «Очеркам имперской Германии» (1888) явно нашло отражение то впечатление, которое на него произвело упорное сопротивление социал-демократов направленному против них знаменитому «Исключительному закону» 1878 г. Именно социалистическая пропаганда, энергия которой, как он пророчески предрекал, не будет укрощена, таит в себе главную для Империи угрозу. Сколь ни была бы готова Германская империя к войне с внешним врагом, «революционный дух» мог взорвать ее изнутри.²⁷

²⁶ *Lavisse E. L'émigration allemande* // RDM. 1874. Janv. 1. P. 209–214. — Стоит отметить, что данные Лависса (215 тыс. выехавших в 1872 г.) и оценки германских статистиков, на которые он опирался, неточны. В современных исследованиях приводятся значительно меньшие цифры эмигрантов: в частности, в 1870–1874 гг. из Германии ежегодно выезжало в среднем 120 тыс. человек. См.: *Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990* / Пер. с нем. СПб, 2003. С. 391. Табл. 5.

²⁷ *Lavisse E. Essais sur L'Allemagne imperiale...* P. IX.

В начале 1870-х годов Лависс, конечно, был намного осторожнее в оценках данного явления. В политическом смысле социал-демократы тогда играли еще весьма незначительную роль. Можно предположить, что изобличение «продвижения революции» в Германии было отчасти и реакцией на попытки Бисмарка представить Францию главной дестабилизирующей силой в Европе, против анархии которой должны объединиться великие державы. Согласно императоров Вильгельма I, Александра II и Франца-Иосифа он стремился придать именно такой смысл барьера против Франции.²⁸ К той же мысли о необходимости создания «санитарного кордона» от исходящей из Франции клерикальной и революционной заразы Бисмарк, равно как и германские официозы, возвращались и в последующие годы.²⁹

Лависс поворачивал обвинения Бисмарка против него самого. Он был уверен, что «партия революции» черпала новые силы в объединении Германии, которое «уничтожило границы» и «сблизило общие интересы и устремления», централизовало само социалистическое движение. Объединение Империи «силой и хитростью» в своей поспешности «грубо прервало исторические традиции Германии» и поощрило «смелость фантазеров». Таким образом, деятельность Бисмарка по объединению страны и последующему слоу остатков средневековых порядков оказалась в полном согласии с устремлениями самых пылких революционеров.³⁰

Теперь же в глазах Лависса пережитая Францией гражданская война превратилась для нее в действенную прививку от социалистических «иллюзий». По мысли французского историка получалось, что именно Германия оказывалась лишенной (и не без вины Бисмарка) действенных барьеров против революционной угрозы, а германское общество — искушений «золотым тельцом» контрибуции. Лависс прозорливо предрекал неминуемое усиление социал-демократии в Германии, которое сулило в будущем «огромные трудности» власть предержащим.³¹

²⁸ См.: Шнейерсон Л. М. На перепутье европейской политики... С. 107–108.

²⁹ См., например: Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1873. Bd 32. Heft 3. S. 368; Mitchell A. The German Influence on Subversion and Repression in France during the Early Third Republic // Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 1985. Bd 13. P. 427.

³⁰ Lavissee E. Les parties socialistes en Allemagne // RDM. 1873. Sept. 15. P. 459–461.

³¹ Ibid. P. 462–263.

Лависс выявлял также ряд общих черт между положением в новой германской империи политически активных рабочих и католиков. Ни те, ни другие, как подмечал Лависс, не забывают, что они немцы, но «их церковь вселенская», они рассматривают нацию как идол современности и отказываются поклоняться этой «Германии», у ног которой «была пролита кровь стольких человеческих жертв». ³² Им не свойственно, по замечанию французского историка, гегельянское обожествление государства, столь глубоко проникшее в культуру Прусского королевства. И та, и другая часть германского общества все явственней превращаются в «отдельную нацию» (*une nation à part*), которая поставлена в Империи вне закона и ведет обособленную жизнь. Лависс делал важный вывод, что нормальное политическое развитие при такой ситуации невозможно, а значит — «империя не завершена». ³³

По справедливой оценке французского историка Пьера Нора, Лависсу было суждено стать подлинным глашатаем целого поколения, которое поставило своей целью возродить национальный дух после катастрофы 1870 г. ³⁴ Эта роль одного из «национальных наставников», считавших своим долгом отвратить соотечественников от опасных иллюзий в том, что стало жизненно важным для развития и безопасности их страны, ярко проявилась и в нарисованной Лависсом картине новой Германской империи.

Еще одной характерной чертой в образе новой Германии, созданном французской публицистикой, стала ее исключительная персонификация в лице ее создателя — Отто фон Бисмарка. Крайнее выражение этой тенденции проявилось в очерках еще одного «исследователя Германии», Жюля Коэна: «Германская империя сводится к одному человеку: господину Бисмарку». ³⁵ Выступления имперского канцлера в Рейхстаге оказывали поистине завораживающий эффект на французских обозревателей. ³⁶ «Он сделал из Германии свою собственность, — со-

³² Lavissee E. Les élections au parlement d'Allemagne // RDM. 1874. Mars 1. P. 171.

³³ Ibid. P. 175.

³⁴ Nora P. Ernest Lavissee: son rôle dans la formation du sentiment national // Revue historique. Vol. 228. 1962. P. 73.

³⁵ Cohen J. Etudes sur L'empire d'Allemagne. Paris, 1879. P. 93.

³⁶ См., например, выразительные описания В. Тиссо (*Ticco B.* Путешествие в страну миллиардов. С. 255–256, 258) и Э. Лависса (*Lavissee E.* Une visite au parlement d'Allemagne // RDM. T. 108. 1873. Nov. 1. 2nd Période. P. 200, 204–206).

чувственно цитировал противников канцлера Э. Лависс, — она превращается в своеобразную *Kanzlerreich* — канцлерскую империю».³⁷

Подобная тесная связь между создателем империи и его детищем, безусловно, также должна была указывать на непрочность системы как таковой и неизбежность потрясений и перемен в связи с его неминуемым, рано или поздно, сошествием с политического Олимпа.

В тени Германии: реакция французских интеллектуалов на поражение 1870 года

Тяжесть военного поражения Франции, усугубленного сменой политического строя и ожесточенным гражданским противостоянием, подтолкнуло многих к рассуждениям о глубоком кризисе самой французской нации. Как свидетельствовал российский ученый и публицист В. И. Модестов, в начале 70-х годов в новой Германии в больших количествах стали появляться статьи и книги «самого оскорбительного для Франции содержания». Германские авторы, среди которых были и вполне уважаемые и солидные ученые, писали о французах как о нации легкомысленных фразеров и лгунов, «глубоко падшем народе», стоящем буквально на краю гибели.³⁸

В том же духе высказывались и близкие к германскому канцлеру публицисты. «Не какая-то европейская секта захватила Париж благодаря его бедствиям, — писал по горячим следам после падения Парижской Коммуны В. Веренпфенниг, — а подлинно французская, выросшая из Революции и обострившаяся во времена Империи болезнь привела к ее опаснейшему взрыву. Не Франция стала жертвой какого-то европейского заговора, а сама Европа находится под угрозой из-за нравственного разложения Франции».³⁹

Впрочем, изображение Парижа как столицы зла и порока, усиленное впечатлением от 72 дней существования Парижской Коммуны, современного Вавилона, который постигла заслуженная кара, было тогда общим местом не только у германских публицистов. Викторианские писатели, например, настойчиво призывали уберечь английскую молодежь от

³⁷ Lavissee E. Une visite au parlement d'Allemagne. P. 206.

³⁸ Модестов В. И. Из заграничных воспоминаний // О Франции: Сб. статей. СПб., 1889. С. 23.

³⁹ W[ehrenpfennig] Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1871. Bd 28. Heft 1. S. 98.

«французских соблазнов», а Манчестер даже посылал на берега Сены христианских миссионеров спасать заблудшие души парижан.⁴⁰

Надо отметить, что тезисы об упадке Франции и ответственности всей нации за войну вовсе не были порождением исключительно германского сознания. Многие французские правые интеллектуалы также оказались подвержены своеобразному «моральному пораженчеству»,⁴¹ усиленному крахом Империи и внутривнутриполитическими потрясениями. Эдмон де Гонкур, предвосхищая схожие мысли Эрнеста Ренана и Ипполита Тэна, писал в сентябре 1870 г.: «Если бы французская нация сама не была захвачена разложением, то сугубая бездарность императора не помешала бы победе. Нужно помнить, что монархи — каковы бы они ни были — всегда лишь отражение нации и что они трех дней не усидели бы на тронах, если бы не соответствовали ее духовному складу».⁴²

Густав Флобер также усматривал в военной победе Пруссии судьбоносные перемены для всего мира. Закончились времена господства Франции в Европе, господства ее литературы и искусства, вкуса и роскоши: «Нас ждут мрачные времена, — писал он. — Можно будет думать только о военном искусстве. Мы будем очень бедны, очень практичны и очень ограничены».⁴³ На смену указанным ценностям, предрекал Флобер, придет торжество прусского утилитаризма и варварства: «Латинская раса в агонии. Франция идет по стопам Испании и Италии. Начинается эра Хамства!»⁴⁴ Он очень критично, однако, относился не только к Парижской Коммуне, но и к тем, кто ее подавил. Его полная скепсиса оценка ситуации осталась неизменна и после окончания войны: «Франция падает, она больше не поднимется <...> Прекрасные дни превосходства закончились».⁴⁵

⁴⁰ См. об этом: *Poirier F.* La Grande-Bretagne et la France: un long face-à-face // France — Grande-Bretagne. Paris, 1994. P. 71–72.

⁴¹ Французский историк и социолог Кристоф Шарль проводит интересные параллели между социальными, политическими и интеллектуальными последствиями, которые имели франко-прусская война и «странное поражение» 1940 г. См.: *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / Пер. с фр. М., 2005. С. 207–209.

⁴² *Гонкур Э. и Ж., де* Дневник: Записки о литературной жизни: Избр. страницы: В 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 25.

⁴³ *Флобер Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 8: Письма, 1855–1880. М., 1938. С. 253.

⁴⁴ Там же. С. 293. Подробнее о реакции Г. Флобера и Э. де Гонкура на войну 1870–1871 гг. см.: *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции... С. 209–221.

⁴⁵ Цит. по: *Adam J.* Mes souvenirs. Vol. V. Mes angoisses et nos luttes (1871–1873). Paris, 1907. P. 187.

С учетом этой обстановки становится понятным, почему многие узрели в демографии подлинную провозвестницу грядущего, и почему она так сильно занимала французское и немецкое общественное сознание. Зловещие перспективы удручающе медленного на фоне соседей прироста населения во Франции были обрисованы учеными и журналистами еще в конце 1860-х гг. Данные первой послевоенной переписи во Франции, обнародованные в 1876 г., выявили шокирующее 3–4-кратное отставание в темпах от соседней Германии.⁴⁶ В позитивистском духе эпохи многие современники черпали в этом разрыве доказательство падения одной расы и возвышения другой.

Судьбоносное значение поражения 1870 г. как ниспосланного свыше наказания за некую «коллективную вину» французской нации оказалось близко и религиозному сознанию. Признание этой вины и необходимость восстановлений позиций церкви на протяжении всего десятилетия стало лозунгом целого ряда клерикальных изданий с влиятельной «Univers» во главе. Зримым воплощением идеи искупления прежних революционных грехов Франции и недавних деяний Парижской Коммуны (но также и «греха» допущения захвата 20 сентября 1870 г. папского Рима итальянскими войсками) стало растянувшееся на долгие годы возведение на Монмартре базилики Сакре-Кёр.

Однако для представителей новых политических и художественных элит те же мысли о необходимости для нации некой искупительной жертвы войны для подлинного обновления были связаны со значительной долей исторического оптимизма. Как писал все тот же Золя в 1877 г., «я думаю, что мы нуждались в этом жестоком уроке. Бывают моменты, когда для наций, как для отдельных лиц необходимо сильное лекарство <...> Наши мускулы ослабевали; мы засыпали в малодушном благоденствии! Бедствия разбудили нас».⁴⁷ Схожие представления об избавлении страны от опасных иллюзий, о движении к обновлению, как мы уже видели, разделяли также Л. Гамбетта, Ж. Адан, Э. Лависс и многие другие.

Столкновение этих зачастую противоположных эмоциональных и ментальных реакций давало порой довольно причудливые порожде-

⁴⁶ Mitchell A. The Divided Path: The German Influence on Social Reform in France after 1870. Chapel Hill and London, 1991. P. 29–33.

⁴⁷ Золя Э. Мои воспоминания из военных лет (Парижские письма) // Вестник Европы. Кн. VI. 1877. Июнь. С. 857.

ния. «Revue des Deux Mondes» констатировал в своем майском выпуске за 1875 г.: «наши несчастья вызвали у нас чувства приниженности и раскаяния, и мы готовы поверить, что мы заслужили нашу участь <...> мы соглашаемся с тем, что Седан был победой, одержанной над нашими пороками германской добродетелью». Журнал с иронией прибавлял, что тем неприятнее для нынешнего француза читать критические описания современной германской жизни, разрушающие веру в эти новые, но уже устоявшиеся мифы: «мы сердимся, когда покушаются на почтение, которое мы питаем по отношению к нашим завоевателям».⁴⁸

Однако точно так же сознание многих оптимистов с готовностью возвращалось к мысли об упадке латинской расы, когда их идеалы обновления сталкивались с суровой действительностью все более сложных проблем французского общества. Эмиль Золя, разочарованный развитием Третьей Республики, оказавшейся подверженной всем порокам ушедшей в прошлое Империи, обратился вновь к подобной дарвинистской трактовке событий двадцать лет спустя. Мысль о падении Франции отразили, в частности, строки его знаменитого романа «Разгром» (1892), в котором Золя попытался реконструировать эпоху войны.⁴⁹

8.2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ НАРОДОВ

Другими глазами

Вполне естественно, что в первой половине 1870-х гг. в центре внимания не только французских, но и германских писателей и публицистов оставалась и тема недавней войны. Война 1870–1871 гг. не была «тотальной» в том смысле, что не сопровождалась полной демонизацией противника, но она не могла не выступить отправной точкой в рассуждениях французов и немцев о соседней нации в целом. При этом само изображение войны принимало во многом мифологизированный характер. Едва ли это было удивительным, учитывая ту высокую эмоциональность, которая окрашивала реакцию немцев на объединение страны. «События, которые мы пережили на протяжении семи месяцев войны, столь удивительны, что они остаются позади нас как сон, как величественная сага, в которых герои и поступки намного

⁴⁸ Le journalisme allemand // RDM. 1875. Mai 1. P. 201–211.

⁴⁹ См.: *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции... С. 229.

превосходят обычные рамки действительности», — признавался Вильгельм Веренпфенниг.⁵⁰

Оценка минувших событий германским публицистом становилась «продолжением саги». По одну сторону границы ему рисовалась картина «невиданного легкомыслия» вызвавшей войну Франции, в которой за вспышкой ненависти к Пруссии последовала растерянность и нерешительность. По другую же сторону — «решительное мужество, невиданная быстрота и порядок», с которым по первому призыву собралась «вся способная носить оружие Германия». Против армии преторианцев Наполеона III выступил «вооруженный народ»: «здесь всего было в достатке; с верхов до самого простого человека каждый исполнял свой долг; каждый нерв, каждая фибра души были напряжены...».⁵¹

Герман Grimm вообще возводил авантюрную воинственность в национальную основу всей французской нации. «В чем нуждается француз, — писал он, — это “порыв” (élan). Вперед, налегке, все равно куда. Вся Франция ликовала этой войне <...> Смутная воинственность влекла нацию», и страшившийся войны Наполеон III «должен был последовать за порывом народа...».⁵²

Впрочем, Герман Grimm и Вильгельм Веренпфенниг едва ли могут претендовать на исключительное авторство изложенных выше тезисов, и лучшим доказательством широкого распространения в Германии подобных идей стало их проникновение в консервативный жанр германской батальной живописи. Германский историк Франк Беккер справедливо обращает внимание на популярный у художников сюжет атаки французской кавалерии на германскую стрелковую цепь.

Германская пехота, в чистом поле встречающая этот стремительный натиск, изображалась как монолит, судьба которого в этой ситуации зависела прежде всего от хладнокровия и дисциплины каждого рядового. Главенство коллективных действий над индивидуальными, передаваемое изображением фигур германских солдат сливающимися друг с другом, со спины или в профиль, рациональность и осознанность их действий — все

⁵⁰ *W[ehrenpfennig]* Am schluß des Kriegs (Politische Correspondenz) // Preussische Jahrbücher. 1871. Bd 27. Heft 3. S. 376.

⁵¹ Ibid.

⁵² *Grimm H.* Voltaire und Frankreich. Ein Versuch // Preussische Jahrbücher. Bd 27. 1871. Heft 1. S. 4.

это, по замыслу германских живописцев, отличало германскую армию в целом и составляло ее превосходство над противником. Бешеная атака французской кавалерии же лучше всего передавала пресловутый национальный «порыв» в духе концепции Гримма, стремление поставить на карту все и не иметь возможности остановиться. Противопоставление французов и немцев тем самым приобрело зримый характер.⁵³ Это противопоставление стало своеобразной метафорой, повторявшейся в картинах германских художников вновь и вновь.

Фигуры французских политических деятелей также часто использовались для характеристики всей французской нации. Так, В. Веренпфенниг в лице Адольфа Тьера видел «воплощение безмерного тщеславия, жажды власти и высокомерия французской нации». То, что Тьер, который «вместе со всеми своими инстинктами принадлежит к тому кругу идей, которые погубили Францию, смог стать героем ситуации посреди величайшего бедствия страны, является самым убедительным доказательством духовной бесплодности и неподвижности сегодняшней Франции».⁵⁴ Смерть Наполеона III в январе 1873 г. вновь предоставила немецкой прессе возможность вернуться к той отправной точке, что ответственность за недавнюю войну несут не только и не столько правители Франции, сколько вся французская нация. Даже такие серьезные издания, как «*Unsere Zeit*» выставляли на первый план повсеместную во Франции «фанатичную ненависть к немцам, зависть, возбужденную приращениями Пруссии после Садовой», и утверждали, что Наполеон III лишь «думал спасти свою династию, поплыв по течению».⁵⁵ Один из корреспондентов «*Augsburger Allgemeine Zeitung*» шел еще дальше: падение императора было предопределено тем, что он был слишком «выше своего народа» и осмелился противопоставить себя Франции, которая «во всем видит лишь немедленную выгоду, скорый доход, приращение и власть».⁵⁶

Коллективными усилиями целого поколения германских публицистов в итоге была сформулирована концепция, во всей своей полноте

⁵³ См.: *Becker Fr.* Bilder von Krieg und Nation. Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands, 1864–1913. München, 2001. P. 436–437; Ibid. P. 437.

⁵⁴ *W[ehrenpfennig]* Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. Bd 28. 1871. Heft 3. S. 331.

⁵⁵ Цит. по: *Sorel A.* La presse allemande en 1873 á propos de la France // RDM. Tome 104. 1873. Avril 1. 2nd Period. P. 719.

⁵⁶ Цит. по: Ibid.

изложенная известным германским историком Генрихом фон Зибелем. Он подчеркивал: «миллионы мелких буржуа и флегматичных крестьян в деревне желали лишь мира: они были инертной, бездеятельной массой; действующая, читающая, пишущая часть нации по противоположным мотивам делала все, что должно было ввергнуть правительство в политику войны». Французская армия, как полагал Зибель, желала «реванша за Садову», при которой прусская армия украла лавры первой армии мира. Французские клерикалы подстрекали против «протестантского владычества новой Германии». Свою долю ответственности, по мысли Зибеля, несли и республиканцы во главе с Тьером, чья критика подталкивала Наполеона III и его окружение к войне как средству укрепить пошатнувшееся положение династии.⁵⁷

Коллективная вина французской нации или по крайней мере значительной ее части намного лучше подходила в качестве извлекаемой по тому или иному политическому случаю мишени для германских публицистов, нежели фигуры давно сошедших со сцены фигур деятелей Второй империи или правительства «национальной обороны». Она укоренилась даже в соответствующих статьях словаря Мейера (1886) и Брокгауза (1896).⁵⁸

Франция и в самом деле несла значительную долю ответственности за войну и свое поражение. Но надеяться вызвать в французах чувство вины после Седана было едва ли реально: помимо всего прочего, война 1870–1871 гг. шла на французской территории, и сами условия Франкфуртского мира не способствовали успокоению острых национальных чувств. А. Тьер в стенах Национального Собрания дипломатично говорил о необходимости для Франции «исправить ошибки, которые были совершены не ею, но которые она теперь искупает, поскольку позволила их совершить».⁵⁹ Но швейцарец по происхождению Виктор Шербюлье раскрывал то эмоциональное противоречие, которое возникало в душе француза при виде попыток германских публицистов представить победу Германии как воплощение высшей справедливости.

⁵⁷ Sybel H., von Napoleon III. Bonn, 1873. S. 70.

⁵⁸ См.: Deutsch-französischer Krieg von 1870/71 // Meyers Konversations-Lexikon. Eine Encyclopädie des allgemeinen Wissens. Aufl. 4. Bd IV. Leipzig; Wien, 1886. S. 792; Deutsch-Französischer Krieg von 1870 und 1871 // Brockhaus Konversations-Lexikon. Aufl. 14. Bd V. Leipzig; Berlin; Wien, 1895. S. 98.

⁵⁹ Annales de L'Assemblée Nationale. Tome 14. Séance du mercredi 13 novembre 1872. Paris, 1873. P. 18.

Немцы, замечал он, сотни раз возмущались захватническим духом Франции, «но первое, что вы (немцы. — *А. Б.*) извлекли из вашей силы, было завоевание». Немцы столько протестовали против цезаризма, способного вовлечь народы в войну из прихоти, но сразу же поспешили «сотворить себе собственного императора». Блестящая военная кампания принесла Германии две провинции и пять миллиардов, и «вы ждете, что будут восхищаться вашим великодушием». Шербюлье иронично заключал: «Когда удастся смелое дело, и испытывают потребность отпраздновать свой успех в религиозном смысле, Христа оставляют в покое и воздвигают жертвенник Меркурию, богу миллиардов, богу торговли и кое-чего еще (то есть воровства. — *А. Б.*)».⁶⁰

Война 1870–1871 гг. также увенчала исторический проект объединения Германии, придав истории страны законченный вид восхождения от катастрофы Йены 1806 г. к триумфу Седана 1870 г. В сравнении с бесконечной сменой политических режимов в соседней Франции это не могло не привести к ожидаемым противопоставлениям национальных характеров. Так в немцах был обнаружен «возвышенный и консервативный дух»; они бережно «разворачивают» свою историческую нить, что выгодно отличает их на фоне беспокойных сынов Галлии: «У них не торчат, как во Франции, концы обрубленных гильотинами и переворотами кусков на клубке, из которых французы сколь теперь не бьются, не могут ничего сплести прочного», — красочно писал один из российских публицистов.⁶¹

Трудно рассчитывать, указывал при этом профессор Кильского университета, историк Рудольф Узингер, что Франция после своего поражения сможет пойти тем же путем национального возрождения, что и Пруссия после 1806 г. Для этого надо быть совсем другим народом, нежели тем, каким являются французы. Различия с немецким народом слишком велики. «Мы, немцы, не имеем обыкновения распространяться в шовинистических оценках о самих себе. Привыкшие к строгой дисциплине в работе дома, в общине, в государстве, к уважению собственности и добытому честным путем праву, мы стараемся самих себя, общее положение вещей принимать такими, какие они есть...».⁶²

⁶⁰ *Cherbuliez V.* Etudes de littérature et de l'art. Paris, 1873. P. 221–222.

⁶¹ *Леонард П.* Германия или Франция? Одна и другая. СПб., 1875. С. 80.

⁶² *Usinger R.* Der politische Zustand Frankreichs // *Preussische Jahrbücher*. 1871. Bd 27. Heft 1. S. 37.

Политические перевороты XIX столетия, несомненно, немало способствовали представлению о французах, как о народе экзальтированном. Г. Зибель наравне со многими полагал, что во французах «кровь бежит легче и горячее, чем в немцах», что они более «возбудимы, бойки, пылки <...> всегда готовые к авантюрам войны, постоянно торопятся вперед, самоуверенные, преисполненные собственной значимости, и, тем не менее, всегда беспокойные и одержимые жадой новшеств».⁶³

Точно так же «расой холериков и сангвиников» изображал французов в противоположность флагматикам-меланхолика немцам и евангелический капеллан Максимилиан Рихтер: «Франция — родина фраз, Германия — родина идей». Он видел проявления противоположных друг другу французских и германских темпераментов во всем: в личном поведении и в общественной жизни, в домашнем и семейном укладе, в школе, науке, искусстве и даже церкви. С неожиданной для его духовного звания убежденностью он констатировал неизбежность существования национальной ненависти между немцами и французами и отмечал, что ее корни не в самом национальном складе последних, а в «отпадении» от него: «мы ненавидим не французов, а выродившихся французов».⁶⁴

То, насколько далеко может завести противопоставление двух народов, хорошо показывал пример и некоторых особо неистовых поэтов новой Германской империи. Так, Оскар Редвиц в одном из пятисот (!) сонетов своей «Песни о новой Германской империи» обрушивался на тех своих соотечественников, которые не проявляли должного энтузиазма в борьбе с вековым врагом. Возмущение Редвица вызывали и те немки, которые проявляли излишнее, по его мнению, участие к раненым французским солдатам и офицерам в германском плену: «в них столько же мало немецкого, сколь и в их нарядах и языке, на котором они изыясняются».⁶⁵ Весьма известный в свое время собрат Редвица по перу Эммануил Гейбель в своих «Призывах герольда» (1871) считал необходимым бороться с противником и после войны. Поэт вдохновлял германский народ «на последний бой, на высшую победу»: искоренить

⁶³ Sybel H., von Was wir von Frankreich lernen können. Bonn, 1872. S. 2.

⁶⁴ Richter M. Über den Nationalhass zwischen dem französischen und dem deutschen Volke. Berlin, 1872. S. 17, 32–33.

⁶⁵ Цит. по: Cherbuliez V. Etudes de littérature et de l'art. Paris, 1873. P. 207–208.

из сердец «семена лжи и все, что осталось романского в мыслях, словах и делах!»⁶⁶

Однако далеко не все в Германии потеряли голову в патриотическом угаре. Когда франкофобия и самовосхваление приняли в стране поистине угрожающие формы, наиболее трезвая часть германской интеллигенции выступила с предупреждением против подобного разгоряченного состояния умов. Особенно заметным таким выступлением стала серия статей под общим заглавием «Франция и французы» профессора немецкой литературы из Нанси Карла Хиллебранда, отстаивавшего мысль о достойном месте французской нации в европейской семье народов. Его статьи в 1873 г. вышли отдельной брошюрой, третье полностью переработанное издание представляло собой уже вполне солидную книгу, дополненную характеристикой политики Тьера и Мак-Магона.⁶⁷

Мнение Хиллебранда, немца, прожившего много лет во Франции, прозвучало весьма авторитетно для германской публики. Решительный консерватизм автора и его вера в «превосходство германского характера» заставили говорить о нем как о германском патриоте даже печатный орган Трейчке, оценки французской нации которого были куда резче.⁶⁸ Особенно журналом было отмечено резкое неприятие Хиллебрандом устоявшегося уже в Германии мнения о «нравственном падении» французской нации. Французы, по мнению Хиллебранда, на протяжении последних трех столетий неоднократно доказывали свою способность к удивительному возрождению, когда за их окончательным, казалось бы, падением шел новый взлет. Вот и ныне «ее (Франции. — А. Б.) материальное богатство, личные добродетели трудолюбия, бережливости, семейственности, честности, которые в целом еще господствуют, скептический характер ее образования и литературы предохраняют ее от экономического, нравственного и духовного падения».⁶⁹

Живя долгое время во Франции, Хиллебранд, естественным образом оказался подвержен влиянию А. Токвиля, И. Тэна и Э. Ренана. Война подорвала эти контакты. Хиллебранд довольно остро отреаги-

⁶⁶ Ibid. P. 217.

⁶⁷ Hillebrand K. Frankreich und die Franzosen in der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts. Berlin, 1879.

⁶⁸ Preussische Jahrbücher. 1873. Bd 31. Heft 4. S. 478.

⁶⁹ Цит. по: Preussische Jahrbücher. 1873. Bd 31. Heft 4. S. 476–477.

ровал на рост националистических чувств во Франции и в Германии, считая их растущую интеллектуальную изоляцию друг от друга шагом назад и возвращением к «варварству». ⁷⁰ Это опасение было близко и многим французским ученым. Мишель Бреаль, в частности, сочувственно цитировал слова Гёте о том, что «национальная ненависть наиболее яростна там, где менее всего развита человеческая культура». Другое дело, что первыми отступниками от «идеи человеческой солидарности» в пользу «исторической борьбы рас» французы считали именно германские университеты, прежде славные своей научной беспристрастностью. ⁷¹

Российский ученый и публицист В. И. Модестов даже полагал, что именно активная пропаганда Хиллебрандом своих более взвешенных взглядов была «одной из главных причин» поворота общественного мнения в Германии от уничижительных морализаторских оценок в отношении Франции. ⁷² Конечно, были и другие, более объективные причины. Альбер Сорель, французский историк, и одно время также личный секретарь герцога Деказа, отмечал со своей стороны уже весной 1873 г., что клише об аморальности, фривольности и порочности французов почти исчезли со страниц германской прессы. Объяснял он это неуклонным ростом «статистики преступлений в Германии». Германским журналистам оставалось сетовать на «инфекцию», занесенную из Франции со времен последней войны. ⁷³ Несомненно, что свое влияние оказывали внушения близких к Бисмарку официозных изданий, повторявших мысль об опасности пренебрежительного отношения к французам. ⁷⁴

Впрочем, призывы к соотечественникам серьезнее изучать тот современный мир, который их окружает, звучали из многих уст. Тот же Г. Зибель полагал, что французский опыт может многому научить немцев в искусствах и ораторском мастерстве, торговле и промышленности. Позицию же тех в Германии, кто в «патриотическом воодушевлении» после военных побед над Францией отказывался признавать примером

⁷⁰ Цит. по: *Haupts L.* Karl Hillebrand als Publizist und Politiker. S. 121.

⁷¹ *Bréal M.* Souvenirs d'un voyage scolaire en Allemagne. Le patriotisme dans l'enseignement // RDM. T. 7. 1875. Janv. 1. 3ème Période. P. 40.

⁷² *Модестов В. И.* О Франции: Сб. статей. СПб., 1889. С. 24.

⁷³ *Sorel A.* La presse allemande en 1873 à propos de la France // RDM. T. 104. 1873. Avril 1. 2nd Période. P. 712.

⁷⁴ *Politische Correspondenz* // *Preussische Jahrbücher*. 1872. Bd 30. Heft 3. S. 334–335.

для подражания «эту опустившуюся страну, этот хвастливый народ», он полагал весьма опасной для самих немцев. Примирение двух соседей стало бы громадным благом для всего мира, но факт враждебности французов к Германии делает весьма вероятным новое «столкновение двух наций». Поэтому «патриотическим долгом» для каждого немца является «не болтать в слепом тщеславии о слабостях противника, а по возможности тщательно исследовать его сильные стороны, чтобы тем самым держать свой порох сухим».⁷⁵

Те же настроения изучения Германии как «патриотического долга» были сильны и во Франции. Альбер Сорель высказывал мнение, что отныне «народ, желающий возвышаться, больше не может быть погружен в самого себя», а потому Франция нуждается в точных описаний как можно большего числа путешественников в Германию.⁷⁶ Один из тех, кто воплотил этот призыв на практике — Виктор Тиссо — прямо писал о том, что «незнакомство с соседями было одной из причин всех наших поражений».⁷⁷ Сорель указывал, что германские газеты вполне разделяют этот тезис и не устают французам об этом напоминать. Он цитировал «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», которая успокаивала своих читателей: «Франция, которая, как кажется, не имеет намерения становиться отличной от той, которую мы победили, не может быть опасна для нас».⁷⁸ «*Preussische Jahrbücher*», как всегда, рисовал ситуацию в черных тонах: с одной стороны, отмечало издание, несомненно, «что неведение французов относительно нашего положения для нас прекрасный союзник», но с другой — в этом неведении им легче будет решиться «начать новую войну».⁷⁹

Сорель подтверждал, со своей стороны, что германские корреспонденты в Париже необычайно активны. Немцы, по его оценке, интересуются европейскими делами по меньшей мере в такой же степени, как и собственными. Франция и здесь должна была взять с Германии пример. Он писал, что и после «жесточкого урока» войны по-прежнему «большинство нации погружено <...> в достойное сожаления неве-

⁷⁵ Sybel H., *von Was wir von Frankreich lernen können*. Bonn, 1872. S. 1–2, 15–16.

⁷⁶ Sorel A. La presse allemande en 1873 á propos de la France // RDM. Tome 104. 1873. Avril 1. 2nd Période. P. 714.

⁷⁷ Tisso V. Путешествие в страну миллиардов... С. 4.

⁷⁸ Цит. по: Sorel A. La presse allemande... P. 713.

⁷⁹ Politische Correspondenz // Preussische Jahrbücher. 1872. Bd 30. Heft 3. S. 334–335.

дение. Оно замыкается в самом себе, увлекается часто еще своими достоинствами, нежели недостатками, обманывается в своих силах, поскольку не знает о силах соперников».⁸⁰

Сорель оставил также крайне любопытное замечание о том, что германские газеты сами по себе мало кем читались во Франции. Из них становились известны только те отрывки, которые французская пресса цитировала для полемики.⁸¹ М. Нордау, со своей стороны, подтверждал, что всем огромном Париже, претендующем на звание мировой столицы, едва ли можно было найти и два десятка кафе, где посетителям предлагалась бы хоть какая-нибудь иностранная газета.⁸² Это стало настоящей проблемой для пресс-атташе германского посольства во Франции Рудольфа Линдау, в задачи которого входило воздействие на французское общественное мнение. Из всех германских газет в парижских кафе и читальных кабинетах можно было отыскать только «Kölnische Zeitung» и «Augsburger Allgemeine Zeitung», и ни одной собственно берлинской газеты.⁸³

Таким образом, живя даже в Париже, при всем желании было трудно получить реалистичное представление о ситуации по ту сторону Вогезов.

В поисках «страны миллиардов»

Особенно заметной, пожалуй, среди попыток обрисовать новую Германию, к которым призывал А. Сорель, стала вышедшая в 1875 г. книга уроженца франкоязычной части Швейцарии Виктора Тиссо «Путешествие в страну миллиардов».⁸⁴ Она была создана на основе статей, написанных для французских газет «Le Constitutionnel» и «Le Salut Public», и принесла автору шумный успех: за пятнадцать лет книга выдержала во Франции пятьдесят изданий.⁸⁵ Отчасти этому успеху книга

⁸⁰ *Sorel A.* La presse allemande... P. 712–713.

⁸¹ *Ibid.* P. 711.

⁸² *Nordau M.* Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки / Пер. с нем. Т. 1–2. СПб., 1879. С. 100.

⁸³ *Naujoks E.* Rudolf Lindau und die Neurientierung der auswärtigen Pressepolitik Bismarcks (1871–1878) // *Historische Zeitschrift*. 1972. Bd 215. Heft 2. S. 333.

⁸⁴ *Tissot V.* Voyage au pays de milliards. Paris, 1875; Русский перевод книги с исправленного и дополненного 21-го издания: Тиссо В. Путешествие в страну миллиардов / Пер. с фр. СПб., 1876.

⁸⁵ О В. Тиссо и его самой известной книге см.: *Pohl E.* Mit anderen Augen // *Tissot V.* Reportagen aus Bismarcks Reich / Hrsg. und übersetzt von Erich Pohl. Stuttgart; Wien, 1989; *Digeon C.* La crise allemande de la pensée française (1870–1914). P. 320–323.

была обязана хлесткости и меткости суждений автора. Благодаря Тиссо выражение «страна миллиардов» получило широкую известность и продолжило свою жизнь за пределами его книги.

Тиссо описывал современную Германию в ее повседневной жизни, перемежая наблюдения заинтересованного путешественника с ироническими замечаниями злоязычного публициста. Он показывал, как Германия со школьной скамьи поддерживала в немцах неугасимую ненависть к Франции, безудержно спекулировала на выкаченных из нее миллиардах, быстро развращаясь на французском золоте, и с энтузиазмом развивала в себе «прусский культ войны». «Двинувшись для отражения нашествия, Германия увлеклась завоевательным духом и вернулась домой с арьергардом пороков, доселе ей неизвестных... Раз сойдя со своего цивилизаторского и гуманного пути, она (Германия. — А. Б.) снова вернулась в свои дикие леса», заявлял Тиссо.⁸⁶

Значительная часть книги Тиссо не случайно оказалась посвящена описанию Южной и Центральной Германии, с которой французы связывали свои надежды и симпатии. Но с самого начала Тиссо трезво замечал, что вся жизнь Германии, «не прежней Германии наивных легенд, средневековых мечтаний и святых соборов, но современной Германии, страны крови и железа, страны пушек, картечи и войны», отныне направляется из Берлина и воплощается в нем.⁸⁷

Литературным ответом на сочинение Тиссо стал сборник очерков жизни Парижа «Из действительной страны миллиардов» уже неоднократно цитировавшегося Макса Нордау (настоящее имя Симон Зюдфельд).⁸⁸ В предисловии к своей книге, датированном весной 1878 г., он выразил возмущение «пасквилем Тиссо на Германию, написанным тем после двух-трехмесячного путешествия по германским железным дорогам и отелям», которому «наивные французские критики поспешили дать название “действительного возмездия”». Нордау, по его словам, не смог преодолеть желания «указать целой нации на находящееся в ее глазу бревно, называемое Парижем, и поубавить немного ее злобной радости при виде сучка — Берлина в глазу своей

⁸⁶ Тиссо В. Путешествие в страну миллиардов... С. 5.

⁸⁷ Там же. С. 4.

⁸⁸ Подробнее о Нордау см.: Толмачев В. М. В борьбе за «великого незнакомца» // Нордау М. Вырождение; Современные французы / Пер. с нем. М., 1995. С. 385.

соседки».⁸⁹ По этой причине наблюдения Нордау оказались ограничены французской столицей, тогда как остальная Франция осталась в стороне.

Отношение Нордау к предмету своего описания оказалось весьма своеобразным: он считал возможным примирить точку зрения Гюго на Париж как на «голову и мозг всего человечества» с мнением тех, кто называл французскую столицу «притоном разврата и помойной ямой всего мира». Сам по себе Париж действительно является «главным архивом цивилизации», разрушение которого, как полагал Нордау, «оставило бы страшный пробел в истории всемирной культуры», но все вышесказанное ни в коей мере не относилось к парижанам. Население Парижа, по его мнению, сплошь состояло из «искателей счастья» или потомков «искателей счастья», отличающихся исключительно поклонением «золотому тельцу».⁹⁰ Именно здесь метафора «страна миллиардов» приобрела свое окончательное и завершенное значение. Она не только увековечила немислимое прежде число нулей в сумме контрибуции с Франции, но и одновременно указывала на поклонение этим нулям, моральное разложение общества.

Но сколь бы ни был велик полемический талант Макса Нордау в поиске «действительной страны миллиардов», он не мог полностью отринуть рост негативных черт современного ему германского общества. Пороки, сопутствующие горячке лет «грюндерства», не были лишь плодом фантазии мстительных французских публицистов. Внутри самой Германии нашлось немало тех, для кого негативные проявления первых лет жизни Германской империи выходили на передний план. Понятно замешательство Теодора Фонтане, считавшего главной причиной поражения Франции отсутствие во французском народе религиозности и его преклонение перед «золотым тельцом», и скоро отыскивавшего те же признаки «разложения», «культ золота и благ мирских» в родной Германии.⁹¹ Другой немецкий писатель, Фридрих Шпильгаген, раскрывал со своей стороны всю опасность указанной

⁸⁹ Нордау М. Из действительной страны миллиардов... Т. I. С. 3. — Оценки Тиссо германской столицы и в самом деле были сугубо негативными и переходили границы здравого смысла.

⁹⁰ Нордау М. Из действительной страны миллиардов... Т. I. С. 5–7, 10–11.

⁹¹ Цит. по: Фриче В. М. Немецкие писатели и франко-прусская война // Голос минувшего. 1915. № 2. Февраль. С. 62.

тенденции: «внешнее могущество (курсив Шпильгагена. — А. Б.) никогда не является гарантией могущества народа, даже его существования <...> истинная несокрушимая сила народа покоится в его человечности, то есть в том нравственном духе, который в нем живет».⁹²

То же разочарование постигло еще одного весьма известного тогда немецкого писателя, Карла Гуцкова, видевшего некогда в интеллигенции, «аристократии духа», призванных вождей немецкого народа.⁹³ Гуцков отказывал в «величии» даже Бисмарку, которого считал виновным в разжигании в Германии национализма и милитаризма. Стремительное вознесение последнего германскими национал-либералами на пьедестал вызывало у писателя иронию: «Мы — народ фанатически склонный к одобрению! У нас все сплошь одни только великие люди!» — сетовал герой одного из его романов.⁹⁴

Критика современной германской жизни, впрочем, исходила не только от германских писателей, которых можно легко обвинить в излишнем идеализме. Великий герцог Фридрих Баденский, проживший весной 1872 г. две недели в столице Империи, признавался: «Мое общее впечатление от Берлина крайне неблагоприятно. Во всей общественной жизни на повестку дня вышла жажда наслаждений <...> одна мошенническая спекуляция подстегивает другую...». Тревогу Фридриха Баденского, кстати, одного из сторонников, объединения Германии под скипетром Гогенцоллернов, вызывало то, что «это материалистическое направление пронизывает все прослойки населения», «стремления к честной работе не только недостает, но оно даже подавляется», и среди рабочего населения начинается брожение. «В высших кругах общества, констатировал он, ощущается вялая, бессодержательная жизнь формы, которая помимо прочего проявляется в том самодовольстве, когда хорошим тоном считается больше не говорить о последней войне».⁹⁵

Французы, наблюдающие немцев у них дома, были чувствительны к указанным изъянам. Поэт Франсуа Коппэ после двухмесячного пребы-

⁹² Там же. С. 65.

⁹³ А. Э. Немецкое общество после франко-прусской войны (*Gutzkows K. Die neuen Serapi-onsbrüder. Roman in drei Bänden. Breslau, 1877*) // Вестник Европы. Кн. VIII. 1877. Август. С. 571–647; Кн. IX. Сентябрь. С. 147–208; Кн. X. Октябрь. С. 617–685.

⁹⁴ Вестник Европы. Кн. X. 1877. Октябрь. С. 644.

⁹⁵ Großherzog Friedrich I. von Baden und die Reichspolitik, 1871–1907. Bd I. 1871–1879 / Hrsg. von Walther Peter Fuchs. Stuttgart, 1968. N 47. S. 64–65.

вания в новой Германской империи совсем в духе рассуждений Гуцкова пришел к выводу, что интеллектуальные силы Германии подтачивает червь «ее идиотского почтения к университетским титулам, ее чрезмерная мания к экзаменам и конкурсам, ее смешная нужда все иерархизировать <...> Все за них: титулы, места, награды и деньги».⁹⁶ Впрочем, на примере Коппэ видно, как важна осторожность при восприятии «французского взгляда» на Германию. Как признавался сам поэт, сама жизнь в Берлине быстро делала француза «превосходным патриотом». Стоило, например, Коппэ только пересечь границу Германии с Данией, как воздух начинал ему казаться легче, а женщины красивей.⁹⁷

* * *

В целом, можно отметить, что реакция французских и немецких писателей, ученых и публицистов на судьбоносные события 1870–1871 гг. отличалась богатством своих проявлений и чрезвычайной эмоциональностью. Почти всем им пришлось пережить серьезное переосмысление своих представлений о Франции и окружающем ее мире. И во Франции, и в Германии при этом быстро укоренились представления о том, что знания о своей соседке-сопернице имели теперь значение чуть ли не залога безопасности своего существования. В Германии подобное представление было тесно связано с тезисом о нависшей над ней угрозе французского реваншизма. В этом смысле становятся понятны слова Рене Шеваля о том, что после 1871 г. стало уже практически невозможно «иметь определенное представление о Франции», не имея «определенного представления о Германии».⁹⁸

Подводя итоги, можно прежде всего отметить то, что идея некоей двойственности Германии, постоянное противопоставление ее Пруссии и ее образу эпохи романтизма очень быстро стала общепринятой во Франции. Эта идея заняла доминирующее положение во французском сознании. Она же способствовала распространению в стране надежд на благоприятное для Франции «перерождение» Германии. Очевидно, что в свете огромного интереса во Франции к новой Германии образ послед-

⁹⁶ Письмо Альфонсу Лемеру, 13 октября 1873 г. // *Coppée Fr. Lettres à sa mère et à sa soeur*, 1862–1908. Paris, 1914. P. 138–139.

⁹⁷ Ср. описание Германии и Дании: *Coppée Fr. Lettres à sa mère et à sa soeur*. P. 73, 119–123 и 101–116.

⁹⁸ Цит. по: *Lorrain S. Des pacifistes français et allemands pionniers de l'entente franco-allemande, 1871–1925*. Paris, 1999. P. 27.

ней усложнялся и приобретал все более реальные очертания. Но нельзя не отметить и то, что этот образ в определенной мере представлял собой защитную реакцию французского сознания. Борьба с устоявшимися клише «революционности» и «аморальности» французов заключалась в том числе и в «зеркальном» возвращении их соперникам. Поиск признаков неустойчивости «здания» новой Германской империи должен был помочь французам черпать силы в сопротивлении сложившемуся неблагоприятному положению вещей.

При этом по обе стороны «идеологического фронта» находились те, чья критика родной страны перекликалась с критикой по ту сторону границы. Помимо всего прочего, это должно предупреждать нас от соблазна гипертрофировать «национальную» составляющую этой критики, представить ее исключительно плодом послевоенной розни французов и немцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение первого десятилетия истории Франции после седанской катастрофы остается исключительно важной задачей. Именно в эти годы была во многом сформирована политическая структура Третьей республики, которая просуществует долгие семьдесят лет до нового военного поражения от Германии — «катастрофы 1940 года». Однако эти первые годы важны не только борьбой партий по вопросу формы государственного устройства Франции и постепенной сменой политических элит в стране. В немалой степени это время предопределило дальнейшее развитие французского общества.

Именно тогда влияние «германского фактора» на внешнюю и внутреннюю политику, общественное сознание и культуру Франции было исключительно велико. Германия служила примером для подражания, предметом соперничества и эталоном. Она оказала огромное воздействие, в частности, на французское образование и реорганизацию французской армии. Берлин также вполне осознавал всю силу своего воздействия и не скрывал своих предпочтений в вопросе того, каким путем следует двигаться Франции, если она хочет избежать конфронтации. Так, борьба германского канцлера Бисмарка с политическим влиянием католицизма, безусловно, стала дополнительным внешним стимулом антиклерикальных мероприятий французских республиканцев.

Корни острых конфликтов между Францией и Германией были заложены в статьях Франкфуртского договора, что прекрасно осознавалось тем же Бисмарком. Он рассматривал враждебность Франции после войны как неизбежность, и эта точка зрения разделялась многими представителями германской политической и интеллектуальной элиты. Само по себе устремление соседней нации к реваншу быстро превратилось для германских политиков и публицистов в не требующую дополнительных доказательств аксиому.

Основной принцип политики Бисмарка после Франкфурта в отношении побежденной страны был предельно прост: «враждебность

Франции обязывает нас к тому, чтобы она была слабой». Эта установка оставалась неизменной на протяжении всех последующих лет его пребывания у власти. Соответственно, чем сильнее выглядели позиции Франции, тем с большей энергией Бисмарк действовал против нее. Однако нет оснований подозревать, что франко-германские отношения в 1870-е гг. балансировали на грани открытого столкновения. Несмотря на все резкие демарши Бисмарка, главным приоритетом политики германского канцлера в отношении Франции оставалась реализация положений мирного договора.

Бисмарк, прежде всего, был виртуозным манипулятором, стремившимся добиваться своих целей дипломатически и путем стимулированных им кампаний в прессе. Безусловно, новая война с Францией сама по себе его не пугала. Но едва ли Бисмарк забыл опыт минувшей войны, когда он утратил контроль над слишком многими, с его точки зрения, вопросами в пользу генералов. Бисмарк довольно остро чувствовал грань, за которой угроза иностранного вмешательства становилась слишком реальной. Поэтому он предпочитал, по-видимому, укрепить позиции Германской империи на достигнутых рубежах.

Германский канцлер стремился также влиять на внутрисполитическое развитие соседней Франции. Особенно ярко это проявилось, в частности, в его поддержке правительства А. Тьера, а также проектов военной реформы французского президента. Очевидно, что Бисмарк при этом исходил из тех же установок нейтрализации французской угрозы, и ради этого он не пренебрегал грубым давлением на соседнюю страну. Особенностью же ситуации было то, что его предпочтения не были ни для кого секретом. После судебного процесса над Арнимом, в ходе которого была обнародована часть дипломатической переписки между германским посольством в Париже и Берлином, отождествление Бисмарком, в частности, монархической реставрации во Франции с неминуемой новой войной стало широко известно. При всей чувствительности Франции к подобному давлению и в вопросе сохранения Тьером своей власти, и в вопросе реформирования французской армии политика канцлера в итоге потерпела неудачу.

Следует помнить и о том, что Бисмарк, занимая пост канцлера, фактически совмещал руководство германской внешней и внутренней политикой, а потому его дипломатические демарши зачастую были продиктованы внутрисполитическими соображениями — в частности,

борьбой с католической церковью и вокруг военного закона. В обоих случаях канцлер для мобилизации общественного мнения в поддержку правительственных законопроектов неизменно вызывал призрак «французской угрозы», а также широко пользовался возможностью для дискредитации своих оппонентов, обвиняя их в недостатке патриотизма и представляя их чуть ли не агентами французского влияния. Периодически вызывая и успешно «разрешая» дипломатические кризисы, канцлер, несомненно, руководствовался и соображениями упрочнения собственного влияния.

Весной 1875 г. Бисмарк начал свою излюбленную «войну нервов». Конкретными ее целями было задержать восстановление Франции, привлечь внимание Европы к угрозе французского реваншизма и на основе этого добиться для Германии неких новых гарантий безопасности, которых ей не давал Франкфуртский договор. Не случайно Берлином был поднят вопрос о признании французских вооружений «подготовкой к войне» и о необходимости их ограничения. И пусть, как было признано фельдмаршалом Мольтке, германские военные едва ли могли всерьез рассчитывать на такой подарок Европы, даже ее моральное осуждение в виде «советов осторожности и умеренности» Парижу могло стать серьезным достижением на дипломатической арене.

На протяжении всех рассматриваемых лет Бисмарк неоднократно прогнозировал новое столкновение Франции и Германии как неизбежное. Эти прогнозы германского канцлера служили моральной и логической основой для рассуждений об оправданности превентивного удара. Но они были обращены не только «внутрь» страны, но и вовне, с целью побудить великие державы к поиску альтернативного решения франко-германских противоречий, которые могли спровоцировать в итоге общеевропейскую войну. Одним из таких решений и могло быть международное признание нелегитимности французских устремлений к возврату утраченных провинций.

Однако весной 1875 г. Бисмарк впервые, пожалуй, не удержал развитие ситуации в своих руках и дал возможность министру иностранных дел Франции герцогу Деказу перейти в контрнаступление. Во многом усилиями последнего рядовой визит российского императора Александра II в Берлин был превращен в итоге во вмешательство в очередной франко-германский конфликт, а Бисмарку пришлось давать унижительные объяснения. Чтобы добиться именно такого исхода кри-

зиса, французское руководство пошло на сознательное преувеличение немедленной угрозы миру в Европе. Констатация этого факта не подвергает сомнению оправданность действий на Кэ д'Орсэ. Там лишь воспользовались сложившейся по вине оппонентов политической конъюнктурой, подобно тому, как это не раз блестяще проделывал сам Бисмарк. Герцог Деказ не только смог превзойти Бисмарка в апелляции к европейским кабинетам, но и повернуть против канцлера его излюбленное оружие — прессу.

При этом исход «военной тревоги» 1875 г. сам по себе не стал поворотным моментом во франко-германских отношениях. Он не изменил ничего кардинально ни в принципах политики Бисмарка в отношении Франции, ни в самом характере франко-германских отношений. Мысль о близости угрозы новой войны была одинаково широко распространена во французском и германском обществе, она в равной степени учитывалась руководителями двух стран и по мере внешней нормализации их отношений.

Впрочем, Бисмарк вполне искренне оставлял открытой для Франции альтернативу войне. Именно к этому фактически пришла германская дипломатия в итоге развития кризиса 1875 г. Но со стороны Парижа туманные пожелания достичь «взаимопонимания» с Германией остались кратковременным дипломатическим маневром, и до самого конца 1870-х гг. своего развития они не получают. С другой стороны, Франция, не отказываясь от тезиса о несправедливости положений мирного договора, была всецело заинтересована в улучшении отношений со своим вчерашним противником. Уже в первое послевоенное десятилетие французское руководство инициировало целый ряд символических жестов, направленных на всемерную разрядку напряженности с Германией, касалось ли дело памятников павшим, картин, обращенных к событиям недавней войны, или публичного осуждения покушений на первых лиц Германской империи.

И все же стержнем развития Франции надо признать идею Реванша, которую, однако, следует понимать в более широком смысле, нежели чем это принято в отечественной историографии. Сам по себе французский реваншизм во многом является мощным историческим мифом, ретроспективно порожденным мировыми войнами XX в., придавшим франко-германским противоречиям оттенок непримиримости.¹ Но мож-

¹ *Chastril R. Organizing for war: France, 1870–1914. Baton Rouge, 2010. P. 44.*

но с уверенностью сказать, что последняя треть XIX в. — не исключая и первого послевоенного десятилетия — для Франции вовсе не была окрашена религиозной ненавистью к Германии.

Особенно верно это было для французских правящих кругов, питавших к Германии смешанные чувства — страха при сохранении духа соперничества, уважения и даже восхищения, но не симпатии. Неготовность поколения 1870-го года предать забвению итоги войны соседствовала с представлением о некой закономерности германских успехов и с мыслью об отставании Франции от своего ближайшего соседа в целом ряде областей. Реванш в отношении Германии поэтому подразумевал не просто подготовку к войне за возврат утраченного, не только восстановление национального престижа, но и соревнование с Германией, модернизацию как изначальную предпосылку и неременное условие будущей военной победы.

В сознании французской политической, военной, интеллектуальной и культурной элиты, равно как и рядовых французов, преобладало представление о том, что реванш — это дело будущих поколений. Для французской армии Германия в эти годы прочно заняла место главного и чуть ли не единственного противника, ставшего при этом ориентиром всей военной реорганизации страны. Сами военные преобразования во Франции после 1871 г. приняли форму широкого заимствования германского (прусского) опыта: от введения всеобщей воинской повинности и общей организации армии по 18 территориальным округам вплоть до регламентов о компенсациях крестьянам за потраву полей во время военных маневров. Но все разговоры о новой войне против Германии оказались решительно исключены из французского политического и дипломатического лексикона. При этом французское руководство явно давало понять, что не считает для себя закрытым «эльзас-лотарингский вопрос», пусть и надеется на мирное его разрешение. Особенно важно в этой связи то, что другие великие державы — в частности, Россия — изначально считали такую позицию Франции справедливой и оправданной.

Обращаясь к деятельности руководителей французской политики, можно отметить, что ни один из них, вопреки периодическим обвинениям Берлина, не делал всерьез ставку на войну-реванш в ближайшей перспективе. Более того, на основании донесений российского посла в Париже князя Н. А. Орлова складывается впечатление, что реван-

шистские помыслы А. Тьера были более конкретны, нежели помыслы сменившего его маршала Мак-Магона или подлинных руководителей французской внешней политики при втором президенте Третьей республики — герцога де Брольи и герцога Деказа. Следует помнить, что в первое послевоенное десятилетие французское руководство даже на уровне военных планов не рассматривало вариант нападения на Германию с целью отвоевания Эльзас-Лотарингии.

Уже для А. Тьера первостепенную важность имела не только задача выполнения условий мирного договора и борьбы с внутренней революционной угрозой, но и поиск путей восстановления позиций Франции на международной арене, что ярко проявилось и в его интересе к происходящему в Испании. И Тьер, и его преемники прекрасно осознавали реальное соотношение сил в возможном противостоянии с Германией и понимали, что Франции необходимы союзники. Первейшими условиями для их приобретения было восстановление собственных сил, обретение внутривнутриполитической стабильности и доверие, которое еще надо было завоевать. Поэтому политики первых лет Третьей республики полностью отказались от внешнеполитических авантюр, столь характерных для предыдущего режима.

Желание проникнуть в планы и намерения ближайшего соседа, энергичные меры по противодействию подобным усилиям с его стороны, составили теневую сторону политики Парижа и Берлина. После франко-прусской войны изменилось отношение к самой проблеме «германского присутствия» на французской территории, что выразилось в усилении деятельности французской военной и политической разведки и контрразведки. Работа французских специальных служб во многом оставалась несовершенной, а качество полученных сведений — невысоким. Однако несомненно, что информация, получаемая из Германии по негласным каналам, оказывала большое воздействие на принятие решений французским руководством. Сама франко-германская граница, приграничные области двух соседних государств становятся ареной скрытого противоборства.

Частая смена кабинетов, интриги монархических фракций и политические кризисы не исключали устойчивой преемственности внешнеполитического курса и при реорганизации вооруженных сил Франции. Объяснялось это отчасти особенностью положения первых президентов Третьей республики. Тьер и Мак-Магон оказывали намного

более значительное влияние на развитие страны, нежели чем это предусматривалось для их преемников Конституцией 1875 г., закрепившей в стране парламентский режим. В руках А. Тьера фактически были все рычаги управления страной, он всецело определял ее внешнеполитический курс. Маршал Мак-Магон, уступив во многом инициативу в политической сфере своим ближайшим советникам, вплоть до конца 1877 г. опирался на принцип формирования правительства, которое пользовалось бы доверием именно президента, а не Национального Собрания. Как Тьер, так и Мак-Магон лично определяли ключевые аспекты военной реорганизации, отодвигая фигуры военных министров на второй план.

Результатом войны стал всплеск патриотических чувств французов, проявлявшихся самым различным образом. В большей мере это проявлялось в форме «скорбного патриотизма», а примеры «патриотизма воинствующего» можно было отыскать только в научной полемике, литературе и на театральных подмостках. Исходной точкой Реванша как конечного «отмщения» должно было стать переосмысление войны 1870–1871 гг. Не подлежит сомнению, что героизация поражения Франции, призывы к «реваншу» в науке, художественной литературе и искусствах уже в 1870-е гг. заложили те основы, на которых впоследствии это движение приобрело политическое выражение.

Успех подобной воинственной риторики у французской публики, однако, не означал готовность французов воевать как можно скорее вновь. Страх перед войной преобладал в сознании как французов, так и немцев, пусть он и не делал из них пацифистов. Тем не менее, уже в первое послевоенное десятилетия во Франции нашлись те, кто призывал к подлинному франко-германскому примирению, кто искал альтернативы войне. Однако даже эта часть французской интеллектуальной элиты не была готова признать итоги войны справедливыми. Парадоксальным образом это приводило к тому, что альтернативы войне при таком подходе в реальности не существовало.

В целом, можно отметить, что реакция французских и немецких писателей, ученых и публицистов на судьбоносные события 1870–1871 гг. отличалась богатством своих проявлений и чрезвычайной эмоциональностью. Почти всем им пришлось пережить серьезное переосмысление своих представлений о Франции и окружающем ее мире. Война 1870–1871 гг. практически не затронула в сознании французов пред-

ставления о своем первенстве в интеллектуальной сфере. Зато коренной ломке подверглись представления о Германии. Секрет ее успехов, слабые и сильные стороны новой Империи всесторонне изучались. Широкое распространение получило представление о «незавершенности», «двойственности» Германской империи, при котором Пруссия противопоставлялась остальной Германии. Подобные логические конструкции при всей своей искусственности способствовали смягчению неизбежных проявлений германофобии во Франции. И в ней, и в Германии при этом быстро укоренились представления о том, что знания о своей соседке-сопернице теперь имели значение чуть ли не залога безопасности своего существования.

Логика развития Франции в первые послевоенные годы, проникнутые ощущением «германской угрозы», обусловила и те многие процессы, которые проявились в последующие десятилетия. Насажждение гражданственности и патриотизма, которое должно было привить стране республиканские основы, обернулось феноменом генерала Буланже, скачком шовинизма и отрицанием самого парламентаризма. Милитаризация, которая поневоле должна была проникнуть во все слои французского общества в годы «вооруженного мира» с Германией, быстро привела к растущей «автономизации» армии. Восстановление престижа армии сделало ее в какой-то момент «священной коровой», обладающей высшей самоценностью, в условиях чего и стало возможным возникновение «дела Дрейфуса». Для политиков Третьей республики на первый план выступил поиск альтернативных путей восстановления позиций Франции в мире, главным из которых стала колониальная экспансия. Священная цель возвращения Эльзас-Лотарингии, провозглашенная в 1870-е гг., в новую империалистическую эпоху станет восприниматься пережитком ушедших времен. Она окажется целью самой по себе недостаточной для начала новой войны с Германией, которая должна была при этом стать войной «последней» и «окончательной».

Впрочем, изучение этих метаморфоз — дело отдельного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1.1. Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи

Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 470. Д. 56.

Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 62, 64, 66, 69, 73.

Ф. 138. Секретный архив министра (1858–1917). Оп. 467. Д. 15, 17, 18

Ф. 139. 2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476.
Д. 261.

Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101–1102.

Российский государственный архив военно-морского флота

Ф. 16. (Фонд Лихачева И. Ф.). Оп. 1. Д. 19, 220.

Ф. 410. Канцелярия морского министерства.

Оп. 2. Т. 2. Распорядительное отделение. Д. 3164, 3171, 3234, 3347,
3360, 3446.

Оп. 2. Т. 2. Военно-морское отделение. Д. 3950, 3952, 3955, 3992,
3993, 4021.

Service historique de la defense / Département de l'Armée de Terre

1 M 1543: Reconnaissances — Allemagne, 1870–1871.

1 M 1544: Reconnaissances — Allemagne, 1873–1879.

1 M 1545: Reconnaissances — Allemagne, 1880–1881.

1 M 2157: Reconnaissances — Allemagne, 1871–1892 (Incidents de
frontier).

7 N 1119: Allemagne (affaires etrangeres).

7 N 1465: Russie, 1849–1875.

7 N 1578: Suisse, 1874–1878.

7 N 1740: Plans de mobilizations (Plan N 1).

7 N 1786: Defense de France (1872–1875).

7 N 1787: Defence de France (1875–1876).

7 N 1848: Defense — Question de Nancy.

1.2. Опубликованные документы

1. Франко-германский кризис 1875 г. / Международные отношения в 1870–1918 гг.: Сб. документов / Под ред. В. М. Хвостова. М., 1940. С. 12–29.
2. Франко-германский кризис 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 106–149.
3. America's aid to Germany in 1870–71. An abstract from the official correspondence of E. B. Washburne, U.S. ambassador to Paris / Ed. by A. Hepner. St. Louis, 1905.
4. Documents diplomatiques français. Ser. 1. Vol. I. Paris, 1929.
5. Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd I. Berlin, 1922.
6. *Holborn H.* Bismarck und Schuwalow im Jahre 1875. Aktenstücke zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen // *Historische Zeitschrift*. Bd 130. 3. Folge – 34. Bd 2. Heft. Berlin. 1924. S. 256–277.
7. La défense sous la Troisième République. Tome I: Vaincre la Défaite, 1872–1881. Vol. I: Armée de terre: Documents à partir des archives de l'armée de terre / Ed. by G. Pedroncini. Vincennes: SHAT/IHCC, 2000 (1988).
8. *Temperley H. W. V., Penson L. M.* Foundations of British foreign policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902). Cambridge, 1938.

1.3. Стенографические отчеты

9. Annales de L'Assemblée Nationale. Comte-rendu in extenso des séances. Tome 14–18. Paris, 1873–1874.
10. Hansards Parliamentary Debates. 3rd Ser. Vol. 223–225. London, s. a.
11. Rapports et délibérations — Conseil général du Département de la Meurthe et Moselle. Session de mars 1875. Nancy: N. Collin, 1875.
12. Rapports et délibérations — Conseil général du Département de la Meurthe et Moselle. Session d'août 1875. Nancy: N. Collin, 1875.
13. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstages. Bd 31–32; 35–36, 38–39. Berlin, 1873–1875.

1.4. Дневники, мемуары, переписка

14. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания / Пер. с нем. Т. I–II. М., 1940.
15. *Гогенлоэ Х.* Мемуары кн. Гогенлоэ / Пер. с нем. М., 1907.

16. Гонкур Э. и Ж., де Дневник: Записки о литературной жизни: Избр. страницы: В 2 т. Т. 2. М., 1964.
17. Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Письма. М., 1963.
18. Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина. Т. I–II. М., 1947.
19. Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8: Письма, 1855–1880. М., 1938.
20. Adam J. Mes souvenirs. Vol. V: Mes angoisses et nos luttres (1871–1873). Paris: Alphonse Lemerre, 1907.
21. [Arnim, H. von] Pro Nihilo! Vorgeschichte des Arnimischen Prozesses. Heft 1. Zurich: Verlags-magazin, 1876.
22. Barail, général du Mes Souvenirs (1896). Т. III. 1864–1879. 17^{-eme} éd. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1913.
23. Beust C^{mt} de Trois quarts de Siècle. Memoires du Comte de Beust. Tome II. 1866–1885. Paris: Louis Westhausser, 1888.
24. Bismarck O., von Deutscher Staat: ausgewälte Dokumente / Eingeleitet von Hans Rothfels. München, 1925.
25. Bismarck-Briefe / Ausgewält und eingeleitet von Hans Rothfels. Aufl. 2. Göttingen, [199?].
26. Broglie A., duc de Mémoires du duc de Broglie. Vol. II, 1870–1875. Paris, 1941.
27. Broglie A. de Mémoires // Revue des deux mondes. Т. 29. 1929. Janvier 15. P. 281–311; 1er Fevrier. P. 543–567; 1er Mars. P. 147–167; Mars 15. P. 368–394.
28. Busch M. Tagebuchblätter. Bd I–III. Leipzig, 1899.
29. Coppée Fr. Lettres à sa mère et à sa soeur, 1862–1908. Paris: Alphonse Lemerre, 1914.
30. Daudet E. Souvenirs de la présidence du Maréchal de Mac-Mahon. Paris, 1880.
31. Daudet E. Souvenirs et révélations. Histoire diplomatique de l’alliance Franco-Russe, 1873–1893. Paris: Paul Ollendorff, 1894.
32. Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks. Eine politische Briefsammlung von P. Wentzcke und J. Heyderhoff. Bd II. Im neuen Reich, 1871–1890. Politische Briefe aus dem Nachlaß liberaler Parteiführer / Hrsg. von Paul Wentzcke. Bonn; Leipzig, 1926.
33. Dreux A. Dernières années de l’ambassade en Allemagne de M. de Gontaut-Biron (1874–1877). Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1907.
34. Ferry J. Lettres de Jules Ferry (1846–1893). Paris: Calmann Lévy, 1914.

35. *Frenzel K.* Erinnerungen und Strömungen / Gesammelte Werke. Bd 1. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, 1890.
36. *Freytag G.* Erinnerungen aus meinen Leben. Greiz, 1926.
37. *Gabriac, marquis de* Souvenirs diplomatiques de Russie et d'Allemagne, 1870–1872. Paris, 1896.
38. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta / Éd. par J.-C. Chaplain. Paris: G. Charpentier, 1909.
39. *Gambetta L.* Lettres, 1868–1882. Recueillis et annotés par D. Halevy et E. Pillias. Paris, 1938.
40. *Gavard Ch.* Un diplomate à Londres. Lettres et notes, 1871–1877. Paris, 1895.
41. Großherzog Friedrich I. von Baden und die Reichspolitik, 1871–1907. Bd I. 1871–1879 / Hrsg. von Walther Peter Fuchs [Veröffentlichungen der Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg. Reihe A. Quellen. Bd 15]. Stuttgart, 1968.
42. *Halévy D.* Le Currier de M. Thiers. D'après les documents conservés au département des manuscrits de la bibliothèque national. Paris, 1921.
43. *Hanrion L., général* Saint-Cyr: neuf années de commandement, 1871–1880. Paris, 1888.
44. Helmut von Moltke: Dokumente zu seinem Leben und Wirken. Bd I. Briefe Helmut von Moltke an seine Frau, 1877–1915 / Hrsg. von A. Bracher und T. Meyer. Basel: Perseus Verlag, 2005.
45. *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch.* Denkwürdigkeiten / Hrsg. von F. Curtius. In 2 Bds. Bd II. Stuttgart; Leipzig, 1907.
46. *Hohenlohe-Schillingsfürst Ch., von* Memoirs of Prince Chlodwig Hohenlohe-Schillingsfürst / Ed. by Fr. Curtius. Vol. I–II. London, 1906.
47. *Holstein F., von* Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins / Hrsg. von N. Rich, M. H. Fisher. Bd I. Göttingen, 1956.
48. *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile (1863–1897). Paris: Hachette et Cie, 1905.
49. Letters from Paris, 1870–1875, written by C. de B., a political informant to the head of the London House of Rothschild / Ed. by R. Henrey. London: J. M. Dent, [1942].
50. *Lucius von Ballhausen R.* Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart; Berlin, 1920.
51. *Moltke H., von* Die deutschen Aufmarschpläne, 1871 bis 1890 / Hrsg. von F. Schmerfeld. Berlin: Verl. F. G. Mittler & Sohn, 1929. (Forschungen und Darstellungen aus dem Reichsarchiv, Heft 7.)

52. *Moltke H., von Reden des Abgeordneten Grafen von Moltke, 1867–78.* Berlin: E. S. Mittler, 1879.
53. *Moltke Leben und Werk in Selbstzeugnissen: Briefe-Schriften-Reden / Hrsg. von Max Horst.* Leipzig, s. a.
54. *Newton T. W. L., lord Lord Lyons II. A record of British diplomacy.* Vol. II. London, 1913.
55. *Occupation et libération du territoire, 1871–1875. Correspondances,* T. I. Paris, 1903.
56. *Otto von Bismarck: Dokumente seines Lebens, 1815–1898 / Hrsg. von H. Wolter.* Leipzig, 1986.
57. *Le Procès d'Arnim.* Paris: E. Plon et Cie, 1875.
58. *Radowitz J. M., von Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz / Hrsg. von H. Holborn.* Bd I. (1839–1877). Berlin; Leipzig, 1925.
59. *Reden des Fürsten Bismarck aus den Jahren 1847–1895 / Hrsg. von Hans Kraemer.* Halle, 1895.
60. *Renan E. Correspondance, 1872–1892.* Vol. II. Paris, 1928.
61. *Sabourof P. Russie, France, Allemagne (1870–1875) // La Revue de Paris.* 1912. Mars. (t.2). P. 242–256.
62. *The Letters of Disraeli to Lady Bradford and Lady Chesterfield / Ed. by Marquis of Zetland.* Vol. I. London, 1929.
63. *The Letters of Queen Victoria / Ed. by G. E. Buckle.* 2nd Ser. Vol. II. London, 1926.
64. *Thiers A. Notes et souvenirs de M. Thiers (1870–1873).* Paris: Calmann-Lévy, 1903.
65. *Tiedemann Ch., von Aus sieben Jahrzehnten.* Bd II. Leipzig, 1909.
66. *Une correspondance inédite: le Prince Impérial et Ernest Lavisse, 1871–1879 // Revue des Deux Mondes.* 1929. Avril 1. P. 555–591.
67. *Washburne E. B. Recollections of a Minister to France, 1869–1877.* Vol. I. London, 1887.

1.5. Пресса

Газеты

68. *Голос.* 1875.
69. *Неделя.* 1873–1875.
70. *Provinzial-Correspondenz.* 1871–1879.
71. *The Daily Telegraph.* 1875.

72. Journal des Debats. 1871–1879.

73. Le Petit Journal. 1871–1877.

74. The Times. 1875.

Журналы

75. Вестник Европы. 1871–1880.

76. Голос минувшего. 1915.

77. Дело. 1871–1877.

78. Исторический вестник. 1883.

79. Мир божий. 1901.

80. Русская речь. 1881.

81. Grenzboten. 1871–1879.

82. Kladderadatsch. 1871–1875.

83. Preußische Jahrbücher. 1871–1879.

84. Revue des Deux Mondes. 1870–1879.

85. Revue politique et litteraire. 1871–1879.

86. The Economist. 1874–1875.

87. The Edinburgh Review. 1875; 1879.

88. The Living age. 1877.

1.6. Публицистика, критика

89. *Арсеньев К. К.* Виктор Гюго по возвращению его во Францию // Вестник Европы. Кн. VIII. 1877. Август. С. 648–670.

90. *Достоевский Ф. М.* Иностранные события // Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л., 1980.

91. *Золя Э.* Мои воспоминания из военных лет (Парижские письма) // Вестник Европы. Кн. VI. 1877. Июнь.

92. *Золя Э.* Тьер, основатель Третьей республики (Парижские письма) // Вестник Европы. Кн. X. 1877. Октябрь.

93. *Леонард П.* Германия или Франция? Одна и другая. СПб., 1875.

94. *Модестов В. И.* О Франции: Сб. статей. СПб., 1889.

95. *Нордау М.* Вырождение (1892–1893); Современные французы (1901) / Пер. с нем. М., 1995.

96. *Нордау М.* Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки / Пер. с нем: В 2 т. Т. II. СПб., 1879.

97. *Ренан Э.* Что такое нация? // Собрание сочинений: В 12 т. / Пер. с франц. Т. 6. Киев, 1902.

98. *Тарле Е. В.* Гамбетта и его место в истории Третьей французской республики // Мир божий. 1901. № 10. С. 73–103; № 11. С. 1–33.
99. *Тиссо В.* Путешествие в страну миллиардов / Пер. с фр. СПб., 1876.
100. *Слонимский Л. З.* Эрнест Ренан // Вестник Европы. Кн. XI. 1892. Ноябрь. С. 346–352.
101. *Триго Е.* Венская всемирная выставка // Дело. 1873. № 9–10.
102. *Фриче В. М.* Немецкие писатели и франко-прусская война // Голос минувшего. 1915. № 2. Февраль. С. 55–70.
103. *Après la guerre: un appel berlinois à la paix entre l'Allemagne et la France* // Revue politique et littereraire. 2nd Série. Vol. IX. 1875. N 16. P. 361–363.
104. *Ars A., de Thiers, Gambetta — Mac-Mahon.* Aux honnêtes gens. Bordeaux: A. Bellier, 1877.
105. *Baurin Ch.* Le chemin de la Revanche. Paris, 1872.
106. *Bréal M.* Souvenirs d'un voyage scolaire en Allemagne. Le patriotism dans l'enseignement // Revue des Deux Mondes (далее — RDM). Tome 7. 3ème Period. 1875. Janvier 1. P. 39-60.
107. *Bulle C.* Geschichte der Jahre 1871 bis 1877. Bd 1. Frankreich-Deutschland. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1878.
108. *Caro E.* Les deux Allemagnes. Madame de Staël et Henri Heine // RDM. 2nd Period. Tome 96. 1871. Novembre 1. P. 5–20.
109. *Chauvet E.* Sur la paix perpétuelle: discours prononcé à la séance solennelle de rentrée des Facultés de l'Académie de Caen, le 17 novembre 1881. Caen, 1881.
110. *Cherbuliez V.* Etudes de littérature et de l'art. Paris, 1873.
111. [*Cherbuliez V.*]: *Valbert G.* Hommes et choses d'Allemagne. Paris, 1877.
112. [*Cherbuliez V.*]: *Valbert G.* Les relations de l'Allemagne et de la France d'après un brochure allemande // RDM. 1875. Novembre 1. P. 217–229.
113. *Clarétie J.* Histoire de la Révolution de 1870–71. Pt. 1–4. Pt. 3: Présidence de M.Thiers (septembre 1871 — septembre 1872). Paris: Aux bureaux du journal *L'Eclipse*, 1874.
114. *Clarétie J.* L'art et les artistes français contemporains. Paris: Charpentier et Cie, 1876.

115. *Cohen J.* Etudes sur l'empire d'Allemagne. Paris: Calmann Levy, 1879.
116. *Daudet E.* Le duc de Broglie. Paris: A. Quantin, 1883.
117. *Delafutry P.* La paix universelle, ou Le droit prime la force. Paris, 1883.
118. Les dépêches du procès d'Arnim // *Le Petit Journal*. 1874. Décembre 16.
119. *Desmoulins A.* Neutralisation de l'Alsace et de la Lorraine: Mémoire, présenté le 7 Septembre 1884 à l'Assemblée générale de la Ligue Internationale de la Paix et de la Liberté. Paris, 1887.
120. Deutsch-französischer Krieg von 1870/71 // *Meyers Konversations-Lexikon. Eine Encyclopädie des allgemeinen Wissens*. Aufl. 4. Bd IV. Leipzig; Wien, 1886. S. 792.
121. Deutsch-Französischer Krieg von 1870 und 1871 // *Brockhaus Konversations-Lexikon*. Aufl. 14. Bd V. Leipzig; Berlin; Wien, 1895. S. 98.
122. *Férussac A., de* France et Russie: estime et sympathie (question d'alliance). Bordeaux: Imprimerie général d'Émile Crugy, 1880.
123. *Frantz C.* Das Neue Deutschland. Leipzig, 1871.
124. *Freytag G.* Gesammelte Aufsätze. Aufl. 2. Leipzig: S. Hirzel, 1888.
125. *Fustel de Coulanges N.* De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans. (Essais et notices) // *RDM*. 1872. Septembre 1. P. 241–251.
126. *Gasparin A., de* L'Alcase neutre // *Trois paroles de paix*. 2nd éd. Paris: Calman Lévy, 1883.
127. *Gasparin A., de* La France: nos fautes, nos périls, notre avenir. 3nd éd. Paris: Michel Lévy Frères, 1873.
128. *Gaucher M.* Causerie littéraire (Le docteur Judakohn de M. Alfred Assolant) // *Revue politique et littéraire*. T. 3. 1873. N 34. P. 828.
129. Der Gewinn Europas von den Siegen Deutschlands // *Die Grenzboten*. Jahrgang 32. 1873. Semester I. Bd I. S. 276–280.
130. *Girardin É., de* A la presse européenne // *Le Petit Journal*. 1876. Août 29.
131. *Girardin É., de* Grandeur ou décadence de la France. Questions des années 1874 et 1875. Paris: E. Plon et Cie, 1876.
132. *Girardin É., de* L'intérêt des peuples // *Le Petit Journal*. 1875. Août 30.

133. *Grimm H.* Voltaire und Frankreich. Ein Versuch // Preußische Jahrbücher. 1871. Bd 27. Heft 1. S. 1–25; Heft 5. S. 566–613.
134. Les haines nationales à la tribune de l'Assemblée // Revue politique et littéraire. 1871. N 2. P. 32.
135. *Hillebrand K.* Frankreich und die Franzosen in der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts. Berlin, 1879.
136. *Hugo V.* Actes et paroles. III. Depuis l'exil, 1870–1876 // Oeuvres complètes. Tome 45. Paris: J. Hetzel et Cie, A. Quentin, 1884.
137. Le journalisme allemand // RDM. 1875. Mai 1. P. 201–211.
138. *Klaczko M.* Julian. Deux chanceliers. Le Prince Gortchakof et le Prince de Bismarck. Paris: E. Plon et Cie, 1876.
139. *Lagorce H., de* 1875: La revanche. Paris, 1871.
140. *Laporte M.-E.* L'Alsace reconquise. Paris, 1873.
141. *Lavissee E.* Essais sur l'Allemagne imperiale. Paris: Hachette, 1888.
142. *Lavissee E.* La crise économique en Allemagne // RDM. 1876. Novembre 15. P. 372–401.
143. *Lavissee E.* Les élections au parlement d'Allemagne // RDM. 1874. Mars 1. P. 158–176.
144. *Lavissee E.* L'émigration allemande // RDM. 1874. Janvier 1. P. 207–219.
145. *Lavissee E.* Les parties socialistes en Allemagne // RDM. 1873. Septembre 15. P. 442–463.
146. *Lavissee E.* Une visite au parlement d'Allemagne // RDM. 1873. Novembre 1. P. 187–206.
147. *Lefrançois S.* Réponse à la politique du maréchal. Paix et travail, par un simple électeur. Saint-Etienne, 1877.
148. *Leger L.* Le monde slave: voyages et littérature. Paris: Didier et Cie, 1873.
149. *Lemonnier Ch.* Formule d'un traité d'arbitrage entre nations: mémoire présenté à la Ligue internationale de la paix et de la liberté. Paris, 1878.
150. *Loiret Ch.* Bismarck // Revue politique et littéraire. 21 mars 1874. Tome V. N 38. P. 890.
151. La maison des Dernières Cartouches à Baseilles // Le Petit Journal. 1899. № 444. Mai 14.
152. *Margerie A., de* La restauration de la France. Paris, 1872.

153. *Mazaroz J. P.* La revanche de la France. Paris, 1880.
154. *Mazaroz J. P.* La revanche de la France par le travail. Pais, 1876.
155. *Nystrom A.* Elsaß-Lothringen und Möglichkeit einer deutsch-französischen Allianz. Berlin, 1904.
156. Pariser Briefe. Die deutschen in Paris seit dem Frieden // Die Grenzboten. Jahrgang 31. 1872. Semester II. Band I. S. 420–423.
157. *Passy Fr.* Historique du mouvement de la paix. Paris: V. Giard et E. Brière, 1904.
158. *Passy Fr.* Revanche et relèvement. Exposé de situation fait aux adhérents de la Ligue internationale et permanente de la paix, par le comité directeur (1872). Paris, 1872.
159. La Politique du Maréchal. Paix et Travail. Paris: A. Pougin, 1877.
160. *Renan E.* Ernest Renan et L'Allemagne, textes recueillis et commentés par Émile Buré. N. Y., s. a.
161. *Renan E.* La guerre entre la France et l'Allemagne // RDM. 2nd Period. Tome 89.1870. Septembre 15. P. 264–283.
162. *Richter M.* Über den Nationalhass zwischen dem französischen und dem deutschen Volke. Berlin, 1872.
163. *Robert F.* Le maréchal Mac-Mahon et les républicains. Havre: A. Mignot, 1877.
164. *Rostang E.* Lettres à un neutre. Les élections de 1877. Marseille: Camoin, 1877.
165. Schlacht bei Berlin im Jahre 1875. Eine französische Träumerei. Aufl. 2. Leipzig: Verl. Carl Minde, s. a.
166. *Schlüter J.* Die Französische Kriegs- und Revanche-Dichtung. Heilbronn, 1878.
167. *Sorel A.* La presse allemande en 1873 á propos de la France // RDM. 2nd Period. Tome 104. 1873. Avril 1. P. 711–733.
168. *Sybel H., von Napoleon III.* Bonn: Max Cohen & Sohn, 1873.
169. *Sybel H., von* Was wir von Frankreich lernen können. Bonn: Max Cohen & Sohn, 1872.
170. *Ténot E.* Les nouvelles défenses de la France. Paris et ses fortifications, 1870–1880. Paris: Librairie Germer Baillière et Cie, 1880.
171. *Tissot V.* Reportagen aus Bismarcks Reich. Berichte eine reisenden Franzosen, 1874–1876 / Hrsg. und übersetzt von Erich Pohl. Stuttgart; Wien, 1989.

172. *Tomyar Ch.* Aperçu de l'organisation militaire des chemins de fer en France et en Allemagne; Le Rachat. Paris: Librairie militaire de J. Du-maine, 1880.

173. [Un officier supérieur]. La Défense du foyer. Paris: Bartier, 1874.

174. *Usinger R.* Der politische Zustand Frankreichs // Preussische Jahrbücher. 1871. Bd 27. Heft 1. S. 37.

175. [Wehrenpfennig] Auf Wache! // Die Grenzboten. Jahrgang 34. 1875. Semester I. Bd II. S. 169–181.

176. *W[ehrenpfennig]* Frankreich in den letzten drei Jahren. (Politische Correspondenz) // Preußische Jahrbücher. 1874. Bd 33. Heft 6. S. 644–663.

177. *Wilson B. D. J.* The Marshalate: a chapter of French history. May 1873 — October 1877 // The Living age... Vol. 135. 1877. Dec. 8. Issue 1747.

178. Y... Nos amis les allemands // Revue politique et littéraire. 2nd Série. Vol. VIII. 2nd Semester. 1875. N 28. P. 661–662.

179. Y... Notes et impressions // Revue politique et littéraire. 2nd Série. Vol. VII. 2nd Semester. 1874. N 25. P. 596–598.

180. *Zola E.* Nos auteurs dramatiques / Les oeuvres complètes. T. 47. Paris, 1929.

1.7. Художественная литература, поэзия

181. *A. Э.* Немецкое общество после франко-прусской войны (*Gutzkows K.* Die neuen Serapionsbrüder. Roman in drei Bänden. Breslau, 1877) // Вестник Европы. Кн. VIII. 1877. Август. С. 571–647; Кн. IX. Сентябрь. С. 147–208; Кн. X. Октябрь. С. 617–685.

182. *Стивенсон Р. Л.* Путешествие внутрь страны. Клуб самоубийц: Сб. / Пер. с англ. СПб, 1994. (Б-ка П. П. Сойкина).

183. *Clarétie J.* Le roman des soldats. Paris: Michel Lévy frères, 1872.

184. *Coppée Fr.* Oeuvres de Francois Coppée. Vol. 1–12. Vol. II: Poésies, 1869–1874. Paris, 1875.

185. *Dangin Éd.* La bataille de Berlin en 1875. Souvenirs d'un vieux soldat de Landwehr. 2ème éd. Paris: E. Lachaud, 1871.

186. *Daudet A.* Contes du lundi. Paris, 1873.

187. *Déroulède P.* Chants du soldat (1872). 31-ème éd. Paris: Calmann Lévy, 1876.

188. *Déroulède P.* Nouveaux chants du soldat (1875). 27ème éd. Paris: Calmann Lévy, 1876.
189. *Déroulède P.* L'Hetman. Drame en cinq actes en vers. 19ème éd. Paris: Calmann Lévy, 1877.
190. L'espion prussien // *Revue politique et littéraire*. 1871. N 16–20.
191. *Gutzkows K.* Die neuen Serapionsbrüder. Roman in drei Bänden. Breslau, 1877.
192. *Wildenbruch E., von* Gesammelte Werke / Hrsg. Von B. Litzmann. In 16 Bds. Bd 15–16. Gedichte und Kleine Prosa. Berlin, 1924.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антюхина-Московченко В. И.* Третья республика во Франции, 1870–1918. М., 1986.
2. *Бирнбаум П.* Национализм: сравнение Франции и Германии / Пер. с фр. // *Вопросы социологии*. 1993. № 1/2. С. 39–46.
3. *Борисов Ю. В.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, 1871–1875. М., 1951.
4. *Бухармедова Л. М.* Россия и Испания в годы правления Альфонса XII (По материалам Архива внешней политики Российской империи) // *Россия и Европа: Дипломатия и культура*. М., 1995. С. 129–138.
5. *Виноградов К. Б.* Мировая политика 60–80 годов XIX века. События и люди. Л., 1991.
6. *Виноградов К. Б.* Бисмарк и возникновение франко-прусской войны // *Вопросы истории*. 1970. № 7. С. 207–214.
7. *Власов Н. А.* Великий Бисмарк: Железом и кровью. М., 2011.
8. *Власов Н. А.* У истоков германского парламентаризма. Проблема имперского военного закона. 1871–1874. СПб., 2006.
9. *Гопман В. Л.* Повесть Дж. Чесни «Битва при Доркинге» на страницах журнала «Блэквудс мэгэзин» // *Вестник РГГУ. Сер. Журналистика и литературная критика*. 2008. № 11. С. 183–203.
10. *Григораш И. В.* Николай Павлович Шишкин // *Вопросы истории*. 2003. № 3. С. 58–73.
11. *Данн О.* Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / Пер. с нем. СПб., 2003.
12. *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы, 1814–1878 / Пер. с фр. Т. I–II. Ростов-на-Дону, 1995

13. *Ерусалимский А. С.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.
14. *Ерусалимский А. С.* Военная тревога 1875 г. // Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 6. 1928. С. 146–184.
15. *Ерусалимский А. С.* Франко-германский кризис 1875 г. // Красный архив. Т. 6 (91). 1938. С. 106–113.
16. *Зелдин Т.* Франция, 1848–1945: Честолюбие, любовь и политика / Пер. с англ. Екатеринбург, 2004.
17. История Европы: В 8 т. Т. 6. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М., 2000.
18. *Канцлер А. М.* Горчаков. 200 лет со дня рождения / Ред. Е. М. Примаков и др. М., 1998.
19. *Кессельбреннер Г. Л.* Светлейший князь: К 200-летию со дня рождения А. М. Горчакова, 1798–1883. М., 1998.
20. *Кларк И. Ф.* Пророчества о грядущих сражениях. Воображаемые войны 1763–3749 годов (Реферат) // Отечественные записки. 2005. № 5 (25). С. 73–81.
21. *Кракауэр Э.* Жак Оффенбах и Париж его времени / Пер. с нем. М., 2000.
22. *Крейг Г.* Немцы / Пер. с нем. М., 1999.
23. *Манфред А. З.* Внешняя политика Франции, 1871–1891. М., 1952.
24. *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975.
25. *Манфред А. З.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира (1871–1872) // Очерки истории Франции XVIII–XX вв. М., 1961.
26. *Огенюис-Селиверстоф А.* Франция — Россия — Германия (1878–1918) // Россия и Франция. XVIII–XIX века. М., 2000. Вып. 3.
27. Пацифизм в истории. Идеи и движения мира / ИВИ РАН; Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1998.
28. *Полякова О. Б.* Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Франция. XVIII–XX века. М., 2001. С. 189–204. Вып. 4.
29. *Пуимеж Ж., де Шовен,* солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма / Пер. с фр. М., 1999.

30. *Рыбаченок И. С.* Путь к союзу с Францией: эволюция взглядов генерала Н. Н. Обручева // Россия и Франция. XVIII–XX века. М., 2001. С. 155–188. Вып. 4.
31. *Сдвижков Д.* Против «железа и крови»: Пацифизм в Германской империи. М., 1999.
32. *Серова О. В.* Русско-французские отношения в оценке князя А. М. Горчакова // Россия и Франция. XVIII–XX века. М., 2000. С. 132–148. Вып. 3.
33. *Стрэчи Л.* Королева Виктория / Пер. с англ. Ростов-на-Дону, 1999.
34. *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. М., 1996. Публикация по изданию: СПб., 1911.
35. *Тейлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе, 1848–1918 / Пер. с англ. М., 1958.
36. *Чубинский В. В.* Бисмарк: Биография. СПб., 1999.
37. *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / Пер. с фр. М., 2005.
38. *Шарль К.* Расширение и кризисы литературного производства (вторая половина XIX века) / Пер. с фр. // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 63–83.
39. *Шнеерсон Л. М.* На перепутье европейской политики: австро-руско-германские отношения (1871–1875). Минск, 1984.
40. *Шперк В. Ф.* История фортификации / Издание Военно-инженерной краснознаменной академии имени В. В. Куйбышева. Москва, 1957.
41. Пруско-германский генеральный штаб, 1640–1965 / Фёрстер Г., Гельмерт Г. и др.; Пер. с нем. М., 1966.
42. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр. СПб, 1999.
43. *Энгельгардт М. А.* Луи Пастер. Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1897.
44. *Яковлев В. В.* История крепостей: эволюция долговременной фортификации. М., 1995.
45. *Albers D.* Reichstag und Aussenpolitik von 1870–1879. Berlin, 1927. (Historische Studien, Heft 170).
46. *Barbey-Say H.* Le voyage de France en Allemagne de 1871 a 1914. Nancy, 1994.

47. *Baumgart W.* Bismarcks Aussenpolitik. Einige grundsätzliche Bemerkungen / Deutschland und Europa. Aussenpolitische Grundlinien zwischen Reichsgründung und erstem Weltkrieg / Hrsg. von Rainer F. Schmidt [HMRG-Historische Mitteilungen Im Auftrage der Ranke-Gesellschaft. Bd 58]. Stuttgart, 2004. S. 10–19.
48. *Becker Fr.* Bilder von Krieg und Nation. Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands, 1864–1913. München, 2001.
49. *Becker O.* Bismarck und die Einkreisung Deutschlands. Teil I. Bismarcks Bündnispolitik. Berlin, 1923.
50. *Berlière J.-M.* Ordre et sécurité. Les nouveaux corps de police de la Troisième République // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. N 39. 1993. Jul.-Sep. P. 23–37.
51. *Blake R.* Disraeli: A biography. N. Y., 1967.
52. *Bloch Ch.* Les relations entre la France et la Grand-Bretagne (1871–1878). Paris, 1955.
53. *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo. The foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914. London, 1972.
54. *Brogan D. W.* France under the Republic. The development of modern France (1870–1939). London, 1949.
55. *Broglie G., de Mac Mahon.* Paris, 2000.
56. *Brunschwig H.* Un dialogue de sourds: Un siècle de rapports franco-allemands // Politique étrangère. 1955. N 5. P. 575–590.
57. *Buch F.* Rußland als militärische Bedrohung in der deutschen politischen Öffentlichkeit zwischen 1874 und 1880. Polemische Komplementärpositionen im Kontext kalkulierter Entfremdung // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2001. Bd 60. Heft 1. S. 1–50.
58. *Bucholz A.* Moltke, Schlieffen and Prussian War Planning. Providence. Oxford, 1991.
59. *Canis K.* Bismarcks Aussenpolitik nach 1871: Die Frage der Alternativen / Deutschland und Europa. Aussenpolitische Grundlinien zwischen Reichsgründung und erstem Weltkrieg / Hrsg. von Rainer F. Schmidt [HMRG-Historische Mitteilungen Im Auftrage der Ranke-Gesellschaft. Bd 58]. Stuttgart, 2004. S. 20–34.
60. *Caroll E. M.* French public opinion and foreign affairs, 1870–1914. N. Y.; London, 1931.
61. *Caroll E. M.* Germany and the Great Powers, 1866–1914: A Study in Public Opinion and Foreign Policy. Hamden, 1966.

62. *Chanet J.-Fr.* Vers l'armée nouvelle: République conservatrice et réforme militaire, 1871–1879. Rennes, 2006.
63. *Chastenet J. L'* Enfance de la Troisième, 1870–1879. Paris, 1952.
64. *Chastril R.* Organizing for war: France, 1870–1914. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2010.
65. *Christadler M.* Kriegserziehung im Jugendbuch: Literarische Mobilmachung in Deutschland und Frankreich vor 1914. Frankfurt/Main, 1978.
66. *Clarke I. F.* The Battle of Dorking, 1871–1914 // *Victorian Studies*. Vol. 8. (1965). № 4. P. 309–328.
67. *Clarke I. F.* Before and After The Battle of Dorking // *Science Fiction Studies*. Vol. 24. Part 1. 1997. № 71. March. P. 34–46.
68. *Clinton M.* «Revanche ou Relèvement»: The French Peace Movement Confronts Alsace and Lorraine, 1871–1918 // *Canadian Journal of History*. Vol. 40. 2005. № 3. December. P. 431–448.
69. *Cooper S. E.* Patriotic Pacifism: Waging War on War in Europe, 1815–1914. N.Y.; Oxford, 1991.
70. *Craig G. A.* Germany, 1866–1945. N. Y., 1978.
71. *Craig G. A.* Great Britain and the Belgian railways dispute of 1869 // *American historical review*. Vol. 50. 1945. № 4. P. 738–762.
72. *Craig G. A.* The politics of the Prussian army, 1640–1945. Oxford, 1955.
73. *Debant R.* Ecrits d'Adolphe Thiers sur les manifestations antimilitaristes de Narbonne en 1872 // *Extrait du Bulletin de la Société d'Etudes scientifiques de l'Aude*. T. LXXII (1972). P. 258.
74. *Debre P.* Louis Pasteur. Baltimore: John Hopkins Paperbacks edition, 2000.
75. *Defrasne J.* L'armée français devant l'alert de 1875 // *Revue historique de l'armée*. Vol. 26. 1970. № 1. P. 37–57.
76. *Deiningner H.* Frankreich-Rußland-Deutschland, 1871–1891: Die Interdependenz von Ausspolitik, Wirtschaftsinteresse und Kulturbeziehungen im Vorfeld des russ.-fr. Bündnisses. München, 1983.
77. *Deschanel P.* Gambetta. N. Y., 1920.
78. *Dictionnaire des parlementaires français...: Depuis le 1er mai 1789 jusqu'au 1er mai 1889 / Sous la dir. de A. Robert, E. Bourloton et G. Cougny.* Tome V. Paris, 1891.
79. *Digeon C.* La crise allemande de la pensée française (1870–1914). Paris, 1959.

80. *Diószegi I.* Die Aussenpolitik der Österreichischen-Ungarischen Monarchie, 1871–1877. Budapest, 1985.

81. *Droz J.* Der Nationalismus der Linken und der Nationalismus der Rechten in Frankreich (1871–1914) // *Historische Zeitschrift*. 1970. Bd 210. Heft 1. S. 1–13.

82. *Dubos R. J.* Louis Pasteur: free lance of science. Boston, 1950.

83. *Dupouy A.* France et Allemagne. Litteratures compares. Paris, 1913.

84. Der Einfluß der Randbemerkungen Bismarcks und der Kaiser Wilhelm II. auf die deutsche auswärtige Politik. S. a.

85. *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.

86. *Fisher-Frauendienst I.* Bismarcks Pressepolitik. Münster (Westf.), 1963. [Studien zur Publizistik. Bremen Reihe. Bd 4.]

87. *Förster S.* Der deutsche Generalstab und die illusion des kurzen Krieges, 1871–1914. Metakritik eines Mythos // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. 1995. Bd 54. Heft 1. S. 61–95.

88. *Forcade O.* La République secrete: Histoire des services spéciaux français de 1918 à 1939. Paris, 2008.

89. Forster-Hahn Fr. «La Confraternité de l'art»: Deutsch-französische Ausstellungspolitik von 1871 bis 1914 // *Zeitschrift für Kunstgeschichte*. 1985. Bd 48. Heft. 4. P. 510.

90. *Fuller J. V.* The War-Scare of 1875 // *American Historical Review*. Vol. 24. 1919. № 2. P. 196–226.

91. *Gaber S.* Le problème des fortifications à Nancy (1874–1915) / *Mémoires de l'Académie de Stanislas*. 8ème Série. Tome XVIII. Année 2003/2004. P. 471–491.

92. *Gadille J.* La pensée et l'action politiques des évêques français au début de la Troisième République, 1870–1883. Vol. 1–2. Paris, 1967.

93. *Gall L.* Die Germania als Symbol nationaler Identität im 19. und 20. Jahrhundert // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*. I. Philologisch-historische Klasse. 1993. № 2. S. 37–58.

94. *Giles Fr.* A Prince of Journalists. The Life and Times of Henri Stefan Oppen de Blowitz. La Salle, 1974.

95. *Gödde-Baumanns B.* Ansichten eines Krieges. Die «Kriegsschuldfrage» von 1870 in zeitgenössischem Bewußtsein, Publizistik und wissenschaftlicher Diskussion 1870–1914 / Europa vor dem Krieg von 1870 / Hrsg.

von Eberhard Kolb. München, 1987 [Schriften des hist. Kollegs. Kolloquien; 10]. S. 175–201.

96. *Gödde-Baumanns B.* L'idée des Deux Allemagnes dans l'historiographie française des années 1871–1914 // *Francia: Forschungen zur west-europäischen Geschichte*. 1984. Bd 12. P. 609–619.

97. *Gödde-Baumanns B.* La Prusse et les Allemands dans l'historiographie française des années 1871 à 1914: Une visage inversée de la France // *Revue historique*. Vol. 279. 1988. N 1. P. 51–73.

98. *Hanotaux G.* Histoire de la France contemporaine (1871–1900). Vol. I–III. Paris, 1904.

99. *Hartshorne R.* The Franco-German Boundary of 1871 // *World Politics*. Vol. 2. 1950. № 2. P. 209–250.

100. *Hartung Fr.* Bismarck und Graf Harry Arnim // *Historische Zeitschrift*. Vol. 171. 1951. S. 47–77.

101. *Haselmayr Fr.* Diplomatische Geschichte des Zweiten Reichs von 1871–1918. Buch I. Von russische Freundschaft zu russischen Groll (1871–1878). München, 1955.

102. *Haupts L.* Karl Hillebrand als Publizist und Politiker. Köln, 1959.

103. *Helmet H., Schmiedel K.* Kriegspolitik und Strategie des Preussischen Generalstabes in deutschen Kaiserreich // *Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichgründung*. Berlin, 1971.

104. *Hildebrand K.* Das vergangene Reich. Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler, 1871–1945. Stuttgart, 1995.

105. *Hildebrand K.* Von der Reichseinigung zur «Krieg in Sicht» Krise. Preussen-Deutschland als Faktor der britischen Außenpolitik, 1866–1875 // *Das Kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft, 1870–1918* / Hrsg. von Michael Stürmer. Düsseldorf, 1970. S. 205–235.

106. *Hillgruber A.* Die «Krieg-in-Sicht»-Krise 1875 — Weggabelung der Politik der europäischen Grossmächte in der späten Bismarckzeit // *Gedenkschrift Martin Göring* / Hrsg. von Ernst Schulz. Wiesbaden, 1968. [Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz. Bd 50]. S. 239–253.

107. *Histoire militaire de la France*. Vol. 3: 1871–1940 / Sous la dir. de Guy Pedroncini. Paris, 1997.

108. *Holborn H.* Bismarcks europäische Politik zu Beginn der siebziger Jahre und die Mission Radowitz. Berlin, 1925.

109. *Holborn H.* Die europäischen Politik zu Beginn der siebziger Jahre // Archiv für Politik und Geschichte. 1924. Heft. 10. S. 424–462.
110. *Howard Ch.* Britain and the casus belli, 1822–1902. London, 1974.
111. *Howard M.* The Franco-Prussian War: the German Invasion of France, 1870–1871. London, N. Y., 2001 [1961].
112. *Hsi-Huey Liang* The rise of modern police and the European state system from Metternich to the Second World War. Cambridge, 1992.
113. *Ingenlath M.* Mentale Aufrüstung: Militarisierungstendenzen in Frankreich und Deutschland vor dem Ersten Weltkrieg. Frankfurt/ Main, 1998.
114. *Isbell J. C.* The birth of European Romanticism. Truth and propaganda in Stael's *De l'Allemagne*. Cambridge, 1994.
115. *Jauffret J.-Ch.* Etudes sur l'armée française de 1870 a 1914 // Revue historique. T. 269. 1983. № 546. P. 399–413.
116. *Jauffret J.-Ch.* La défense des frontières françaises et l'organisation des forces de couverture (1874–1895) // Revue historique. T. 279. 1988. № 566. P. 359–379.
117. *Jeismann K.-E.* Das Problem des Präventivkrieges im europäischen Staatensystem mit besonderem Blick auf Bismarckzeit. München, 1957.
118. *Joly B.* Déroulède. L' inventeur du nationalism francais. Paris, 1998.
119. *Joly B.* La France et la Revanche, 1871–1914 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Vol. 46. 1999. № 2. P. 325–348.
120. *Kanter S.* Sacrificing National Defense to Class Interest: The French Military Service Law of 1872 // Military affairs. Vol. 49. 1985. № 1. P. 5–8.
121. *Kennan G. F.* The decline of Bismarcks European order: Franco-russ. relations, 1875–1890. Princeton, 1980.
122. *Kolb E.* Der Weg aus dem Krieg. Bismarcks Politik im Krieg und die Fridensanbahnung, 1870–1871. Munchen, 1990.
123. *Korobov Y.* Les relations militaires franco-russes de 1870 au lendemain de la guerre russo-japonaise // Revue historique des armées. 2006. № 245. P. 104–106.
124. *Krockow Ch., von Bismarck.* Stuttgart, 1998.
125. *Lappenküper U.* Die Mission Radowitz: zur russland Politik Otto von Bismarcks (1871–1875). Gottingen, 1990.

126. *Laurent S.* Aux origines de la «guerre des polices»: militaires et policiers du renseignement dans la République (1870–1914) // *Revue historique*. Vol. 4. 2005. № 636. P. 770.

127. *Laurent S. (dir.)* Politiques du renseignement. Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux, 2009.

128. *Lecoq B.* Les sociétés de gymnastique et de tir dans la France républicaine (1870–1914) // *Revue historique*. T. 276. 1986. P. 157–166.

129. *Lorrain S.* Des pacifistes français et allemands pionniers de l'entente franco-allemande, 1871–1925. Paris, 1999.

130. *Malo H.* Thiers, 1797–1877. Paris, 1932.

131. *Marquis H.* Aux origines de la Germanophobie: la vision de l'Allemand en France aux XVIIe–XVIIIe siècles // *Revue historique*. Vol. 286. 1991. P. 283–294.

132. *Mayeur J.-M.* Les débuts de la IIIe République, 1871–1898. Paris, 1973.

133. Militaires en République, 1870–1962: les officiers le pouvoir et la vie publique en France: Actes du colloque. Paris, 1999.

134. *Miquel P.* La Troisième république. Paris, 1989.

135. *Mitchell A.* «A situation of Inferiority»: French Military Reorganization after the Defeat of 1870 // *American Historical Review*. Vol. 86. 1981. № 1. P. 49–62.

136. *Mitchell A.* Bismarck and the French nation, 1848–1890. N. Y., 1971.

137. *Mitchell A.* German history in France after 1870 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 2. 1967. № 3. Education and Social Structure. P. 81–100.

138. *Mitchell A.* The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979.

139. *Mitchell A.* The German Influence on Subversion and Repression in France during the Early Third Republic // *Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*. 1985. Bd 13. P. 409–433.

140. *Mitchell A.* A Stranger in Paris: Germany's role in republican France, 1870–1940. N. Y.; Oxford, 2006.

141. *Mitchell A.* Thiers, Mac Mahon and the *Conseil supérieur de la Guerre* // *French historical studies*. Vol. 6. 1969. № 2. P. 232–252.

142. *Mitchell A.* Victors and vanquished: The German influence on army and church in France after 1870. Chapel Hill, 1984.

143. *Mitchell A.* The Xenophobic Style: French Counterespionage and the Emergence of the Dreyfus Affair // *The Journal of Modern History*. Vol. 52. 1980. № 3. P. 418.
144. *Mitchell P. B.* The Bismarkian policy of conciliation with France, 1875–1885. Philadelphia, 1935.
145. *Mombert M.* L'enseignement de l'allemand en France 1880–1918: Entre «modèle allemand» et «langue de l'ennemi». Strasbourg, 2001.
146. *Monnet S.* La politique extérieure de la France depuis 1870. Paris, 2000.
147. *Monypenny W. F., Buckle G. E.* The life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. Vol. III. N. Y., 1968.
148. *Naujoks E.* Bismarck und die Organisation der Regierungspresse // *Historische Zeitschrift*. Bd 205. 1967. Heft 1. S. 46–80.
149. *Naujoks E.* Rudolf Lindau und die neuorientierung der ausswärtigen Pressepolitik Bismarcks (1871–1878) // *Historische Zeitschrift*. Bd 215. 1972. Heft 2. S. 299–344.
150. *Nolde B., baron L'* Alliance franco-russe [Inst. d'études slaves de l'université de Paris. Collection historique. VII]. Paris, 1936.
151. *Nora P.* Ernest Lavisse: son rôle dans la formation du sentiment national // *Revue historique*. Vol. 228. 1962. P. 73–106.
152. *Nord P.* Republicanism and Utopian Vision: French Freemasonry in the 1860s and 1870s // *The Journal of Modern History*. Vol. 63. 1991. № 2: A Special Issue on Modern France. June. P. 213–229.
153. *Österreichisches Biographisches Lexikon, 1815–1950* / Hrsg. von der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd X. Wien, 1992.
154. *On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871* / Ed. by S. Förster, J. Nagler. Cambridge, 1997.
155. *Ortholan H.* Le général de Séré de Rivières: Le Vauban de la Revanche. Paris, 2003.
156. *Osgood S. M.* French Royalism under the Third and Fourth Republics. The Hague, 1960.
157. *Pakula H.* An uncommon woman. The empress Frederick, daughter of Queen Victoria, wife of the Crown Prince of Prussia, mother of Kaiser Wilhelm. N. Y., 1995.
158. *Paret P.* Imagined Battles: Reflections of War in European Art. Chapel Hill & London, 1997.

159. *Pflanze O.* Bismarck. München, 1997. Bd 1.
160. *Pflanze O.* Toward a psychoanalytic interpretation of Bismarck // American historical review. Vol. 77. 1972. № 2. P. 419–444.
161. Le Plan XVII: étude stratégique. Paris: Payot et Cie, 1920.
162. *Poirier F.* La Grande-Bretagne et la France: un long face-à-face // France — Grande-Bretagne. Paris, 1994.
163. *Porch D.* The march to the Marne. The French army, 1871–1914. Cambridge, 1981.
164. *Posen B. R.* Nationalism, the Mass Army, and Military Power // International Security. Vol. 18. 1993. № 2. P. 80–124.
165. Rich N. Holstein and the Arnim Affair // The Journal of Modern history. Vol. 28. 1956. N 1. P. 35–54.
166. *Rosengarten A. G. Jr.* The Evolution of the French Military Manpower Policy from 1872 to 1914 // Military Affairs. Vol. 45. 1981. № 4. P. 180–186.
167. *Schivelbusch W.* Die Kultur der Niederlage. Aufl. 2. Berlin: Fischer Taschenbuch Verlag, 2007.
168. *Semur F.-Ch.* Mac-Mahon ou la gloire confisquée. Paris, 2005.
169. *Silverman D. P.* Reluctant union. Alsace-Lorraine and Imperial Germany, 1871–1918. London, 1972.
170. *Steinbach Ch.* Die französische Diplomatie und das Deutsche Reich 1873 bis 1881. Bonn, 1976.
171. *Stern Fr.* Gold and Iron. Bismarck, Bleichröder and the building of the German empire. N. Y., 1979.
172. *Sternhell Z.* Paul Deroulede and the Origins of Modern French Nationalism // Journal of Contemporary History. Vol. 6. 1971. № 4. P. 46–70.
173. *Stone J.* Bismarck and the Containment of France: 1873–1877 // Canadian Journal of History. Vol. 29. 1994. № 2. P. 271–304.
174. *Stone J.* The Radowitz Mission: A Study in Bismarckian Foreign Policy // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd 51. 1992. Heft 1. S. 47–71.
175. *Stone J.* The War Scare of 1875 Revisited // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd 53. 1994. Heft 2. S. 309–326.
176. *Swartz M.* The politics of British foreign policy in the era of Disraeli and Gladstone. London, 1985.
177. *Taffs W.* Ambassador to Bismarck: Lord Odo Russell. London, 1938.
178. *Taithe B.* Citizenship and Wars: France in Turmoil 1870–1871. N. Y.; London: Routledge, 2001.

179. *Tint H.* The Patriotism of Gambetta: From Jacobinism to Combinazione // *The Review of Politics*. Vol. 24. 1962. № 3. P. 375–378.
180. *Trouillet B.* «Der Sieg des deutschen Schulmeisters» und seine Folgen für Frankreich, 1870–1914. Köln, 1991.
181. *Ullrich V.* Die nevöse Grossmacht. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs, 1871–1918. Frankfurt-am-Main, 1997.
182. *Varley K.* Under the Shadow of Defeat: The War of 1870–71 in French Memory. N. Y., 2008.
183. *Vogel J.* Nationen im Gleichschritt. Der Kult der “Nation in Waffen” in Deutschland und Frankreich, 1871–1914. Göttingen, 1997. (Kritischen Studien der Geschichtswissenschaft, 118).
184. *Völkel M.* Geschichte als Vergeltung. Zur Grundlegung des Revanchegedankens in der deutsch-französischen Historikerdiskussion von 1870/71 // *Historische Zeitschrift*. Bd 257. 1993. Heft 1. S. 63–107.
185. *Watrelot M.* Aux sources du «Tour de la France par deux enfants» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1999. P. 311–325.
186. *Weiss S.* Wilhelm Stieber, August Schluga von Rastefeld und Otto von Bismarck: Zu den Anfängen des deutschen Geheimdienstes // *Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*. Bd 31. 2004. S. 87–112.
187. *Wittram R.* Bismarck und Gorčakov im Mai 1875. Göttingen, 1955.
188. *Wittram R.* Bismarcks Rußlandpolitik nach der Reichsgründung // *Historische Zeitschrift*. Bd 186. 1958. Heft 2. S. 261–284.
189. *Wolter H.* Bismarcks Außenpolitik, 1871–1881. Berlin, 1983 (Schriften des Zentralinst für Geschichte Akad. der Wissenschaft der DDR. Bd 71).
190. *Wolter H.* Joseph Maria von Radowitz. Stationen einer diplomatischen Karriere / Gestalten der Bismarckzeit / Hrsg. von G. Seeber. Berlin, 1986. Bd II. S. 251–273.
191. *Zuber T.* Inventing the Schlieffen Plan: German War Planning, 1871–1914. Oxford: Oxford University Press, 2002.

РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ

1. *Amat J.-P.* France du Nord-Est, 1871–1914: Forêt et defense du territoire // *Revue stratégique*. Vol. 4. 1992. № 56. — Режим доступа: http://www.stratisc.org/strat_056_Amat.html. Дата посещения: 01.08.2011.

2. *Belot R.* Les paradoxes de la perception politique d'un monument patriotique: le Lion de Belfort // Cahiers de RECITS (Université de Technologie de Belfort-Montbéliard — UTBM). 2006. № 4. P. 17–43. — Режим доступа: www.utbm.fr/upload/gestionFichiers/cahier_recits_4_1292.pdf. Дата посещения: 14. 04. 2007.

3. *Berlière J.-M., Vogel M.* Aux origines de la police politique républicaine // Criminocorpus, revue hypermedia. — Режим доступа: <http://criminocorpus.revues.org/257>. Дата посещения: 01.08.2011.

4. *Forcade O.* Considération sur le renseignement, la défense nationale et l'État secret en France aux XIXe et XXe siècles // Revue historique des armées. 2007. N 247. P. 4–12. — Режим доступа: <http://rha.revues.org/index2013.html>. Дата посещения: 01.08. 2011.

5. *Guieu J.-M.* De la «paix armée» à la paix «tout court», la contribution des pacifistes français à une réforme du système international, 1871–1914 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. Vol. 2. 2010. № 32. P. 81–109. — Режим доступа: www.cairn.info/revue-bulletin-de-l-institut-pierre-renouvin-2010-2-page-81.htm. Дата посещения: 01.08.2011.

6. *Wallon P.* Henri Georges Stefan Adolph Oppen de Blowitz (1825–1903). Conférence sur de Blowitz donnée au château de Sassetot le mardi 3 août 2004. — Режим доступа: http://www.les-petites-dalles.org/Conf_Blowitz.html. Дата посещения: 04.02.2007.

Synopsis

As far as possible a book makes an attempt to reconstruct the versatile picture of relations between France and Germany within the first years after the end of The Franco-Prussian War of 1870–1871. During that period the role of neighbor for both countries' foreign and internal policy, including public consciousness and culture, was incomparably high. An American historian Allan Mitchell wasn't exaggerating, when he wrote following lines in one of his works: "The national history of France ended in the late nineteenth century with the Franco-Prussian War. Thereafter the experience of the French people was so intimately and inseparably related to that of their closest neighbor that a bilateral perspective becomes unavoidable".¹

However, the results of the Franco-Prussian War fixed in the states of a Frankfurt peace treaty, concerned not only the winner and the defeated side, welding together both countries with an unseen chain. According to the common point of view the treaty opened also the new chapter of the history of international cooperation at the end of the 19th century: the local war in the heart of Europe changed the situation on the diplomatic arena surprisingly fast. Namely in this meaning of the Frankfurt peace treaty as a cardinally changing the European balance keeps its actuality the analysis and observation of relations between the Great Powers during 1870s. Namely these years represent the time, when the basic priorities had been chosen, which estimation is constantly clarified, especially concerning the appearance of new factors and documents.

Inevitably important, unfortunately, still seems the problem of existing conflicts and reaching the balance in relations between the yesterday enemies. An observation of Franco-German relations in the first post-war years after the Frankfurt peace treaty becomes in this case its utter clearness, as far as it embraces the wider period with its logical end in 1914. Taking into account this final, Franco-German relations after 1871 represent a vivid and mostly negative example, what kind of situations should be avoided.

Franco-German relations after 1871 year are the relations of two politically new countries — The Third Republic in France and The German Second Empire. A big role in their formation played the foreign policy, a factor of their everyday intercommunication within the diplomatic practice

¹ *Mitchell A.* A Stranger in Paris: Germany's role in republican France, 1870–1940. N. Y.; Oxford, 2006. P. XII.

and within the more global and less tangible influence at a scale of the public consciousness.

These years in France were associated with reconsideration of the main causes of its defeat in the War, which results actually produced the question not only of the future existence of France as a great Power, but also of the present state's position on the international stage.

Material losses cannot provide an adequate picture, as far as do not demonstrate the real deep of a break, which can be only seen in dimension of generations. An experience of 1870 was taken by most part of Frenchmen as a national catastrophe. Among the results of this events was a big wave of reforms with a general aim not only filling in the losses, but also constructing a fundament of real modernization in France in all spheres.

So, France is in the central focus of attention, French point of view on the revival of its neighbor — German Empire. A fresh reaction of a nation on the situation was the basic cause to take into consideration the first decade after the war — from the signing of the Frankfurt peace treaty on 10th of May, 1871, till the retirement of Marshall MacMahon in 1879, on 30th of January. This chronological period in the life of the Third Republic, called the Republic without the republicans, meant the gradual change of an ideology and political elite. The detailed observation of those events is an object of another book. Within this work they just introduce the main direction of a narration in the first part of a book, which should provide the basic explanation to the most important problems, which characterized the Franco-German relations in 1870s.

The first 4 chapters give a wide characteristic of a postwar international policy direction of the both countries, point the basic priorities. This part of a book also emphasizes the German factor in the policy and diplomacy of the first two presidents of the Third Republic in France — Adolphe Thiers and MacMahon — as well as the basic principles of the continuous chancellor of the German Empire — Otto von Bismarck. Under the more scrupulous view is the culmination of the development of Franco-German relations during the first decade after war — the so called “war scare” of 1875.

The second part of this work is devoted to the versatile analysis of several key problems, which constructed the basis of the Third Republic's development, supported by the logic of the rivalry with the German Empire. Among such problems during the first decade after the war, as well as for the other periods, can be pointed the reorganization of French army (Chapter 5),

the aspect of German presence on the territory of France (Chapter 6), a phenomenon of the French revanchism (Chapter 7), and, at last, stereotypes of mutual perception by both French and German people of each other in the new conditions, a French view on the new German Empire (Chapter 8). Such an analysis was lead for the first time within the limits of the historiography of Russia of the Franco-German relation in the last decades of the 19th century.

The author aimed to avoid the traditional for Russian historiography focus on the conflicts between France and Germany in the given period. But it is absolutely clear, that the history of both countries could not be described as only “the history of conflicts”. The other aim was also to keep off the needles recapitulation of facts, which were examined in the previous works, especially the subject of Russian-French cooperation. Not limiting the Russia factor’s importance, there is a need in examination of the French-German relations as an independent factor.

The examination of the first decade since the Sedan catastrophe appears as the utterly serious question. Namely these years were the period of the formation of the political structure of the Third Republic, which will last for 70 years till the next attack from Germany — the catastrophe of 1940. Namely during these years the German influence on the international and internal policy, cultural and public consciousness of France was especially serious. Germany was the ideal to be adored, to be competed with and to be longed for. Berlin understood the power of its position and did not hide its aspiration to show the direction of international evolution for France, which was comfortable for Germany, if the French people wanted to escape the new confrontation.

The origin of the given and future conflicts between France and Germany took its source in the states of the Frankfurt peace treaty, which Bismarck surely understood. He considered, that the hostility of France after the war was inevitable, and this point of view shared many representatives of German intellectual and political elite. The constant tendency of French revanchism was immediately taken by German people as an axiom.

The main principle of Bismarck’s policy after the war was very simple: “the hostility of France obliges us to make her weak”. He did not changed his point of view till the end of his chancellorship. So, the strong firm seemed the position of France, the more intensive was Bismarck’s confrontation against it. However, we could not state, that the Franco-German in 1870s were at the

edge of breaking out in an opened war. In spite of all provocative demarches of Bismarck, the basic political priority of the German chancellor remained the realization of all states of the Frankfurt peace treaty.

First of all, Bismarck was a great manipulator, who reached his goals with the help of diplomacy and provocative campaigns in press. Of course, when he faced the possibility of a new war with France, he was not worried. But he scarcely forgot an experience of the last war, when his power was partly grabbed by military generals and he lost control over some aspects of the internal policy. He clearly felt the balance, when the international threat could burst out in an opened confrontation. That is why he concentrated on fixing the seized borders.

In the spring of 1875 Bismarck started his favorite “war of nerves”. Its main goal was to slow the postwar military revival of France, to draw the attention of European elites to the French revanchism and to gain on this base some new guarantees of safety in addition to the Frankfurt peace treaty. Not occasionally Berlin rose a question concerning the updating of the French forces as a war preparations, and proposed to limit those actions. Taking into an account the fact, that Marshall Moltke noted, that German army could hardly hope to receive such a gift from European Powers, but if there followed just a moral condemnation in the form of “advises to be more careful and patient” — it could become a big significance in the international relations of the period.

During all these years Bismarck constantly predicted that a new war between France and Germany seemed inevitable. Those predictions of the chancellor were a moral and public fundament to justify a discussion about the preventive intrusion. But this opinion zip directed in both ways — to German people and to the European countries in order to find a general decision of the salvation of Franco-German conflict, which had all chances to become a start of a Europe’s wide conflict. One of alternatives could be proposed — was the condemnation of the French strivings for returning the lost territories.

But it was in spring of 1875, when Bismarck probably for the first time did not cope with a situation and passed a carte-blanche to the Duc Decazes, the minister of foreign affairs of France, who made his best to turn the common Visit of Alexander II in a form of an intrusion in new Franco-German conflict, and Bismarck faced the situation, when he was bringing humiliating apologizes. To turn the crisis in its turn, the French administration decided

to undertake a deliberate exaggeration of an immediate threat of war in Europe. Fixing this fact, one can understand the justification of the Quai d'Orsay's policy. The Ministry just used the political situation, like Bismarck did, many times before. The Duc Decazes not only surpassed Bismarck in cooperation with European cabinets, but also turned against Bismarck his beloved weapon — the press.

At that the end of the “war scare” of 1875 didn't become a real bifurcation point in Franco-German relations. It did not actually produced dramatical changes, not in Bismarck political principles concerning France, nor in relations between both countries. An idea of an immediate war was widely spread in France, and in Germany as well, both governments took this threat into account while their dialogue started improve slowly.

However, Bismarck was sincere enough in his search for a possible alternative to war with France. This position was firmly occupied by the German diplomacy after the crisis of 1875. On the other hand the same was with France, which unclear assurances to reach the compromise with Germany still were not officially confirmed till the end of 1870s. Although France did not refused its thesis concerning unfairness of the states of the Frankfurt peace treaty, despite this fact had the strongest interest in rapprochement with its enemy. Right since the first years after the war French government proposed some symbolic actions, which aim was to soften at a large scale the tension in relations with Germany. For example France took part in construction of monuments in honor of the war heroes, financing the art devoted to the war period, and officially condemned attempts on lives of the German Elite.

Anyway the main basis of French development was the idea of revanchism, which by the way should be considered at a wider scale, than it is represented in Russian (Soviet) historiography. French revanchism by itself is to a certain extent a powerful historical myth, which takes its sources in both World Wars of the 20th century and which draws Franco-German relations in the most dark colors.² But the last decades of the 19th century — including the first decade after the Franco-Prussian war — surely did not seem for the contemporaries as a period of the sacred hatred towards Germany.

Especially clear this fact was for the French ruling elite, which mostly had mixed feelings about Germany: fear, but on the other hand a very strong wish to compete, feeling of respectfulness and even adoration, but not sym-

² *Chrastil R.* Organizing for war: France, 1870–1914. Baton Rouge, 2010. P. 44.

pathy of course. The generation of 1870s was not ready to forget the results of the war — this idea was accompanied by the interpretation of a German success as a natural phenomenon and thus the developmental lag of France in different spheres. That is why the revanchism for French people meant not only preparing before the just war, not only revival of a national prestige, but also competition with a German success, modernization, which was the first and necessary precondition for a future military success.

Both French political, culture and war elite, and common masses supposed the revanchism as a deal of future generations. For representatives of the French army Germany become through these years the most wanted and practically the one enemy, which was an orienteer for all war preparations after 1871. Those preparations take form of wide borrowings from the Prussian forces: from the introduction of a compulsory military service and army organizations according to 18 military districts, to regulations, which provided compensations for peasants for their territories, damaged through the military manoeuvres. But all official discussions about the possibilities of bursting out a new war with Germany were a prohibited subject among the political and diplomatic elites. But on the other hand the French government constantly raise a problem of Alsace-Lorraine territories, supporting the hope to solve this problem by peace methods. Especially important fact in this situation was that all Great Powers, including Russia, were from the very beginning on the side of France in this question, emphasizing the correctness and rightness of French position.

Observing the policy of the French politicians, it should be noted, that no one of them, despite the German provocations, didn't considered the close perspective of a revanchist war seriously. More to say, relying on reports of a Russian ambassador in France, N. A. Orlov, forms an impression, that revanchism of A. Thiers was far more deeper, than that of the Marshall McMahon or of another main figures of the French international policy — Duc de Broglie and DucDecazes. So, all these aspects tell, that during the first decade after the war the French administration was not preparing any offensive war plans against Germany in order to get back Alsace-Lorraine.

Even for A. Thiers the most important purpose to follow besides the execution of the states of the peace treaty and avoiding the internal revolutionary threat was a search of a new way of returning the former status of France in its internal affairs, which vividly showed the eager interest to contemporary events in Spain. A. Thiers and his successors actually understood

the real French position in a possible future confrontation with Germany and also knew, that there was a strong need in allies. But before leading any negotiations with potential allies France was facing the problem of its forces revival, by the way fixing the balance in the internal policy and recovering the confidence, which was a very hard goal. That is why politicians of the Third Republic during the first years after war absolutely excluded the method of provocations on the international arena, what was so characterizing of the previous period.

An aspiration to penetrate in the plans of a neighbor, eager measures of the last to avoid any such actions in its turn, mainly constructed a firm fundament of Franco-German policies. After Franco-Prussian war changed the understanding of a problem of "German presence" on the French territory, which expressed itself in the actions of the French war and political reconnaissance and counter-intelligence. Work of the French special services in many respects remained imperfect, and a quality level of the received data was low. But without any doubts the information received from Germany by some private channels, rendered a great influence on decisions, undertaken by the French management. The Franco-German border and frontier areas of both states become arena of the hidden antagonism.

Frequent change of offices, intrigues of monarchic fractions and political crisis didn't exclude steady continuity of a foreign policy and the policy of reorganization of armed forces of France. It could be mainly explained by the especial positions of the first presidents of the Third Republic. Thiers and MacMahon made a considerable impact on country development, rather than it was prescribed for their successors by the Constitution of the 1875, which has fixed a parliamentary republic in the country. A. Thiers controlled actually all the spheres of internal policy, he entirely defined the native foreign policy. Marshal MacMahon, having conceded at a big scale the initiative in political sphere of the nearest advisers, up to the end of 1877 supported a principle of formation of the government, which would enjoy confidence of the president, instead of the National Assembly. Both Thiers and MacMahon defined key aspects of military reorganization, leaving behind the figures of Ministers of War on the second plan.

Splash of patriotic feelings of the Frenchmen, shown in various essences, became result of the war. Firstly prevailed what can be called a "mournful patriotism", and examples of "militant patriotism" could be found only in scientific polemics, literature and on a theatrical stage. The starting point of

the Revenge as a final vengeance should become a reconsideration of war 1870–1871. Without any doubts heroization of France's defeats, appeals to a revenge in science, fiction and arts already in 1870th years have put those bases, which subsequently this movement has got political expression on.

The success of similar aggressive rhetoric within the French public, however, didn't mean determination of Frenchmen to be at war as soon as possible again. The fear concerning a new war prevailed in consciousness of Frenchmen, and Germans, although it didn't made them pacifists. Nevertheless, already in the first post-war decade there were those in France, who called for Franco-German reconciliation, who searched for alternatives to war. However even this part of the French intellectual elite wasn't ready to recognize war results fair. With all its paradox, it meant that there were no alternatives to war actions indeed.

It should be noted, first and last, that the reaction of the French and German writers, scientists and publicists on fatal events of 1870–1871 differed with its variety and an extreme emotionality. Almost all of them had to endure serious reconsideration of the French status and the world surrounding it. War 1870–1871 did not practically left significant changes in the public consciousness of Frenchmen concerning the national idea of superiority in intellectual sphere. But views on Germany changed a lot. The secret of its success, weaknesses and strengths of a new empire were fundamentally analyzed. Widely spread was a representation about “incompleteness”, “dualities” of the German empire, where Prussia was opposed to other Germany. Similar logic conceptions, taking into account all its artificiality, promoted softening of inevitable displays of Germanophobia in France. Both in France and in Germany has quickly rooted itself an idea, that information about the neighbor became since that time an essential guarantee of its safety and the very existence.

Research was made on the basis of the analysis of materials of Archive of foreign policy of the Russian empire in Moscow, the Russian state archive of Navy in St.-Petersburg and archive of Department of the land forces of the Historical service of the Ministry of Defence of France in Paris. Among the sources was used also a wide spectrum of published documents, numerous sources of a personal origin (diaries, memoirs, correspondence), the press, publicism, fiction and also works of art of the given period.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абзак, маркиз д': 147
Августа, германская императрица: 30, 114, 120, 123
Авон, капитан: 191, 192, 197–199
Адамс: 94
Адан, Жюльетта: 32, 110, 276, 286, 287, 298, 312
Александр II: 15, 42, 52, 70, 74, 86, 87, 96, 97, 102–104, 109, 110, 112, 114, 116–120, 122, 127–129, 132, 245, 308, 330
Альвенслебен, Фридрих-Иоганн фон: 84
Альфонс XII, испанский король: 118
Андраши, Дьюла, граф: 70, 89, 90, 93, 120, 129
Анот, Габриэль: 104, 141
Анрион, Луи, генерал: 174, 251
Антюхина-Московченко, Вера Ивановна: 15
Арним, Гарри фон: 25, 26, 28, 30, 33, 34, 41, 42, 46–48, 54, 63, 64, 67, 68, 100, 108, 124, 125, 139, 140, 149, 222, 249, 250, 329
Арсеньев, Константин Константинович: 301
Ассолан, Альфред: 219
- Базен, Франсуа-Ашиль, маршал: 51, 176, 221, 288
Бальхаузен, Лукиус: 90
Банж, Шарль Рагон де: 187
Барай, Франсуа-Шарль дю, генерал: 32, 163, 167, 168, 173, 176, 190, 206, 209, 210, 229
Бародэ, Дезире: 44
Баррес, Морис: 297
Барри, полковник: 161
Бартольди, Фредерик-Огюст: 151, 263–265, 267
Беккер, Аннет: 153
Беккер, Франк: 261
Бертен: 23, 24
Берто, Жан-Огюст: 138, 214
Бейст, Фридрих Фердинанд: 44
Бисмарк, Отто фон: 11, 13, 15, 17–20, 22, 23, 25–31, 34, 41–43, 45–50, 53–57, 61–63, 65, 67–79, 81–88, 90–98, 100–102, 105, 107–109, 111–113, 116–132, 138–140, 142, 144, 146, 148, 149, 153–155, 163, 167, 219, 221, 222, 230–232, 245, 246, 248, 249, 253–257, 266, 269, 276, 278, 281, 283, 289, 296, 301, 308, 309, 320, 325, 328–331
Блаказ: 60, 61

Блан, Тереза (Теодор Бензон): 258, 278
Блейхрёдер, Герсон: 13, 15, 28, 29, 58, 124
Бло, генерал: 226
Бловиц, Генри (Адольф Оппер): 106–109, 223
Блюм, Ганс: 100
Божино, Фредерик: 152
Борисов, Юрий Васильевич: 124
Борель, Жан-Луи: 143, 173, 206, 231, 232
Бреаль, Мишель: 279, 320
Бриан, Аристид: 65
Брисоннэ, сержант: 230
Брогэн, Дэнис: 59
Брольи, Альбер герцог де: 30, 39, 40, 44, 48, 54–56, 59, 60, 63, 65, 67, 69, 72, 73, 76, 137, 141, 255, 333
Брольи, Габриэль: 51, 210
Буассье, Гастон: 279
Буланже, Жорж: 193, 297, 335
Бурбаки, Шарль Дени, генерал: 165
Буффэ, Луи: 234
Бухер, Лотарь: 49, 69, 90, 124
Буш, Мориц: 49
Бюлов, Бернхард фон: 68, 92, 93, 100, 105, 106, 112, 248
Бюлов, майор фон: 81

Ваддингтон, Генри: 142
Вайль, Альфонс: 279
Вайс, Стефан: 220
Валевский, граф: 65
Валентэн: 234, 235
Вальдерзее, Альфред фон: 22, 222
Вансон, Эмиль: 223, 225, 229
Вашбёрн, Элиу Бенджамин: 217
Вельсиев, А. М.: 220
Вельсиев, И. В.: 220
Верден, Эмиль: 250
Вердер, Бернгард-Франц-Вильгельм, генерал: 97
Веренпфенниг, Вильгельм: 18, 86, 91, 283, 310, 314
Вернер, Антон фон: 154
Виктор-Иммануил II, итальянский король: 56, 87, 89
Виктория, английская королева: 70, 113, 114, 116, 123

- Вильгельм I: 14, 19, 20, 27, 42, 47, 48, 70, 92, 93, 98, 103, 109, 116, 118–120, 127, 147, 150, 154, 155, 175, 232, 245, 266, 308
Вильденбрух, Эрнст фон: 260
Вильер, Дюран де, генерал: 182
Вимпфен, Эммануил-Феликс, генерал: 288
- Габриак, Жозеф, маркиз де: 17–19, 22, 23
Гавар, Шарль: 95, 107, 110–113, 115
Гайар, полковник: 134, 160
Гамбетта, Леон: 137, 141, 142, 148, 154, 164, 166, 169, 256, 257, 296, 312
Гарибальди, Джузеппе: 289
Гаспарэн, Агенор де: 294
Гацфельдт, прицесса: 93
Гейбель, Эммануил: 318
Генрих V (см. Шамбор)
Гёдэ-Бауманс, Беата: 304
Гизо, Франсуа: 65
Гонто-Бирон, Арман Эли: 29–31, 43, 47–49, 64, 66–69, 74, 75, 93, 99, 100, 103, 104, 106, 107, 111, 121–123, 142, 147, 255
Горчаков, Александр Михайлович: 70, 74, 76, 82, 84, 85, 87, 96, 100, 104, 114, 119–123, 131, 132, 245–249
Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, Хлодвиг цу: 78, 81, 91, 92, 99, 100, 104–108, 127, 139, 147, 188, 222, 227, 240, 248, 257, 284
Гольштейн, Фридрих фон: 28, 188
Гонкур, Эдмон де: 311
Гра, Базиль: 185
Греви, Жюль: 141
Гримм, Вильгельм: 284
Гримм, Герман: 284, 285, 314, 315
Гуцков, Карл: 325
Гюго, Виктор: 267, 293, 301, 324
- Данген, Эдуард: 269
Данфер-Рошро, Аристид: 263–265
Д'Арк, Жанна: 298
Деказ, Луи-Шарль герцог: 49, 65, 66, 70, 73–77, 81, 87, 92, 94, 99, 103–108, 110, 111, 121, 123–125, 128, 131, 132, 140–142, 149, 188, 227, 229, 237, 240, 255, 320, 330, 331, 333
Делафутри, Проспер: 293
Делькассе, Теофиль: 65

- Дельтур, Феликс: 279
Демулен, Август: 294, 295
Дерби, Эдуард, лорд Стенли: 94–96, 103, 110–116, 119, 125–127, 129, 130, 132
Дерулед, Поль: 151, 193, 272–277, 280, 298
Дешанель, Поль: 151
Дижон, Клод: 304
Дизраэли, Бенджамин, лорд Беконсфильд: 94, 113–117, 128, 129, 132
Додэ, Альфонс: 277
Додэ, Эрнест: 107
Доннесмарк, Хенкель: 13, 15, 151
Достоевский, Федор Михайлович: 243
Дрейфус, Альфред: 226, 242, 335
Дуэ, Феликс, генерал: 190, 203, 206, 234, 239
Дюкро, Огюст-Александр, генерал: 60, 206
Дюма-отец, Александр: 59
Дюма-сын, Александр: 276
Дюфор, Арман: 138, 143, 148
- Жи**рарден, Эмиль де: 150, 151
Жомини, Александр Генрихович: 125
Жоффрэ, Жан-Шарль: 158, 211
Жоли, Бертран: 275
Жорегиберри, Жан-Бернар: 164
Жюль, Симон: 39, 146, 279
- Зайончковский, Андрей Медардович: 159
Зибель, Генрих фон: 316, 318, 320
Золя, Эмиль: 266, 267, 312, 313
- И**збел, Джон: 302
Иппо, Селестин: 279
- Й**орг, Эдмунд: 77
- Каеке, Арнольд Карл Георг фон, генерал: 83
Кампьяннэ, Эмиль: 223
Канробер, Франсуа, маршал: 50, 167, 170, 175, 206
Кантер, С.: 164, 167
Кану, генерал: 187, 206

- Карл X, французский король: 38
Карлос-младший (Карл VII), дон: 118
Каро, Элме Мари: 301, 302
Кастро, Алехандро де: 118
Келлер: 265
Кемпф, комиссар: 234–237
Кеннан, Дж. Ф.: 96
Керн, Иоганн Конрад: 217
Кинглейк, Александр: 43
Кларети, Жюль: 270–272, 297
Кларк, Игнатий Ф.: 268
Коппэ, Франсуа: 261, 265, 266, 297, 325, 326
Корвин-Круковский, Петр (псевд. Пьер Невский): 276
Коэн, Жюль: 309
Криспи, Франческо: 296
Крузе, Генрих: 80, 88, 89, 101
Крупп, Альфред: 58, 186, 187, 302
Кудрявский, Христиан Емельянович: 118
Кульман: 74
Кэрролл, Эбер Малькольм: 48, 110
- Лависс, Эрнест: 255, 256, 306–310, 312
Ладмиро, Луи Рене Поль де, генерал: 167
Лайонс, Ричард, лорд: 94, 123
Ламбер, майор: 261
Лангенау, Фердинанд, барон фон: 88, 119
Ландсберг, Эмиль: 124
Лапорт, Мишель: 293
Лаур, Август: 219
Ла Ферронэ (Анри Феррон), маркиз де: 133, 135
Лебёф, Эдмон, маршал: 50
Леви, Мишель: 272
Леже, Луи: 276
Лемонье, Шарль: 289, 293
Леопольд II, бельгийский король: 118
Лессепс, Фердинанд: 124
Лефло, Адольф, генерал: 70, 96, 97, 104, 133, 160, 161, 247, 248
Лефорт, капитан: 211
Лефранк, Виктор: 250
Линдау, Рудольф: 29, 322

Лорен, Софи: 296

Луи-Наполеон, наследный принц (Наполеон IV): 38, 255, 256

Луи-Филипп, французский король: 27, 38

Людовик XIV: 175, 231

Мадай, Отто Карл фон: 155

Мак-Магон, Морис, герцог Маджента: 11, 32, 44, 46–54, 60–62, 69, 74, 76–77, 83, 91, 92, 97, 117, 130, 137, 138, 141, 143, 147, 153, 157, 159, 162, 167, 170, 171, 181, 183, 186, 187, 189, 191, 193, 206, 209–211, 221, 222, 227, 239, 253, 254, 257, 274, 297, 319, 333, 334

Мантейфель, Эдвин фон, генерал: 19, 20, 22, 23, 25, 33, 34, 41, 48, 87, 142, 166, 223, 254

Манфред, Альбер Захарович: 19, 28, 66, 142, 159, 160, 165, 247

Маргерит, Жан-Август, генерал: 266

Марсер, Эмиль: 143

Матьё, кардинал: 265

Мезьер, Альфред: 301

Мериме, Проспер: 303

Мёллер, Эдуард фон: 231

Милютин, Дмитрий Алексеевич: 118, 119, 126, 134, 144

Мирибель, генерал: 206, 207

Митчелл, Алан: 7, 139, 171, 211, 287

Михаил Николаевич, великий князь: 127

Модестов В. И.: 37, 243, 287, 310, 320

Мольтке, Гельмут фон, фельдмаршал: 67, 92, 100, 101–103, 106, 121, 131, 145–147, 163, 172, 179, 184, 194, 196, 197, 200, 206–208, 221, 222, 268, 278, 330

Мольтке-младший, Гельмут фон, генерал: 147, 261

Моммзен, Теодор: 284

Моно, Габриэль: 279

Монтейет, Жозеф: 210

Моррас, Шарль: 297

Мунье, генерал: 239

Мюнстер, Георг Герберт: 82, 95, 112, 114

Наполеон I: 36, 112, 113, 116, 119, 197, 209, 259

Наполеон III: 27, 38, 50, 51, 97, 248, 255, 260, 270, 302, 314–316

Невахович, Николай Александрович: 162

Невиль, Альфонс де: 260–262, 267

Невский, Пьер (см. Корвин-Круковский)

Нора, Пьер: 309

Нордау, Макс (Симон Зюдфельд): 218, 272, 274, 285–289, 322–324

Нотомб, Жан Батист, барон: 101

Обер, капитан: 261

Одуэн-Рузо, Стефан: 244

Озерова, Надежда Ивановна: 85

Окунев, Григорий Николаевич: 217

Омальский, герцог: 27, 167, 168, 206, 239

Оппенгейм, Авраам: 15, 58

Орлов, Николай Алексеевич: 35, 41, 47, 52–55, 61, 62, 65, 66, 76, 109, 117, 118, 123, 138, 189, 246, 251, 252, 254, 332

Островский, Николай Иванович: 144

Оффенбах, Жак: 217, 218

Парижский, граф: 38, 59

Пароди, Александр: 288

Пас, Эжен: 193

Пасси, Фредерик: 289–292

Пастер, Луи: 281, 282

Пехт, Фридрих: 259, 260

Пешель, Оскар: 278

Пий IX, папа римский: 56, 64, 72, 75

Пикар, Эрнест: 39

Плантье, епископ: 68

Плетр, Себастьян ле, маркиз Вобан: 175, 231

Полиньяк, князь: 93, 133, 225

Порч, Дуглас: 167

Пуйе-Кертье, Огюстен: 14, 19, 22

Пюимеж, Жерар де: 277

Рабьер, Альфонс: 279

Радовиц, Йозеф-Мария фон: 83–87, 99, 100, 103, 106, 107, 109, 111, 121, 122, 127, 147, 189

Ранке, Леопольд фон: 20, 254, 284

Рассел, Одо: 61, 67, 74, 93, 95, 99, 101, 103, 110–112, 114–116, 119–121, 125, 126, 128

Рассел, Артур: 121

Растенфельд, Август-Шлюга фон: 221, 222

Редвиц, Оскар: 318

Ремюза, Шарль де: 22, 24, 43, 251
Ренан, Эрнест: 290, 291, 303–305, 311, 319
Рене, генерал: 186
Рено, Леон: 222, 223
Ренуар, прокурор: 218
Реффи, Жан-Батист Вершер де: 186, 187
Рейсс, Генрих фон: 69, 84
Рёсслер, Константин: 90, 91
Рихтер, Максимилиан: 318
Робер, Ф.: 185, 194–199, 210
Розен, Георг: 85
Ротшильды: 124
Рошбуэ, Гаэтан де, генерал: 138, 187
Руэр, Эжен: 255

Сабуров, Петр Александрович: 106
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович: 305
Сальватор, эрцгерцог Иоганн: 88
Самюэль, Авраам: 223
Сандер, Жан-Конрад: 226, 242
Сарду, Викторьен: 219
Сен-Валье, Шарль граф де: 20, 22, 33, 34, 48, 142, 166, 251
Сере де Ривьер, Раймон: 159, 175–179, 182–184, 206, 209, 213
Сиссэ, Эрнест, генерал: 31, 32, 53, 133, 161, 163, 167, 174, 185, 188, 189, 191, 224, 234, 250, 251
Сорель, Альбер: 282, 320–322
Сталь, Жермена де: 301, 302
Стернхел, Зеев: 273
Стивенсон, Роберт Льюис: 220, 272
Стоун, Джеймс: 76, 86, 148
Стремоухов, Петр Николаевич: 84

Тарле, Евгений Викторович: 159
Татищев Сергей Спиридонович: 128
Тейлор, Алан Джон Персиваль: 105, 245
Тэн, Ипполит: 300, 311, 319
Тэт, Бертран: 216, 298
Тидеман, Кристоф фон: 92, 123, 124
Тиссо, Виктор: 305, 306, 321–324
Токвиль, Алексис де: 319

Трейчке, Генрих фон: 27, 85, 86, 283, 319

Тресков, генерал фон: 34

Трубецкая, Елизавета: 76

Тьер, Адольф: 11, 13, 15, 16, 18–20, 22, 23, 25, 27–47, 49–51, 53, 54, 72, 76,
137, 141, 147, 151, 157, 159, 162–169, 171, 173, 181, 186, 193, 209, 213,
222, 223, 245, 248–254, 256, 257, 266, 297, 315, 216, 319, 329, 332, 334

Убри Павел Петрович: 79, 82, 84, 89, 112, 119, 123, 127

Узингер, Рудольф: 317

Фавр, Жюль: 14–17

Фелемер: 24

Ферри, Жюль: 136, 148, 256, 257

Флобер, Густав: 311

Фонтане, Теодор: 324

Форжо, генерал Жюль: 167, 187, 188

Франц-Иосиф: 70, 87, 245, 308

Фрейтаг, Густав: 25, 51

Фридрих II (Великий): 93, 101

Фридрих (Фридрих III), германский кронпринц: 27, 89, 96, 120

Фридрих, великий герцог Баденский: 325

Фуйе, Огюстина: 280

Фулон, епископ: 62, 63, 71

Фурту, Мари-Франсуа: 67, 137

Фюстель де Куланж, Нума: 280, 281

Хансен: 222

Хартсхорн, Ричард: 14

Хартунг, Фриц: 28

Хвостов Владимир Михайлович: 159

Хиллебранд, Карл: 319, 320

Хирш, барон: 125

Цубер, Теренс: 196

Чесни, Джордж: 268

Честерфилд, леди: 116

Шааршмидт, Фридрих: 263

Шабо-Латур, Франсуа, генерал: 167

Шамбор (Генрих V), Анри Шарль, граф де: 38, 42, 59–62
Шангарнье, Николя, генерал: 49
Шанзи, Антуан, генерал: 165
Шаретон, Жан-Жозеф, генерал: 171
Шарль, Кристоф: 259, 297, 311
Шасслу-Лоба, Проспер: 159
Шатобриан, Франсуа Рене де: 59
Шеваль, Рене: 326
Шербюлье, Виктор: 260, 316, 317
Шестаков, Иван Алексеевич, контр-адмирал: 246
Шивельбуш, Вольфганг: 256, 293
Шишкин, Николай Павлович: 85
Шлютер, Йозеф: 285, 286
Шнебеле, Гийом (Вильгельм): 141, 146, 228, 232
Шпильгаген, Фридрих: 324, 325
Штайнбах, Кристоф: 30, 249
Штибер, Вильгельм: 221, 222
Шовэ, Эммануэль: 293
Шувалов, Петр Андреевич: 114, 116, 124–129

Эдиги, Карл Людвиг: 80, 85, 88, 101
Эдуард (Эдуард VII), принц Уэльский: 82, 96
Элчо, лорд: 268
Эль, Шарль д': 58
Энгельс, Фридрих: 49
Эрлангер, Рафаэль: 125

******Научное издание*

”

”

”

**Первые годы после Седана:
германский фактор французской политики,
общественного сознания и культуры в 1870-е годы**

Редактор *А. О. Федотова*

Корректор *Н. В. Бакланова*

Верстка *Л. А. Шитовой*

Обложка *Е. И. Егоровой*

Оригинал-макет подготовлен
Отделом информационного обеспечения научных исследований
по направлению история, психология, философия УНИ СПбГУ

Подписано в печать 22.12.2011. Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 23,5. Тираж 150 экз. Заказ 01/02-12

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе исторического факультета СПбГУ